

«1917 ГОД. ЭПОХА ПЕРЕМЕН»

————— К СТОЛЕТИЮ —————
ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ТОМ 1

Сборник статей студенческих секций
Всероссийской научной конференции
с международным участием

Оренбург
2018

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации
Кафедра истории Отечества

«1917 ГОД. ЭПОХА ПЕРЕМЕН»
(К СТОЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ)
ТОМ 1
(Сборник статей научной конференции с международным участием)

Оренбург
2018

УДК 94(47).084.2(063)

ББК 63.3(2)611–08

Т 93

Научные редакторы:

Г.В. Савицкий, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Отечества Оренбургского государственного медицинского университета.

Г.Б. Брагиров, кандидат исторических наук, доцент, научный руководитель студенческого научного кружка кафедры истории Отечества Оренбургского государственного медицинского университета.

А.В. Пахомов, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества Оренбургского государственного медицинского университета.

«1917 ГОД. ЭПОХА ПЕРЕМЕН» (К СТОЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ): Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (28 ноября 2017 г.) в 2 т. Т. 1 : сб. статей / науч. ред. Г.В. Савицкий, Г.Б. Брагиров, А.В. Пахомов.– Оренбург : Издательство ОрГМУ, 2018. – 355 с.

ISBN

Данный сборник статей составлен по итогам Всероссийской научной конференции с международным участием «1917 ГОД. ЭПОХА ПЕРЕМЕН» (К СТОЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ), состоявшейся 28 ноября 2017 г. в Оренбургском государственном медицинском университете. Первый том включает результаты 52 научных исследований, посвящённых различным актуальным проблемам изучения событий и последствий Великой Русской революции 1917 г.

УДК 94(47).084.2(063)

ББК 63.3(2)611–08

Т 93

СОДЕРЖАНИЕ

Савицкий Г.В., Брагиров Г.Б., Пахомов А.В.

«1917 ГОД. ЭПОХА ПЕРЕМЕН»: ОБЗОР ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ (К СТОЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ)9

СТОЛЕТИЕ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ –

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ЕЁ ЗНАЧЕНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЙ

Абрамова И.Е., Склярова Е.К., Камалова О.Н.

СТАНОВЛЕНИЕ ДОНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ГОДЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.12

Акимов А.В.

ПРИЧИНЫ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ 1917 ГОДА.....19

Бендрикова А.Ю.

РЕВОЛЮЦИЯ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ.....25

Брагиров Г.Б.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗРЕЛИЩНЫХ ФОРМ ИСКУССТВА ДЛЯ ПРОПАГАНДЫ ИДЕЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1920–1930-Х гг.32

Волошина Л.А., Леонтьева Е.А.

ЛИКВИДАЦИЯ НЕГРАМОТНОСТИ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ ЮЖНОГО УРАЛА).....39

Ермакова М.А., Ляшенко А.А.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВВЕДЕНИЯ КОМПЛЕКСА «ГОТОВ К ТРУДУ И ОБОРОНЕ» В ПЕРИОД 1917-1940 ГГ.44

Завадская А.В.

ВЛИЯНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА).....51

Зимин И.В., Журавлёв А.А. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДИРЕКТОРА ПЕТРОГРАДСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА Б.В. ВЕРХОВСКОГО В ПЕРИОД СОЦИАЛЬНЫХ ПОТряСЕНИЙ 1917 ГОДА.....	55
Кибасова Г.П. БОЛЬШЕВИКИ, МЕНЬШЕВИКИ, ЭСЕРЫ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ 1917 Г.	63
Киньябулатов А.У., Шарафутдинова Н.Х., Павлова М.Ю., Каримов М.А., Фаюршин А.З. ПЕРВЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ БАШКИРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА МСТИСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ КУЛАЕВ – УРОЖЕНЕЦ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ.....	70
Лебедева Е.Н., Афонина С.Н., Мачнева И.В. СУДЬБА ПЕРЕЧЕРКНУТАЯ РЕВОЛЮЦИЕЙ.....	78
Лебедева Е.Н., Афонина С.Н., Мачнева И.В. ЖИЗНЬ М. ЦВЕТА КАК ОТРАЖЕНИЕ ТРАГИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ РОССИИ.....	86
Лобанов А.Ю., Паренькова О.Р. МОСКОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КЛИНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ – МЕДВУЗ В ПЕРИОД ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА	94
Лопарева М. А, Кузнецова О.В., Плотникова И.Г. ВЛИЯНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА РАЗВИТИЕ ФИЗИКИ В РОССИИ.....	99
Лутцев М.В. ДО И ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ 1917 Г.: ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО АВТОРИТАРИЗМА (ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ).....	105
Мелехин В.А., Старчикова М.В. ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА КАК НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ.....	115

Мишучков А.А., Мишучкова А.В.	
ОБРАЗ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ПОЭЗИИ А.Ф. РЯЗАНОВА.....	121
Нагорная С. В., Барбашова Ю.С., Кракосевич Е.А.	
ЗАСЛУГИ РЕКТОРА СМОЛЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА Н. Н. РОВИНСКОГО В СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	130
Окопная О.П.	
ЧЕГО ЖДАЛА ОТ РЕВОЛЮЦИИ РОССИЙСКАЯ БУРЖУАЗИЯ? (НА ПРИЕМЕ ВЗГЛЯДОВ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н.Е. ПАРАМОНОВА).....	134
Пахомов А.В.	
У ИСТОКОВ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.: ПЕРВЫЕ МАРКСИСТСКИЕ КРУЖКИ В ОРЕНБУРЖЬЕ.....	140
Приказчикова О.В.	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ ЛЕНИНСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ О СОВЕТАХ КАК ОРГАНАХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА.....	145
Савицкий Г.В., Начкина В.С.	
ОТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ К СССР: ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ СТРАНЫ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ	152
Ситкевич С.А., Гресь С.М.	
СОБЫТИЯ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛКОВЫССКОГО УЕЗДА.....	167
Ситкевич С.А., Ярмолевич Д.А.	
РАЗРУШЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД.....	172
Четвериков С.А.	
ВЛИЯНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ НА РЕПЕРТУАР ОРЕНБУРГСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ В 1917 ГОДУ.....	176

Чижкова М.Б.	
ОКтябрьская революция 1917 года и становление марксистской психологии в России.....	182
Шевлюк Н.Н.	
Некоторые вопросы реформирования системы образования в России и СССР в 20-30-е годы XX века.....	189
Щеглова М.И.	
Исход: реакция идеализма на идеологические основания революции 1917 года.....	193
Юдина Т.А.	
О реформе русского правописания 1917–1918 гг.....	199

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ МЕДИЦИНА В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТрясений начала XX века

Апрелев А.Е., Чупров А.Д., Горбунов А.А., Астафьев И.В., Воронина А.Е., Исеркпова А.М., Коршунова Р.В., Козлова Е.С.	
Российская офтальмология до и после русской революции 1917 года.....	203
Борщук Е.Л., Верещагин Н.Н., Калинина Т.Н., Дуйсенбаева А.Ш.	
Эпидемия холеры в г.Оренбурге в 1903 году. хронология событий.....	210
Будза В.Г., Чалая Е.Б., Друзь В.Ф., Антохин Е.Ю.	
Становление психиатрической службы и системы образования в Оренбургской области.....	215
Васильева А.В., Горина О.А., Самойлов М.И.	
Заболееваемость и преобразование системы здравоохранения в период 1917-1921 гг. на примере города Петрограда.....	223
Вялкова А.А.	
Педиатрия в России устояла... (история общества детских врачей – это история заботы о будущем).....	227

Галлямова И.И., Самойлов М.И. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ.....	239
Григорян А.А., Дворецкий Н.Н., Шашмурина А.Б., Нагорная С.В. МЕДИЦИНСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОСТИ СМОЛЕНСКА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА.....	245
Есипов В.К., Курлаев П.П., Ляшенко И.Э., Столяр И.А. ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКИЙ В.Ф (АРХИЕПИСКОП ЛУКА) – РУССКИЙ ХИРУРГ, ДОКТОР МЕДИЦИНЫ, УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК.....	249
Железнова А.Д., Фролов Б.А., Панфилова Т.В., Токарева А.А., Сарычева Ю.А. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО МЕТОДА И ЕГО РОЛЬ В ПОЗНАНИИ ПАТОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ.....	255
Жеребятъева С.Р., Соколова Е.А. АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ МАРТЫНОВ – «СОВЕСТЬ РУССКОЙ ХИРУРГИИ».....	262
Зарубинская Л.Г., Худоногов И.Ю. О НЕИЗБЕЖНОСТИ ПОБЕДЫ ДУХОВНОСТИ НАД ИНТЕЛЛЕКТОМ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ УЧАСТИЯ УЧЕНЫХ-МЕДИКОВ ДОНА В РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ).....	269
Зеленина Л.В., Бархатова Л.А., Карпенко И.Л., Кряжев Д.А. СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РОССИИ.....	276
Кузнецова О.В., Лопарева М.А, Плотникова И.Г. ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЗЕМСКОЙ МЕДИЦИНЫ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ.....	281
Матвеев А.С., Самойлов М.И. ВЫДАЮЩИЕСЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ГИГИЕНИСТЫ – ОСНОВОПОЛОЖНИКИ ПРИМЕНЕНИЯ ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОГО МЕТОДА.....	287

Матчин А.А., Матчина О.И., Барков В.Н. ВКЛАД ДИНАСТИИ ЛИМБЕРГОВ В РАЗВИТИЕ СТОМАТОЛОГИИ И ЧЕ- ЛЮСТНО-ЛИЦЕВОЙ ХИРУРГИИ.....	293
Матчина О.И, Матчин А.А., Огурцова Е.В. СОВЕТСКОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД.....	304
Миляева К.С., Корнеев А.Г. СТАНОВЛЕНИЕ ЭПИДЕМИОЛОГИ ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.....	309
Панфилова Т.В., Фролов Б.А., Железнова А.Д., Сарычева Ю.А., Токарева А.А. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК О ВЫДАЮЩИХСЯ УЧЕНЫХ-ПАТОФИЗИОЛОГАХ, СФОРМИРОВАВШИХ ПАТОФИЗИОЛОГИЮ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНУЮ НАУКУ.....	315
Сарычева Ю.А., Фролов Б.А., Панфилова Т.В., Железнова А.Д. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКИХ ПАТОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ШКОЛ.....	320
Теремов Д.Д., Нагорная С.В. СТАЛИНСКИЕ РЕПРЕССИИ 30-Х ГОДОВ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ СМОЛЕН- СКОЙ ОБЛАСТИ.....	326
Токарева А.А., Фролов Б.А., Панфилова Т.В., Железнова А.Д., Сарычева Ю.А. ОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИ- ОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 ГОДА.....	330
Шевлюк Н.Н. СУДЬБЫ ВИДНЫХ РОССИЙСКИХ МОРФОЛОГОВ, ЭМИГРИРОВАВШИХ ИЗ РОССИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИ- СТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.....	335
Шкатова Н.Г. ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ КАРДИОЛОГИИ КАК НАУКИ ДО И ПО- СЛЕ СОБЫТИЙ 1917 Г.	341
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	348

**«1917 ГОД. ЭПОХА ПЕРЕМЕН»: ОБЗОР ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
(к столетию Великой русской революции)**

Октябрьская революция 1917 года стала одним из важнейших и крупнейших политических событий XX века, решающим образом изменила пути исторического развития России и оказала огромное влияние на прогресс народов всего мира.

События 1917 года имели глубокие корни в истории Российского государства. Всестороннее и объективное изучение Октябрьской революции 1917 года помогает осознать трагичность раскола общества на противоборствующие стороны, понять важность для России сильной государственной власти, поддерживаемой всеми слоями населения страны. Изучение Октябрьской революции не утратило своей актуальности и в наши дни, ибо оно непосредственно связано с решением одной из самых острых проблем современности - проблемы войны и мира.

В юбилейном 2017 году по всей стране проходили всевозможные мероприятия, приуроченные к столетию великой русской революции 1917 года. На базе Оренбургского государственного медицинского университета 28 ноября 2017 года была проведена Всероссийская научная конференция с международным участием «1917 год. Эпоха перемен», организованная сотрудниками кафедры истории Отечества.

Перед конференцией стояла задача сквозь опыт прошедшего столетия осмыслить значение Революции 1917 года в России для нашей страны и ее влияние на ход мировой истории. В целом в работе конференции приняли очное и заочное участие 188 человек, которые представили 18 учебных заведений России и Белоруссии. Участниками конференции стали представители Барнаула, Волгограда, Москвы, Оренбурга, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Смоленска, Рязани, Уфы, а так же города Гродно республики Беларусь.

В рамках конференции были организованы пленарное заседание и 5 секционных заседаний, 3 из которых студенческие. Главной задачей студенческих секций стало формирование у юного поколения истинного представления о революционных событиях, их влиянии на общество и мировую историю. Важнейшей особенностью конференции, отличающей ее от подобных мероприятий, стало широкое представительство докладов связанных с медицинской тематикой. Доклады, связанные с влиянием революции на развитие отечественного здравоохранения звучали как на пленарном заседании, так и на взрослых и студенческих секциях.

Открыло работу конференции пленарное заседание. С приветственным словом к участникам конференции обратился ректор ФГБОУ ВО ОрГМУ Минздрава России д.м.н., профессор И.В. Мирошниченко. Далее участников и гостей поприветствовал сопредседатель оргкомитета, заведующий кафедрой истории Отечества ФГБОУ ВО ОрГМУ Минздрава России к.и.н., доцент Савицкий Г.В.

Всего на пленарном заседании прозвучало 5 докладов, вызвавших живой интерес аудитории. Среди них доклады профессора Оренбургского государственного педагогического университета Р.Р. Магомедова, профессора Оренбургского государственного медицинского университета А.А. Вялковой, доцента Оренбургского государственного педагогического университета С.Р. Дерябиной, доцента Оренбургского государственного медицинского университета Г.Б. Брагирова, доцента Башкирского государственного медицинского университета А.У. Киньябулатова.

Ученые и преподаватели обсудили свои доклады на секциях «Столетие Великой русской революции – проблемы переосмысления ее значения и последствий» и «Отечественная медицина в условиях революционных потрясений начала XX века». Студенческие секции были организованы по следующим направлениям:

- «Революция 1917 г. как определяющий фактор российской истории»;
- «Влияние революционных процессов на развитие отечественной медицины»;
- «Выдающиеся ученые и врачи в эпоху перемен».

Всего на конференции прозвучало более 60 устных выступлений. Со всеми прозвучавшими докладами, а также присланными для публикации статьями,

можно будет ознакомиться в данном сборнике. Представленное издание адресовано всему научному сообществу, заинтересованному в исследовании революционных событий в России в начале XX века, а так же некоторым аспектам истории медицины.

**СТОЛЕТИЕ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ –
ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ЕЁ ЗНАЧЕНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЙ**

УДК 281. 9: 37: 61

И.Е. Абрамова, Е.К. Склярова, О.Н. Камалова

г. Ростов-на-Дону

**СТАНОВЛЕНИЕ ДОНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
В ГОДЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.**

В статье рассматриваются особенности становления Донского университета в годы Русской революции 1917 г. Последствия Февральской и Октябрьской революций 1917 гг. обусловили преобразование эвакуированного в Ростов-на-Дону Императорского Варшавского университета в Донской университет.

Ключевые слова: Донской университет, Варшавский университет, Русская революция 1917 г., Ростовский государственный медицинский университет.

I.E. Abramova, E.K. Sklyarova, O. N. Kamalova

Rostov-on-Don

**THE RISE OF DON UNIVERSITY DURING
THE RUSSIAN REVOLUTION 1917**

The article researches the peculiarities of the rise of the Don University during the Russian Revolution 1917. The consequence of February and October Revolutions 1917 determined the reorganization of evacuated Imperators Warsaw University into Don University.

Key word: Don University, Warsaw University, Russian Revolution 1917, Rostov State Medical University.

Актуальность исследования становления Донского университета, обусловлена необходимостью его изучения в контексте 100-летия Русской революции 1917 г. Особенности создания Донского университета в период Русской революции 1917

г. заставляют историков Дона по-новому взглянуть на преобразования университета.

В годы Русской революции 1917 г. после отречения императора Николая II от престола в названии Императорского Варшавского университета, было упразднено наименование «Императорский». Ещё в годы Первой мировой войны в 1915 г. территория российской Польши была оккупирована Австро-Венгрией и Германией. В ноябре 1916 г. императоры этих стран опубликовали манифест о создании в российской части Польши Королевства Польского. После Февральской революции 1917 г. Временное правительство России объявило о своём содействии созданию этого нового государства при условии заключения военного союза Королевства Польского с Россией.

В этот сложный период для Российской империи Варшавский университет был эвакуирован в Ростов-на-Дону вместе с профессорско-преподавательским составом, студентами и библиотекой. Название «Донской университет» было присвоено эвакуированному в Ростов-на-Дону Императорскому Варшавскому университету решением Временного правительства России весной 1917 г.

Ростовский вуз стал именоваться «Донской университет» с 1 июля 1917 г., став центром создания высшего образования на Дону. На базе бывшего госпиталя Красного Креста и городской Николаевской больницы шло становление высшего медицинского и фармацевтического образования на Дону и Северном Кавказе, не имевших до Первой Мировой войны ни одного высшего учебного заведения.

Ещё до Русской революции 1917 г. на Дону была создана база для становления педиатрии. В 1902 г. ростовский меценат К. М. Попов предложил на собственные средства построить детское отделение при Мариинской больнице, которое начало функционировать в 1904 г. «На его строительство и оборудование им было израсходовано 30000 рублей» [4, с. 41]. На средства купца М.Ф. Мирошниченко «был заложен первый в Ростове-на-Дону камень в сооружаемое здание Николаевской больницы» [9, с. 9].

В годы Русской революции 1917 г. в Донском университете преподавали профессора бывшего Варшавского университета – К.С. Агаджанянц, В.А. Барыкин,

Н.А. Богораз, Н.Н. Брусянин, Б.Н. Вершковский, С.И. Вехов, Д.И. Ивановский, А. Р. Колли, А.А. Колосов, Н.И. Мухин, П.В. Никольский, К.Х. Орлов, И.Ф. Пожарский и другие.

«Благодаря усилиям Н.В. Парийского, поддержанным интеллигенцией и купечеством города, в южную столицу России после эвакуации в период Первой мировой войны из Польши в 1915 г. переехал Императорский Варшавский университет. Аргументом в пользу Ростова-на-Дону служила большая база для его медицинского факультета, а именно Николаевская больница на 600 коек с хорошим по тем временам оборудованием и инструментарием» [18, с. 55].

Под руководством профессора А. Р. Колли (1874-1918 гг.) в Донском университете были созданы физические лаборатории. До переезда на Дон он стажировался в лаборатории Берлинского физического института, работал приват-доцентом университета Одессы, в 1909 – 1915 гг. был избран профессором физики Варшавского университета. В годы Русской революции 1917 г. он являлся членом партии кадетов, был избран в Думу Ростова-на-Дону по списку этой партии. После Октябрьского переворота «учёному советовали уехать из страны, но он не покинул Родину» [12, с. 83].

Русская революция 1917 г. на Дону сопровождалась незаконными расстрелами без суда и следствия. И в феврале 1918 г. профессор Донского университета А. Р. Колли был убит в Ростове-на-Дону красногвардейцами. «Толпа солдат, подростков и женщин глумилась над профессором Колли, требуя его убить, называя «кадетом, контрреволюционером, генералом, миллионером»... красноармейцы-латыши, выйдя на улицу, сняли с профессора пальто, пиджак, шапку и ботинки... поставив к стенке, расстреляли... Позже перед судом за это убийство предстали – служитель университета, красногвардеец И. Н. Уставщиков, а также водопроводчик А. Фенин» [2, с. 70-74].

Весной 1918 г. на заседании городской Думы были названы виновники этого бессмысленного убийства. Совет Донского университета под руководством ректора университета, профессора С.И. Вехова обсуждал вопрос о помощи семье известного в Ростове-на-Дону физика [19, с. 43].

Выпускник Московского университета, декан и профессор историко-филологического факультета Варшавского университета С.И. Вехов (1857-1919 гг.) был первым ректором Донского университета. Однако сложные годы революционных преобразований в России в начале XX века сопровождались эпидемиями тифа. И в 1919 г. профессор «умер от сыпного тифа в клинике профессора И.В. Завадского» [1].

Профессор Д. И. Ивановский (1864-1920 гг.) стал основоположником вирусологии. В Донском университете он заново создал лабораторию, которую первоначально создавал для проведения научных исследований ещё в Варшавском университете. В XXI в. в Южном Федеральном университете Ростова-на-Дону Академия биологии и биотехнологии названа именем профессора Дмитрия Иосифовича Ивановского.

В первые годы советской власти в Донском университете преподавали также прибывшие в Ростов-на-Дону из Санкт-Петербурга профессора: П.И. Бухман, Б.А. Коган, И.С. Цитович, А.И. Ющенко, К.З. Яцута.

Из Казанского медицинского университета в Донском университете в годы Русской революции преподавали профессора И.В. Завадский, А. И. Шибков, П.И. Эмдин. Создатель ростовской школы нейрохирургов профессор П.И. Эмдин стал организатором крупнейшего в СССР Центра нейрохирургии. Из Москвы в Донской университет прибыли профессора: В.В. Воскресенский, Н.И. Напалков, Н.А. Рожанский» [20, с. 5].

В помещении глазного отделения городской Николаевской больницы благодаря профессору К.Х. Орлову открылась клиника глазных болезней. А на медицинском факультете Донского университета была создана кафедра глазных болезней. «Профессор К.Х. Орлов организовал на медицинском факультете университета кафедру глазных болезней. В помещении Николаевской больницы он открыл клинику глазных болезней, которая к 1921 г. получила собственное помещение, став крупным научным центром XXI века» [14, с. 75].

«В 1917 г. после Октябрьской революции первым заведующим кафедрой су-

дебной медицины стал А. И. Шибков (1873-1939 гг.). Выпускник медицинского факультета Казанского университета возглавил Краевую судебно-медицинскую лабораторию Ростова-на-Дону, объединив судебно-медицинские организации Дона, включая Нахичевань-на-Дону» [8, с. 84].

Деканом и заведующим кафедрой факультетской хирургии медицинского факультета Донского университета, основателем Донского хирургического общества и Института переливания крови в Ростове-на-Дону стал хирург, профессор Н.И. Напалков [10, с. 128]. Он принимал активное участие в работе «Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова», которое после Русской революции 1917 г. было ликвидировано, «попав в центр борьбы партий большевиков и кадетов, не приняв Октябрьскую революцию 1917 г.» [3, с. 30].

Основателями первых кафедр и клиник медицинского факультета Донского университета стали: офтальмолог К.Х. Орлов; хирурги: Н.А. Богораз, Н.И. Напалков; нейрохирург П.И. Эмдин; гистолог А.А. Колосов; фармаколог И.С. Цитович; психиатр К.С. Агаджанянц, судебный медик А.И. Шибков; травматолог-ортопед Н.В. Парийский; анатомы Н.Д. Бушмакин и К.З. Яцута; микробиолог В.А. Барыкин. В XX веке «Ростовский государственный медицинский университет первоначально был основан как медицинский факультет Варшавского университета» [5, с. 9]. «Известен вклад В.А. Барыкина и его учеников в изучение возбудителя сыпного тифа. Его исследования были представлены на Всемирной конференции микробиологов в Швейцарии, затем на Всероссийском съезде бактериологов и эпидемиологов» [15, с. 1208].

Накануне Русской революции 1917 г. началось совершенствование женского высшего медицинского образования в Петрограде, Москве, Ростове-на-Дону. Вместе с Варшавским университетом в Ростов-на-Дону были эвакуированы «высшие женские курсы. Открытие женского медицинститута состоялось 21 ноября 1916 г., ректором которого был назначен профессор А.А. Колосов, а заместителем – доктор медицины Н.В. Парийский. 14 марта 1920 г. женский медицинский институт соединился с медицинским факультетом Донского университета» [9, с. 27-28]. Профессор А.А. Колосов (1862-1937 гг.) стал первым заведующим кафедрой гистологии.

В Ростове-на-Дону одним из самых старых и уникальных музеев Донского университета стал «Фундаментальный музей кафедры нормальной анатомии Ростовского государственного медицинского университета. Этот уникальный по своим экспонатам, любимый студентами и сотрудниками музей был основан в Ростове-на-Дону ещё в 1917 году благодаря усилиям профессора К.З. Яцуты. Выпускник Санкт-Петербургской медицинской академии, доктор медицинских наук стал заведующим кафедрой нормальной анатомии Ростовского мединститута, основателем музея кафедры» [7, с.188]. «В XXI веке медицинская музеология становится неотъемлемым компонентом учебного, научно-исследовательского и воспитательного процесса медицинских университетов России» [13, с.115].

В первые годы советской власти в составе медицинского факультета Донского университета имелось 3 лаборатории, 11 клиник. Национализированные здания передавались «в ведение бывшего Варшавского университета» [16, С. 171], став собственностью Донского университета. Для клиники нервных и душевных болезней Донского университета была сделана пристройка, в которой расположилась аудитория для чтения лекций. Клиника была переименована в «Клиническое отделение душевных и нервных болезней и городское психиатрическое отделение при Николаевской городской больнице». Выпускник медицинского факультета Императорской военно-медицинской академии Санкт-Петербурга, ученик В.М. Бехтерева, психиатр К.С. Агаджанянц (1876-1955 гг.) после эвакуации Варшавского университета в Ростов-на-Дону стал первым заведующим кафедрой нервных и душевных болезней медицинского факультета Донского университета. Но после революции, не признав политики советской власти, профессор покинул «Ростов с уходящими белыми частями» [21, с. 41].

«Русская революция 1917 г. обусловила эмиграцию ведущих профессоров. Но их деятельность в начале XX века привела к созданию первых научных лабораторий» Дона и Северного Кавказа [6, с. 30]. Становление высшего медицинского образования на Дону в первые годы советской власти «повлекло за собой отделение медицинских факультетов от университетов, создание самостоятельных мединститутов в СССР. Создание Ростовского мединститута, как ведущего медицинского

вуза региона вначале XX в., стало фундаментом реформ медицинского образования на Дону и Северном Кавказе» [11, с. 20].

Таким образом, последствия Русской революции 1917 г. обусловили преобразование эвакуированного в Ростов-на-Дону Императорского Варшавского университета в Донской университет. Уже в первые годы советской власти были созданы первые научные лаборатории и музеи, шло становление медицинского факультета. Февральская революция 1917 г. и отречение императора Николая II от престола привели к упразднению в наименовании вуза названия «Императорский». Русская революция 1917 г. обусловила бессмысленные убийства и эмиграцию ведущих профессоров Донского университета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вечерний Ростов. – 1990. – 24 августа.
2. Донской временник. – 1993. С. 70-74.
3. Дроботя Н.В. Пироговское общество и Русская революция 1917 г. / Н.В. Дроботя, Е.К. Склярова, Л.В. Жаров // 1917 – 2017. Уроки истории. Материалы Областного научно-образовательного форума. Ростов н/Д, 2017. С. 25-31.
4. Багдыков М. И дай место врачу. Ростов н/Д, 2007. С. 41.
5. Вузы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны / Е.К. Склярова, М.А. Гутиева, А.В. Карташев, О.Н. Камалова. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ ЮФУ АПСН, 2016. С. 9.
6. Камалова О.Н. Актуальные проблемы истории медицины и фармации / О.Н. Камалова О.Н., Е.К. Склярова // Научное и образовательное пространство: перспективы развития Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 2017. С. 30.
7. Камалова О.Н. Историко-медицинские музеи Ростовского государственного медицинского университета / О.Н. Камалова, Е.К. Склярова // История медицины в собраниях архивов, библиотек и музеев; материалы III Межрегиональной научно-практической конференции. Волгоград, 2016. С. 188.
8. Макарова В.Н. Становление судебной медицины на Юге России в XX в. / В.Н. Макарова, Е.К. Склярова, И.А. Коломоец // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2017. № 4. С. 84.
9. Наследники духовных традиций медицины / Е.В. Харламов, Е.К. Склярова, А.А. Сависько, Ю.А. Сидоренко. Ростов н/Д, 2016. С. 9, 27-29.
10. От Варшавского университета до РостГМУ: история вуза в коллекциях библиотек и музеев Ростовского государственного медицинского университета (к 100-летию высшего медицинского образования на Дону) / Е.К. Склярова, Е.В. Чаплыгина, Е.В. Харламов, Л.В. Жаров // История медицины в собраниях архивов, библиотек и музеев материалы II межрегиональной научно-практической конференции. Волгоград, 2015. С. 128.
11. Семёнова Н.О. Сравнительные аспекты становления высшего медицинского образования на Дону / Н.О. Семёнова, Е.К. Склярова, Е.В. Харламов // Педагогический опыт: от теории к практике Сборник материалов II Международной научно-практической конференции. 2017. С. 20.
12. Сидоренко Ю.А. Медицинский факультет Донского университета в первые годы советской власти (1917 – 1925) (к 100-летию Донского университета) / Ю.А. Сидоренко, Е.К.

- Склярова, М.А. Додохова // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2017. № 4 (95). С. 83.
13. Склярова Е.К. Медицинское музееведение студентов Донского края / Е.К. Склярова, Л.В. Жаров, О.Н. Камалова // Медицинский музей и медицинская коммуникация. Сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции. М., 2017. С. 115.
 14. Склярова Е.К. Становление высшего фармацевтического образования на Дону / Е.К. Склярова, Е.В. Харламов, О.Н. Камалова // Роль медицинских вузов в подготовке медицинских кадров: исторические аспекты; материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой открытию музея истории Иркутского государственного медицинского университета. ГБОУ ВПО "Иркутский государственный медицинский университет". Иркутск, 2016. С. 175.
 15. Склярова Е.К. Основные этапы становления Ростовского государственного медицинского университета / Е.К. Склярова, Е.В. Харламов // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2016. Т.15. С. 1208.
 16. Харламов Е.В. Деонтология жизни / Е.В. Харламов, О.Ф. Киселёва, Е.К. Склярова. Ростов н/Д, 2016. С. 171.
 17. Харламов Е.В. Долг врача и гражданина / Е.В. Харламов, О.Ф. Киселёва, Е.К. Склярова // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2016. № 2 (87). С. 37-40.
 18. Харламов Е.В. Милосердие как призвание / Е.В. Харламов, Е.К. Склярова, О.Ф. Киселёва. Ростов н/Д: Мини Тайп, 2017. С.55.
 19. Фельштинский Ю. Безумие во имя идеи: (Дело № 25. Акт расследования по делу об убийствах, совершенных большевиками в 1918 г. в г. Ростове-на-Дону. Составлен 18 мая 1919 г. в Екатеринодаре) // Родина. 1990. № 10. С. 43.
 20. 50 лет с Alma Mater / Е.В. Харламов, Е.К. Склярова, О.Ф. Киселёва, Ю.А. Сидоренко. – Ростов н/Д, 2016. С. 5.
 21. Contribution of researchers of Rostov State Medical University to health development of Black Sea region / N.V. Drobotya, E.V. Chaplygina, O. N. Kamalova, E.K. Sklyarova // Научный альманах стран Причерноморья. 2017. № 1 (9). С. 41.

УДК 323.272 (470) ”_1917 “

А.В. Акимов

г. Оренбург

ПРИЧИНЫ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ 1917 ГОДА

В статье рассматриваются причины, которые привели к революционным преобразованиям в России 1917 года. Условия жизни большей части населения России поставили вопрос о необходимости проведения радикального реформирования политической системы в стране.

Ключевые слова: *История России, Первая мировая война, положение крестьянства, положение пролетариата.*

A. V. Akimov

Orenburg

CAUSES OF REVOLUTION'S REORGANIZATIONS IN RUSSIA OF 1917

The article examines the reasons that led to the revolutionary changes in Russia in 1917. The living conditions of the most of the population of Russia raised the question about the need for a radical reform of the political system in the country.

Key words: *History of Russia, the First World War, position of the peasantry, position of the proletariat.*

Часто Российская империя накануне революции 1917 года рассматривается, как страна благоденствия. Вспоминают денежную реформу Витте С.Ю., аграрную реформу Столыпина П.А., золотые червонцы с профилем императора. Умиляются, что фунт телятины стоил меньше двадцати копеек, гордятся промышленным подъемом, восхищаются искусством эпохи модерна. Россия 1913 года предстаёт не только великой державой, но и достаточно благополучной страной с блестящими перспективами. Всё это было на самом деле, но только не для всех жителей Российской империи.

По данным Всероссийской переписи 1897 года, общая численность населения Российской империи (без Финляндии) составляла 125,6 миллионов человек. Крупная буржуазия, помещики, высшие чины и прочие составляли около 3 миллионов человек (чуть более 2%). Зажиточные мелкие хозяева – до 23,1 миллиона (18%). Остальные 80% населения были представлены беднейшим крестьянством и пролетариями.

Отмена крепостного права ознаменовалась для крестьянства существенным сокращением земельных наделов. Александром II были подписаны «Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости». По положениям земельный надел предоставляемый крестьянам в постоянное пользование, должен быть не менее того размера, который определен в местных положениях.

Естественно, в местных положениях указывался минимально возможный размер крестьянского надела. Во всех без исключения случаях он был меньше (и значительно меньше) той земли, которая раньше была доступна крестьянам для

собственного хозяйства. Очевидно, что помещики, воспринявшие реформу без энтузиазма, не давали крестьянам земли больше, чем предписывали «Положения».

Освобождение крестьян и наделение их землей осуществлялось при посредничестве государства. Государственная казна покупала крестьянские наделы у помещика и принудительно «продавала» крестьянам сроком на 49,5 лет. В течение всего этого периода освобожденные крестьяне должны были вносить в казну выкупные платежи. Всё это означало долговую кабалу, а в силу крайней бедности основной массы крестьянства платежи оставались совершенно неподъемными.

Наделы были навсегда выделены крестьянам в 1861 году. Их размеры не подвергались пересмотру до революции 1917 года. Однако население России в конце XIX – начале XX века выросло на одну треть. На земельном участке, где раньше жила одна семья, теперь умещалось несколько семей, у которых были свои дети. В условиях всё более острого дефицита земли крестьяне были вынуждены арендовать её у помещика. Повсеместно земли передавались в аренду за обязательство крестьян обрабатывать поля помещика. Таким образом, крестьянин работал на капиталистической барщине, как свободный человек.

К решению вопроса аграрного перенаселения царская власть преступила в 1906 году по реформе П.А. Столыпина, однако в целом проблема безземелья не была решена вплоть до Октябрьской революции 1917 года.

Положение основной массы рабочих не сильно отличалось от положения крестьянства. Большие успехи индустриализации дореволюционного периода были основаны на чрезмерной эксплуатации основных категорий населения, без всякого намека на трудовое законодательство и социальную защиту. Рабочий день в промышленности был не нормирован и составлял 13-15 часов, а на Московском машиностроительном заводе Струве – до 19. При этом рабочие трудились в антисанитарных условиях, без элементарной техники безопасности. Широко эксплуатировался женский труд и детский труд подростков 10-12 лет (на фабрике Морозова в Твери до 43%), причем оплата за этот труд была значительно ниже взрослых работников.

С бытовыми условиями ситуация у рабочих обстояла гораздо хуже, чем у

крестьян. Рабочие с семьями жили в бараках и казармах, которые часто представляли собой углубление в земле, в виде подвала. Скученность и грязь в жилищах рабочих часто приводили к эпидемическим вспышкам холеры, оспы, тифа и дизентерии. Высока была смертность рабочих от туберкулёза лёгких – ежегодно до 3000 человек в возрасте от 15 до 40 лет.

Вплоть до второй половины XIX века крестьянство России (80% всего населения) было фактически лишено медицинской помощи. Немногочисленные больницы, расположенные в городе, не принимали крестьян, поскольку они считались личным имуществом, о котором должен заботиться собственник. С отменой крепостного права ситуация начала изменяться к лучшему, но явно недостаточно.

С первых дней существования земской медицины выяснился факт чрезвычайного распространения сифилиса среди крестьянского населения, что при отсутствии эффективных мер борьбы вело к прямому вырождению населения. Особенностью сифилиса в России в тот период являлась его эпидемиологическая направленность. В 70-90% неполовое заражение преобладало над половым. По данным исследований, проведенных во Владимирской губернии, в 63,9% случаев заражения сифилисом происходило через рот, в 17% - от совместного проживания в семье, в 2,4% от кормления грудью, 7,7% составлял врожденный сифилис, и только в 8,7% случаев заражения происходило половым путем.

Победить сифилис в деревне удалось только при советской власти с массовым охватом аграрных районов медицинской помощью и пропагандой элементарных правил личной гигиены среди сельского населения. Все возможности для этого были и при царизме, но заниматься этим было некому, и этой проблеме в обществе не предавалось особого значения.

Как и сельское население, рабочие в городах практически полностью были лишены медицинской помощи. И это определялось не столько отношением к рабочим, сколько общим отношением государства к медицине.

Большой проблемой оставалась и высокая детская смертность. Вышедшая по уровню промышленного развития примерно на уровень Франции Россия по показателям младенческой смертности почти в три раза превосходила одну из наиболее

отсталых стран Европы того времени – Норвегию. В сельской местности детская смертность была особенно катастрофичной и достигала 85%.

Эта проблема была решена только с приходом советской власти, путем массовой пропаганды элементарной гигиены, улучшением медицинского обслуживания, отказом от ряда традиций. К концу 30-х годов XX века уровень младенческой смертности в России стал постоянно снижаться.

И в случае снижения заболеваемости сифилисом, и в вопросе снижения детской смертности не применялись чудодейственные лекарства или новые технологии. Проблема крылась в крайне низком культурном уровне населения, её решение лежало на всех уровнях, начиная с государственного. У царской власти были для этого все возможности, однако Россия не была социальным государством и не видела в отсутствии должного медицинского обеспечения населения значительной проблемы.

Особенностью российского общества до революции 1917 года была сословность, вокруг которой выстраивались правовые и общественные отношения страны. Для каждого сословия существовали свои юридические определенные права и обязанности, своя судебная система. Общество подразделялось на высшее сословие (дворянство и духовенство) и непривилегированное сословие (купцы, мещане, крестьяне). Ещё Екатерина II подписала грамоту, в которой освобождала дворянство от обязательной государственной службы и уплаты налогов. Для дворян вводился отдельный дворянский суд.

Духовенство было освобождено от податей и военной службы. Представители сословия были подсудны только суду духовного ведомства. Купечество так же было освобождено от подушной подати, телесных наказаний и рекрутчины.

Всё налоговое бремя приходилось на мещан, ремесленников и крестьян. Со времен Екатерина II в России было запрещено употребление слова «раб» и заменялось оно словом «подданный». Однако словом «рабство» наиболее полно характеризовалось положение крепостных крестьян. С отменой крепостного права в 1861 году крестьяне получили личную свободу, однако это не отменило сословного неравенства вплоть до революции 1917 года.

Можно вспомнить и другие причины, приведшие к революции, тесно связанные с военными действиями и приведшие к развалу промышленности и сельского хозяйства. Это рост налогов, рост цен, бессистемную мобилизацию 13 миллионов человек без учета профессии, навыков и занимаемых рабочих мест.

Первая мировая война стала переломным моментом для истории России. Все внутренние противоречия, которые до войны как - то сглаживались, вдруг выплеснулись на улицы, затопив и монархию, и весь государственный строй. Россия вступила в войну, будучи к ней не готова. Было бы наиболее разумной политикой царского правительства максимальное отдаление войны путем дипломатии, хотя бы до перевооружения армии, однако правительство неверно оценило потенциал страны, и начало войны было встречено в России с ликованием. Очень быстро патриотический подъём сменился разочарованием. Все недостатки царского правительства собрались вместе и показали беспомощность государственной машины. Только в первый год войны в плен попало миллион солдат и офицеров, и практически полностью был выбит средний и младший офицерский состав. На их место проводилась мобилизация необученного состава, который порой поражал своим невежеством, потому что Россия вступила в войну задолго до всеобщей грамотности. От взаимного непонимания солдат и офицеров и фатальных противоречий общества выстраивалась революционная ситуация 1917 года. Миллионы беженцев из западных областей империи заполняли пространства России. Правительство не контролировало их перемещение и снабжение продовольствием. Армии не хватало вооружения, а населению продовольствия. С 1914 года в городах вводится карточная система и запрет на продажу спиртных напитков (опять же не для всех). Вслед за этим в 1916 году была введена продразвёрстка, которая только усилила негативное отношение крестьянства к правительству.

Февральская революция 1917 года случилась на фоне полной делегитимизации власти – как правительства, так и монархии.

Революция складывалась из нескольких этапов, от тотальной забастовки и митингов рабочих в Петрограде, отказа солдат стрелять в рабочих, разгрома арсеналов и вооружения демонстрантов, до похода к Таврическому дворцу в поисках

политического руководства.

IV Государственная дума оказалась перед выбором: погибнуть вместе с монархией или встать во главе революции. Было принято решение о создании Временного комитета IV Государственной думы, который формально не имел никакого отношения к Думе. Временный комитет был создан частным собранием ряда членов Думы, когда деятельность Думы была приостановлена.

Большевики пришли к власти в октябре 1917 года более демократичным путем. Передачу власти и назначение В.И. Ленина главой Совета народных комиссаров санкционировал Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Через несколько дней решения съезда были поддержаны Чрезвычайным Всероссийским съездом Советов крестьянских депутатов.

Таким образом, в феврале 1917 года происходила народная революция под давно сформулированными лозунгами о равенстве, братстве, о мире и национализации земли. Временное правительство физически не могло удовлетворить этих требований, и стремилось парализовать революционный порыв народных масс, призывая довести войну до победного конца. Антинародная политика Временного правительства вызвала недовольство всего трудящегося Российского общества, и способствовало выступлению против буржуазного правительства. Февральская революция, поэтому была логически завершена большевиками. Они возглавили революционную массу, стали движущей силой её и взяли власть в свои руки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лысков Д.Ю. Сумерки Российской империи / Д.Ю. Лысков. – М.: Вече, 2011. – 272 с.
2. Экштут С.А. Россия перед голгофой. Эпоха великих реформ / С.А. Экштут. – М.: Вече, 2010. – 256 с.

УДК 303.01

А.Ю. Бендрикова

г. Барнаул

РЕВОЛЮЦИЯ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

В работе делается попытка анализа некоторых теоретических подходов социологии революции. Дается обобщающее определение понятия «революция». Автор обращается к работам классиков социологии революции. Рассматриваются проблемы специфики протекания и логики функционирования революционных процессов в контексте такого теоретического направления как «социальные изменения». Исследованы методологические особенности работ, которые способствовали формированию общей социологической теории революции.

Ключевые слова: *социология революции, социальные изменения, методология, концепция*

A. Yu. Bendrikova,

Barnaul

REVOLUTION AS A FORM OF SOCIAL CHANGE: THEORETICAL ANALYSIS OF SOCIOLOGICAL CONCEPTS

The work is an attempt to analyse some of theoretical approaches of the sociology of revolution. Given the generalized definition of the concept "revolution". The author refers to the works of the classics of the sociology of revolution. Discusses the specifics of the occurrence and the functioning logic of the revolutionary process in the context of such theoretical areas as "social change." Investigated methodological features of the works that contributed to the formation of a General sociological theory of revolution.

Key words: *sociology of revolution, social change, methodology, concept*

Понятие революции является широко употребляемым, и его использование в социологической теории требует ряда уточнений и разъяснений. В российской обществоведческой литературе в течение всего XX века понятию «революция» приписывался достаточно жесткий идеологический оттенок, подкрепляемый марксистской теорией [1].

Всевозможные исторические сдвиги, изменения политического курса, другие социальные потрясения вызывают у общественности и специалистов интерес к проблемам специфики протекания и логики функционирования революционных

процессов. В связи с этим необходима научная база для разработки адекватных методов анализа ситуации. В первую очередь нужно знать причины и специфику процесса, повлекшего за собой дестабилизацию всей системы. Для сегодняшней ситуации в России этот вопрос немаловажен, ведь кризис 80-90-х годов XX века обладал всеми отличительными чертами революции. Он стал коренным переворотом в жизни общества, привел к ликвидации предшествующего общественно-политического строя и установлению новой власти [2]. В связи с этим возникает необходимость анализа работ, конституирующих такое теоретическое направление, как «социальные изменения».

Особо актуально стоит вопрос изучения социальных изменений в современном обществе. Остро стоит вопрос необходимости в новых концепциях, которые позволили бы ориентироваться внутри трансформирующейся социальной структуры в условиях становления новых подсистем и отдельных элементов. Социетальные изменения в отдельных обществах и странах, переживающих кризис, определяют такую необходимость. Современные общества вынуждены вырабатывать новые стратегии своего функционирования, основываясь на понимании того, что каждая социальная система находится в состоянии постоянного становления и изменения.

В контексте исследуемой проблематики обратимся к работам классиков социологии революции Питирима Александровича Сорокина «Социология революции» (1925) и Лайфорда Патерсона Эдвардса «Естественная история революции» (1927), составившие интеллектуальный базис, от которого впоследствии отталкивались многие исследователи. Названные социологические труды способствовали формированию общей социологической теории революции, превращению социологии революции в отдельную дисциплину. Разработаны основные методологические критерии и подходы становящейся области исследования, предприняты попытки выдвижения гипотез о существовании различного рода индикаторов и критериев революционного процесса, а также изучена специфика его развития.

Сорокин, определяя социологию как науку о взаимодействии людей, начинает свою работу с анализа простейшей единицы этого взаимодействия – индивида и

его поведения, а также влияющих на него условных и безусловных рефлексов. Автор делит революционный процесс на два основных этапа – подъем и понижение. На первом этапе происходит угасание условных и усиление безусловных рефлексов, что приводит к «биологизации» общества, а на втором – динамика, следствием чего становится восстановление системы социального контроля.

Причины революций Сорокин делит на два основных блока. Блок, связанный с ущемлением безусловных рефлексов и блок, касающийся ослабления групп социального контроля и поддержания порядка. Ущемление одного безусловного рефлекса влечет за собой отмирание соответствующего ему условного, а отмирание одного ведет также к отмиранию или, по крайней мере, деформации других. Поводом революционного всплеска становится некий политический акт, а легитимацией – новая революционная идеология. Роль агитации и пропаганды Сорокин считает вторичной.

Ослабление групп социального контроля Сорокин считает следствием общей деградации власти, порождаемой как социальными, так и биологическими причинами. Трансформация каналов социальной мобильности и ее медленный характер приводит к практике наследования статусов и власти, что в свою очередь влечет за собой деградацию как способностей, так и биологических качеств. Помимо этого происходит атрофия силы и воли элиты ввиду доминирования умственного труда над физическим, следствием чего является неспособность к решительным действиям.

Согласно теории Эдвардса, революция в историческом процессе занимает гармоничное и «естественное» место, как один из способов социального изменения. По мнению Эдвардса, общество и отдельные социальные группы создают вокруг себя такие условия, которые впоследствии способствуют их уничтожению.

Эдвардс опровергает сложившееся в широких кругах мнение об анархическом характере революции. Напротив, он доказывает последовательность как самого процесса, так и позиций его лидеров, указывая на то, что революция является не актом беззакония, а сменой систем законности.

Эдвардс выделяет два вида симптомов революции: предварительные и обязательные. К числу предварительных симптомов Эдвардс относит рост социальных перемещений, рост безнравственности, появление «уклоняющейся диспозиции» и улучшение благосостояния угнетаемых. Двумя главными обязательными симптомами, от которых впоследствии развиваются дополнительные (производные) симптомы, Эдвардс считает «смещение лояльности интеллектуалов» и «социальный миф». Говоря о каждом из симптомов, автор указывает на то, что они могут встречаться и в стабильных обществах, но в предреволюционном они обязательны.

Рост безнравственности, характеризующийся распространением отличающихся от общепринятых стандартов установок и поведения, а, следовательно, дисфункции в работе системы социального контроля, также свидетельствуют о протекании специфичных процессов трансформации. Категория безнравственности раскрывается Эдвардсом через рассмотрение различного рода девиаций (проституции, жестокости, убийств, коррупции и т.д.) [3].

Из анализа причин революции логично следует рассмотрение и объяснение ее исходов. С одной стороны, объясняется, почему власть становится неспособной сдерживать растущее социальное напряжение, с другой, – почему фракция интеллектуалов-реформаторов из числа оппозиции после смещения старой власти становится неэффективной, и с третьей, – почему ключевые позиции в новой социальной иерархии занимают не интеллектуалы, а решительные, тоталитарно ориентированные «фанатики» или «военные вожди».

В России со второй половины XIX века, и особенно с 1860-х гг., активизируется процесс исследования общественных явлений как с социально-философской, так и научно-социологической точки зрения. Социальные науки распространяются и влияют в России на широкие слои образованной общественности. Появляются различные социологические школы, разрабатываются теории, проводятся эмпирические исследования.

Среди опубликованных работ многочисленны идеологические, а также публицистические свидетельства плачевного положения народа в дореволюционной России. Наряду с этим, можно выделить весьма небольшой круг текстов, касающихся

анализа революции как социального феномена. Среди тех, кто писал о революции хотя бы в отдельных параграфах своих работ с позиций социологического анализа можно назвать М.А. Бакунина, Н.А. Бердяева, Л.М. Блюменталья, М.М. Бордкина, С.Н. Булгакова, Г.М. Вырубова, П.А. Кропоткина, В.И. Ленина, К.Н. Леонтьева, В.П. Осипова, Г.В. Плеханова, В.В. Розанова, В.Н. Сперанского, С.Л. Франка, В.М. Чернова, И.Н. Шилова и др. В работах названных авторов проводился анализ революции по нескольким основаниям:

- Рассматривается роль масс в процессе изменения социальной действительности, а также связанные с этим социально-психологические моменты;
- Изучается влияние процессов аномии на функционирование общества и жизнедеятельность отдельных индивидов;
- Анализируется специфика протекания данных процессов, взаимосвязь с социокультурными основами общества;
- Интерпретируются идеологические работы революционных лидеров.

В советское время понятию «социальная революция» приписывалось по преимуществу идеологическое значение, а само явление изучается в рамках исторического материализма.

Можно отметить существенные расхождения в объяснениях понятия революции в марксистской и немарксистской социологической традиции, и даже более того, – в понимании данного феномена внутри названных теоретических направлений. На сегодняшний день достаточно полное обобщение и систематизацию определений рассматриваемого понятия можно найти в работе П. Штомпки «Социология социальных изменений». Штомпка выделил два подхода к определению революции: историософский и социологический, а затем привел примеры интерпретации данного социального феномена представителями обозначенных позиций.

В историософской традиции революция интерпретируется как «радикальный разрыв непрерывности, фундаментальная трещина, катаклизм-прорыв» в ходе истории» [4, с.370]. Частным примером подобного взгляда является видение революции К. Марксом как качественного скачка при переходе на более высокую ступень

развития.

Социологический подход, согласно Штомпке, характеризуется смещением акцентов «с всеобщих моделей и конечных результатов на движущие силы и альтернативные сценарии социальных процессов, средства, которые люди используют для того, чтобы творить и преобразовывать историю» [4].

В чистом виде ни историософский, ни социологический (в том виде, в котором его определяет Штомпка) аспекты не встречаются в современных определениях революции, однако как та, так и другая методологические позиции оказали влияние на формирование представлений о революции.

Большинство современных исследователей феномена революции в позитивном или негативном смысле находятся под влиянием обозначенных теоретических положений, пытаясь их доказывать, углублять или опровергать.

Обозначенный круг проблем в контексте теории социальных изменений остро стоит перед нынешним поколением исследователей общественной жизни. Требуются концепции, позволяющие ориентироваться в трансформирующемся обществе, в условиях становления новых правил взаимодействия отдельных элементов и подсистем внутри видоизменяющейся социальной структуры. Современные общества вынуждены вырабатывать новые стратегии своего функционирования, основываясь на понимании того, что каждая социальная система находится в состоянии динамики, а именно, постоянного становления и изменения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батыгин Г. С. Лекции по методологии социологических исследований. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 286 с.
2. Изменяющаяся Россия в зеркале социологии / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Н. Тихоновой. – М.: Летний сад, 2004.
3. Грязнова О. С., Подвойский Д. Г. Социология революции Лайфорда Эдвардса // Социологический журнал. – 2005. – № 1. – С. 73-100.
4. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
5. Розов Н. С. Стагнация социологии как выражение общего недуга российского общественного знания. URL: <http://polit.ru/article/2008/10/09/rozov/> (дата обращения 12.10.2017).
6. Горшков М.А. Российское общество как новая социальная реальность // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. Ред. М.К. Горшков. – Вып.6. – М.: Институт социологии РАН, 2007. – С. 3-9.

Г.Б. Брагиров

г. Оренбург

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗРЕЛИЩНЫХ ФОРМ ИСКУССТВА ДЛЯ
ПРОПАГАНДЫ ИДЕЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1920–1930-Х ГГ.**

В статье рассматриваются процесс приобщения отечественных театра и кино к задачам пропаганды идей революции и гражданской войны в 1920–1930е гг., проводимой в рамках советской идеологической политики.

Ключевые слова: театр, кинематограф, пропаганда, революция, гражданская война.

G. B. Bragirov

Orenburg

**THE USE OF SPECTACULAR FORMS OF ART TO PROMOTE THE IDEAS
OF REVOLUTION AND CIVIL WAR IN SOVIET RUSSIA 1920-1930**

The article discusses the process of familiarizing the Russian theatre and cinema to the task of propaganda of the ideas of the revolution and the civil war in 1920–1930e., held in the framework of the Soviet ideological policy.

Key words: Theater, cinema, propaganda, revolution, civil war.

Большевики, завоевавшие в октябре 1917 г. в России государственную власть, столкнулись с ситуацией глубокого социального раскола в стране. При этом в России к осени 1917 г. неоспоримо преобладала, та часть населения, которая имела весьма условное и поверхностное представление о политике и перспективах будущего страны. В их поддержке советской власти отразилось желание быстро изменить тяжёлое положение, вызванное Первой мировой войной и революционным кризисом. Быстрое очарование призывами к радикальным преобразованиям, без достаточного понимания сути этих изменений, создавало перспективу такого же быстрого отказа со стороны большинства российского общества поддерживать

новую власть. И недовольство политикой «военного коммунизма» среди народных масс стало проявляться уже в годы Гражданской войны.

Поэтому в долгосрочных планах развития республики Советов была необходима широкомасштабная идеологическая работа с населением России для создания устойчивого восприятия объективности и справедливости революции и гражданской войны. Однако эта работа осложнялась такими факторами, как безграмотность значительной части населения, отсутствие радио для трансляции нужной информации, недостаточным распространением газет и журналов. Этим объясняется большое внимание партийных лидеров к зрелищным видам искусства и стремление использовать их в идеологической работе – «В Советской рабоче-крестьянской республике вся постановка дела просвещения, как в политико-просветительной деятельности вообще, так и специально в области искусства, должна быть проникнута духом классовой борьбы пролетариата за успешное осуществление целей его диктатуры» [4, с. 336]. Искусство, доступное широким массам, воспринималось идеологами и организаторами революции как эффективный инструмент воздействия на общественное сознание и «перевоспитания» большей части населения в убеждённых приверженцев социалистической идеи. Такими ценными для идеологической работы качествами отличались именно такие зрелищные виды искусства как театр и кино.

В указанный период театральное искусство полностью включается в советскую идеологическую систему. Театральные постановки и репертуар должны были отвечать целому ряду жёстких критериев, одним из которых была определённая тематика театральных постановок. При сохранении классических отечественных и иностранных произведений, главное место в репертуаре должны были занять пьесы, посвященные новой эпохе, отражающие процесс возникновения и развития социалистического строя, провозглашающие истинность коммунистических идеалов. Безусловно, начало советской драматургии было положено спектаклями о революции 1917 г. и гражданской войне. Развитие советской драматургии, посвящённой революции и гражданской войне проходило постепенно и заняло довольно продолжительный период. Первый этап характеризуется появлением пьес, написанных

быстро, поверхностно отражающих происходящие в стране события. Предназначены они были для зрителей, которые не были хорошо знакомы с театральным искусством, что определило упрощённость содержания постановок, их символизм и схожесть с популярными в то время политическими плакатами. Образцом для них стала постановка в ноябре 1918 г. В.Э. Мейерхольдом пьесы В.В. Маяковского «Мистерия-буфф». В 1918 – 1920 гг. по российским городам прокатилась «волна» зрелищных массовых постановок, посвящённых революции и гражданской войне – «Восхваление революции», «Свержение самодержавия», «Взятие Зимнего» и др. Они были похожи на революционные митинги и массовые манифестации, где эмоционально выражался революционный порыв народных масс. Во время таких представлений в них вовлекались простые зрители, и количество участников театрализованных действий могло насчитывать более тысячи человек. Организовывали их профессиональные актёры и режиссёры, поддерживающие революцию и советскую власть [2]. Агитационные пьесы, посвящённые революции и гражданской войне часто ставили для красноармейцев театральные труппы, работающие при частях Красной Армии во время гражданской войны [7, с. 5].

Для реализации политики в области культуры и решения идеологических задач советская власть нуждалась в единой системе управления театрами, без которой было невозможно контролировать их репертуар и творческую деятельность. Поэтому уже в январе 1918 г. при Народном комиссариате просвещения (Наркомпросе) был создан Театральный отдел (ТЕО), на который было возложено общее руководство театральным делом в РСФСР. Основная задача ТЭО состояла в создании нового театра, отвечающего перестройке государственности и общественности на началах социализма [6, с. 140-143].

Для контроля литературных и художественных произведений, в том числе и пьес, 6 июня 1922 г. было создано Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит) – особый орган Наркомпроса, выполнявший функции цензурного комитета. При Главлите 9 февраля 1923 г. создаётся Главный репертуарный комитет (Главрепертком), в основную задачу которого входил контроль над репертуаром всех художественных учреждений страны. В Главреперткоме составлялись

и рассылались по стране репертуарные списки с разделением пьес на три группы – безусловно разрешенных, условно разрешенных, запрещенных [5, д. 808, л. 39]. XII съезде РКП (б) 1923 г. ставит перед театрами конкретные задачи систематической массовой пропаганды идей борьбы за коммунизм [3, с. 111]. На нём же принимается решение о переходе в идеологической работе от митинговой агитации к массовой пропаганде. Эти меры меняли ситуацию с театральным репертуаром, который обязательно должен был включать тематику революции и гражданской войны. Однако качественных советских пьес на нужные темы до середины 1920х гг. не было. Что было вполне естественно – авторам нужно было время для осмысления событий, конструирования сюжетной идеи, создания образов героев. Задержали появление театральных постановок революционной тематики и условия нэпа. Хозрасчёт заставлял губернские и уездные театры зависеть от кассовых сборов и ориентироваться на вкусы состоятельной нэпманской публики.

К 1925 – 1927 гг. советская драматургия добивается серьёзных творческих успехов, а актёры и режиссёры проделывают плодотворную работу над постановками этих произведений. Из них революции и гражданской войны были посвящены: «Разлом» Б. Лавренева; «Вириная» Л. Сейфуллиной; «Барсуки» Л. Леонова; «Шторм» В. Билль-Белоцерковского и «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова; «Любовь Яровая» К. Тренева. После постановления ЦК ВКП(б) от 30 мая 1931 г. об издании «Истории гражданской войны» появляются новые пьесы – «Первая конная» и «Оптимистическая трагедия» В. Вишневского, «Чапаев» по роману Д. Фурманова, «Интервенция» Л. Славина и др., которые быстро осваиваются советскими театрами. Вторая половина 1930-х гг. была связана с освоением сакральной советской темы – Ленинианы. Эти спектакли были результатом политики ВКП (б) в области массового сознания – «тем огромным задачам, которые партия и правительство ставят перед искусством», имел своей целью «правдивое воссоздание средствами сценической выразительности образов гениальных вождей человечества В.И. Ленина и И.В. Сталина, углубленный показ огромных событий эпохи гражданской войны» [1, д. 8, л. 14].

Тематика революции и гражданской войны, создание героических образов ее

политических лидеров, командиров Красной Армии и простых участников тех событий всецело отразились и в советском кинематографе. Развитие советского кино, ставшего самым популярнейшим видом зрелищного искусства в советской России, имело свою специфику. Считается, что В.И. Ленин, давал ему оценку как важнейшему из всех искусств, поскольку народ был безграмотен. Но отечественный кинематограф не имел в первое десятилетие существования советского государства серьёзной творческой, кадровой и материально-технической базы, сопоставимой с отечественным театром. До революции он только зарождался и был порождением научно-технического прогресса XIX в. Для его развития были необходимы не только специалисты, помещения, декорации, он не мог развиваться без соответствующих технических средств. Отметим, что отечественные киноаппараты и киноплёнка стали производиться только в начале 1930-х гг.

Несмотря на дефицит технического оборудования, отразившийся на съёмках кинохроник, уже в первые годы возникновения советской республики стало развиваться советское документальное кино. Вначале оно было представлено в виде агитационных фильмов. Эти агитфильмы, подобно «Окнам РОСТА» (плакатам тех лет), объясняли народным массам правительственные лозунги и важнейшие задачи момента: «Все под ружье!», «Чините паровозы!», «Уплотнение» и т.д. Создавали агитфильмы Л. Кулешов, Ю. Желябужский, В. Гардин, А. Разумный и др. Среди первых режиссеров нужно отметить Д. Ветрова, превратившего кинохронику из средства информации в искусство образной публицистики и открывшего новые приемы кино, придавшие ему особую выразительность.

Советское правительство активно создавало условия для развития советского кинематографа. В 1919 г. был создан кинематографический техникум, преобразованный в 1938 г. во Всесоюзный государственный институт кинематографии (ВГИК). Большой вклад в подготовку советских кинематографистов внёс Л. Кулешов. В конце 1920 – начале 1930-х гг. создаётся база кинематографии: открыты новые оборудованные киностудии, кинотеатры, снабженные отечественными проекторами, налажен выпуск киноплёнки, созданы оригинальные системы звуковой

киноаппаратуры. Первыми выдающимися советскими режиссерами стали С.М. Эйзенштейн, В.И. Пудовкин, А.П. Довженко.

Помогая организационно и материально развитию кинематографа советское правительство ставило перед ним те же идеологические задачи, как и перед театром. Так в 1924 г. на XIII съезде РКП (б) было озвучено требование «обеспечить идейное руководство и контроль со стороны государства и партии», всецело противодействовать превращению кино «в проповедника буржуазного влияния и разложения трудящихся масс». Поэтому, партийное руководство чётко определило главную задачу кинематографа – создание кинокартин про революционную борьбу, Ленина и видных деятелях революционного движения, про становление нового быта, счастливого, справедливого общества и т.п. Именно революционная тематика была отражена в первых удачных советских художественных фильмах С.М. Эйзенштейна («Стачка» и «Броненосец Потемкин», «Октябрь»), отличавшихся эпичностью и масштабностью показа событий. В.И. Пудовкин старался раскрыть революционную тему в своём кино («Мать», «Конец Санкт-Петербурга», «Потомок Чингис-хана») через судьбы отдельных людей. Яркой страницей истории отечественного кинематографа является творчество А.П. Довженко, который также выбирает для своих фильмов тему революционной борьбы («Арсенал»). Необходимо отметить и успешную работу в этом направлении режиссеров старшего поколения (Ф.М. Эрмлера, Я.А. Протазанова и др.).

Основное место в советском кино 1930-х гг. заняла историко-революционная тематика. В число таких фильмов входят «Мы из Кронштадта» (реж. Е.Л. Дзиган), «Комсомольск» (реж. С.А. Герасимов), «Трилогия о Максиме» (Г.М. Козинцев и Л.З. Трауберг), «Депутат Балтики» (А.Г. Зарх и И.Е. Хейфиц) и др. Одним из самых прославленных историко-революционных фильмов стала кинокартина 1934 г. «Чапаев» (реж. братья Васильевы). Конечно в 1930-е гг. снимаются целый цикл фильмов о В.И. Ленине – «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году» М.И. Ромма; «Человек с ружьем» С.И. Юткевича. Специфика киноискусства, предлагавшего зрителю более динамичное, образное, масштабное зрелище стала причиной высокой потребности просмотра кинофильмов у населения.

К середине 1930-х гг. советский театр и советское кино достигли более высокого уровня развития. С одной стороны это выражалось в творческих достижениях – более качественной работы режиссеров, актёров, сценаристов, постановке спектаклей и съёмках фильмов, вызывающих устойчивый интерес зрителей. С другой стороны, проводилась политика ценовой доступности билетов. Существенно увеличивается количество стационарных театров и кинотеатров. Так в 1918 г. в РСФСР действовало 250 театральных предприятий, а к середине 1930-х гг. их насчитывалось уже 405. Кинотеатров же стало 30 тыс. к указанному периоду против 2 тыс. по данным за 1920 г. Происходит развитие сети обслуживания населения с помощью передвижных колхозно-совхозных театров и киноустановок. Всё это способствовало расширению доступности театра и кино для советских граждан.

При этом театральные постановки и кинокартины были направлены на решение конкретных идеологических задач, с которыми прекрасно справлялись. В советской идеологической политике использовался целый комплекс средств, включавших и образовательные программы, и СМИ, и различные виды искусства. Однако именно эти зрелищные виды искусства позволяли быстро и прочно закрепить в общественном сознании советских граждан устойчивые установки и оценки событий революции, гражданской войны, а так же сформировать нужное отношение к различным политическим деятелям и силам.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАОО. Ф.1581. Оп.1. Д.8. Л.14.
2. Коммунар. 1920. 26 июня.
3. Из резолюции XII съезда РКП(б) 1923 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1988): в 16-ти т. / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. Изд-е 9-е, доп. и испр. М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1984. Т. 3. 1922-1925. С. 51-129.
4. Ленин В. И. О пролетарской культуре // Ленин В. И. Полное собрание сочинений в 55 т. Изд-е 5-е. М.: Изд-во полит. литературы, 1981. Т. 41. С. 336-337.
5. РГАСПИ. Ф.17. Оп.60. Д.808. Л.39.
6. Сборник декретов и постановлений Рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. М., 1919. Вып. 1. 204 с.
7. Хайченко Г.А. Советский театр. Пути развития. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Знание, 1982. 240 с.

Л.А. Волошина, Е.А. Леонтьева

г. Оренбург

**ЛИКВИДАЦИЯ НЕГРАМОТНОСТИ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ ЮЖНОГО УРАЛА)**

В статье рассматривается одна из первоочередных задач новой советской власти – ликвидация неграмотности взрослого населения страны.

Ключевые слова: история России, история Южного Урала, неграмотность, малограмотность.

L.A. Voloshina, E.A. Leontyeva

Orenburg

**LITERACY IN THE FIRST DECADES OF SOVIET POWER
(ON MATERIALS OF THE SOUTHERN URALS)**

The article discusses one of the priorities of the new Soviet government – the elimination of illiteracy among the adult population.

Key words: the history of Russia, history of the southern Urals, illiteracy, illiteracy.

Революционные события 1917 г. изменили государственное и общественное устройство России. Преобразования коснулись всех сфер жизни общества, в том числе и образования.

Ликвидация неграмотности прежде всего взрослого населения рассматривалась как одна из первоочередных задач советской власти. Еще в 1913 г. Ленин писал: «Такой дикой страны, в которой массы народа настолько были ограблены в смысле образования, света и знания, – такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России» [12, с.127].

В 1919 г. СНК принял декрет "О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР", согласно которому население от 8 до 50 лет обязывалось обучаться грамоте. Для выполнения данного решения предусматривалось сократить рабочий день на 2 часа для обучающихся с сохранением заработной платы, мобилизовать

грамотное населения в порядке трудовой повинности, организовать учет неграмотных, предоставить помещения кружкам ликбеза для занятий.

Первый опыт работы в 1920-е годы показал, что проблема ликвидации неграмотности значительно более трудна, чем предварительно считали. Как оказалось, ее невозможно решить в ходе одной кратковременной кампании, опираясь на общественность, необходимы были длительные организационные усилия специалистов, поэтому работа продолжалась в течение всех 1930-х годов.

В 1931 г. специальным постановлением Совнаркома РСФСР вводилось всеобщее обучение неграмотных в возрасте от 16 до 50 лет [7, с.37]. Намеченные цели выполнить не удалось и в 1936 г. вышло новое постановление СНК СССР «О работе по обучению неграмотных и малограмотных» [17; 9, с.87; 7, с.240], которое призывало в ближайшие 2 года покончить с безграмотностью населения в возрасте до 50 лет.

Объем работы по ликвидации неграмотности и малограмотности был огромен. Как показала практика существовали реальные шансы рецидива неграмотности. Поэтому практически каждого обученного грамотного на следующий год приходилось пропускать через школу малограмотных, что во многом увеличивало организационные расходы.

Достигнутое в 1930-1932 гг. практически всеобщее начальное обучение детей школьного возраста уменьшило приток новых неграмотных. В связи с этим успехи в деле ликвидации неграмотности среди взрослого населения в новом десятилетии стали более заметны. Однако проблемы оставались. Архивные документы того периода говорят как о реально достигнутых положительных результатах, так и о продолжавшемся желании властей как можно скорее решить «устаревшую» проблему.

За один только учебный год (1934-1935 гг.) в Оренбургской области из 35 тыс. неграмотных обучалось 12339 человек (35,7%), из 70740 малограмотных – 19713 (28,1%), в Челябинской области – соответственно из 39 тыс. неграмотных – 12 тыс. человек (30,8%), из 124 тыс. малограмотных – 16,9 тыс. (13,6%). За тот же период план ликвидации безграмотности (ликбеза) в БАССР выполнен на 28% [13,

с.34; 11, с.121; 10, с.25; 18, с.29].

Правительство страны ставилась задача полностью ликвидировать неграмотность трудоспособного населения. Вводились новые формы обучения грамоте – дифференцированный подход в комплектовании школ грамоты по возрастному, профессиональному или партийно-корпоративному признаку. Учебные группы образовывали из людей, имеющих общие цели и интересы; создавались условия для личной заинтересованности людей в обучении грамоте.

В 1930-е годы начинается массовое обучение неграмотных допризывников. Степень грамотности отмечалась в военном билете [4, л. 1, 5, 10, 19, 26]. Для лиц, не достигших призывного возраста, создавались специальные курсы или школы допризывников. Обучением были охвачены допризывники, которые по каким-то причинам остались неграмотными (например, переростки, нацмены и др.). В Оренбургской области за 9 месяцев 1936 г. обучено 1,3 тыс. неграмотных допризывников и 2,9 тыс. малограмотных. За первое полугодие 1938 г. из учтенных 901 неграмотных допризывника обучалось 748, а из учтенных 7213 малограмотных – 5933 человек [1, л.25; 2, л.19; 13, с.34].

Центральные и местные периодические издания регулярно давали информацию о ходе кампании по ликвидации неграмотности. Повсеместно разворачивались соревнования за звание села, района сплошной грамотности. Неоднократно пресса критиковала органы народного образования за слабую, по ее мнению, организационную работу. И было за что. Так, в Челябинской области по данным 33-х районов обучалось только 47% от общего числа учтенных неграмотных и 39% малограмотных. В некоторых районах области дела обстояли еще хуже, например, в Троицком районе было охвачено лишь 17% неграмотных, в Лебяжьеvском – 20%, Шумихинском районе только 5% неграмотных привлечено к обучению (16, Л.30). Похожую ситуацию можно было наблюдать и в некоторых районах Оренбургской области (Домбаровский, Александровский, Ново-Орский). Данная ситуация объяснялась тем, что органы власти, занятые проблемами всех сторон жизни общества, объективно не могли постоянно контролировать весь ход культурного строительства [6, с.101]. В связи с этим в 1936 году выходит новое постановление СНК СССР «О

работе по обучению неграмотных и малограмотных» 1936 г. [17; 9, с.87; 7, с.240]. В нем отмечались успехи в борьбе с неграмотностью среди взрослого населения за первую и вторую пятилетки (было обучено за эти годы около 40 миллионов трудящихся), постановление в то же время указывало на бездействие партийных, советских и профессиональных организаций. Данное постановление устанавливало положение, что с 1936 г. среди призывников не должно быть ни одного неграмотного и малограмотного.

Для школ неграмотных и малограмотных были разработаны учебные планы и установлены сроки окончания ликвидации неграмотности и малограмотности. Например, за 1935-1937 учебные годы планом предусматривалось обучить в целом по стране около 8 млн. неграмотных, в регионах Южного Урала эта цифра колебалась от 80 тыс. (в Челябинской и Оренбургской областях) до 300 тыс. человек (в БАССР). За три года с 1935 по 1938 гг. ставилась задача обучить 27200 тыс. малограмотных по стране, в том числе – 400 тыс. человек – в Оренбургской области и 900 тыс. – в Челябинской [19, л.20-21, 23-24].

Основными проблемами в ходе ликвидации неграмотности являлись: нехватка квалифицированных кадров, катастрофический недостаток учебников, бумаги, слабое проведение массово – разъяснительной работы среди населения. В ряде районов Оренбургской области (Шарлыкском, Акбулакском, Краснохолмском) руководство практически не уделяло внимание ходу ликвидации неграмотности и малограмотности. В 1939 г. они имели в общей сложности 8 тыс. неграмотных и не обучили за год ни одного [20]. В селах и городах, в которых привлекалось внимание всего населения, партийных и советских организаций, наблюдались значительные успехи в ликвидации неграмотности. Так, в Оренбургской области Андреевский район был объявлен районом сплошной грамотности, руководство которого понимало значимость проведения этой работы [2, л.4; 20, л.46].

Стабильнее всего ситуация с обучением неграмотных наблюдалась в школах, организуемых непосредственно на предприятиях, например, при Златоустовской железной дороге, Уфалейском никелевом, Челябинском цинковом, Магнитогор-

ском заводах. Здесь рабочие были объединены общностью жизни, работы, а главное, в заводских школах существовала реальная возможность охвата всех неграмотных рабочих. Обучение грамоте на предприятиях находилось под жестким контролем его руководства [6, с.41].

К концу 1930-х годов проблема ликвидации неграмотности начала терять остроту. Страна постепенно становилась грамотной. Руководство страны заявило, что на 1936 г. грамотность населения страны составила 90%. Эта цифра показывала лишь количество неграмотных, которые были учтены и прошли обучение в школах. На самом деле, реальная грамотность населения была несколько ниже, так как на Южном Урале в течение 1936-1940 гг., как показывают архивные документы, продолжался текущий учет неграмотных; всё также работали школы для обучения трудового населения; организовывались ликпункты на заводах, предприятиях, учреждениях и организациях в Челябинске, Оренбурге, Кургане, Уфе. Местные органы власти предполагали окончательно ликвидировать неграмотность в 1942-1943 гг. [5, л.31; 3, л.5].

Согласно данным переписи населения 1939 г. грамотность жителей РСФСР в целом и на Южном Урале в частности в возрасте от 9 до 49 лет была примерно одинаковой – от 84,6% до 87,9%. Грамотность городского населения незначительно превышала грамотность сельского, например, в Челябинской области считали себя грамотными 91,7% горожан и 84,8% сельских жителей, в Чкаловской области – соответственно 93% и 85,9%. Грамотность населения БАССР составляла 84,6%. По результатам переписи грамотных мужчин в РСФСР было больше, чем грамотных женщин – соответственно 93,5% против 81,6%, в Челябинской области – 93% против 81,4%, в Чкаловской – 95,1% против 80,8%, в БАССР – 92,4% против 77,7% [14, с.74; 15, с.9; 18, с.35; 21, с.50].

Таким образом, ликвидировать абсолютную неграмотность к началу Великой Отечественной войны не удалось. Значительных результатов страна смогла добиться лишь к 1950-м годам. Процент неграмотного населения оставался незначительным (10-20%), и это были люди, которые по объективным причинам не могли

овладеть грамотой (например, старики в силу своего возраста являлись необучаемыми). Из всего вышеизложенного следует, что в стране, и в том числе на Южном Урале, проблема ликвидации среди взрослого населения азбучной неграмотности была в основном решена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 846. Оп. 1. Д. 341.
2. ГАОО. Ф. 846. Оп. 1 Д. 353.
3. ГАОО. Ф. 1893. Оп. 3. Д. 3252.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1893. Оп. 2. Д. 5.
5. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 5101.
6. Загребин С. С. Культурная политика российского государства (общенациональные доминанты и региональные особенности): монография. Челябинск: Абрис, 2006.
7. История Советского Урала. 1933 – 1945 гг. / Под ред. В. А. Саматова. Свердловск: УрГУ, 1979.
8. История Урала / Под ред. И. С. Капцуговича. Т.2. Пермь: Кн. изд - во, 1977.
9. КПСС и рост духовной культуры советского рабочего класса (1917 – 1980 гг.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1982.
10. Культурная революция на Урале. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд - во, 1966.
11. Культурное строительство в Оренбуржье. Документы и материалы. 1918 – 1941 гг. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд - во, 1985.
12. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 28. М.: Политиздат, 1969.
13. Леонтьева Л.А. Ликвидация неграмотности населения Оренбургской области в 30-е годы XX века / Оренбургский край: история, традиции, культура. Оренбург: ГУК «Областной методический Центр народного творчества», 2009.
14. Народное образование, наука и культура в Оренбургской области: стат. сб. Оренбург, [б.и.], 1975.
15. Народное образование, наука и культура в СССР. Стат. сб. М: Статистика, 1977.
16. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 288. Оп. 1. Д. 187.
17. Правда. 1936. 27 февраля.
18. Развитие культуры уральской деревни (1917–1987 гг.). Свердловск: УрО АН СССР, 1990.
19. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 120Д. 228.
20. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДННЮО). Ф. 371. Оп. 4. Д. 2.
21. Челябинская область. (Краткий статистико-экономический справочник). Челябинск: Челябинский рабочий, 1941.
22. Чкаловская коммуна. 1939. 17 октября.

УДК 79:374.72(09)

М.А. Ермакова, А.А. Ляшенко

г. Оренбург

ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВВЕДЕНИЯ КОМПЛЕКСА «ГОТОВ К

ТРУДУ И ОБОРОНЕ» В ПЕРИОД 1917-1940 ГГ.

В статье представлены основные этапы становления и развития физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» сыгравшего исключительную роль в физкультурном движении СССР в период 1917-1940 гг. В довоенное время государству нужны были миллионы сильных и смелых граждан, возникла необходимость в создании единой системы физического воспитания, отвечающей новым реалиям времени.

Ключевые слова: *воспитание, физическое воспитание, ГТО, патриотизм, массовый спорт, физкультурное движение, нормативы, спортивные клубы.*

M. A. Ermakova, A. A. Lyashenko

Orenburg

HISTORICAL ANALYSIS OF THE INTRODUCTION OF THE COMPLEX «READY FOR LABOR AND DEFENSE» IN THE PERIOD 1917 -1940'S.

The article presents the main stages of formation and development of physical culture and sports complex "Ready for labor and defense" played an exceptional role in the physical movement of the Soviet Union in the period 1917-1940 gg. Before the war the government needed millions of strong and brave citizens, the necessity arose to create a single system of physical education that meets the new realities of the time.

Key words: *education, physical education, TRP, patriotism, mass sports, physical movement, standards, and sport clubs.*

История комплекса «Готов к труду и обороне», сыгравшего исключительную роль в физкультурном движении СССР, началась в 20-е гг. XX в. Народу нашей Родины после 1917 г. достался в наследство не только низкий уровень механизации производства, голод, хозяйственная разруха, но и отсутствие какой – либо системы физического воспитания и спорта. Поэтому не было как массовой физической культуры, так и высоких спортивных достижений отдельных спортсменов.

В первые годы (начиная с апреля 1918 г.) руководство всей работой по физической подготовке было возложено на Главное управление всеобщего военного обучения (Всеобуч), основная цель которого состояла в подготовке молодежи для военной службы в Красной армии. В том же году ВЦИК РСФСР принимает декрет «Об обязательном обучении военному искусству», согласно которому, мужчины и женщины от 18 до 40 лет обязаны обучаться военному делу по месту работы. Во время Всеобуча проводились восьминедельные военно-спортивные сборы добровольцев от 18 до 40 лет. Уже в мае 1918 г. на Красной площади был проведен первый парад физкультурников, участников Всеобуча. В октябре 1919 г. на II Всероссийском съезде Российской коммунистической союз молодежи в специальной резолюции «О физкультуре» постановил: «В спорткружках РКСМ нужно предпринять опыт построения ряда морально-нравственных правил в форме заповедей или законов, соблюдение которых обязательно для членов команды».

В 1920 г. при академии Рабоче-крестьянской Красной Армии появилось военно-научное общество (ВНО), а в 1923-1924 гг. – Общество друзей воздушного флота (ОДВФ) и Общество друзей химической обороны и химической промышленности (ДОБРОХИМ). В 1927 г. из военно-спортивных объединений было создано Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (ОСОАВИАХИМ), которое через год насчитывало в своих рядах около 2 млн. человек. Под эгидой ОСОАВИАХИМа по всей стране начали строиться тиры и стрельбища, организовываться аэроклубы и военно-спортивные кружки, где обучались таким специальностям, как телеграфист, парашютист, радист, моторист, медсестра, санитар, пилот и др. Перед всеми вышеперечисленными обществами стояла, по сути одна и та же задача, сформулированная народным комиссаром по военным и морским делам М.В. Фрунзе на I Всесоюзном совещании ВНО в мае 1925 г.: «Нам нужно покрепче внедрить в сознание всего населения нашего Союза представление о том, что современные войны ведутся не одной армией, а всей страной в целом, что война потребует напряжения всех народных сил и средств, что война будет смертельной, войной не на жизнь, а на смерть, и что поэтому к ней нужна всесто-

ронняя тщательная подготовка еще в мирное время» [2]. Постигание военного искусства требовало определенной физической подготовки. И в 1925 г. ЦК РКП (б) принял важное постановление «О задачах партии в области физической культуры», в котором были определены основы развития физкультуры и спорта в молодом советском государстве. В частности, в документе указывалось, что необходимо рассматривать физкультуру не только с позиции оздоровления нации, физического и нравственного воспитания людей, но и как один из способов производственной и военной подготовки молодежи. Это постановление стало значимой вехой в истории ГТО. При сельских и фабрично-заводских клубах профсоюзов начали открываться кружки физической культуры, создаваться секции по отдельным видам спорта.

В июне 1923 г. создается специальный государственный орган – Высший совет физической культуры, на который возлагалась вся работа по руководству физической культурой и спортом в РСФСР, что существенно оживило физкультурное движение. Всего за 2 года (с 1923 по 1925 гг.) численность занимающихся физическими упражнениями возросла более чем в пять раз – с 126 000 до 668 000 человек. В этот период времени начинают устанавливаться международные контакты с зарубежными спортсменами. В Москве и Петрограде открываются институты физической культуры. В 1928 г. проводится Первая Всесоюзная спартакиада, посвященная 10-летию физкультурного движения и первому 5-летнему плану. Спартакиада стала главным событием в физкультурном движении в конце 20-х годов. В ней участвовало свыше 7 000 человек, в том числе 612 рабочих – спортсменов из других стран [6].

24 мая 1930 г., в день своего 15-летнего юбилея, «Комсомольская правда» опубликовала подборку статей под заголовком «Крепкие мышцы, зоркий глаз нужны каждому трудящемуся!». В газете отмечалось, что, к сожалению, «занятия физическими упражнениями в наших кружках, на площадках и стадионах до сих пор еще мало приспособлены к требованиям производства, к требованиям обороны» и, выражая мнение Центрального комитета ВЛКСМ, предложила внести нормативы, которые смогли бы проверить готовность трудящихся Страны Советов к труду и обороне. Каждый, сдавший нормативы, получал право носить почетную

награду – значок с надписью «готов к труду и обороне» [1].

11 марта 1931 г. Всесоюзный совет физической культуры при ЦИК ССР утвердил комплекс «Готов к труду и обороне СССР». Целью вводимого комплекса было «дальнейшее повышение уровня физического воспитания и мобилизационной готовности советского народа, в первую очередь молодого поколения» [1]. Впервые введенный комплекс состоял из одной ступени, которая включала 15 нормативов по различным физическим упражнениям. Кроме того, сдающие комплекс должны были знать основы советского физкультурного движения и военного дела. Работу по организации и проведению комплекса ГТО обеспечивали советы коллективов физической культуры (спортивные клубы):

- В общеобразовательных школах, профессионально-технических, средне специальных и высших учебных заведениях при непосредственном участии преподавателей и руководителей кафедр физического воспитания, военной подготовки и гражданской обороны под общим руководством и контролем директоров (ректоров) учебных заведений и при активном участии комсомольских и других общественных организаций;
- На предприятиях, стройках, в учреждениях, совхозах и колхозах при непосредственном участии инструкторов, тренеров, методистов под руководством фабричных, заводских и местных комитетов профсоюза и при активном участии комсомольских организаций, штабов гражданской обороны, организации ДОСААФ, ОСВОД.

Материальное обеспечение для работы по комплексу возлагалось на администрацию предприятий,строек, учреждений, совхозов, школ, учебных заведений и на правление колхозов. Для контроля за работой по комплексу ГТО в каждом коллективе физической культуры (спортивном клубе) создавалась комиссия ГТО, в которую включались специалисты по физической культуре, представители администрации и общественных организаций: комсомола, профсоюза, штабов гражданской обороны, комитетов ДОСААФ. Состав комиссии утверждался городским или районным комитетом по физической культуре и спорту.

7 декабря 1932 г. была введена вторая, более сложная ступень ГТО. Комплекс

ГТО II включал такие виды испытаний, как пробежка с винтовкой в полном обмундировании, кросс по пересеченной местности, преодоление препятствий с винтовкой и в военном обмундировании, пеший поход с прохождением части пути в противогазе, прыжок в высоту, метание гранаты, плавание и ныряние, гребля с нагрузкой, велокросс, ходьба на лыжах и прыжки на лыжах с трамплина, освоение одного из видов самообороны, участие в спортивной игре, стрельба, гимнастика, вождение автомобиля или мотоцикла.

В 1934 г. утверждаются нормативные требования ступени БГТО («Будь готов к труду и обороне») для подростков 13-16 лет.

В мае 1934 года газета «Красный спорт» сообщила, что значки ГТО II под номерами с первого по десятый вручены командирам Рабоче-крестьянской Красной Армии, слушателям Военной академии имени М.В. Фрунзе. На торжественной церемонии нарком обороны К.Е. Ворошилов произнес: «Посмотреть на вас, так внешне как будто самые обыкновенные люди, обыкновенные наши командиры. А между тем именно вы сумели первыми не только в Красной Армии, но и во всей стране, обладающей тысячами отличных физкультурников, добиться почетного значка ГТО II – своего рода ордена». Популярность комплекса ГТО у населения советской страны была огромной. Так в 1931 г. значки ГТО получили 24 000 физкультурников, 1932 г. – 465 000, в 1933 г. – 885000. К середине 30-х гг. количество значкистов ГТО достигло 1,2 млн. человек.

Важным элементом в системе физкультурной пропаганды являлась работа среди детей и юношества. Издавались специальные листовки с призывами: «Каждый комсомолец должен быть значкистом. Должен выполнять решения ЦК комсомола. Сдача норм ГТО I, II ступени как основа советской культуры». Шефство коллективов физкультуры над школой, помощь школьным физкультурникам стала повсеместной практикой. Детские коллективы организовывались по возрастам: 8-10 лет, 11-13, 14-16. Пристальное внимание обращалось на организацию детей – одиночек. Работа с детьми строилась с использованием естественных факторов оздоровления (солнце, воздух и вода) и с установкой на привитие санитарно-гигиенических и физкультурно-организационных навыков.

В 1934 г. в СССР начали создаваться детские спортивные школы, первыми из них были «Юный спартаковец» и «Юный динамовец», (сформированные на базе отряда ОГПУ). Согласно новой школьной программе по физической культуре от 1937 г. учебный материал в школах классифицировался по видам спорта, а не по основным видам движений, как это практиковалось ранее.

Предполагалось, что сдавший нормативы на значок ГТО, должен вести активную агитационную работу, подготовить на сдачу комплекса не менее 20 человек, участвовать в организации коллектива (кружка), выполняя одну из общественных обязанностей (член бюро физкультуры, руководитель секции, судья и т.д.). Вот так выглядели итоги «месячника по значку ГТО» в г. Баку: «Проведено по всем фабрикам и заводам 24 митинга, 77 бесед, 20 докладов и 2 вечера физической культуры, посвященных комплексу ГТО, проведен радио – митинг; выпущено 150000 листовок, развешены и расклеены по городу плакаты и лозунги, проведена общегородская эстафета с участием 18 коллективов крупных заводов и фабрик; выпущено 5 номеров газеты «ГТО».

К началу 1941 г. физкультурная работа в СССР достигла немалых успехов: в стране насчитывалось более 62 000 коллективов физкультуры, объединявших более 5 млн. физкультурников, число сдавших нормативы ГТО I составило более 6 млн. человек, ГТО II – более 100 000 человек.

Таким образом, введение комплекса ГТО в 1931 г. несомненно, было для советского периода прогрессивным. Патриотическая значимость и практическое содержание комплекса ГТО прошли суровую проверку в период Великой Отечественной войны и в тяжелые послевоенные годы. Благодаря ГТО, миллионы советских людей получили навыки маршевой, лыжной, стрелковой подготовки, плавания, метания гранат, а также сформировалось уважительное отношение к языкам, традициям к культуре народов, проживающих в СССР. Самый удачный спортивный проект СССР прекратил свое существование в 1991 году.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахметшина, Г.Х. О формировании гражданской идентичности учащейся молодежи /

- Г.Х. Ахметшина // Образование и саморазвитие. 2014. №3 (41). С.83-85.
2. Бородин, Е.Т. Русская идея есть идея патриотизма / Е.Т. Бородин // Педагогическое образование и наука. 2010 №1. С. 49-53.
 3. Истягина-Елисеева, Е.А. Военно-патриотическое воспитание молодежи средствами спорта и комплекса ГТО в период 1917-1940 гг. / Е.А. Истягина-Елисеева // Историческая и социально-образовательная мысль. Т.7 №6 часть 1, 2015.С. 49-51.
 4. Столбов, В.В. История физической культуры и спорта. / В.В. Столбов, Л.А. Финогенова, Н.Ю. Мельникова. М.: ФиС, 2000. 288 с.
 5. Рудякова, И.В. Комплекс ГТО (Готов к труду и обороне) в системе патриотического воспитания молодежи (исторический и политико-правовой аспекты) / И.В. Рудякова, А.В. Шемелин, А.И. Хохлов // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2016. Т. 22 №9. С. 82-90.
 6. Энциклопедический словарь по физической культуре и спорту / под редакцией Г.И. Кукушкина. М.:ФиС, 1963. 423 с.

УДК 811.161.1

А.В. Завадская

г. Оренбург

ВЛИЯНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА)

В статье рассматриваются изменения, произошедшие в словообразовательной системе русского языка под влиянием Великой Октябрьской революции. Автором описываются способы словообразования и словообразовательные элементы, получившие наибольшую продуктивность в описываемый период.

Ключевые слова: русский язык, словообразование, безаффиксные способы словообразования, аббревиация.

A. V. Zavadskaya

Orenburg

THE INFLUENCE OF THE OCTOBER REVOLUTION ON THE LANGUAGE (ON THE EXAMPLE OF THE WORD-FORMATION SYSTEM OF THE RUSSIAN LANGUAGE)

The article examines the changes that occurred in the word-forming system of the Russian language influenced the Great October Revolution. The author describes the word-formation methods and word-formation elements, which received the greatest productivity in the described period.

Key words: Russian language, word formation, letterless methods of word formation, abbreviation.

Изменение общественной ситуации влечет за собой закономерное обновление языка. Наиболее заметные изменения в языке происходят в переломные для страны моменты. Одним из таких переломных моментов явилась Великая Октябрьская революция. Она повлекла за собой изменения на всех уровнях языка. Наиболее ярко они проявились на лексическом уровне. Это было связано с тем, что после Великой Октябрьской революции возникла нужда в создании новых названий для явлений советской действительности. Именно тогда, в первые послереволюционные годы, и возник целый пласт новой лексики. Часть этой лексики прижалась и активно используется и в наши дни, другая часть – непонятна современным носителям русского языка.

Октябрьская революция оказала большое влияние на лексическую систему языка. Так, в своей работе «Язык, война и революция» С.И. Карцевский отмечает, что «социально-политический сдвиг, коренная ломка быта, новые факты жизни и исключительно эмоциональное к ним отношение со стороны по-новому дифференцированного общества – все это оставило глубокий след на русском языке, точнее на нашем словаре. Языковых новшеств накопилось так много, что некоторые наблюдатели уже говорят о «революции в языке». Справедливо замечание Н.А. Купиной о том, что «Великая Октябрьская революция обусловила магистральное развитие русского языка советского периода» [2].

Среди неологизмов советской эпохи, называющих новые реалии, которые были вызваны изменениями в общественно-политической жизни, в науке и технике, культуре и спорте, следует отметить такие, как *ударник, ударничество, культурмассовый, пятилетка, трактор, комбайн, общественник, самодеятельность, партбюро* и др. [2-4].

Также в русском языке появилась большая группа неологизмов, образованных в соответствии с существующими в языке способами словопроизводства, где в качестве производящих основ выступили лексемы, которые только вошли в язык.

Именно на ней мы и хотим остановить свое внимание.

Октябрьская революция принесла с собой много новых слов, называющих людей по профессии, роду деятельности, по принадлежности к какой-либо социальной группе. В связи с этим активизировались словообразовательные модели, называющие лиц мужского и женского пола по занимаемой ими должности: *комсомолец, передовик, вечерник; активистка, зенитчица, заочница* и др. В феврале 1918 г. для защиты молодой республики создается Красная Армия, и на базе оборота Красная Армия рождается сложносуффиксальное существительное *красноармеец*.

После Октября появился новый пласт производных существительных с суффиксами *-ени-, -ани-, -к*, с нулевым суффиксом: *бурение, возждение, обводнение, прилунение; заточка, штамповка; промыв, начес, перехват, запуск, облет*. Пополнился новыми словами и класс глаголов с суффиксами *-ирова-, -изирова-*: *акклиматизировать, военизировать, программировать* и др.

В результате Октябрьской революции появился также целый пласт прилагательных. Чаще всего они были образованы суффиксальным способом. Здесь следует выделить несколько словообразовательных моделей. Наиболее частотной на тот момент стала словообразовательная модель «существительное со значением предмета + суффикс (-ов/-ск)»: *капроновый, лавсановый, октябрьский*. Появилась и новая словообразовательная модель: «слоговая аббревиатура + суффикс -н»: *совхозный, колхозный*.

Получает продуктивность в отписываемый период и префиксальный способ словообразования. Высокую продуктивность приобретают префиксы *анти-, сверх-*: *антимилитарский, сверхдальний, сверхплановый* и др.

Помимо аффиксальных способов словообразования высоко продуктивными становятся и безаффиксные способы. Так, после Октябрьской революции необычайную популярность получает аббревиация как способ словообразования. Аббревиатуры существовали в языке и в дооктябрьский период. Однако после Октября произошел некий всплеск, «аббревиатурный взрыв». Родилось большое количество буквенных (*ЦК, ВКП(б), ВЛКСМ, СССР, ЧК*) и фонемных аббревиатур (*ЦИК,*

ГУМ, ЗИЛ, дот, дзот, КП и др).

Говоря об аббревиации необходимо помнить, что помимо буквенных и фонемных аббревиатур существуют и другие разновидности. К примеру, Октябрь «породил» небывалое количество слоговых аббревиатур, представляющих собой результат объединения начальных частей производящих основ [1]. 25 октября (7 ноября) буржуазное Временное правительство было низложено. На следующий день II съезд Советов избирает первое Советское правительство во главе с В. И. Лениным, и в русском языке появляется сложносокращенное слово *Совнарком*. В 1919 г. в Москве при бывшем Коммерческом институте открывается первый рабочий факультет, и с ним вместе входит в нашу речь слов *рабфак* [2].

Лаконизм речи стал особенно отчетливо проявляться в разговорной речи 20-х годов: *ликбез, райком, колхоз, совхоз, комсорг*. М. Горький в 1931 г. писал: «Слово *универмаг* стало обычным. Если бы вы сказали его 15 лет тому назад, на вас бы вытаращили глаза». Л. Успенский вспоминал свою работу *дивчертом* – дивизионным чертежником. Такие сокращения не привились, исчезли. Язык и вкус ставили заслон сокращениям, которые нарушали стройность и благозвучие русской речи [3].

Аббревиация стала настолько популярным явлением языка, что стала использоваться даже при образовании личных имен: *Арвиль* – армия В.И. Ленина, *Арлен* – армия Ленина, *Варлен* – великая армия Ленина, *Вектор* – великий коммунизм торжествует.

Пополнился русский язык в 20-е годы прошлого века и слого-словными аббревиатурами, являющимися объединением начального элемента одного слова с другим словом, представленным в полном виде: *культпход, культработа, политбюро, агитпункт, сельсовет*.

Появились в русском языке послеоктябрьского периода и слова, образованные способом словосложения: *изба-читальня, вагон-аптека, школа-интернат* и др.

Что касается смешанных способов словопроизводства, то здесь активность приобретает сложносuffixальный способ. Он использовался для образования и

существительных, и прилагательных: *свеклоуборочный, всесоюзный, пятилетка*.

Таким образом, Великая Октябрьская революция стала своего рода и революцией языка. Она принесла в язык большое количество неологизмов, которые называли новые реалии из жизни советского народа. Отразилась революция и на словообразовательном уровне языка: появились новые словообразовательные элементы, активизировались такие малопродуктивными способы словообразования, как аббревиация, словосложение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие. – 6-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009.
2. Карцевский С.И. Язык, война и революция («Из лингвистического наследования»). – М.: Языки русской культуры, 2000.
3. Селищев А.М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917–1926). – М.: УРСС, 2003.
4. Шанский Н.М. Слова, рожденные Октябрем. – М., 1980.

УДК: 378.961 (470.23-2) : 94(47)084

И.В. Зимин, А.А. Журавлёв

г. Санкт-Петербург

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДИРЕКТОРА ПЕТРОГРАДСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА Б.В. ВЕРХОВСКОГО В ПЕРИОД СОЦИАЛЬНЫХ ПОТряСЕНИЙ 1917 ГОДА

Статья посвящена деятельности Петроградского медицинского института в сложных условиях 1917 года. Особое внимание уделено деятельности директора института Б.В.Верховского на обеспечение нормального учебного процесса. Рассматриваются попытки решения жилищного, продовольственного вопросов для слушательниц. Стремление института увеличить клиническую базу и реакцию профессорской курии на захват власти большевиками.

Ключевые слова: *Петроградский медицинский институт, слушательницы, революция, профессор Б.В.Верховский.*

I.V. Zimin, A.A. Zhuravlev

PETROGRAD MEDICAL INSTITUTE'S DIRECTOR ACTIONS DURING THE SOCIAL UPHEAVALS OF 1917

This article is about life of Petrograd Medical Institute in difficult conditions of 1917. Particular attention is paid to the actions of the Institute director B.Verhovsky to ensure a normal educational process. Author depicts attempts to solve housing, food issues for students. The desire of the Institute to increase the clinical base and the reaction of the professorial curia to the seizure of power by the Bolsheviks.

Key words: *Petrograd Medical Institute, students, revolution, professor B.V. Verhovsky.*

Продолжавшаяся четвёртый год Первая мировая война обострила многие противоречия в Российской империи, которые привели страну к революционным событиям. В этот сложный период руководство института старалось решить несколько неотложных задач. Во-первых, улучшить материальное положение слушательниц и преподавателей института. Во-вторых, расширить клинические базы, получив под свою юрисдикцию лечебные учреждения, принадлежащие ликвидированным имперским ведомствам или частным лицам. В-третьих, обеспечить бесперебойную учёбу для слушательниц института.

Следует отметить, что в этот период происходила политизация всех сторон жизни, особенно быстро этот процесс шёл в столице. Слушательницы института не стали исключением, они принимали активное участие в революционной деятельности и до 1917 года. Наверное, под влиянием революционной эйфории руководство института предоставило актовъ зал под VII (апрельскую) конференцию РСДРП(б). Конференция состоялась 24-29 апреля (7-12 мая по новому стилю) 1917 года. Это была первая легальная конференция большевиков в России. Особое её значение было в том, что на ней выступил В.И. Ленин со своими знаменитыми «Апрельскими тезисами», в которых фактически провозглашался курс на взятие власти в стране. Революционные настроения студенчества не являлись секретом для руководства страны. 2 августа 1917 года министр народного просвещения профессор

В.И. Вернадский подписал циркуляр о переносе занятий в высших учебных заведениях на 2 октября 1917 года. В этом циркуляре рекомендовалось «по возможности воздержаться от поступления в настоящем учебном году в Петроградские учебные заведения и поступать в соответственные учебные заведения других городов, с предоставлением им в будущем году права перевода в Петроград» [1, л.1.]. Попытки вывести студенчества из революционной деятельности не увенчались успехом, и администрация Петроградского медицинского института вынуждена была обратиться с воззванием к слушательницам. Мы позволим себе привести полный текст этого обращения. «Совет Петроградского Женского медицинского института всегда определённо высказывался о вреде забастовок для учебного дела и с недопустимости их для учащихся, будущих культурных работников на пользу России. Ныне, когда Родина, переживающая грозный час, испытывает острую потребность во врачах, на учащихся медицинской школы лежит особый нравственный долг дорожить каждым днём для приобретения сведений, столь необходимых в их будущей ответственной деятельности. Напоминая об этом их долге слушательницам, Совет Петроградского Женского медицинского института призывает их немедленно вернуться к занятиям» [2, л.1.]. Призыв оказал влияние только на часть слушательниц.

Рост цен на продукты питания, транспортные расходы, жилищно-коммунальные услуги, всё это не способствовало нормальной работе института. Приток в столицу большого количества беженцев с оккупированных территорий способствовал росту цен на жильё, что сразу отразилось на слушательницах института. После российской революции 1905-1907 гг. общежитие института было ликвидировано, слушательницы должны были или останавливаться у родственников или снимать жильё. В мирное время вопрос об общежитии на заседания Правления института и Совета не обсуждался. Война внесла свои коррективы, и администрация института приступила к поиску помещений для слушательниц. Рассматривалось несколько вариантов решения этой проблемы. Так, на территории принадлежащей Петроградскому медицинскому институту планировалось построить четыре разборных тёп-

лых барачков, из них два передать под проживание слушательницам института. Директор института профессор Б.В. Верховский в своей записке к министру народного просвещения писал, что «размещение в этих бараках будет казарменного типа, но, во-первых, для занятий слушательниц по вечерам мною будут отводиться свободные аудитории и другие институтские помещения, а во-вторых, в бараках они будут помещаться совершенно бесплатно, чем все неудобства их будут в остаточной мере возмещены» [3, л.20об.]. Кроме этого, под общежития для студентов высших учебных заведений были переданы лазареты, которые не использовались, с общим количеством коек 2.500. Также обсуждался вопрос о передаче городским самоуправлением в распоряжение института несколько домов, но этот вопрос будет решён только в последующий период.

Обострилась ситуация со снабжением столицы, что привело к росту цен. Для выяснения ситуации с обеспечением питанием студентов, министерство народного просвещения провело анкетирование учащихся. Так, слушательница Петроградского медицинского института крестьянка вологодской губернии И.П. Мастакова на вопросы анкеты «Имеете ли возможность ежедневно питаться? и «Сколько тратите денег на еду?» ответила следующим образом. «Если досыта накушаться, то по такой дороговизне необходимо 30 рублей» [4, л.92.]. Директор института профессор Б.В. Верховский в служебной записке на адрес министра народного просвещения писал о сложности обеспечения нормального питания слушательниц. Он писал: «в настоящее время, в виду возникшей, несоразмерной с обычными средствами учащихся, дороговизны, посещение частных столовых громадному большинству студенчества стало совершенно недоступным, к тому же значительная часть этих столовых, по причине той же дороговизны закрылась» [1, л. 17об.]. С целью обеспечить слушательниц института необходимым питанием, ещё в предвоенный период была построена столовая. В 1917 году в столовой института ежедневно предоставлялись обеды 1.500 слушательницам. Главным недостатком столовой была небольшая кладовая, по причине грунтовых вод не удалось сделать глубокий погреб, по этой причине не было возможности закупать продовольствие по низким ценам

и хранить в леднике. Директор института просил предоставить кредит для переустройства погреба, но по причине военного времени был получен отказ. Профессор Б.В. Верховский в записке указывал, что «подавляющее большинство слушательниц института лица материально необеспеченные совершенно. Здоровый и по их средствам стол они находили только в открытой для них столовой, и потому прекращение деятельности этой столовой немедленно поставит существование слушательниц института в крайне тяжёлые условия. Всё это вынуждает меня обратиться с покорнейшей просьбой, включить столовую в число тех учреждений, которые Продовольственный отдел при канцелярии выдает право на получение продуктов первой необходимости» [4, л. 174.]. Таким образом, проблема с обеспечением продовольствием слушательниц института не была решена полностью. В этих сложных условиях, часть учащихся искали дополнительную работу, чтобы прокормиться. Это отрицательно сказывалось на их учёбе. В это время институт утрачивает своё гендерное отличие. Необходимость увеличить количество врачей заставило министерство народного просвещения разрешить обучение в стенах медицинского института молодых людей, и тем самым отказаться от именованя Женский медицинский институт. Принимали в институт студентов университета с естественного факультета. Количество молодых людей было незначительно. Среди первых юношей, поступивших в Петроградский медицинский институт, был брат известного поэта Осипа Мандельштама Евгений. В личном деле сохранилось извещение из Канцелярии Петроградского университета от 12/25 февраля 1917 года, что «направлены документы бывшего студента Е.Э. Мандельштама о продолжении обучения в Женском медицинском институте» [5, л. 1.]. Следует отметить, что количество юношей в институте была не велика, да и сегодня их количество в несколько раз меньше студентов девушек.

Революционные события 1917 года изменили не только форму государственного управления, но и вызвали структурные изменения. Было ликвидировано IV отделение его императорской канцелярии, известное как ведомство императрицы Марии Фёдоровны, занимавшееся благотворительностью на уровне государства.

Это ведомство имело в своём подчинении учебные и лечебные учреждения, оказавшиеся в одночасье никому не принадлежавшими. По этой причине многие директора учебных заведений были заинтересованы в передаче этих учреждений в распоряжение подчинённым им институтам. Главным аргументом в желании получить лечебные учреждения директор института Б.В. Верховский указал, что «рассчитывать на расширение институтских помещений удастся осуществить путём получения новых частных пожертвований, нет никаких серьёзных оснований. Все пожертвования в настоящее время назначаются жертвователями исключительно на стипендии слушательницам, на освобождение от платы за право обучения и на различные иные пособия, но не на постройку и не на содержание института» [6, л. 6.]. Таким образом, Правление института пыталось получить несколько лечебных учреждений для нужд преподавания по некоторым разделам медицины. В сферу интересов Петроградского медицинского института попали: Николаевская детская больница на Аптекарском острове, почти рядом с территорией института – для широкой постановки клинического преподавания педиатрии. Повивального института на Васильевском острове – для преподавания акушерства и женских болезней, основательное знакомство с которыми естественно должно занимать крупнейшее место в деле высшего женского врачебного образования. Дом призрения императора Александра III на Удельной – обеспечить свою кафедру психиатрии клиническим материалом в условиях для его целей вполне удовлетворительных. Санаторий «Халила» - для практического ознакомления своих слушательниц и врачей с курортным делом. Кроме этого, Правление института планировало получить школу глухонемых и ортопедический институт. Но всем этим планам не суждено было сбыться.

В связи с мобилизацией на фронт большого количества врачебного персонала, оставшиеся в тылу, вынуждены были выполнять их обязанности. Многие из них совмещали работу в нескольких госпиталях или лазаретах. В мае 1915 года Главное управление Российского общества Красного Креста возбудило ходатайство о назначении ординарного профессора Б.В. Верховского врачом специалистом Общины сестёр милосердия имени генерал-адъютанта М.П.фон-Кауфмана [7, л.28.].

Профессор Ф.А. Звержховский, специалист в одонтологии, был командирован на Юго-западный фронт для организации специальных лазаретов для проведения челюстно-лицевых операций. Профессор кафедры факультетской хирургии работал в госпитале, размещённом в Зимнем дворце. По причине их отсутствия в стенах Петроградского медицинского института возникла кадровая проблема, с чтением лекций и проведением практических занятий. К чтению лекций стали привлекать бывших выпускниц института, работавших в Петропавловской больнице или находящихся в штате учебного заведения. Первые попытки были осуществлены в дореволюционный период [8, с.60-67.]. В годы Первой мировой войны в стенах института по просьбам девушек столицы были открыты курсы сестёр милосердия. По причине занятости профессоров мужчин обязательные курсы читали приват-доценты и младшие преподаватели различных кафедр института. Таким образом, они получали возможность оттачивать своё педагогическое мастерство, так как в последующем именно они могли стать профессорами и заведующими кафедрами. Среди них следует отметить А.И. Морозову и С.Н. Лисовскую. Увеличение количества учащихся требовало привлечение новых преподавателей, быстрое развитие медицинских знаний заставляло вводить новые курсы. Так, для слушательниц института был привлечён лекарь М.И. Неменов для чтения курса рентгенологии. Для создания курса требовалось, чтобы он защитил докторскую диссертацию, но М.И. Неменов подавал документы в Юрьевский университет, который был оккупирован германскими войсками. Таким образом, он мог защищаться только в Юрьевском университете. Директор института Б.В. Верховский направил прошение в министерство народного просвещения, в котором писал, «прошу разрешить Совету института принять работу лекаря М.И. Неменова к рассмотрению и допустить к защите её для получения им степени доктора медицины, как исключение из Положения об институте, принимая во внимание все тяжёлые обстоятельства настоящего момента» [9, л.99об.]. В январе 1918 года он становится приват-доцентом при кафедре хирургии Петроградского медицинского института.

Как и многие представители русской интеллигенции Б.В. Верховский стоял

на либеральных позициях, считая, что только Учредительное собрание, а не большевики, может управлять государством. Членам Совета института было направлено объявление: «В субботу 25 ноября 1917 года непосредственно после окончания заседания факультетского собрания в 4 часа дня имеет быть экстренное заседание Совета Женского медицинского института для выслушивания доклада директора о собрании представителей высших учебных заведений, состоявшемся под председательством президента академии наук 25 ноября». [10, л. 27.] В первых числах декабря президенту РАН был отправлен экземпляр воззвания подписанный всеми профессорами института. Мы позволим себе воспроизвести его полный текст. «Великое бедствие постигло Россию: под гнётом насильников, захвативших власть, Русский народ теряет сознание своей личности и своего достоинства; он продаёт свою душу и, ценою постыдного и непрочного сепаратного мира, готов изменить союзникам и передать себя в руки врагов. Что готовят России те, которые забывают о её культурном призвании и о чести народной? внутреннюю слабость, жестокое разочарование и презрение к ней со стороны союзников и врагов. Россия не заслужила такого позора: всенародная воля вручает ответственное решение её судеб Учредительному собранию; оно охранит её от внутреннего и внешнего насилия; оно обеспечит рост её культуры и упрочит её положение в среде просвещённых государств. В твёрдом единении верных сынов Родины служители науки и просвещения сознают её мощь и преклоняются перед её волей; они готовы всеми своими знаниями и всеми своими силами содействовать той великой творческой работе, которую свободная Россия возлагает на Учредительное собрание» [10, л. 30]. Таким образом, профессора высказались в поддержку Учредительного собрания, но уже 5 января 1918 года оно было разогнано, и в стране установлена диктатура большевиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Циркуляры министерства народного просвещения об отсрочке начала занятий в петроградских вузах. 1917 год. // Российский государственный исторический архив (в дальнейшем РГИА): Ф. 733. Оп. 226. Д. 213.
2. Обращение к слушательницам // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (в дальнейшем ЦГИА СПб.): Ф. 436. Оп. 1. Д. 14024.

3. Представления в Государственную Думу и Государственный Совет об отпуске средств на студенческие общежития и столовые и об оказании других видов материальной помощи студентам. 1905-1917 года. // РГИА: Ф. 733. Оп. 226. Д. 118.
4. Переписка с разными лицами и учреждениями 1916 год // ЦГИА СПб.: Ф. 436. Оп. 1. Д. 15016.
5. Личное дело студента Евгения Эмильевича Мандельштама 1917 год // ЦГИА СПб.: Ф. 436. Оп. 1. Д. 14230.
6. Женский медицинский институт (докладные записки об организации курсов) // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (в дальнейшем ЦГА СПб.): Ф. 2551. Оп. 1. Д. 1232.
7. Об утверждении ординарного профессора Петербургского женского медицинского института статского советника Верховского директором того же института. 1911 год // РГИА: Ф. 740. Оп. 7. Д. 692.
8. Зимин И.В., Журавлёв А.А. Поиск новых социальных ролей женщин в России на рубеже XIX-XX вв. // История в подробностях. №-11(29). 2012.
9. О службе М.И. Неменова // ЦГИА СПб.: Ф. 436. Оп. 1. Д. 14479.
10. Журналы заседаний Совета в 1917 году. // ЦГИА СПб.: Ф. 436. Оп. 1. Д. 15031.

УДК 93 (470.44./47)

Г.П. Кибасова

г. Волгоград

БОЛЬШЕВИКИ, МЕНЬШЕВИКИ, ЭСЕРЫ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ 1917 Г.

В статье показано состояние нижеволжских социалистических организаций и межпартийная борьба осенью 1917г. Отношения местных социалистов (большевики, меньшевики, эсеры) не имели ничего общего с примитивной схемой «Краткого курса», которая сохранялась в исторической литературе советского периода.

Ключевые слова: Социалистические партий России, осень 1917г., большевики, меньшевики, эсеры, региональные организации, Нижнее Поволжье.

G.P. Kibasova

Volgograd

THE BOLSHEVIKS, THE MENSHEVIKS, THE SOCIAL REVOLUTIONARIES OF THE LOWER VOLGA REGION IN THE OCTOBER DAYS OF 1917

The article shows the state of inter-party struggle the lower Volga of the socialist

organizations in the fall of 1917. Attitude of local socialists (Bolsheviks, Mensheviks, social revolutionaries) had nothing to do with the primitive scheme of "Short course" that has been preserved in the historical literature of the Soviet period.

Key words: *The socialist parties of Russia in the autumn of 1917, the Bolsheviks, the Mensheviks, the SRS, regional organizations, the Lower Volga region.*

Документы 1917 г. свидетельствует о том, что политическая борьба на Нижней Волге представляла собой сложный, поливариантный процесс. Все региональные партийные организации находились в условиях максимальной свободы и полного отсутствия цензуры. Линия поведения местных политических организации была результатом самостоятельного подхода. Отношения большевиков, меньшевиков и эсеров осенью 1917 г. можно охарактеризовать как противоборство в открытой идейно-политической борьбе за массы, что и продемонстрируем в данной статье.

Официально сообщения о событиях в Петрограде поступили в Саратов и Царицын 26 октября. На следующий день все большевистские газеты Нижнего Поволжья сообщали о захвате власти и её передаче Советам. Меншевики и эсеры восприняли эту новость как полную катастрофу. Состояние паники подпитывалось устрашающими телеграммами бывшего главы Временного правительства. А.Ф. Керенский требовал не исполнять «никаких распоряжений новой власти», в «сношения с ней не вступать, в правительственные учреждения не впускать».

В Саратове думская фракция меньшевиков и эсеров пыталась организовать вооруженное сопротивление. Губернский комиссар Д. Тупоридзе вызвал на помощь части Второй Оренбургской казачьей дивизии атамана Дутова. Через несколько дней Тупоридзе, лидер саратовских меньшевиков Л. Майзель, лидер эсеров А. Минин лично отправились в распоряжение казачьих частей за помощью. Правда, казаки, разбросанные по всей губернии, не могли своевременно помочь мятежникам. Однако, попытка вооруженного сопротивления Советам у основной массы рабочих и солдат города вызвала волну озлобления. Парадокс состоит в том,

что арестовав всех эсеро-меньшевистских лидеров Саратова, Совет спас их от расправы толпы.

Под грузом противоречивых установок ЦК партий эсеров и меньшевиков фактически начинается развал их местных организаций. Например, в Саратове городской комитет меньшевиков не поддержал усилия своей думской фракции по созданию Комитета спасения революции. В его заявлении указывалось на опасность поисков «противовеса власти Советов». Но, представители думской фракции отказались считаться с мнением горкома. В.П. Поздняков, член горкома меньшевиков, писал, что думцы, вопреки решению организации, не только приняли активное участие в создании комитета, но и «для успеха предприятия, ссылались на авторитет комитета». Он подчеркивал: «Такая ссылка... есть обман населения, политический подлог...». Автор письма также указывал на разительные перемены в составе меньшевистской организации. 19 ноября на собрании «прежних членов, главным образом, рабочих, оказалось слишком мало. «Очевидно, – делал он вывод, – рабочий элемент уже осудил гибельную тактику и отмежевался...». На собрании 21 ноября из старых членов оказалось не более 4-5 человек. В данной ситуации существование городского комитета становилось бессмысленным. 25 ноября из него вышли Поздняков, Самсонов, Терентьев. Последний в своем заявлении указывал: «Политическая тактика нашей организации окончательно разошлась с классовой, пролетарской позицией...» [8].

Безоглядность действий Саратовской Думы объясняется надеждами на казаков, которые в последние дни октября подошли к Саратову. Правда, казаки особого желания штурмовать город не испытывали. Это настроение «ухватили» солдаты местного гарнизона и по собственной инициативе начали «брататься» с казаками. Распропагандировать казачьи полки удалось достаточно быстро. Например, на собрании 160 Оренбургского полка после выступления делегатов от Совета, была принята резолюция: «...Посылаем проклятие тем безумцам, которые осмеливаются поднять знамя восстания против истинно народной власти» [5]. После переговоров Исполкома Совета Саратова с командованием казачьих частей было решено, что

«казаки не будут вмешиваться во внутренние дела, отправятся на старые места стоянок, а Совет выделит им фураж и освободит заключенных» [1, с. 180-181].

Серьёзную ставку в борьбе против Советов меньшевики и эсеры Саратова сделали на втягивание рабочих и служащих города в «холодную войну» против новой власти. Им удалось поднять на забастовку почтово-телеграфных служащих, рабочих типографии, работников городских учреждений во всех крупных центрах Нижнего Поволжья. В поддержку бастующих были проведены собрания, организованы сборы денежных средств. Представители 24 учреждений Саратова на собрании 30 октября пригрозили Совету, что любые попытки вмешиваться в работу учреждений будут пресекаться забастовками.

Однако, эти акции разваливали жизнь городского хозяйства. 21 ноября почтово-телеграфные служащие Царицына прекратили забастовку, отказываясь быть чьим-либо оружием в политической борьбе, настаивали на своем праве оставаться нейтральными. 19 ноября рабочие типографии А.К. Подземского «пришли к единодушному соглашению, что профсоюз работников печатного дела не должен преследовать никаких партийных распрей и раскола, и натравливать рабочих друг на друга, а потому мы ... категорически протестуем на всякие активные выступления против Совета» [3]. Очевидно, с Советами население городов связывало последние надежды на наведение порядка и нормализацию жизни городов. Поэтому, тактика меньшевиков и эсеров на саботаж новой власти теряла свою поддержку.

В советской научной литературе в угоду штампам Краткого курса, классовая непримиримость, бескомпромиссность, единомыслие, прямолинейность и даже жестокость квалифицировались как эталоны поведения большевиков. В 30-е годы, когда партия большевиков потеряла основные черты политической организации, её деятельность могла базироваться на подобных принципах. В 1917 г. в условиях открытой фронтальной межпартийной борьбы руководствоваться такими принципами могла только партия самоубийц.

Партия советского большинства, находясь под обстрелом критики всех других партий, должна была действовать осторожно и гибко. По документам ноября-декабря 1917 г. трудно найти доказательства особой жестокости большевиков по

отношению к своим политическим противникам. Как победители они часто проявляли великодушие. В Саратове большевики достаточно лояльно обошлись с теми, кто пытался организовать вооруженное восстание. Сразу же были отпущены подростки-реалисты, гимназисты, которых насчитывалось около 150 человек. Затем были отпущены больные и раненые офицеры. Уступая давлению общественности города, по постановлению Совета 31 октября из-под ареста были освобождены гласные Думы, около 30 человек, и лидеры саратовских меньшевиков и эсеров Д. Чертков и А. Минин. Под стражей остались юнкера и офицеры.

После октябрьского переворота большевики на местах активно искали почву для сотрудничества с другими социалистическими партиями. На собрании большевиков Саратова 26 ноября 1917г. И. Мгеладзе и П. Лебедев убедили присутствующих в необходимости блокировки с меньшевиками и эсерами. В резолюции собрания было записано: «Общее собрание не сомневается, что Исполкомом будет сделано все необходимое для того, чтобы к власти были привлечены местные левые социалистические группы, стоящие на платформе II съезда Советов» [8].

Подобные настроения присутствовали и в Царицыне. Большинство Совета приняли ультиматум почтово-телеграфных служащих и согласились на контроль вместе с меньшевиками и эсерами. По инициативе большевиков было проведено несколько совещаний, где присутствовали представители Исполкома Совета, Городской Управы, стачечного комитета бастующих, политических партий, т.е. они искали пути решения конфликта через достижение баланса интересов. К концу декабря саботаж был ликвидирован.

Немаловажно отметить, что попытки некоторых большевистских лидеров искать почву для сотрудничества с меньшевиками и эсерами, нередко воспринималось рабочими и солдатами «в штыки». Так на заседании Саратовского Совета 9 ноября М. Васильев (Южин) убеждал собравшихся в том, что необходимо выполнить обязательства и «сохранить неприкосновенность тем, кто добровольно сдался». Такая постановка вопроса вызвала бурю возражений. Депутаты от солдат указывали, что им нельзя примириться с тем, что на свободу будут отпущены их

враги. После долгих прений Совет вынес резолюцию: «Саратовский Совет, принимая во внимание данное Исполкомом обещание, постановляет: по уходе из-под Саратова казаков освободить содержащихся в тюрьме юнкеров и офицеров, отправить их по своим частям и уведомить эти части об участии их в борьбе с народом». В конце декабря все арестанты были выпущены [4].

Отношение большевиков к репрессивным мерам не было однозначным. Непримируемость, ожесточенность, беспощадность в отношении к меньшевикам и эсерам появилась позже. Ростки этого можно «нащупать» и в 1917 г., но доминировала осторожность. Главное, не было единодушного одобрения репрессий. Сталкивались самые противоречивые мнения. Наличие такого множества, их столкновение считалось нормой. Например, вопрос о закрытии газет, ведущих антисоветскую агитацию, несколько раз поднимался на заседании Саратовского Совета. Сложилось несколько точек зрения: за полное закрытие газет (В. Антонов-Саратовский), за временное закрытие (М. Васильев-Южин), «против использования любых репрессивных мер к прессе противника» (П. Лебедев). Многие участники событий подчеркивали, что решение о закрытии газет принималось с большими колебаниями. В конце ноября был установлен контроль за печатной деятельностью Думы [2]. С декабря начинается закрытие газет. 14 декабря был запрещен выпуск газеты меньшевиков Саратов «Пролетарий Поволжья». К концу 1917г. конструктивными к новой власти остались только местные левые эсеры.

Левые группы в нижеволжских меньшевистских организациях были незначительны. Они пытались заставить свои организации искать компромисса с большевиками. На заседание Царицынского комитета меньшевиков 19 ноября 1917 г. представители этой группы доказывали необходимость «коренным образом изменить политику партии по отношению к большевикам». Под их давлением меньшевики-ортодоксы вынуждены были признать возможность «соглашения с большевиками... на почве формулированной платформы» [7]. Однако, эта тактика не находила поддержки центральной органной партии меньшевиков. Поэтому осенью 1917 – весной 1918 гг. многие меньшевики стали уходить из своих организаций. В разное время в РСДРП(б) вступили меньшевики А. Диманд, С. Цедербаум, лидер

саратовских меньшевиков Л. Майзель, лидер царицынских меньшевиков Д. Полуян. Правда, позже за своё «меньшевистское прошлое» они поплатились. Но это уже другая история.

Для астраханских большевиков вопрос о характере взаимоотношений с меньшевиками и эсерами, о поиске гибкой тактики осенью 1917г имел первостепенную важность. Официально Советская власть здесь была установлена только 25 января 1918 г. Кроме того, астраханские большевики в течение месяца принимали участие в работе Комитета народной власти (КНВ), созданного по инициативе меньшевиков и эсеров, который 1 декабря 1917 г. объявил себя верховной властью в Астраханском крае. В советской исторической науке эти два формальных факта оценивались крайне негативно. Астраханских большевиков обвиняли в примиренчестве и нерешительности [6, 116, 117].

Ветераны революции в Астрахани имели свою, отличную от официальной точки зрения, позицию. По их мнению, благодаря трезвому анализу конкретно сложившейся обстановки, гибкости тактической линии большевиков Астрахани, удалось избежать военного столкновения в условиях заведомо невыгодных для Совета. Для обоснования своей позиции ветеранами революции было проведено обстоятельное исследование. Каждый приведенный ими факт был документирован. В качестве арбитров они привлекали столичных историков, в том числе И.И. Минца.

Можно, предположить, что участие большевиков Астрахани в КНВ носило характер тактического маневра. Нужно было не дать кадетам, меньшевикам и эсерам превратить КНВ в открытый контрреволюционный штаб, не дать выступить против Совета, когда он ещё был не готов. Линия поведения большевиков города была результатом самостоятельного, трезвого расчета. Над ними не довлели никакие указания центра. Если бы ЦК большевиков потребовал взять власть только потому, что это произошло в Петрограде и Москве, то это закончилось, скорее всего, разгромом Совета и большой кровью.

К осени 1917 г. население России, обманутое в своих надеждах всеми поли-

тическими партиями, с энтузиастом поверило обещаниям большевиков быстро закончить войну и решить вопрос о земле. Они изуверились в «простых» и «бескровных» программах меньшевиков и эсеров, и готовы были пойти на жертвы, кровь, насилие. Красивый лозунг народной власти в лице Советов стал заклинанием от всех проблем.

Сложность положения эсеров-меньшевистских организации региона состояла в том, что они подвергались давлению двойного пресса. С одной стороны, они вынуждены были проводить в жизнь противоречивые решения своих политических центров и Временного Правительства, что приводило к идейному разброду и организационному развалу организаций. С другой стороны, они испытывали мощное давление «снизу», со стороны стремительно радикализирующихся масс, что стремительно размывало их ряды. В то же время, отношения местных социалистов не имели ничего общего с примитивной схемой «Краткого курса», которая сохранялась в исторической литературе советского периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов-Саратовский В.П. Под стягом пролетарской борьбы. М-Л., 1925. С. 180-181.
2. Государственный архив Саратовской области (далее ГАСО). Ф. 521. Оп. 1. Д. 2. Л. 102.
3. ГАСО. Ф. 521. Оп.1. Д. 11. Л. 92.
4. ГАСО. Ф. 521. Оп.1. Д. 13. Л. 25, 29.
5. ГАСО. Ф. 521. Оп.1. Д. 32. Л. 43 об.
6. Очерки Астраханской областной организации КПСС. Волгоград, 1985.
7. Рабочая мысль. – Царицын, 1917, 23 ноября.
8. Социал-демократ. - Саратов, 1917, 1 декабря.

УДК 930.24.45.

А.У. Киньябулатов, Н.Х. Шарафутдинова, М.Ю. Павлова,

М.А. Каримов, А.З. Фаюшин

г. Уфа

ПЕРВЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ БАШКИРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

МСТИСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ КУЛАЕВ – УРОЖЕНЕЦ

ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

В статье рассматриваются основные этапы биографии первого председателя Башкирского правительства Мстислава Александровича Кулаева, который

является уроженцем Оренбургской губернии и окончил медицинский факультет Казанского университета.

Ключевые слова: *Башкирская АССР, Башкирское правительство, Оренбургская губерния, Казанский университет.*

A.U. Kinyabulатов, N.H. Sharafutdinova, M.Yu. Pavlova,

M.A. Karimov, A.Z. Fayurshin

Ufa

THE FIRST CHAIRMAN OF THE BASHKIR GOVERNMENT MSTISLAV

ALEXANDROVICH KULAEV –

A NATIVE OF THE ORENBURG PROVINCE

In the article, the main stages of the biography of the first chairman of the Bashkir government Mstislav Aleksandrovich Kulaev, who is a native of Orenburg province and graduated from the medical faculty of Kazan University, are considered.

Key words: *Bashkir ASSR, Bashkir government, Orenburg province, Kazan University.*

20 марта 2019 года в Российской Федерации будут отмечать 100-летие со дня образования первой автономной республики в составе РСФСР четырежды орденоносной Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики, ныне Республика Башкортостан. Президент Российской Федерации В.В. Путин 17 июля 2016 года подписал Приказ № 346 «Праздничных мероприятиях в честь 100-летия со дня образования Республики Башкортостан». Образована 15 ноября 1917 как автономия Башкортостана, в последующем менялось название республики, как субъекта Российской Федерации: с 1919 года – Советская Автономная Башкирия (САБ), Автономная Башкирская Советская Республика (АБСР), с 20 марта 1919 года – Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика (БАССР). С принятием 11 октября 1990 года Верховным Советом БАССР Декларации о государственном суверенитете Башкирской Советской Социалистической Республики

БАССР была преобразована в БССР – Башкортостан, с 25 февраля 1992 года современное название – Республика Башкортостан [2, с.297]. В Музее Госсобрания РБ – Курултай есть стенд, посвященный М.А. Кулаеву, но там очень кратко представлена его биография и практически не представлено каким образом он стал членом Башкирского правительства. Не в одном издании, посвященном истории Башкортостана не указывается: «Каким образом врач из башкир Мухаметхан Сахипкиреевич Кулаев, прошедший обучение в Казанском Императорском университете и взявший псевдоним «Мстислав Александрович», становится сначала врачом Башкирского правительства, а в последующем (в самый ответственный момент) его возглавляет и подписывает основополагающий документ «Соглашения центральной Советской власти с Башкирским правительством о Советской Автономной Башкирии» от 20 марта 1919 года, в результате которого образовалась первая в РСФСР автономная республика. В данной статье будет предпринята попытка сделать это с использованием исторического, архивного, историко-аналитического, психологического и психолого-педагогического методов исследования.

Родители Мстислава Александровича (Мухамет(д)хана Сихипкиреевича) Кулаева были башкиры из деревни Зиянчурино 2-ой Усерганской волости Орского уезда Оренбургской губернии (ныне д. Зиянчурино Кувандыкского района Оренбургской области). Отец – Сахипкирей Мусаич, мать – Янифа Садыковна Кулаевы. Они были рядовыми башкирами, занимались скотоводством и земледелием. Детство у Мухаметхана проходило, как у всех деревенских детей того периода: помощь родителям при посевной и уборочной, уходом за домашним скотом, рыбалка, религиозные праздники. Он начал учиться в мектебе (начальная религиозная школа при мечете), учение его заключалось, в заучивании молитв на арабском языке. В 1896 году Мстислав Александрович Кулаев поступил на медицинский факультет Казанского Императорского университета. Жил и учился, не имея никакой помощи со стороны, на башкирскую стипендию в 240 рублей в год. Проболел год, окончил медицинский факультет в 1902 году [1].

Как известно, стипендия это денежное содержание, выдаваемое ученику, сту-

денту. Зачастую она является единственным источником жизнеобеспечения. Государственные структуры всегда понимали значимость этого вопроса, и все равно никогда он не решался в России кардинальным образом. Казенных стипендий, т.е. выплачиваемых из казны, всегда было немного, и они были невелики. Об этом свидетельствует история высшей школы как в России в целом, так и в Казанской губернии в частности.

Учеба в Казанском Императорском университете была платной, общежитий не имелось. Для многих, даже талантливых, молодых людей, не имеющих средств, высшее образование являлось недоступным. Тем не менее число студентов возрастало быстро. Если в 1804 г. их было 42 человека, то в 1819 г. — уже 161. Зачисленные в университет студенты делились на три категории: действительные, слушатели, вольнослушатели. В число действительных входили представители дворянского, чиновничьего и духовного сословий, они составляли более 75% от общего числа студентов. Остальные 25% были детьми мещан, купцов и других обеспеченных слоев населения. В университете первоначально было утверждено только 20 стипендий из казны, они выплачивались лишь успевающим студентам начиная с III курса. Указом от 19 мая 1880 г. Александр II в честь 25-летия своего пребывания на троне утвердил 25 стипендий для высших учебных заведений России, но это мало изменило ситуацию. Нужны были нестандартные решения для стимулирования подготовки специалистов с высшим образованием, и на тот период они были найдены. Восемь стипендий учредило Министерство внутренних дел, ряд губерний приняли решения о выделении средств на учреждение стипендий для подготовки специалистов в Казанском Императорском университете. Такие решения приняли Войско Донское, Внутренняя Киргизская орда, некоторые городские и уездные думы, уездные собрания, Духовное управление Уфы [2, с.15-16].

Окончив медицинский факультет, М.А. Кулаев пожелал отслужить за башкирскую стипендию, он просил Оренбургского губернатора дать ему работу в Оренбургской или в Уфимской губернии, но губернатор не разрешил ему служить в названных губерниях. 15 ноября 1902 года Мстислав Александрович Кулаев по-

ступил врачом в Тетюшское земство, работал в селе Малые Яльчики. Желая заняться изучением внутренних болезней Мстислав Александрович 15 июля 1903 года переехал в Казань. В 1908 году согласно коллективного предложения чиновников Казанского Округа водных путей сообщения по конкурсу прошёл в медики Правления Округа и получил утверждение на этой должности.

Мстислав Александрович Кулаев серьёзно занимался научными исследованиями по лечению туберкулёза и в 1910 году сдал докторские экзамены, готовил к соисканию и защите учёной степени доктора медицины.

За все предыдущие годы он состоял сверхштатным ординатором и при Александровской городской больнице и при кафедре врачебной диагностики одновременно с прочими службами. В июне 1911 г. перевелся санитарным врачом Самарского участка Санитарного надзора Казанского Округа водных путей сообщения и прослужил с 18 мая 1911 года до 19 июля 1913 года.

В 1913 году по предложению Министерства путей сообщения получил назначение на старшего врача санитарного надзора Варшавского Округа водных и шоссейных путей сообщения и в июле того же года переехал в город Варшаву. Он предполагал также, что при Варшавском Университете закончит начатую докторскую диссертацию. В июле 1914 года мобилизация. Началась война. «...И конец моим начинаниям и ожиданиям». Мобилизованный по месту причисления, М.А. Кулаев приехал в Казань и тотчас получил назначение старшим врачом 452 пешей Казанской дружины 17 августа 1914 года. 19 октября 1914 года он получил другое назначение главным врачом 275 полкового западного госпиталя и тотчас выехал на Юго-Западную фронтную полосу и там пробыл до 20 декабря 1917 года. 275 полковой западный госпиталь с 1917 году стоял под Киевом в пос. Дарницах и без перерыва работал. Образовавшееся в то время Временное Украинское правительство в Киеве предложили ему сдать госпиталь Украине. Вот, как вспоминает М.А. Кулаев этот период: «А мне, если я желаю, остаться главным врачом при том же госпитале. Если я не желаю остаться при том же госпитале, то сдать госпиталь, а самому мне ехать к своему воинскому начальнику. Я сдал госпиталь, как следовало, в полном военном порядке, сам выехал в Казань».

В Казани в январе месяце 1918 года с разрешения военного начальства М.А. Кулаев поступил старшим ординатором терапевтического отделения Шамовской городской больницы. Из данного повествования следует, что Мстислав Александрович словно случайно оказался в Башкирском правительстве. Необходимо упомянуть, что несмотря на наличие звания полковника царской армии нигде и никоим образом не упоминает об этом, этому подтверждение только его личные фотографии.

«...Башкирский фронт оборонялся башкирскими войсками, а правительство временно переехало в Баймак. Оттуда в Темясово. Декабрь месяц. Глубокая зима. На фронте временное затишье. Правительство решило вступить в переговоры с большевиками и с общего согласия я благословил переход на сторону большевиков. И сам перешёл через фронт для переговоров в штабе Армии большевиков. Поехал в Уфу, оттуда в Симбирск; из Симбирска в Москву, где и закончили процедуру перехода Башкирского войска на сторону большевиков и преобразования Башкирского правительства 19 марта 1918 года.

После этих процедур разрешено было мне заехать в Казань к детям. В Казани я заболел, занемог и уже не смог вернуться в Башкирское правительство», вспоминает в своей автобиографии М.А. Кулаев. Немного оправившись после болезни, М.А. Кулаев приступил к работе в Шамовской больнице. С трудом но он работал. Возвращаться в Уфу ему больному и слабому не было никакой возможности, к тому «на горячую сложную политическую работу» он не хотел возвращаться [2; с.26-28]

8 сентября 1919 г. М.А. Кулаев вновь мобилизован и назначен главврачом 692 сводного пехотного западного госпиталя в городе Казань. Он сформировал и открыл этот госпиталь, который немедленно завалили сыпно-тифозными больными. 19 декабря 1919 года он сам заболел сыпным тифом. После тифа, еще очень слабый, приступил к работе только 19 марта 1920 года в 91 сводного эвакогоспиталя ординатором.

Из 91 сводного эвакогоспиталя 19 марта 1921 года М.А. Кулаева откомандировали в распоряжение Казанского городского отдела здравоохранения. Казанский

горздрав назначил его ординатором городской поликлиники и одновременно 11 апреля 1921 г. ординатором центральной мусульманской школьной амбулатории. 13 августа 1921 года Народный комиссариат здравоохранения Татарской АССР поручил М.А. Кулаеву организовать и открыть больницу в Забулачной татарской части города, которую он организовал, оборудовал, открыл и прослужил в ней до июля 1928 года. В 1921 году в Казани открывается туберкулёзный диспансер, в котором М.А. Кулаев состоял ординатором с момента его открытия. Здоровье Мстислава Александровича было значительно подорвано, поэтому в 1920 году он стал болеть и не смог регулярно работать.

Поэтому просил Народный комиссариат здравоохранения Татарской АССР – освободить его от заведывания Татарской больницей оставив ординатором в туберкулёжном диспансере, который был переименован в Республиканский противотуберкулёзный диспансер. В своей работе фтизиатром М.А. Кулаев рекомендовал и пропагандировал лечение кумысом. Широкое применение кумысолечения в известных кумысолечебницах Башкирской и Татарской АССР М.А. Кулаев пропагандировал в стадии ремиссии туберкулезного процесса. В годы Великой Отечественной войны М.А. Кулаев работал главврачом военного госпиталя и клинической больницы имени Мулланура Вахитова. В научном архиве Барского филиала АН СССР хранится итог многолетних трудов М.А.Кулаева в области медицины – рукопись работы под названием «Очерки по диагностике туберкулёза лёгких (Результаты 50 летних наблюдений)», датированная автором 1953 годом [2; с.29].

В советское время М.А. Кулаев вёл научную, научно-организационную и учебно-воспитательную работу – был членом комиссии при Наркомпросе Татарской АССР по разработке терминологии на татарском языке по анатомии, физиологии и гистологии человека, участвовал в составлении, редактировании и обсуждении рукописей русско-татарских медицинских словарей, составлял пособия для русских врачей, работающих в татарских деревнях, писал и читал лекции на татарском языке для слушательниц курсов сестёр милосердия, которыми заведовал. Своей врачебной деятельностью Кулаев снискал себе признательность населения. В 1943 г. был награждён значком «Отличнику здравоохранения». В 1952 г. в Казани

отмечалось 50-летие его врачебной деятельности [3].

М.А. Кулаев известен и как один из основоположников башкирского языкознания. Начало научной деятельности Мстислава Александровича по башкирскому языку, которую он продолжал всю жизнь, относится к 1905-1906 годам. Результатом этой работы явилось создание ряда научных трудов по языкознанию и башкирского алфавита на основе русской графики. К числу их относятся «Основы звукопроизношения и азбука для башкир» (Казань, 1912), «Элепей» («Букварь», Казань, 1919 г.), «О звуках башкирского языка» (Казань, 1928 г.), «Твердый алфавит башкирского языка» (Казань, 1928 г.). Большим вкладом в развитие башкирского языкознания является его труд «О глаголах башкирского языка» (Казань, 1930 г.). В нём учёному удалось выявить и описать почти все грамматические категории глагола. Многие из них были конкретизированы и введены сейчас в учебники башкирского языка. Из неопубликованных работ М.А. Кулаева наибольший интерес представляют рукописи «Грамматика усергенских башкир» и трехтомного «Башкирско-русского словаря». «Башкирско-русский словарь» М.А. Кулаева высоко оценен специалистом. Он полностью перенесён на карточки и слит с общей картотекой Толкового словаря башкирского языка, составляемого лингвистами Института истории, языка и литературы БФ АН СССР. Доктор М.А. Кулаев создал новый, оригинальный алфавит башкирского языка, в корне отличающий его от существовавших в то время арабского и миссионерских, которые были не в состоянии полностью передать фонетические и грамматические особенности башкирского языка. Его алфавит основан на русской графике с использованием отдельных элементов греческого и латинского алфавитов. Умер М.А. Кулаев в 1958 году в городе Казань.

Выводы: 1. Первый председатель Башкирского правительства Мстислав Александрович Кулаев является уроженцем Оренбургской губернии и выпускником Казанского университета, внёс значительный вклад в формирование и организацию первой автономной республики – БАССР.

2. Врач М.А. Кулаев внёс значительный вклад в развитие фтизиатрической службы Татарской АССР.

3. Врач М.А. Кулаев является основоположником башкирского языкознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив УНЦ РАН. Ф. 30. Оп.1. Ед. хр. 80.
2. Киньябулатов А.У. Кулаев Мстислав Александрович (Мухаметхан Сахипкиреевич) (1873-1958 гг.) – Председатель Башкирского правительства (1919 г.), общественный деятель, врач, филолог. Уфа, 2016. 56 с.
3. Зыятдинов К.Ш., Киньябулатов А.У., Загидуллин Ш.З., Шарафутдинова Н.Х., Аминов Т.З. / М.С. Кулаев – организатор здравоохранения Татарской и Башкирской АССР // Казанский медицинский журнал. 2012. Т.93. №3. С.554-555.

УДК 547 (092)

Е.Н. Лебедева, С.Н. Афонина, И.В. Мачнева

г. Оренбург

СУДЬБА ПЕРЕЧЕРКНУТАЯ РЕВОЛЮЦИЕЙ

В статье рассматриваются основные этапы жизни выдающегося ученого и организатора химической промышленности в России В.Н. Ипатьева. Этот великий деятель науки успешно сочетал в себе уникальные способности прокладывать новые пути в фундаментальных исследованиях, с одной стороны, и создавать новые виды материального производства на этой основе, с другой. Он самоотверженно работал на благо России как до революции, так и после нее. Однако, произошедшие в 30-е годы трагические события, вызванные изменением социально-политической обстановки в стране, вынудили его эмигрировать в США. И даже там В. Н. Ипатьев никогда не забывал свою родину, пытался вернуться в Россию, но эти попытки были отвергнуты советским правительством. Все свои открытия и достижения в науке, сделанные им на протяжении 60 лет его творческой жизни В.Н. Ипатьев посвятил России.

Ключевые слова: *Октябрьская революция, химическая наука, В. Н. Ипатьев, основные этапы его жизни, вклад в науку.*

E. N. Lebedeva, S. N Afonina., I. V. Machneva

Orenburg

FATE CROSSED REVOLUTION

The article considers the main stages of the life of the outstanding scientist and

organizer of the chemical industry in Russia V. N. Ipatiev. This great scientist successfully combined a unique ability to blaze new paths in fundamental research, on the one hand, and to create new types of material production on this basis. He worked selflessly for the good of Russia like before the revolution and after it. However, what happened in the 30-ies of the tragic events caused by the changing socio-political situation in the country forced him to emigrate to the United States. And even there, V. N. Ipatyev never forgot their homeland, tried to return to Russia, but these attempts were rejected by the Soviet government. All his discoveries and advances in science made over the past 60 years of his creative life V. N. Ipatyev dedicated to Russia.

Key words: *October revolution, chemical science, V. N. Ipatyev, the main stages of his life, contributions to science.*

Октябрьская революция оказала огромное влияние на мировую историю XX века. Но прежде всего она сказалась на путях развития России – как одного из крупнейших государств до и после Первой мировой войны. Эта революция по словам американского писателя Д. Рида «потрясла мир», но прежде всего она потрясла Россию. Впервые было создано Советское государство – государство трудящихся. Социальный слом, общественные катаклизмы в стране, произошедшие после Октябрьской революции, затронули все сферы жизни, в том числе и науку. Она оказалась в эпицентре радикальных преобразований.

В предреволюционные годы русскую научную интеллигенцию вдохновляла вера в грядущее обновление России, ее избавление от рабства и барства, в близости времен, когда восторжествует свободный труд и свободная мысль. При всех различиях, присущих отдельным слоям интеллигенции, их роднил «духовный знаменатель». В ситуации прорыва к новым социальным формам они остро ощущали резкое ускорение ритмов истории во всех проявлениях жизни общества, в том числе и в науке. Демократические традиции, многолетняя вера в творчество разума, законности, уважения, человеческого достоинства – все эти чувства зрели именно в образовательных слоях общества. Поэтому многие интеллигенты с восторгом встретили Октябрьскую революцию. Но первые же годы советской власти показали, что

этим идеалам нет места в новом правопорядке. Эти годы стали периодом трудных испытаний для ученых. Это были, говоря словами А. Блока, дети «страшных лет России», энергия которых «сублимировалась в мощные взрывы научного творчества», в силу чего в 20-е годы в русской науке началась пора возрождения.

В этом году исполнилось 150 лет со дня рождения выдающегося человека, ученого и организатора отечественной химической промышленности академика Ипатьева Владимира Николаевича. В.Н. Ипатьев родился в семье известного архитектора. В 1889 г. окончил Михайловский артиллерийское училище, а в 1892 г. – Артиллерийскую академию в Петербурге. В 1892 г. В.Н. Ипатьев работал в Михайловской артиллерийской академии в должности репетитора, далее преподавателем химии (1895 г.), а затем профессором химии (1899 г.) и зав. химической лаборатории (1909 г.). В 1911 г. В.Н. Ипатьеву присвоен чин генерал-майора, а в 1914 г. – звание заслуженного профессора.

Так случилось, что благодаря своей увлеченности химией, молодой офицер-артиллерист, не имеющий специального химического образования, стал в последующем не только генерал- лейтенантом, но и выдающимся химиком, академиком, организатором химических производств и родоначальником ряда направлений в области каталитических процессов нефтехимии и нефтепереработки.

Став членом Русского физико- химического общества (РФХО) еще до завершения обучения в Михайловском артиллерийском училище, В.Н. Ипатьев на заседаниях общества познакомился с выдающимися русскими химиками: А. Е. Фаворским, А. Е. Чичибабиным, Н. С. Курнаковым, Д.К. Черновым. Научное исследование «Опыт химического исследования структура стали», выполненная В.Н. Ипатьевым под руководством Д.К. Чернова было доложена на заседании Русского физико-химического общества и отмечено как перспективное председателем этого общества Д.И. Менделеевым.

Продолжая трудиться в Михайловском артиллерийском училище В.Н. Ипатьев продолжал повышать свое химическое образование. Одна из первых работ В.Н. Ипатьева в области органической химии «Действие брома на третичные

спирты и присоединение бромистого водорода к алленам и двухзамещенным ацетиленам» была удостоена в 1894 г. малой премии РФХО им. А.М. Бутлерова. Важное значение для формирования В.Н. Ипатьева как ученого имела предоставленная ему двухгодичная командировка в химическую лабораторию Мюнхенского университета, руководимую Адольфом Байером, позднее ставшим лауреатом Нобелевской премии по химии. В этой лаборатории Ипатьев успешно завершил в 1897 г. начатые еще в Петербурге исследования по строению и синтезу изопрена, установив новые пути синтеза непредельных углеводородов. Фактически, научные работы В.Н. Ипатьева и в последующем П. Сабатье, удостоенного Нобелевской премии в 1912 г. за разработку метода гидрирования органических соединений на мелкодисперсных металлах, заложили основы гетерогенного катализа в органической химии. В.Н. Ипатьев первым ввел в химическую практику, в частности в гетерогенном катализе, использование высоких давлений. Сконструированный им в 1904 г. прибор «бомба Ипатьева», стал прототипом применяемых ныне в химической практике реакторов. Основными направлениями научных исследований В.Н. Ипатьева в этот период были исследования катализа при высоких температурах и давлении. Им впервые предложены термокаталитические способы разложения спиртов для синтеза альдегидов, эфиров, олефинов, диеновых углеводородов. В.Н. Ипатьев является изобретателем реакторов и автоклавов нового типа, разработчиком способов использования многофункциональных катализаторов при крекинге, риформинге и других процессах переработки нефти. В 1913 г. он первым осуществил полимеризацию этилена, указав на возможность получения полиэтилена различной молекулярной массы.

Большая научная эрудиция и знание состояния промышленного производства, в частности взрывчатых веществ, снискали В.Н. Ипатьеву заслуженный авторитет в России и за рубежом.

20 марта 1908 г. в Петербургском университете В.Н. Ипатьев защитил докторскую диссертацию «Каталитические реакции при высоких температурах и давлениях», в которой обобщил свои исследования 1901-1907 гг.

В 1909 г. в Лондоне В.Н. Ипатьев, как член русской делегации на VII Международном конгрессе по чистой и прикладной химии, сделал два доклада по теории катализа, имевшие среди участников конгресса большой успех.

В годы Первой мировой войны генерал-лейтенант артиллерии В.Н. Ипатьев организовал и возглавил Химический Комитет при Главном артиллерийском управлении, который стал монопольным заказчиком всей химической промышленности Российской Империи, осуществлявшей снабжение фронта продуктами военной химии и строительство новых химических предприятий. Деятельность Комитета и лично В.Н. Ипатьева в годы войны можно рассматривать как основание отечественной химической промышленности. Как руководитель Комитета В.Н. Ипатьев имел постоянные контакты со штабом российской армии, военным министром, а иногда – с верховным главнокомандующим Николаем II, что позже ему припомнили большевики. В 1916 г. В.Н. Ипатьев был избран в Российскую академию наук уже имея звание генерал-лейтенанта артиллерии. И хотя он не имел специального химического образования, его вклад в развитие химии должным образом оценили за рубежом, избрав его действительным членом Парижской, Берлинской академий, а также почетным доктором нескольких университетов мира.

После революции 1917 г. он продолжал свое служение науке на Родине. Советское правительство назначает его членом Президиума Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) и Госплана, поручает важный пост в Наркомате по военным делам. Он ведет активную работу по развитию химической промышленности и созданию новых научно-исследовательских институтов, интенсивно развивает собственную научную школу, часто с широкими полномочиями выезжает за рубеж. В.И. Ленин, с которым В.Н. Ипатьев часто встречался по роду своей деятельности, называл его «главой нашей химической промышленности». В 1927 г. В.Н. Ипатьеву была присуждена премия им. В.И. Ленина за работы в области катализа и высоких давлений и присвоено звание «Заслуженный деятель науки».

Ипатьев был организатором и руководителем ряда научных учреждений нашей страны. Это Государственный институт прикладной химии (ГИПХ), Государственный институт высоких давлений (ГИВД), Институт физико-химического

анализа, Институт по изучению платины и др. Несколько неожиданным является то обстоятельство, что именно В.Н. Ипатьев был инициатором развития в нашей стране работ в области радиоактивности. 24 марта 1920 г. на заседании Технического совета Отдела химической промышленности ВСНХ Ипатьев выступил с обширным докладом о необходимости создания Радиевого института.

В 1923-1926 гг. В.Н. Ипатьев – председатель Химического комитета при Реввоенсовете. Он активно участвует в разработке программы научно-технических работ в России, принимает меры к ускоренному строительству нефтеперерабатывающего завода под Москвой, началу работ по переработке горючих сланцев. По итогам этих работ был подготовлен доклад академиком Ипатьевым В.Н., который был заслушан в 1929 г. в Президиуме ВСНХ и Совнарком. В постановлении Президиума ВСНХ отмечалось, что использование работ В.Н. Ипатьева приблизило решение проблемы производства фосфорных и аммиачных удобрений, а также препаратов для борьбы с вредителями сельского хозяйства.

Несмотря на высокий авторитет ученого и организатора химической промышленности, звание академика и лауреата Ленинской премии, уже в 1929 г. над Владимиром Николаевичем начали сгущаться тучи. Роковую роль в судьбе ученого сыграли события, произошедшие в семье ученого, а также изменения социально-политической обстановки в стране. В 1926-1929 гг. были арестованы коллеги и близкие друзья В.Н. Ипатьева – академики С.Ф. Платонов, Н.П. Лихачев, организатор промышленности П.А. Пальчинский, любимый ученик Ипатьева Г.Г. Годжело. Чрезвычайно взволновал В.Н. Ипатьева арест в феврале 1929 г. его давнего друга члена-корреспондента АН СССР Е.И. Шпитальского. «Мое настроение стало особенно тревожным, – писал Владимир Николаевич в мемуарах, – потому что Е.И. знал все детали моей жизни и при допросе мог случайно сообщить некоторые факты, которые позволили бы и меня привлечь к допросу. Все это порождало в моей душе мысли о возможности и моего ареста». Друзья Ипатьева, имевшие связи в соответствующих инстанциях, предупредили, что академик является кандидатом для последующих арестов. В этой связи губительными для ученого стали бы его прошлые контакты с царской семьей, Л.Д. Троцким, П.А. Пальчинским и другими

людьми, относящимися к категории «враги народа».

В июне 1930 г. он в составе делегатов Международного энергетического конгресса выезжает в Берлин, получив от Академии наук СССР разрешение на длительный отпуск для лечения и операции за границей. После завершения Конгресса в Берлине В.Н. Ипатьев обратился за медицинской помощью в Германии, но немецкие врачи порекомендовали ему операцию во Франции или США. В это же время он получает приглашение от американских химиков и в 1931 г. переезжает в США. Связи с Россией он не прерывает, продолжая руководство ГИВДом, публикуя совместные статьи с советскими учеными, отправляя на родину лабораторное оборудование, научную литературу, купленные на средства от продажи собственных патентов.

В 1934 г. были арестованы его ближайшие друзья и коллеги по ГИВД – заместитель директора института Г.А. Разуваев и профессор Н.А. Орлов. Еще в 1930 г., находясь в Мюнхене В.Н. Ипатьев говорил, что «возвращаться на родину ему нельзя и даже в Германии оставаться рискованно. Придется перебираться в Америку». Поэтому в 1936 г. Ипатьев, находясь на лечении в Германии, за год до своего семидесятилетия, принял решение не возвращаться на родину. В этом же году на Общем собрании АН СССР В.Н. Ипатьева как «невозвращенца» заочно исключили из Академии наук. Его лишили гражданства и запретили въезд на территорию СССР. Это было накануне 70-летия Ипатьева, т.е. почти всю жизнь он проработал на родине.

Работая в США он как ученый получил широкую известность, его избирали «человеком года», журналы писали об огромных гонорарах, которые он получал от промышленных фирм за свои блестящие работы. Сам ученый вел скромную жизнь и очень тосковал по родине. Продолжая считать Советский Союз своей родиной, живя и работая в США, он не приобрел там ни дома, ни квартиры, а снимал номер в гостинице. Будучи автором около 300 патентов, он всегда оговаривал, что использование их в России бесплатное. Иммигранты первой волны в США плохо относились к нему за то, что он пошел на службу к большевикам и за то, что царская семья

была расстреляна в Екатеринбурге в особняке его родного брата. Желание вернуться в Россию стало особенно сильным у В.Н. Ипатьева в период Великой Отечественной войны. Трижды, начиная с 1941 г., В.Н. Ипатьев подавал заявление с просьбой вернуться на родину, но ни разу не получил ответа на свое обращение.

В 1936 г. в одном из писем на родину академик В.Н. Ипатьев написал: «...я люблю свою родину и, творя новые открытия, всегда думал и думаю теперь, что все это принадлежит ей и она будет гордиться моей деятельностью». Вплоть до самой смерти в 1952 г. Владимир Николаевич активно работал не только в качестве профессора организованной им кафедры в Нортвэстернском университете г. Эванстоуна близ Чикаго и консультанта ведущих нефтеперерабатывающих фирм, но и руководил научными исследованиями, лично выполняя некоторые опыты. Научная деятельность В.Н. Ипатьева продолжалась 60 лет. Он был академиком в царской и советской России, членом нескольких иностранных академий, удостоен медали Лавуазье. Нобелевский лауреат Р. Вильштеттер назвал его «самым великим человеком в истории химии».

Спустя 38 лет после кончины В.Н. Ипатьева, в 1990 г. Академия наук СССР возвратила ему звание академика. 20 ноября 1992 г. в Менделеевском центре Санкт-Петербургского университета состоялась юбилейная сессия РАН и Российского химического общества, посвященная 125-летию со дня рождения академика В.Н. Ипатьева. Выступавшие на этой конференции русские и зарубежные ученые говорили о том, что они смогли что-либо сделать в науке только потому, что они стояли на плечах таких гигантов как В.Н. Ипатьев. В 1994 г. РАН была учреждена премия имени академика В.Н. Ипатьева за выдающиеся заслуги в области технической химии.

Память об ученом, работавшем в иммиграции, и гордость за его выдающиеся достижения пришли, наконец, на его родину. Осталось только чувство горечи от сознания того, сколько русских умов были вынуждены искать себе применение на чужбине.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов В.П. Российские ученые-эмигранты первой волны в США // Материалы научной конференции института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова / Отв. ред. В.М. Орел. М., 1996. С.11-12.
2. Борисов В.П. Утраченный потенциал. Эмиграция деятелей науки и высшей школы Москвы после // Москва научная. Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. М.: ООО «Янус-К», 1997. С. 416-433.
3. Ипатьев В.Н. Жизнь одного химика. Воспоминания. Нью-Йорк, 1945. Т.1. 562с, Т.2. 638 с.
4. Кузнецов В.И. Владимир Николаевич Ипатьев, 1867-1952 / В.И.Кузнецов, А.М.Максименко. М.: Наука, 1992. 192 с.
5. Ярошевский М.Г. Сталинизм и судьбы советской науки // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991. С.6-33.

УДК 547 (092)

Е.Н. Лебедева, С.Н. Афонина, И.В. Мачнева

г. Оренбург

ЖИЗНЬ М. ЦВЕТА КАК ОТРАЖЕНИЕ ТРАГИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ РОССИИ

В статье рассматриваются вехи жизни русского ученого Михаила Семеновича Цвета в контексте исторического этапа русской истории: предреволюционного периода – конца XIX – начала XX века. Наиболее важные свои результаты он получил незадолго до начала первой мировой войны. И вместо славы и общего признания умер от болезней и голода во время послереволюционной разрухи и террора. Открытие хроматографии относится к 20 выдающимся открытиям прошедшего столетия. Использование принципа хроматографического разделения веществ – ю.нова большинства достижений в науке и технике XX века.

Ключевые слова: *Химическая наука, М.С. Цвет, основные этапы его жизни, открытие хроматографического метода.*

E. N. Lebedeva, S. N Afonina , I. V. Machneva

Orenburg

LIFE OF M. S. TSVET AS A REFLECTION OF THE TRAGIC FATE OF RUSSIA

The article considers the milestones of the life of the Russian scientist M. S. Tsvet in the context of the historical stage of Russian history: the pre-revolutionary period - the

end of the XIX - the beginning of the XX century. The most important of his results he received shortly before the outbreak of the First World War. And instead of glory and general recognition, he died of disease and hunger during the post-revolutionary devastation and terror. The discovery of chromatography is reflected in the 20 outstanding discoveries of the past century. Using the principle of chromatographic separation of substances is the basis of most achievements in science and technology of the 20th century.

Key words: *Chemical science, M.S. Tsvet, the main stages of his life, discovery of the chromatographic method.*

При оценке ситуации в России до 1917 г., существует мнение о том, что при нормальном «эволюционном» развитии, при сохранении интеллектуального потенциала страны, уничтоженного большевиками, мы пришли бы к процветанию. Так ли это?

Условия интеллектуальной жизни в России в начале века были далеки от совершенства. Требовались коренные реформы школьного и высшего образования, изменения организации научных исследований, всей «научной жизни». Все это только начало налаживаться перед первой мировой войной. Именно война стала катастрофой, погубившей Россию. Она сделала возможной Октябрьскую революцию. Она – основная причина несчастий страны, гибели миллионов людей, разрушения интеллектуально-нравственного потенциала страны. Жизнь Михаила Семеновича Цвета пришлась как раз на последний предреволюционный период – конец XIX – начало XX века. Наиболее важные свои результаты он получил незадолго до начала войны. И вместо славы и общего признания умер от болезней и голода во время послереволюционной разрухи и террора.

Михаил Семенович Цвет родился в 1872 г. в городе Асти в Италии. Его мать, Мария де Дороща – итальянка, умерла вскоре после рождения сына. Отец его, Семен Николаевич Цвет, родом из русской купеческой семьи, стал крупным чиновником и известным в кругу интеллигенции высокообразованным человеком. Детство и юность Миши прошли в безмятежной Швейцарии. Он окончил Женевскую

гимназию в 1891 г. и сразу поступил на Физико-математический факультет Женевского университета, по окончании которого получил степень бакалавра физических и естественных наук. 18 июля 1896 г. он отослал в Женеву окончательный вариант своей диссертации, которая называлась «Исследование физиологии клетки. Материалы к познанию движения протоплазмы, плазматических мембран и хлоропластов» и в октябре того же года получил диплом доктора естественных наук Женевского университета, а в декабре уже был в Петербурге. Он знал, что без ученой степени не может претендовать на должность преподавателя, но не знал, что ученая степень Женевского университета в России не признается. Ее не приравнивали даже к степени магистра. Для преподавания, а тем самым возможности научных занятий, надо было заново, уже в России защитить магистерскую диссертацию. Магистерскую диссертацию он защитил в Казанском университете 23 сентября 1901 г.

Итак, Цвет «вернулся на родину отцов». Зачем он сменил Швейцарию на Россию? Рационального ответа на этот вопрос нет. По мнению С.Э. Шноля своим «возвращением» он как бы разделил собственную жизнь на две практически равных по времени и противоположных по «окраске» половины: одну светлую – первые 24 года в Швейцарии, другую темную – оставшиеся 23 года до ранней смерти в 1919 г. в России. Но именно в России он сделал свое выдающееся открытие. Вот его первое впечатление от России: «Я пришел к выводу, очень печальному и обескураживающему. В течение тех шести с лишним месяцев, что я в России, я тщетно пытаюсь заставить себя почувствовать, что в моей груди бьется русское сердце! Я пересек всю Россию. Я посетил Москву, святой город, и мои глаза и уши были широко открыты... Ничто не дрогнуло, ничто не отозвалось во мне. На своей родине я чувствовал себя иностранцем. И это чувство меня глубоко и отчаянно удручает... Теперь мне жаль, что я покинул Европу...».

М. С. Цвет бился над задачей разделения пигментов зеленого листа. И это ему удалось, на удивление простым методом, используя в качестве адсорбента обычный мел. Метод был настолько прост, что большая часть современников или не восприняла это удивительное открытие или, что еще печальнее, резко восстала

против его автора. Молчание длилось почти 20 лет. И не потому, что русский язык был непонятен большинству исследователей – М. С. Цвет публиковал свои основные работы на русском, французском и немецком языках [1-7]. Причина в том, что, по мнению философа Т. Куна самой удивительной особенностью науки является то, что она в очень малой степени ориентирована на крупные открытия [2].

В России Цвет познакомился с замечательными людьми и выдающимися исследователями. Был вдохновлен их идеями и достижениями. Однако всю оставшуюся жизнь прожил в стесненных материальных условиях, под давлением обстоятельств. И умер от болезней и голода, непризнанный современниками, во время послевоенной и послереволюционной разрухи в 1919 г. в Воронеже.

Остается гадать, что он успел бы сделать, оставшись в Швейцарии? Временами жизнь казалась беспросветной, и он думал о возвращении в Европу. Но не надо забывать, что Цвету в России чрезвычайно везло на встречи с удивительными людьми, настоящими подвижниками науки. Так, он познакомился с Петром Францевичем Лесгафтом – замечательным человеком, врачом, анатомом и выдающимся педагогом [4,6,7]. Интеллектуальное влияние Лесгафта на Цвета, по-видимому, было очень сильным. Михаил Семенович слушал блестящие лекции Лесгафта, а потом начал работать в только что открытой Биологической лаборатории. Здесь, наряду с лекциями и практическими занятиями со слушателями курсов Лесгафта, Цвет продолжил свои исследования хлоропластов, готовясь в то же время к новым магистерским экзаменам и к защите диссертации. К сожалению, после студенческих волнений Лесгафта выслали из Петербурга в Финляндию, и Биологическая лаборатория практически прекратила работу, а Цвет был вынужден искать новое место работы. 26 ноября 1901 г. он по конкурсу прошел на должность ассистента кафедры Анатомии и физиологии растений в Варшавском университете. Кафедру возглавлял Д. И. Ивановский. Перед отъездом в Варшаву, 30 декабря, в Санкт-Петербурге на 11-м съезде естествоиспытателей и врачей Цвет сделал доклад «Методы и задачи физиологического исследования хлорофилла», в котором впервые сообщил о методе адсорбционной хроматографии. Таким образом, метод хромато-

графии был открыт и разработан во время работы М. С. Цвета в лаборатории Лесгафта, во время интенсивного дружеского общения с выдающимися деятелями российской науки и просвещения. В биографии Цвета период его жизни и работы в Варшаве назван «вершиной творчества». С января 1902 г. до июня 1915 г. – интенсивная и плодотворная жизнь в Варшаве. Но восхождение на вершину зависит от множества условий. Для Цвета – это годы в Швейцарии, общение с ботаниками и Женевского, и Петербургского университетов, с Ивановским, Бородиным, Бекетовым, Фаминцыным, Лесгафтом. Даже этот неполный список показывает, каков был потенциал российской науки того времени. Цвет сосредоточился на совершенствовании хроматографического метода и на его применении для разделения пигментов зеленого листа. 8 марта 1903 г. на заседании ботанического отделения Варшавского общества естествоиспытателей Цвет делает доклад «О новой категории адсорбционных явлений и о применении их к биохимическому анализу», где впервые обстоятельно излагает принцип своего метода адсорбционного анализа. Польша – это уже Европа. Почти каждое лето Цвет бывает в разных университетах Германии, а позже в Париже, Амстердаме и других городах. В 1902 г. он был избран действительным членом Немецкого ботанического общества. В 1906 г. вышли две важнейшие статьи в *Berichte der Deutschen botanischen Gesellschaft*: «Physicalisch-chemische Studien über das Chlorophyll. Die Adsorptionen» и «Adsorptionanalyse und chromatographische Methode. Anwendung auf die Chemie des Chlorophylls», в которых впервые был введен термин хроматография. 28 июня 1907 г. Цвет выступил на заседании Немецкого ботанического общества с сообщением об открытии хроматографии и продемонстрировал первый хроматограф и принцип его действия. Все это свидетельства полной доступности работ М. С. Цвета для европейских исследователей.

Не забывает он и Россию. 31 декабря 1909 г. на 12-м съезде русских естествоиспытателей и врачей он сделал доклад «Новый физический метод анализа пигментных смесей и применение его к исследованиям хлорофилла» с демонстрацией хроматографической установки.

28 ноября 1910 г. защитил в Варшавском университете диссертацию «Хромофиллы в растительном и животном мире» на соискание ученой степени доктора

ботаники. Теперь, наконец, он мог претендовать на звание и должность профессора. А пока доктор ботаники Женевского и Варшавского университетов, магистр Казанского университета – всего лишь ассистент-лаборант. Не часто такое изобилие степеней сопровождает столь невысокую должность и зарплату, которая к тому же зависит от числа занятий и лекций студентам. Но в 1905 г. занятия в университете, после очередных студенческих волнений, почти прекращаются. Цвету приходится искать дополнительные заработки. По совместительству он преподает ботанику и сельское хозяйство в Варшавском ветеринарном институте и ботанику на химическом и горном отделениях Варшавского политехнического института.

В августе 1914 г. началась первая мировая война. Трудно было приспособиться к изменениям, которые она внесла в жизнь. Весьма легкомысленно в июне 1915 г. М. С. Цвет уезжает с семьей на летний отдых в Одессу. В это время германские войска заняли Варшаву. Варшавский период жизни закончился – возвращение обратно оказалось невозможным. Все имущество, книги, рукописи, научные дневники остались в Варшаве и считались погибшими.

Начался последний, самый печальный и трудный период жизни М. С. Цвета. Он долго искал работу после Варшавы. Наиболее привлекательной была вакансия заведующего кафедрой Анатомии и физиологии растений Новороссийского университета в Одессе. Удивительно, как много незаурядных претендентов выявил объявленный конкурс, и как авторитетны и многочисленны были рецензенты – ботаники, физиологи растений – в России тех лет. В отзыве А. С. Фаминцына говорилось: «...самым достойным кандидатом является доктор ботаники Михаил Семенович Цвет, ученый с европейским именем, исследования которого над хлорофиллом составляют гордость русской науки и были уже отмечены Императорской Академией наук присуждением большой Ахматовской премии в 1911 г. ...Ныне с эвакуацией Варшавского политехнического института этот выдающийся ученый превратился в беженца и за отсутствием лаборатории должен был прекратить свою плодотворную научную деятельность. ...Университет исполнил бы лишь долг перед русской наукой, дав возможность столь выдающемуся ученому занять подобающее

ему место и продолжить свою научную деятельность» [7]. Однако Цвета не избрали.

Варшавский политехнический был эвакуирован сначала в Москву, а потом в Нижний Новгород. В Нижнем Новгороде Цвет читал лекции по ботанике для студентов разных специальностей, занимался общественной деятельностью, но для научной работы условий не было. В это время очень ухудшилось здоровье. Он нуждался в серьезном лечении. Цвет подал заявление на участие в конкурсе и 24 марта 1917 г. был избран ординарным профессором Юрьевского (потом он стал Дерптским, а теперь Тартуский) университета. В сентябре 1917 г. он приехал в Юрьев и начал работу в университете. Шла война. Немецкие войска наступали. Было принято решение эвакуировать Юрьевский университет в центр России, в Воронеж. Но войска заняли город так быстро, что эвакуация оказалась невозможной. Немецкое оккупационное руководство приказало прекратить преподавание на русском языке и перейти на немецкий. Ректору и русским профессорам предлагалось «добровольно покинуть Лифляндию». 31 августа 1918 г. семья Цвета эвакуировалась из Юрьева и 7 сентября прибыла в Воронеж. Дорога оказалась очень трудной, к тому же квартира в Воронеже находилась далеко от университета. У Михаила Семеновича развивалась все более сильная сердечная недостаточность. Однако он пытался думать о будущем – 7 октября 1918 г. представил докладную записку об организации ботанической кафедры во вновь формирующемся Воронежском университете. 9 апреля 1919 г. начал чтение лекций. Стоять он не мог и читал сидя, тяжело дыша. 26 июня 1919 г. Цвет умер. Он похоронен в Воронеже, лишь недавно найдена его могила – на ней установлена плита с надписью: «Ему дано открыть хроматографию – разделяющую молекулы, объединяющую людей».

Выдающегося ученого не стало, но продолжалась посмертная жизнь его трудов. Хроматографический метод Цвета вернулся в науку через десять лет после смерти автора. В лаборатории Р. Куна в Гейдельберге в 1930 г. была получена «первая» хроматограмма на колонке из карбоната кальция. Первые результаты их хроматографического анализа были опубликованы Куном и Ледерером в 1931 г. и описаны в книге Ледерера «Каротиноиды растений». Практически в то же время и для

тех же целей его использовали Л. Цехмейстер в Венгрии (его книга «Каротиноиды» содержит специальный раздел, посвященный методу Цвета) и в лаборатории Цюрихского университета, руководимой П. Каррером. В Россию же метод и имя Цвета вернулись значительно позже [1,3,5].

Так много в XX веке обязано открытому Цветом методу хроматографического анализа. Так много выдающихся исследователей обязаны ему своими успехами. Эти успехи отмечались и Нобелевскими премиями: П. Каррер (1937 г.), Р. Кун (1938 г.), Л. С. Ружичка и А. Ф. Бутенандт (1939 г.), а позже А. Дж. П. Мартин и Р. Л. М. Синг (1952 г.) и Ф. Сенгер (1958 г. и 1980 г.). На этом принципе основаны анализы аминокислотной и нуклеотидной последовательности в белках и нуклеиновых кислотах, выделение и очистка антибиотиков и множества других веществ. На этом же принципе основано разделение изотопов и, следовательно, создание ядерного оружия и атомных электростанций. Этот принцип лежит в основе множества разнообразных методов хроматографического и электрофоретического анализа.

По экспертным оценкам, хроматография относится к 20 выдающимся открытиям прошедшего столетия, которые в наибольшей степени преобразовали науку, а через нее определили уровень развития техники и промышленности, цивилизации в целом. Хотя по образованию и роду занятий Цвет был ботаником, результаты его открытия столь значимы для всех естественных наук, что Федерация европейских химических обществ, например, приводит имя Цвета, наряду с четырьмя другими русскими именами – Ломоносова, Менделеева, Бутлерова и Семенова, – в числе ста выдающихся химиков прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даванков В.А., Яшин А.И. Сто лет хроматографии / Вестник Российской академии наук. 2003. Т. 73. № 7. С. 637-646.
2. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
3. Москвин Л. Н. Хроматография, как много в этом слове (к 100-летию открытия М. С. Цвета) / Вестник Санкт-Петербургского университета. 2004. Сер. 4. Вып. 2. С.119-125.
4. Сенченкова Е. М. М. С. Цвет – создатель хроматографии. М.: Изд. «Янус-К», 1997. 440 с.

5. Шапошник В.А. 110 лет открытия хроматографии М.С. Цветом / Сорбционные и хроматографические процессы. 2013. Т. 13. Вып. 6. С.741-750.
6. Шнолль С.Э. Герои и злодеи российской науки. М.: Либроком, 1997. 463 с.
7. Штейнберг М. Толченный мел профессора Цвета / Воронежский университет. 2014. №1. С.26.

УДК 93+616.4+614.23

А.Ю. Лобанов, О.Р. Паренькова

г. Москва

**МОСКОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КЛИНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ – МЕДВУЗ В
ПЕРИОД ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И
КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА**

В статье описаны причины и процесс создания одной из первых в Советской России больницы-медвуза готовившей врачебные кадры для Московской области, кратко изложена история его работы.

Ключевые слова: *история медицины, история высшего образования, подготовка врачей, врачебные кадры, индустриализация, коллективизация сельского хозяйства.*

A.U. Lobanov, O.R. Parenkova

Moscow

MOSCOW REGIONAL CLINICAL INSTITUTE - MEDVUZ IN THE PERIOD OF INDUSTRIALIZATION AND COLLECTIVIZATION OF AGRICULTURE

The article describes the reasons and the process of creating one of the first medical hospital-institute of higher education in the Soviet Russia to prepare medical personnel for the Moscow region, briefly outlines the history of his work.

Key words: *history of medicine, history of Higher Education, training of doctors, medical staff, industrialization, collectivization of agriculture.*

100 лет назад, в 1917 году в России произошло событие, в корне изменившее

социально-экономические условия в стране. Великая Октябрьская социалистическая революция ознаменовала собой новый этап в развитии России. Первые годы становления советской власти были трудными и могут оцениваться историками неоднозначно. Однако нельзя отрицать, что с самого первого дня государство взяло на себя заботу о здоровье населения. К этому Советскую власть призывала задача скорейшего подъема страны из разлухи и превращения ее в индустриальную мировую державу.

Несмотря на значительные успехи Советского здравоохранения в период индустриализации и коллективизации, темпы развития здравоохранения резко отставали. Одной из важнейших и труднейших задач здравоохранения в этот период была подготовка медицинских кадров.

В декабре 1929 г. дня ЦК ВКП(б) принял специальное постановление «О медицинском обслуживании рабочих и крестьян», в котором, в частности, отмечалась малочисленность медицинских работников в сельской местности. Количество врачей выпускаемых государственными медицинскими институтами возрастало из года в год, но все же, было недостаточным. Требовалось значительное увеличение врачебных кадров.

В феврале 1931 г., на базе Московской Областной больницы имени А.И. Бабухина (бывшей Старо-Екатерининской больницы, а ныне МОНИКИ им. М.Ф. Владимирского), был организован Московский Областной Клинический Институт (МОКИ). В сентябре того же года распоряжением Мособлздравотдела МОКИ реорганизуется в МОКИ-Мед.ВУЗ или Медвуз-больницу.

По решению коллегии Наркомздрава РСФСР, общее методическое руководство Областным Медвузом было возложено на Управление Медвузами Наркомздрава РСФСР, а административное управление – на Мособлздрав отдел (протокол от 25/ХП-1931г.). Финансирование Медвуза производилось по областному бюджету. Обучение было организовано «без отрыва от производства» - в этом заключалась особенность этого ВУЗа. Студент, работая в больнице, одновременно, под руководством врача, получал основные медицинские навыки. Фактически ВУЗ был открыт 6 ноября 1931 г., а прием студентов на обучение был начат в январе-

феврале 1932 г. Директором Мед. ВУЗа со дня его основания и по 1938 г. являлся А.С. Аванесов, репрессированный как «враг народа». С 1938 г. по 1941 г. институт возглавлял Ремиз А.М. репрессированный за «побег» из Москвы во время наступления немецко-фашистских войск. Деканом МОКИ-Мед.ВУЗа был профессор А.Н. Великорецкий.

В 1932 г. по заданию Наркомздрава РСФСР, сотрудниками МОКИ Медвуз-больницы впервые было разработано «Положение о больницах-Медвузах-медтехникумах». В разработке принимали участие профессора: А.И. Яроцкий, В.Т. Талаев, М.Б. Розенблюм, Ф.М. Плоткин, А.Н. Великорецкий. Все они преподавали в МОКИ. Так же в институте работали такие выдающиеся деятели медицины, как: Н.А. Семашко, Д.Д. Плетнев, М.С. Малиновский, Б.Э. Линберг, А.И. Смирнов, В.И. Скворцов, Д.Н. Атабеков, П.А. Бархаш, А.И. Фельдман.

В 1933 г. в МОКИ Мед. ВУЗ были включены: Медтехникум им Н.К. Крупской и 1-м Московский медполитехникум, одним из профилей, которых была подготовка зубных врачей. Медтехникум им. Н.К. Крупской был создан в 1926 г. на месте бывшего фельдшерско-акушерского училища при Старо-Екатерининской больнице, основанного в 1870 г. старшим врачом, профессором Сергеем Ивановичем Костаревым. На базе присоединенных к МОКИ техникумов была открыта «Зубоврачебная школа МОКИ», в которой продолжилась начатая в техникумах подготовка зубоврачебных кадров.

До 1934 г. Медвуз-МОКИ, или, как его называли «Медвуз-камбинат» – имел 3 факультета: лечебно-профилактический, охраны материнства, младенчества и детства, и санитарно-гигиенический.

Согласно Постановлению ЦИК СССР от 3/IX-1934 г. эти факультеты были ликвидированы и организован единый лечебный факультет, куда и были переведены все студенты, обучавшиеся на других факультетах.

Первый выпуск в МОКИ-Мед. ВУЗе состоялся в 1936 году – 112 молодых врачей, 28 из которых (25%), по протоколам Государственной Испытательной Комиссии получили на госэкзаменах оценку «отлично».

По окончании МедВУЗа-МОКИ, все молодые врачи поступили в распоряжение Московского Областного Отдела Здравоохранения и были распределены по лечебно-профилактическим учреждениям области с учетом их желания работать в том районе или городе, где они жили до поступления.

Медвуз-больница, осуществлявшая обучение врачей «без отрыва от производства» просуществовала в течение 5 лет (1932-1936 гг.). С 1 сентября 1936 г., в связи с Постановлением Правительства от 24 июня все медицинские институты получили единые учебные планы и режим работы. Медвуз-больница была реорганизована в обычный Медицинский Вуз ведущий подготовку врачей с отрывом от производства. В отличие от других Медвузов он остался в областном подчинении и готовил врачебные кадры только для Московской области.

16 мая 1939 г. МОКИ-Мед.ВУЗ (ныне МОНИКИ им. М.Ф. Владимирского) был преобразован в 4 Московский Государственный Медицинский институт (4-й МГМИ). До Великой Отечественной войны МОКИ-Мед. ВУЗ произвел пять выпусков врачей. С началом войны медицинские вузы перешли на ускоренный выпуск врачей по сокращенным программам и в 1941 году учащиеся 5 курса МОКИ Мед.ВУЗа были выпущены досрочно и сразу призваны на фронт, а учащиеся 4-го курса получили удостоверения «зауряд-врачей» с которым они могли оказывать на фронте врачебную медицинскую помощь. Многие из выпускников работали во время войны в эвакогоспитале №5020 (ЭГ№5020) организованном на территории МОКИ (ныне МОНИКИ).

В сентябре 1941 г. было принято решение о эвакуации московских медицинских институтов на базу существующих ВУЗов на востоке страны. Эвакуация проходила в спешке, но в результате 4-й МГМИ был направлен в город Фергана Узбекской ССР. Возглавила институт во время эвакуации профессор К.В. Майстрах, которая в 1930-1938 гг. вела курс истории медицины и социальной гигиены в МОКИ Мед.ВУЗе, а с 1 марта 1938 г и вплоть до 1950 г. была руководителем его кафедры социальной гигиены и организации здравоохранения.

Позже, в октябре 1942 г., в коллектив преподавателей влились эвакуирован-

ные работники Днепропетровского мединститута. К 1-му августа 1943 года количество студентов составило 736 человек. В городе Фергана, эвакуированный 4-й МГМИ, произвел три выпуска студентов (всего 210 врачей) [4]. При участии 4-го МГМИ в Фергане была организована городская психиатрическая служба: больница на 50 коек и поликлиника. Так же была создана детская стоматологическая больница на 75 коек.

3 августа 1943 г., постановлением СНК СССР №856, все медицинские институты столицы были реэвакуированы. 193 студента были переведены в Крымский медицинский институт, туда же было передано оборудование и учебные пособия. Эшелон с возвратившимися из эвакуации сотрудниками и студентами 4-го МГМИ прибыл в Москву 6 октября 1943 года. Вернулись 150 сотрудников и 530 студентов 4-го МГМИ. Часть кафедр и клинических баз вернулись в стены МОНИКИ (с 1943 г., ранее – МОКИ-МедВУЗ).

Позже, НКЗ РСФСР было принято решение объединить вернувшиеся из эвакуации 4-й и 3-й МГМИ в один Московский государственный медицинский институт МЗ РСФСР с объявлением нового конкурсного набора преподавателей и сотрудников на все кафедры. В новом институте продолжили работать А.Н. Виликорецкий, Б.Э. Линберг, В.Т. Талалаев, Н.А. Куршаков, Я.Г. Диллон, Г.А. Рихтер, В.К. Хорошко. Клинической и учебной базой института оставался МОНИКИ.

В 1950-1951 гг. Московский государственный медицинский институт МЗ РСФСР был переведен в город Рязань став Рязанским медицинским институтом, а ныне (с 1993 г.) Рязанским государственным медицинским университетом имени академика И.П. Павлова.

За 10 лет своего существования (1932-1941 гг.), Медвуз-МОКИ произвел 8 выпусков, всего 1350 молодых врачей, из которых свыше 50% были направлены на работу в города и районы Московской области. Благодаря этому Московскому Облздравотделу удалось ликвидировать серьезный прорыв с врачебными кадрами в первые годы проведения индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Лобанов А.Ю. Подготовка зубоврачебных кадров на базе Московского Областного Клинического Института – Мед. ВУЗа (1933-1938 гг.) // История стоматологии: Материалы VII-й Всероссийской конференции (с международным участием). М.: МГМСУ, 2013. С. 69-72.
2. Лобанов А.Ю., Фенелонова М.В. Московский областной Клинический Институт – Медицинский ВУЗ и его профессорско-преподавательский состав // Медицинская профессура СССР. 6 июня 2013 г.: Материалы международной конференции. М.: ФГБУ «НИИ Истории Медицины» РАМН, 2013. С. 192-194;
3. Паренькова О.Р., Лобанов А.Ю. Работа 4-го московского государственного медицинского института в эвакуации во время Великой Отечественной войны // Исторический опыт медицины в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Материалы XII Всероссийской конференции с международным участием. М.: МГМСУ им. А.И. Евдокимова, 2016. С.82-87.

УДК: 53(091):94(47).083/084

М. А. Лопарева, О.В. Кузнецова, И. Г. Плотникова

г. Оренбург

ВЛИЯНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА РАЗВИТИЕ ФИЗИКИ В РОССИИ

В статье рассматриваются особенности становления физики как науки в России, выявляется влияние, которое оказала российская революция 1917 года на судьбы ученых-физиков.

Ключевые слова: история России, физика, ученые-физики, Академия наук, университет.

M.A. Lopareva, O.V. Kuznetsova, I.G. Plotnikova

Orenburg

RUSSIAN REVOLUTION IMPACT ON PHYSICS DEVELOPMENT IN RUSSIA

The specifications of the making of Physics as science in Russia are considered in the article. Influence of the October Revolution on the destinies of physicians is also broken down in the article.

Key words: Russian history, Physics, physicians, Academy of Science, university.

Физика, как основа естествознания, была и остается самой актуальной областью науки. Она всегда вызывает пристальный интерес со стороны ученых-физиков, историков, и просто людей, интересующихся историей развития физики в нашей стране и мире. В связи со знаменательным событием – 100-летним юбилеем Октябрьской революции 1917 года вновь и вновь исследуется влияние той эпохи на состояние и развитие физики, судьбы ученых.

Фундаментальные основы развития физики как науки, были заложены еще Петром I, продолжен Екатериной I (она осуществила мечту своего предшественника и в 1725 г. была торжественно открыта Академия наук). Вплоть до самой революции, физика прошла очень богатый путь, сопровождающийся открытиями, оказавшими решающее влияние на мировой научно-технический прогресс.

В XIX веке в физике начался глубокий переворот, который определил направление и характер развития этой науки на многие годы, возможно, на столетия вперед. Так, в 1895 г. были открыты рентгеновские лучи, в 1896 г. – радиоактивность. Хотя существование электрона предвиделось уже в середине семидесятых годах XIX столетия, исчерпывающее доказательство его реальности, определение его заряда и массы было дано в 1898 г. Для того времени это событие было не менее ошеломляющим, нежели открытие рентгеновских лучей и радиоактивности. Этим было экспериментально доказано существование "атома отрицательного электричества" с массой, почти в 2000 раз меньшей массы, легчайшей из известных до того элементарных частиц – атома водорода.

Исследование броуновского движения в начале XX столетия, открытие Резерфордом в 1912 г. атомной ядра привели к представлению об атомах и молекулах вещества как "ощутимой" реальности, такой же как реальность окружающих нас макроскопических предметов. На базе всех этих и многих других замечательных экспериментальных открытий возникли важнейшие физические теории: теория квантов, теория относительности и физическая статистика.

Дореволюционная Россия дала немало замечательных физиков, обогативших своими открытиями мировую науку: А.Г. Столетов, Д.И. Менделеев, П.Н. Лебедев, Н.А. Умов, А.С Попов, Б.Б. Голицын, В.А. Михельсон, А.А. Эйхенвальд.

Научные открытия до революции в России, в том числе в области физики, развивались в двух основных направлениях: в Императорской Академии наук и в университетах Петербурга, Москвы, Киева, Казани, Харьковском и т.д. Лаборатория Академии наук Петербурга была единственной в России, чисто исследовательской лабораторией без учебных функций с XVIII века практически до начала революции. Это была небольшая физическая лаборатория (до 1912 г. носившая название «Физический кабинет», которое, очевидно, соответствовало объему ее деятельности) [1].

В основном же физика в дореволюционной России была наукой университетской. Это значит, что университеты, или вообще высшая школа, должны были обеспечить только преподавание, но и научные исследования в области физики. Однако физика, как экспериментальная наука, требует для правильной постановки исследовательской работы, обширных, специально приспособленных и оборудованных дорогими приборами лабораторных помещений. Также важным фактором являлось наличие достаточного количества у ученых времени, свободного от преподавательской деятельности. Ни одно из этих условий не было соблюдено в русских университетах. Представители университетской науки, Д.И. Менделеев, К.А. Тимирязев, А.Г. Столетов и другие, не допускались в Академию наук, которая не только по названию, но и по самой сути оставалась «императорской» и президентом ее был член императорской фамилии Константин Романов.

В конце XIX века положение физики в университетах улучшилось. В Московском, Петербургском и Одесском университетах были построены и оборудованы физические институты: специальные здания, в которых помещались приспособленные для преподавания экспериментальной физики аудитории, учебные лаборатории для общего и специальных практикумов, научные лаборатории. Неоценимую историческую роль в конце XIX и в начале XX век сыграла деятельность П.Н. Лебедева, создавшего на собственные средства первую русскую школу физиков в Москве. Работая в тяжелых условиях, Лебедев в 1900 г. в своих классических работах дал безупречное количественное доказательство существования светового давления на твердые тела в полном соответствии с предсказанием Максвелла. Эти

научные работы не финансировались, техническая база лабораторий отсутствовала. Однако и этих скромных условий Лебедев был лишен, когда в 1911 г. вместе с всеми прогрессивными профессорами и преподавателями Университета ушел из Университета в знак протеста против репрессий в отношении ректората со стороны реакционного министра просвещения.

На помощь П.Н. Лебедеву пришла общественность. Городской университет им. Л. Шанявского организовал для него лабораторию, которая помещалась в цокольном этаже жилого дома. Это трагическое для русской науки и культуры событие вызвало широкое общественное движение: выдающиеся ученые – сам П. Н. Лебедев, К. А. Тимирязев, Н. А. Умов и другие – выступили в печати с статьями, доказывавшим необходимость создавать, наряду с университетами, исследовательские институт без учебных функций – «национальные лаборатории», как их назвал Лебедев. Правительство осталось глухим к этим призывам.

Тем не менее, возникшее общественное движение не прошло даром. Ученым удалось убедить представителей крупной русской буржуазии в необходимости развития физики в России. На собранные частные пожертвования, в порядке общественной инициативы, было создано «Московское общество научного института», поставившее своей задачей содействие организации «национальных исследовательских институтов», в первую очередь Физического института для П.Н. Лебедева. К сожалению, П.Н. Лебедеву не удалось увидеть осуществление свое мечты. Пережитые потрясения привели к обострению болезни сердца, которой он страдал и в марте 1912 г. он скончался.

Иначе развивалась физика в Петербурге, где не чувствовалось пульса современной науки. Вот что писал по этому поводу выдающийся советский физик А. Ф. Иоффе: «Когда я начинал работать в Петербурге (это был 1906 г.), там еще сильны были традиции XIX века, и даже скорее его середины, школы Ф. Ф. Петрушевского. Преподавание физики в высшей школе шло по линии, так называемой измерительной физики – методов измерения как основ точного знания. Во всех высших школах С-Петербурга первый курс отводился описанию измерительных приборов и

только со второго курса излагались законы из области теплоты, электричества, магнетизма, оптики, акустики. Теоретическая, или, вернее, математическая, физика в университетах сводилась к феноменологической формулировке законов и решению уравнений в частных производных и области теплопроводности и электростатики. Профессоры и преподаватели высших школ обладали обширной эрудицией, но мало внимания уделяли творческой деятельности. Научные работы, оставленные при Университете, часто сводились к повторению опубликованных работ» [2].

Однако именно тогда в Петербурге появилась группа молодых физиков, которой суждено было сыграть важную роль в организации советской физики. В Петербургском университете Д.С. Рождественский совершенно самостоятельно вел свою классическую работу по аномальной дисперсии в парах натрия. А. Ф. Иоффе в качестве магистерской диссертации представил блестящую работу об «элементарном фотоэффекте», где прямым опытом на взвешенных в конденсаторе Милликена металлических пылинках доказал электронную природу фотоэффекта с металлов и статистическую независимость элементарных актов фотоэффекта. Пройдя еще в 1902-1903 гг. стажировку в Физическом институте Мюнхенского университета у крупнейшего физика В.К. Рентгена, А.Ф. Иоффе становится пионером исследований полупроводников. Ему принадлежат труды по прочности, пластичности, электропроводности твердого тела.

А.Ф. Иоффе развернул большую научную и педагогическую деятельность. Им был организован семинар по современным вопросам физики. Участники этого семинара – П.Л. Капица, Н.Н. Семенов, П.Н. Лукирский, Н.Н. Добронравов, Я.И. Френкель, Я.Г. Дорфман, М.В. Кирпичева и другие – образовали ядро будущего физико-технического института и вошли в историю советской физики как ее ведущие деятели.

Октябрьская революция произошла в стране, разоренной Первой мировой войной. Голод, холод и разруха царили в стране в первые послереволюционные годы. Однако, новое правительство понимало, что глубокое социальное преобразование общества немислимо без использования передовых достижений науки и техники. "Нужно взять всю науку, технику, все знания, – указывал Владимир Ильич

Ленин, – Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем" [6].

События революции по-разному оказали влияние на судьбы ученых. Те, кто не согласился принять новую власть, вынуждены были эмигрировать в другие страны. Пик первой волной массовой эмиграции научной интеллигенции по политическим мотивам приходится на 1918-1923 годы. Страну покидали те, кто был причастен к службе в Белой армии. Так, за океаном оказались будущий изобретатель телевидения В.К. Зворыкин, Г.Б. Кистяковский, исследования и разработки которого были положены в основу конструкции детонационной линзы атомной бомбы «Толстяк», физик-теоретик Георгий Гамов (автор теории горячей Вселенной, возникшей после Большого взрыва, предсказаний космического фона излучения и идеи генетического кода). Уезжали ученые, не видевшие перспектив для реализации своих научных планов в России: среди них были физики А.А. Эйхенвальд, П.Л. Капица, получивший в Кембридже прекрасные условия для работы и вернувшийся в СССР в 1934 г. не по своей воле.

Однако были и ученые, для которых революционные изменения в стране стали базой для научной деятельности. Работу тех, кто принял революцию новое правительство поощряло.

В 1918 г. начали организовываться новые научные учреждения: научно-исследовательские институты и лаборатории. В октябре 1918 г. Бонч-Бруевич при прямой поддержке В.И. Ленина организовал Нижегородскую радиолобораторию, в которой велись научно-технические исследования по радиофизике и радиотехнике и создавались электронные лампы для нужд молодой советской радиотехники.

С октября 1918 г. в Петрограде начал свою деятельность Рентгенорадиологический институт, организованный А.Ф. Иоффе и М.И. Неменовым. В это же время Д.С. Рождественский, уделявший большое внимание производству в России оптического стекла, организовал в Петрограде Государственный оптический институт.

В Москве на базе физического института народного университета им. Шанявского П.П. Лазарев организует Институт биофизики Наркомздрава. Организуются и другие научные институты, в том числе Центральный аэрогидродинамический,

институт(ЦАГИ), во главе которого был выдающийся русский ученый Николай Егорович Жуковский (1847-1921).

Несмотря на неоднозначное отношение к событиям столетней давности в нашей стране, эта революция способствовала постепенному выделению научных исследований в области физики в самостоятельную отрасль труда. В отличие от эпизодического использования результатов научных исследований в царской России на первый план была выдвинута связь научных учреждений с производством, что, в свою очередь, породило формирование больших научных коллективов, способных решать фундаментальные задачи.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вавилов С. И. Физический кабинет – Физическая лаборатория – Физический институт Академии наук СССР за 220 лет. М., 1945.
2. Иоффе А. Ф. Советские физики и дореволюционная физика в России. Уфа, 1947. 454 с.
3. Кудрявцев П.С. История физики и техники. Учебное пособие для студентов педагогических институтов / П.С. Кудрявцев, И.Я. Конфедератов. М., 1965. 572 с.
4. Лебедев П. Н. Собрание сочинений. М.: АН СССР, 1963. 438 с.
5. Хвостов В. М. О значении и задачах научного института М., 1913. 24 с.
6. ВикиЧтение/ Курс истории физики. П.С. Кудрявцев. Становление советской физики. – Режим доступа: <https://fis.wikireading.ru/1081>
7. Луначарский А.В. Ленин в его отношении к науке и искусству. – Режим доступа: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/chelovek-novogo-mira/lenin-v-ego-otnoshenii-k-nauke-i-iskusstvu>

УДК: 321.6 : 1 (47+57) «_1917»

М.В. Лутцев

г. Оренбург

ДО И ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ 1917 Г.: ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО АВТОРИТАРИЗМА (ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Статья посвящена трансформациям политической системы в России в самый сложный для нее период с февраля по октябрь 1917 г. Автором проводится анализ ситуации в стране, анализируются причины масштабного кризиса, выдвигается и доказывается гипотеза о том, что приход к власти большевиков был исторически неизбежен. Позиция автора состоит в том, что попытки построения

демократического общества в данный период были обречены на неудачу и смена политического режима и системы, несмотря на радикальные различия между «старым» и «новым» были, по сути, сменой одного варианта жесткого авторитаризма на другой, еще более жесткий. Это было продиктовано и существующей обстановкой и существовавшей в обществе на тот период духовной атмосфере.

Ключевые слова: авторитаризм, демократия, анархия, радикализм, экстремизм, большевизм.

M. V. Lutsev

Orenburg

BEFORE AND AFTER OCTOBER 1917:

TRANSFORMATION OF RUSSIAN AUTHORITARIANISM

The article deals with the transformations of the political system in Russia in its most difficult period from February to October 1917. The author analyzes the situation in the country, considers the reasons for the scale of the crisis, and puts forward the hypothesis that the Bolsheviks rise to power was historically inevitable. The author's position is that attempts to build a democratic society in that period were doomed to failure. The change of one political regime and system to another, despite the radical differences between "old" and "new", was, in fact, the replacement of one variant of harsh authoritarianism to another, even more severe. It was dictated by both the existing situation in the country and the spiritual atmosphere in the society of that period.

Key words: authoritarianism, democracy, anarchy, radicalism, extremism, Bolshevism.

XX век для России с самого начала стал особенным. Никогда за всю свою бурную, непростую историю она не испытывала таких трансформаций и потрясений. Масштабный социально-политический кризис, начавшийся в канун Первой русской революции 1905 г. и особенно углубившийся в годы Первой мировой войны привел к ослаблению, а затем и к падению стоявшего веками, казалось бы вечного и незыблемого института российского самодержавия. Н.А. Бердяев писал: «Разложение началось давно. Ко времени революции старый режим окончательно

разложился, исчерпался и выдохся. Война dokonчила процесс разложения» [1, с. 109]. Последовавшие за этим события в виде двух революций и гражданской войны радикально поменяли ситуацию на территории бывшей Российской империи. В короткий период с февраля по октябрь 1917 года было ликвидировано самодержавие, и Россия, минуя стадию конституционной монархии, сразу стала демократической республикой.

И действительно, решения и действия Временного правительства в этот период были направлены именно на реализацию именно этого проекта. 22 марта 1917 г. было принято постановление «Об отмене вероисповедательных и национальных ограничений», 12 апреля – «О собраниях и союзах», 14 июля – «О свободе совести», 1 сентября была провозглашена Российская республика. С созывом Учредительного собрания медлили, однако выборы в него должны были производиться без ограничений и цензов. И впрямь, демократия, даже «сверхдемократия», которой до этого в мире еще не знали.

Вот только что представляла собой эта демократия? Объявление некоторыми пришедшими к власти после свержения самодержавия политиками России «самой свободной страной в мире» вообще выглядело довольно странно. Прошло чуть более полувека после отмены крепостного права. Только в 1904 г. были отменены телесные наказания для крестьян. И вдруг ... самая свободная страна в мире? С чего бы вдруг?

Всеобщее избирательное право, например, на период 1917 г. совершенно не соответствовало уровню политической культуры основной части народа России, разделенному на сословия со своими специфическими нормами поведения и значительным процентом неграмотных. Упразднение существовавших ранее цензов, квот, фильтров и барьеров, закономерно должно было привести к наплыву в органы власти популистов, демагогов и откровенных преступников. И приводило. Все по Платону: «...Наглость они называют просвещенностью, разнузданность – свободой, распутство – великолепием, бесстыдство – мужеством» [2, с. 379].

Одной из серьезнейших ошибок Временного правительства стал целенаправленный развал силовых структур. Те, «старые» царские полиция и жандармерия

(весьма, заметим, эффективные и в мирное и в военное время), а также другие «спецслужбы», вызывавшие ненависть восставших, была сразу разгромлены. Ничего же альтернативного, эквивалентного по эффективности, на замену утраченному, создано не было. Рабочая милиция, созданная для охраны правопорядка, ничем подобным не занималась, более того, сама нередко представляла опасность для «законопослушных» граждан. Зато «по амнистии» были выпущены многие осужденные «враги старого режима» – от уголовников-рецидивистов до радикалов-революционеров. Просто чудо, что страну в это время не потрясли рост криминала и тотальное разграбление. Впрочем, все это было еще впереди.

Но прежде всего эта анархия и кризис власти коснулся главной силовой структуры любой страны – армии. Чем это было для нее, находящейся в состоянии войны? Еще за день до создания этого правительства, Петроградский совет, также претендовавший на полноту власти, издал знаменитый Приказ № 1, по которому отменялось единоначалие, а власть в воинских частях фактически переходила от командования и офицеров к «...Совету рабочих и солдатских депутатов своим комитетам». Вначале приказ распространялся только на Петроградский гарнизон, однако аппетит приходит во время еды, и за несколько месяцев он фактически распространился на всю армию. Те офицеры и генералы, которые выражали несогласие с приказом и отказывались ему подчиняться, были либо уволены из армии, либо просто убиты солдатами, не желавшими выполнять приказы этих «сторонников старого режима». Те же, кто остался в армии, вынуждены были «играть в демократию» с солдатской массой, становились «выборными» командирами, абсолютно зависимыми от своих подчиненных. Понятно, что воевать с внешним врагом такая армия уже не могла, ей уже нельзя было приказывать, ее нужно было упрашивать. Зато такая армия способна устраивать перевороты. Неудивительно, что в октябре 1917 г., эта армия поддержала именно Петроградский совет и не встала на защиту Временного правительства, позволив легко его свергнуть. То есть фактически исполнила тот самый роковой Приказ № 1, который никто не отменил.

В течение всего времени функционирования Временного правительства,

большевики, например, активно и открыто агитировали за его свержение и за прекращение войны. И это во время тяжелейшей войны! Остается только представить, что было бы с подобными агитаторами, призывавшими к окончанию войны, превращению ее в войну гражданскую, к братанию с врагом в период Великой Отечественной войны. Как долго продолжилась бы эта агитация – часы или минуты? Как быстро бы их расстреляли, и было ли бы над ними какое-либо подобие суда? Но это самое «Временное» правительство никаких репрессивных мер против них не применяло. Даже после июльского кризиса, когда большевики предприняли т.н. «вооруженную демонстрацию» (очень уж смахивавшую на попытку вооруженного переворота), правительство не решилось на радикальные меры против этой явно деструктивной на тот момент силы. Переворот тогда не состоялся, его удалось подавить, однако меры, предпринятые властью против «путчистов», оказались во многом формальными и косметическими. Указ об аресте большевистских руководителей был издан, кого-то взяли, кто-то (в т.ч. Ленин) скрылся. Однако партия запрещена не была, продолжала действовать легально и легально же готовила повторить попытку захвата власти.

Таким образом, можно констатировать, что произошла явная (и опасная) подмена понятий: свободы, демократии и законности с одной стороны и вседозволенности и безнаказанности с другой. Демократия, объявленная в стране, в которой общество не созрело и к ней не готово, рано или поздно приведет к охлократии, и эта охлократия, показав полную профессиональную некомпетентность власти, быстро приведет к тому, что общество будет требовать наведения порядка и поддержит любого, кто этот порядок наведет. Даже ценой урезания «дарованных» ранее свобод и установления режима более жесткого, нежели был до установления этой «демократии». И снова вспомним Платона: «Из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство» [1, с. 388].

Первая мировая война резко усилила авторитарные тенденции в обществе, вмешательство государства в общественную жизнь и контроль над нею. Для обеспечения успешного функционирования исполнительной власти возросло значение бюрократии во внутренней жизни страны, усилилась и роль армии. Безработица

породила дисквалификацию рабочих и как следствие – люмпенизацию пролетариата как класса. Продолжение не слишком удачной для России и не пользующейся популярностью в обществе войны, нерешительность и некомпетентность Временного правительства при решении важнейших задач (все откладывалось до созыва Учредительного собрания, ставшего неким фетишем для власти, который она пыталась навязать обществу), привели к тому, что демократический потенциал общества, копившийся столетиями, оказался удивительно быстро растроченным. Страна, находясь на грани выживания, искала выхода, что способствовало укреплению в массовом сознании национальной идеи в жестко авторитарном варианте, что вело к поиску вождя–лидера, сильной личности, способной воплотить эту идею в жизнь, а заодно и спасти страну от военного, экономического и политического краха. Поэтому выход из кризиса предоктябрьская Россия искала именно в авторитаризме. Вероятность же демократической альтернативы изначально была настолько мала, что ни одна сколь-нибудь серьезная политическая сила, может быть за исключением мечтателей-интеллигентов, не рассматривалась.

Формальное народовластие быстро переросло в фактическую личную диктатуру главы Временного правительства А.Ф. Керенского. Вот только «диктатор» на свою «историческую роль» оказался явно слабоват. Впрочем, неважно, кого бы предпочла Россия в тот период – Керенского, Корнилова, либо кого другого, если бы он появился, за этими вождями стояли только варианты авторитарного режима – различные виды военной диктатуры. Да и «диктатура» продержалась недолго и была, в конце концов, свергнута большевиками. Они-то учли ошибки своих предшественников и не повторили их.

Особенностью социального фона с февраля по октябрь 1917 г. стал рост массового радикализма и экстремизма, движущей силой которого зачастую становились деклассированные, нетрудовые элементы из низших слоев населения, требовавшие «всего и сразу» – и свободы и всего что к ней можно приложить. В своих убеждениях они были «страшно далеки» не только от марксизма, но и от всех других «цивилизованных» идеологий. Их «убеждения» представляла собой причудливый сплав идеологии социалистов-утопистов типа Т. Кампанеллы, Т. Мюнцера,

Дж. Уинстенли, Ж. Мелье, Г. Бабефа с собственно русскими взглядами и воззрениями в духе народничества (с их призывами к социальной справедливости, равенству и братству), и методов пугачевщины, с ее кровопролитием и произволом в отношении к «чуждому элементу». Но как бы то ни было, энергия этих слоев к октябрю 1917 году напоминала стихийное бедствие, катастрофу, извержение вулкана, успокоить которые было уже невозможно, да и некому. Ш. Монтескье еще в середине XVIII в. отмечал, что народ может быть либо совсем безучастен, либо не в меру деятелен. «Иногда он все ниспровергает своими сотнями тысяч рук, но иногда на своих сотнях тысяч ног он ползет как насекомое» [3, с. 171]. В России начала XX в. все происходило именно так.

И. Бунин в «Окаянных днях» описывает эти события так: «Опять какая-то манифестация, знамена, плакаты, музыка – и кто в лес, кто по дрова, в сотни глоток:

Вставай, поднимайся, рабочай народ!

Голоса утробные, первобытные. Лица у женщин чувашские, мордовские. У мужчин, все как на подбор, преступные, иные прямо сахалинские.

Римляне ставили на лица своих каторжников клейма «*Cave furem*» («Остерегайся ярости»). На эти лица ничего не надо ставить, – и без всякого клейма все видно.

И Азия, Азия... Восточный крик, говор – и какие мерзкие даже и по цвету лица, жёлтые и мышинные волосы! А сколько лиц бледных, скуластых, с разительно асимметричными чертами среди этих ... и вообще среди русского простонародья – сколько их, этих атавистических особей, круто замешанных на монгольском атавизме! Весь, Мурома, Чудь белоглазая...

Какая у всех свирепая жажда их погибели! Нет той самой страшной библейской казни, которой мы не желали бы им» [4, с. 9].

Законы, худо-бедно регулирующие и упорядочивающие общественные отношения, исчезли. На смену им пришли беззаконие и полнейшая анархия. М. Горький, в «Несвоевременных мыслях» отмечал «моральный развал одичавшей массы», психология которого требует чуда от власти, даже ценой отказа от минимальной

свободы и полного собственного подчинения диктаторскому режиму. Режим «вершителей воли трудового народа» (а правильное – «помазанников собственной революции»), сменивший режим «помазанника Божия», изначально был обречен быть недемократическим, (авторитарным, по меньшей мере), ибо иной вариант в той ситуации был попросту невозможен. Озверение, порожденное вначале Мировой войной, а затем и многократно усиленное войной гражданской, разрухой и голодом, проникло в самые разные слои общества.

Это состояние народа очень четко было подмечено деятелями русской литературы (в том числе и из «красного» лагеря). Жестокость революции и последовавшей за ней гражданской войны отражена в классических произведениях советской литературы, таких как «Тихий Дон» М. Шолохова, «Россия, кровью умытая» А. Веселого, «Хождение по мукам» А. Толстого, «Чапаев», Д. Фурманова, «Разгром» А. Фадеева, «Два мира» В. Зазубрина и др. Чтобы хоть как то сдержать и направить в «нужное» русло эту негативную энергию, «чрезвычайные меры» стали необходимостью. Именно в революционные и постреволюционные годы сформировалась та масса, привычная к «чрезвычайщине» и готовая поддержать любой режим, способный и готовый ее кормить. Об этих людях писал Н.А. Бердяев: «В новом коммунистическом типе мотивы силы и власти вытеснили старые мотивы правдолюбия и сострадания. В этом типе выработалась жесткость, переходящая в жестокость. Этот новый душевный тип оказался очень благоприятным плану Ленина, он стал материалом организации коммунистической партии, он стал властвовать над огромной страной. Новый душевный тип, призванный к господству и революции, поставляется из рабоче-крестьянской среды, он прошел через дисциплину, военную и партийную. Новые люди, пришедшие снизу, были чужды традициям русской культуры, их отцы и деды были безграмотны, лишены всякой культуры, лишены всякой культуры и жили исключительно верой. Этим людям свойственно было неприятие к людям старой культуры, которое в момент торжества перешло в чувство мести. Этим психологически многое объясняется» [5, с. 80]. В аналогичном ключе рассуждал и историк С.П. Мельгунов «Темен русский народ, жестока, может быть русская толпа, но не народная психология, не народная мысль творила теории, взлелеянные

большевистской идеологией» [6, с. 7].

Для большевиков, свершивших революцию, главной добычей стала собственно именно государственная власть. Когда она была захвачена, они сразу же приступили к ее «овеществлению», «материализации». С одной стороны, демонстрировалась близость к народу: открытость, частые «встречи с трудящимися», отсутствие каких-либо привилегий (в т.ч. охраны). От кого загоразживаться, что скрывать, если все свои? Популизм был необходим и востребован. Впрочем, наивно думать, что большевистская верхушка забывала о собственных благах. Вот уж воистину: «Нам не нужен Иисус, нам нужен хлеба кус». Ленин, например, активно использовал автомобильный парк, «доставшийся» ему от Временного правительства, а через него – от императорского гаража. Л.Д. Троцкий занял под свою «резиденцию» Архангельское – бывшее имение князей Юсуповых и пользовался всем его антуражем. Литературовед Ю.П. Анненков писал: «Любимые товарищи» жили зажиточно. Они жили даже лучше, чем в дореволюционное время: Г.Е. Зиновьев, вернувшийся из эмиграции «худым как жердь», в голодные годы революции так разъелся, что был прозван «Ромовой бабой» [7, с. 32].

Необходимо, однако, отдать большевикам, должное. Они, захватившие, власть и сумевшие ее удержать, смогли также, и «обуздать» эту буйную и беспокойную народную массу. И здесь, на наш взгляд, справедливо утверждение Н.А. Бердяева: «Народные массы были дисциплинированы и организованы в стихии русской революции через коммунистическую идею, коммунистическую символику. В этом бесспорная заслуга коммунизма перед русским государством. России грозила полная анархия, анархический распад, он был остановлен коммунистической диктатурой [8, с. 109]». Более того, они смогли использовать ее агрессивную энергию в своих целях, «освятить» ее политически и направив против своих политических противников. Пролетарий (а чаще не он, а его «заменитель» – люмпен), стал «гегемоном», ориентировавшимся на новую систему власти в целом и на возглавлявших ее соответствующих вождей в частности. Тот же М. Горький жестко критически отзывался о политике большевиков, пытавшихся подчинить эту массу своим целям. В «Новой жизни» он писал: «До сегодняшнего дня даже для самого

наивного простака становится ясно, что не только о каком-либо мужестве и революционном достоинстве, но даже о самой элементарной честности применительно к политике народных комиссаров говорить не приходится. Перед нами кампания авантюристов, которые ради собственных интересов. Ради промедления еще на несколько недель агонии своего гибнущего самодержавия готовы на самое постыдное предательство интересов родины и революции, интересов российского пролетариата, именем которого они бесчинствуют» [9, с. 72]. Так что все, что последовало после Октября 1917 г., была спором только между различными, но равно жесткими до жестокости вариантами авторитаризма, который перерос в тоталитаризм.

Захват большевиками власти и последующая их победа в гражданской войне были закономерными и привели к возможности осуществления в России грандиозного по масштабам социального эксперимента – построения нового, еще невиданного в истории типа государства и общества. Оценка этого эксперимента в современной российской социально-гуманитарной мысли и в прошлом и в настоящем крайне неоднозначна – от полного восторга до абсолютного неприятия. Но перевернуть историю, как известно, нельзя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма М.: Наука. 1990. 224 с.
2. Платон. Государство. Соч. в 3 т. М.: Мысль. (Серия «Философское наследие»), 1971. Т. 3. 687 с.
3. Скворцов Л.В. Субъект истории и социальное познание. М.: Политиздат, 1983. 264 с.
4. Монтескье Ш.Л. О духе законов // Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. 803 с.
5. Бунин И.А. Окаянные дни. Тула: Приокское книжное издательство, 1992. 319 с.
6. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма // Юность, 1989. № 11. С. 80-93.
7. Мельгунов С.П. Красный террор в России. М.: СП "РУСО", "P.S.", 1990. 209 с.
8. Анненков Ю.П. Дневник моих встреч. Цикл трагедий: в 2 т. Л.: Искусство, 1991. Т.1. 343 с.
9. Горький А.М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. М.: Советский писатель, 1990. 400 с.

В.А. Мелехин, М.В. Старчикова

г. Барнаул

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА КАК НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

В статье дается обоснование заявленной темы, октябрьской революции, авторами предпринимается в целом удачная попытка рассмотреть мнения о «смерти» социологии в указанные годы. Данные мнения были слишком преувеличены, поскольку уже в середине 60-х годов начинают появляться крупные труды, обобщающие итоги конкретных социологических исследований, по мимо практической значимости, социология в эти годы имела и теоретико-методологическую доминанту, опирающуюся не только на достижения социологов и социальных статистиков дореволюционной школы сколько на работу основателя советского государства В.И. Ленина.

Ключевые слова: *социология, Октябрьская революция, марксизм, идеологизация социологии, «выхватывание фактов», исторический материализм.*

V.A. Melekhin, M.V. Starchikova

Barnaul

THE OCTOBER REVOLUTION OF 1917 AS AN INITIAL STAGE IN THE FORMATION OF RUSSIAN SOCIOLOGY

In article the substantiation of the declared theme, the October revolution, the authors of the pred-was adopted as a whole a successful attempt to consider the views of the "death" of sociology in these years. These opinions were too preuvelicheniya, because already in the mid 60-ies begin to appear larger works, summarizing the results of concrete sociological researches, by the practical significance of sociology in these years, had theoretical and methodological dominant, relying not only on the achievements of sociologists and social statisticians of pre-revolutionary school much to the work of the founder of the Soviet state V. I. Lenin.

Keywords: *sociologia, October revolution, marxism, ideologization of sociology,*

the snatching of facts, historical materialism.

В 1901 году в Париже М.М. Ковалевским и Е.В. Де-Роберти была создана «Русская школа общественных наук», что стало социологическим основанием возникновения социологии в России, одним из методологических направлений которой стала марксистская социология, у истоков которой стояли Г.В. Плеханов и В.И. Ленин.

Восторг по поводу либеральных личностей, плюрализма, толерантности и прочего, охвативший российское общество, начиная с 1990-х годов схлынул по меньшей мере, начиная с 2014 года, с момента присоединения Крыма к России.

Ужесточающиеся политико-экономические санкции по отношению к российскому государству в конце празднования 100-летия Октябрьской революции 1917 года востребовали по новому взглянуть на исторические этапы, пройденные нашей страной в течении столетия, что обуславливает подведение своеобразного итога, пройденного обществом и анализом социального знания, сформировавшегося в процессе исторического развития страны.

После прихода большевиков к политической власти социологическая мысль в России довольно активным образом развивалась. Начался процесс институционализации социологического знания, были созданы кафедры социологии в Петроградском и Ярославском университетах. В 1919 году учрежден Социобиблиографический институт, а его директор К. Тохтарев поставил вопрос о переименовании последнего в Российский социологический институт. Возобновила свою деятельность Российское социологическое общество им М. Ковалевского, председателем которого стал Н. Кореев. В 1920 году в Петроградском университете был образован первый в стране факультет общественных наук с социологическим отделением, который возглавил П. Сорокин.

В эти же годы издается обширная социологическая литература, главным образом теоретического профиля. Широко были представлены различные точки зрения на предмет теории и структуры социологического знания, соотношения социологии и теории общества.

Однако после высылки за рубеж значительной части российской творческой интеллигенции, не поддержавшей советскую власть, издание немарксистской литературы по социологии было, по существу, прекращено. Утверждению марксистского взгляда на социологическую проблематику способствовала позиция В.И. Ленина, сформулированная им в статье «О значении воинствующего материализма» (1922 г.). Суть этой позиции была выражена в двух положениях: кто не с нами, тот против нас; мы не так сильны, чтобы за деньги пролетариата разрешить в стране врожденное большевизму инакомыслие [1, с. 30-37].

Начался процесс бурной «идеологизации» социологии, продолжавшийся в стране (с перерывом 30 лет) вплоть до 1990 годов, что не совсем соответствует действительности, но об этом будет сказано ниже.

Наибольшим теоретическим влиянием на процесс становления советской марксистской социологии в начале 1920-х годов пользовалась позиция Н.И. Бухарина, изложенная им в книге «Теория исторического материализма» (1921 г.). Основная идея Бухарина заключалась в отождествлении социологической теории с историческим материализмом. Исторический материализм провозглашается социологической теорией марксизма. Он был определен как «общее учение об обществе и законах его развития, т.е. социология» [2, с. 12].

Декларируемое положение либерально настроенных социологов об отсутствии в СССР социологии входит в противоречие с информацией о том, что в течение 1922-1934 годов разными учеными было изучено более 100 тысяч суточных бюджетов времени разных слоев населения и на основе этого опубликовано около 70 работ по этой проблеме (С.Г. Струмилин, Я.В. Видревич, В.С. Овсянников, В. Михеев и др.). Специально по заданию ЦК РКСМ в 1924-1925 годах были проведены исследования бюджетов времени комсомольских активистов, пионеров и школьников. Для изучения бюджета времени детей и подростков даже специально был создан педагогический отдел в Научно-педагогическом институте, которым руководил М.С. Бернштейн (А.М. Гельмонт, Н.А. Бухгольн, Н.Н. Норданский и др.)

Таких примеров, основывающихся на использовании социологического инструментария, синтезируемого с методологическими основаниями других наук (педагогика, психология, социология управления и др.) можно привести, не мало, что свидетельствует о том, что мнение о «смерти» социологии, во всяком случае, в ее эмпирико-прикладной составляющей были слишком преувеличены. Но даже теоретическая составляющая, в ее методологическом обосновании в последующем, во всяком случае, в форматизированном виде, была решена.

Эта проблема была решена на основании выше приведенного мнения Н.И. Бухарина, по сути, отождествило исторический материализм с социологией, что в научном смысле несостоятельно, поскольку история материализма является лишь одной из версий социальной философии.

Однако возвращаясь к оценке Н.И. Бухариным социологического знания заметим, что именно в этот период С.А. Оранский, который понимал, что социология, помимо теоретического знания, предпочтенного Бухариным должна опираться на его эмпирико-прикладную доминанту отмечает, что «как общая теоретическая социология, исторический материализм предполагает и возможность конкретной социологии, особого конкретного социологического изучения социальных процессов...» [4, с. 13-14].

Эта позиция была в последующем, по мере реабилитации социологии во времена «хрущевской оттепели», возведена в ранг общесоциологической теории, ставящей социологию марксизма советского периода в теоретическом плане на один уровень с концепциями Т. Парсонса, Р. Мертона, П. Блау и др.

При всей половинчатости функционирования социологии в ее марксистском варианте в условиях советского строя, отрицать значимость в ее эмпирико-прикладном значении не следует, поскольку уже в середине 60-х годов начинают появляться крупные труды, обобщающие итоги конкретных социологических исследований. Издается пятитомник избранных произведений одного из пионеров социальной инженерии и конкретного социального анализа С. Струмилина. Выходят монографии: «Копанка 25 лет спустя» (1965) существенный вклад в изучение социальных аспектов взаимоотношения свободного и рабочего времени внесли

труды Г. Пруденского, подытоженные в книге «Время и труд» (1964). Широкий труд исследований социальных проблем брака и семьи был обобщен в классической монографии А. Харчева «Брак и семья в СССР» (1966) [5, с 12].

Представленная информация лишь отчасти отражает степень функционирования социологии в СССР, значимость которой в либерально-демократических научных кругах или игнорировалась, или отрицалась.

Между тем, по мимо ее практической значимости, социология имела и теоретико-методологическую доминанту, опиравшуюся не только на достижения социологов и социальных статистиков дореволюционной школы (С. Прокопович, М. Дивидович, Г. Наумов, А. Стопанин, В. Леонтьев), но и на работу основателя советского государства В.И. Ленин.

В своих работах он широко использовал статистические данные, что по существу, служило важным методологическим средством, которое не раз помогало ему как в борьбе со своими оппонентами, злоупотреблявшими «выхватыванием отдельных фактов», так и критически относиться к, казалось бы, незыблемым марксистским постулатом. В работе «Статистика и социология» В. Ленин указывал, что статистика должна быть основой социологии, а манипулирование ведет к научному и политическому шарлатанству.

«В области явлений общественных нет приема более распространенного и более не состоятельного как выхватывание отдельных фактов, игра в примеры. Подобрать примеры вообще – не стоит никакого труда... Факты, если взять их в целом, в их связи, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Факты, если берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое чем еще похуже.... Вывод отсюда ясен: надо попытаться установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно было бы опираться, с которым можно было бы сопоставлять любое из тех «общих» или «примерных» рассуждений, которыми так безмерно злоупотребляют в некоторых странах в наши дни. Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения, ибо иначе неизбежно возникает

подозрение, и вполне законное подозрения, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносятся «субъективная стратегия» [6, с. 350-351].

Приведенный фрагмент ленинского анализа социальных фактов, подчеркивающих его компетентность подтверждается теоретическими суждениями о том, что материализм стал основой для действительно объективного исследования общества и преодоления субъективизма в социологии. У объективного метода исследования не может быть науки ни естественной, ни общественной. Это является общим принципом всякого научного исследования, включая социологическое.

Безапелляционность последнего утверждения ленинского видения социального знания смягчают современные социологи-теоретики (С.И. Григорьев, А.И. Субетто), которые методологически развивают концепции марксизма и ленинизма.

Они ориентируются на то, что потенциал социальной мысли, заключенной еще основоположниками отечественного обществознания (А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, А.И. Герцен) предполагает, что «у России есть своя судьба – судьба эсхатологического, духовного, ноосферно-социалистического прорыва, в котором социализм обретает свои собственные истинные основания – основания духовные, любви, основания полного раскрытия сущностных сил человека «жизненный силы» социологии витализма, которые связаны с творчеством, с приматом духовного над материальным [7, с. 185].

Революция октября 1917 года, несмотря на все преобразования в ходе исторического развития социальной мысли в России (СССР) сыграла огромную положительную роль для формирования общественной системы и имеет значительный потенциал для ее современного совершенствования и развития в реалиях современной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В.И. О значении воинствующего материализма. На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. М.: 1990. С. 30-37.
2. Бухарин Н.И. Теория исторического материализма. М.: 1929. С. 12.
3. Кравченко А.И. История отечественной социологии: учебное пособие. – М.: 2005. С. 30.
4. Оранский С.А. Основные вопросы марксистской социологии. Л., 1927. Т.1. С. 13-14.

5. Осипов Г.В. Возрождение российской социологии (60-90-е годы 20 века) страницы истории // Социологические исследования. 2004. №12.
6. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 30. С. 350-351.
7. Григорьев С.И. Основы неклассической социологии. М., 2014. 185 с.

УДК 93 (908) 929

А.А. Мишучков, А.В. Мишучкова

г. Оренбург

ОБРАЗ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ПОЭЗИИ А.Ф. РЯЗАНОВА

В данной статье представлены биография и общественно-политические позиции Александра Федоровича Рязанова, военного казака, журналиста, поэта и краеведа, одного из ярких деятелей времен Гражданской войны в Оренбуржье. Авторы публикации анализируют поэзию А.Ф. Рязанова с позиций художественного реализма. Будучи убеждённым сторонником позиции белогвардейцев А.Ф. Рязанов ярко живописует события и отстаивает позицию казачества в гражданской войне, выражая надежду на духовное единение казаков перед большевистской опасностью. В то же время поэт объективно представляет сложные условия противоборства, отмечая наличие жестокой дилеммы гражданской войны – либо красный террор, либо белый террор; как поэт он понимает тот факт, что пики не могут переломить дух нового времени – проложенных рельс и ревущего паровоза большевизма, стремящегося к новой жизни.

Ключевые слова: *А.Ф. Рязанов, Оренбург, военный казак, журналист, поэт, краеведение, научные труды, гражданская война, революция 1917 г., Оренбургский казачий вестник*

A.A. Mishuchkov, A.V. Mishuchkova

Orenburg

THE IMAGE OF THE REVOLUTION AND CIVIL WAR IN THE POETRY OF A.F. RYAZANOV

This article presents the biography and socio-political positions of Alexander Fedorovich Ryazanov, a military Cossack, journalist, poet and local historian, one of the most outstanding figures of the times of the Civil War in Orenburg. Authors of the publication analyze the poetry of A.F. Ryazanov from the standpoint of artistic realism. Being a convinced supporter of the position of the White Guards AF. Ryazanov brightly portrays events and defends the position of the Cossacks in the civil war, expressing the hope of spiritual unity of the Cossacks before the Bolshevik danger. At the same time, the poet objectively presents the difficult conditions of confrontation, noting the existence of a brutal dilemma of the civil war – either the Red Terror or the White Terror; as a poet he understands the fact that the peaks can not break the spirit of the new time – the laid rails and the roaring locomotive of Bolshevism, striving for a new life.

Key words: *A.F. Ryazanov, Orenburg, military cossack, journalist, poet, local history, scientific works, civil war, revolution of 1917, Orenburg Cossack herald*

Одним из ярких деятелей времен Гражданской войны в Оренбургском крае был Александр Федорович Рязанов, военный казак, журналист, поэт и краевед. Происходил он из казачьего рода станицы Степной Оренбургской губернии. Родился в 1879 г. и, оставшись рано без отца, который был военным казаком, поступил и окончил 1902 г. в Оренбургское окружное казачье училище [3]. Приученный с малых лет к трудностям и лишениям он вырастает в талантливое боевое офицера, казачье звание – войсковой старшина, офицерское звание – подполковник. Авторитет и опыт Александра Рязанова становятся образцом для подражания рядовых солдат. Он получил опыт русско-японской и Первой мировой войн. Был контужен 02.04.1917 г. у поселка Новая Слобода Тамбовская губернии и демобилизован. Вернувшись в Оренбург, стал одним из инициаторов создания Оренбургского Совета казачьих депутатов. Назначен редактором еженедельной газеты «Оренбургский казачий вестник», работая здесь до её закрытия в 1918 г. Он был активным агитатором против большевизма и радовался приходу в г. Оренбург войск атамана А.И. Дутова в октябре 1917 и июне 1918 г.

Поражение белого движения привело его в октябре 1919 г. в ряды Красной

Армии. С 1920 г. по 1923 г., будучи помощником командира дивизиона, преподавателем тактики, начальником учебной части в третьей кавалерийской школе коммунистического состава Красной Армии, подготовил более трехсот выпускников школы. С 1923 г. как ответственный секретарь Киргизского краевого Военно-научного общества активно занимался краеведческой деятельностью. Становится членом Оренбургского отделения Государственного географического общества, Общества изучения Казахстана и Общества изучения Башкурдистана. С июля 1924 г. был научным сотрудником Центрального архива Казахстана, в 1925-1927 гг. – сотрудником Губернского архивного бюро. В 1924-1928 гг. вышли в свет его научные труды: книги «Оренбургский край. Исторический очерк» [14], «На стыке борьбы за степь: очерк колонизации Новолинейного района в 1835-1845 гг.», «Сорок лет борьбы за национальную независимость казахского народа (1797-1838)» [16]; очерки «Исторический «Оренбург» и «Прошлое Оренбургского края» [1], «К истории Дутовщины» [13], «Научно-историческое значение Оренбургского архива», «Отголоски Пугачевского восстания на Урале, в Киргиз-кайсацкой Малой орде и в Поволжье» [15], «Восстание Исатая Тайманова (1836-1838 годы)» [12, с. 103], «Александр Сергеевич Пушкин в Оренбурге в 1833 г.» [11], «Очерк развития авиации у нас и за границей» [9] и другие сочинения [10]. Всего им написано более 20 крупных научных исторических трудов и более 100 статей в газете «Казачьего вестника» и иных изданиях. Предчувствуя скорый арест и будучи на учете в органах ГПУ, он в 1927 г. вместе с супругой Марией Васильевной уезжает в Кзыл-Орду, далее – в Алма-Ату. Переезды и неустроенность подорвали его здоровье, и он 6 апреля 1929 г. скончался по приезду в Оренбург в своей квартире по Ивановскому переулку, 6. В некрологе, опубликованном в «Краеведческом сборнике», К.З. Ахмеров выразился так: «Он оставил нам ценные материалы по истории башкирского народа: им написано более 20 ценных исторических трудов, более 15 изданы, а из остальных часть принята к изданию разными научными организациями... В лице А.Ф. Рязанова мы потеряли талантливое... историка-краеведа» [2, с. 121].

У Александра Федоровича Рязанова был еще один прекрасный дар – дар художественного слова: рожденный под влиянием великой русской литературы, он

обогастил традицию казачьей поэзии. До нас не дошли оставшиеся в рукописи его многочисленные стихотворения, в том числе и лирика, посвященная жене Марии Васильевне. В серии стихов А.Ф. Рязанова, опубликованных в «Казачьем вестнике» в 1918 г., можно видеть могучую стихию казачьего слова, в которой выражен весь дух революционной эпохи. В стихотворении «Тревога» выражается надежда на духовное единение казаков перед большевистской опасностью и революционной смуты:

«Трубач, труби скорей сигнал
Наш старый марш поход,
Чтоб на всю Русь он прозвучал,
Чтоб разбудил народ!
Настал последний, грозный час,
Последний смертный бой:
Наш подлый враг идет на нас
Со злобою слепой.
Казак! Седлай скорей коня,
Скачи под сень знамен;
Станицы гибнут от огня,
Там плач детей и жен.
Там гибнет труд твой вековой –
Наследье многих лет,
Что добыл тяжкою борьбой
Твой славный старый дед.
Трубач, труби! В ком искра есть
И к родине любовь,
Восстанет он за нашу честь
Россия будет вновь!
Из моря крови, груды тел,
Страдальческих могил
Народ восстанет, снова цел
И полн могучих сил» [4, с. 2].

Стихотворение было написано после освобождения белоказаками от пятимесячной власти большевиков в г. Оренбурге, который оставался на военном положении. 24 июня торжественно вошел в Оренбург атаман А.И. Дутов, которого с хле-

бом-солью встречал горожане и сам А.Ф. Рязанов. Объединение казаков в отстаивание своих вековых ценностей возможно, по мысли поэта и казака, на путях духовного обновления – в вере в Бога и любви к Отечеству. Кровавая драма разыгралась во время большевистской власти – десятки станиц (Донецкая, Донгузская, Татищевская, Угольная, Григорьевская, Пречистенская, Благословенская, Воздвиженская, Ильинская) были сожжены и сотни казаков убиты [17, л. 29 об, 31, 66 об, 95.]. В статье от 26 июня в «Казачьем вестнике» А.Ф. Рязанов вопрошает казачество об исторических уроках революционной смуты, поднятой большевиками: «Тяжелые испытания, выпавшие на долю рабочего класса, претендовавшего на устройство новой России по теории Маркса, внесли в среду рабочих развал, и наоборот, «выковали в булатную сталь» национальное движение казачества, которое, несомненно, охватит и все русское крестьянство. Пора нам сделаться русскими и понять, что вне Отечества немислимы никакие завоевания революции, и, ради спасения целого, бросить мелкую партийную рознь. До сих пор, защищая друг от друга завоевания революции, мы не защищали свою Родину и потерпели грандиозную катастрофу. Ужели снова мы приступим к дележу шкуры убитого медведя и тяжелый урок, данный нам господством большевиков, предавших Россию на мировое позорище, нас ничему не научил?» [8, с. 3]. Заключительная идея стихотворения заключена в вере в мудрость народа, который очистится от кровавой смуты и защитит свою свободу от большевистской деспотии и губительного братоубийства.

В номере газеты от 22 июня 1918 г. в стихотворении «Кзаки» [5, с.3] А.Ф. Рязанов художественно описывает жестокую дилемму гражданской войны – либо красный террор, либо белый террор. Между казаками и красноармейцами ничего общего нет, военная логика предполагает хитрость и уничтожение врага. «Исполнинский поезд» красных символизирует новую советскую власть, основанную на технической мощи, которая разрушает вековой традиционный строй казачества:

«Степь в истоме полуденной
Ярким солнцем залита,
Чуть колышет воздух сонный
Красок дымчатых цвета.
Там далеко, за курганом,

Затаились хищным станом
Атаманы-казаки...
Чу, земля дрожит! Клубится
Вдалеке чернея дым, –
Гроыхая, поезд мчится
По путям своим стальным;
Тишь степную прорезают
Торжествующе гудки...
И коней своих седлают
Боевые казаки.
Мигом сняты с рельсов гайки,
Распилен десяток шпал, –
Взял разъезд коней в нагайки,
Чикнул, и в степи пропал...
Поезд мчится, из набега
Едет красный в нем отряд;
Под уклон прибавил бега,
Искры брызгами летят!
Вдруг с размаха накренился
Исполинский паровоз
И весь в пламени свалился
Грозный поезд под откос.
Стоны, треск, проклятья, крики...
Вдалеке режут гудки...
А в степи блеснули пики
И казацкие клинки».

Победа казачества мыслится как пиррова победа, когда истощаются силы народа, казачество гибнет, но пики не могут переломить дух нового времени – проложенных рельс и режущего паровоза большевизма, стремящегося к новой жизни. А.Ф. Рязанов в статье вместе со стихом пишет: «История отдаст должное тому неистощимому могуществу человеческого духа, с которым казачество, разбросанное на необъятных пространствах с предгорий Южного Урала до Каспийского моря, без железнодорожных путей и техники современного вооружения, выступив с одними традиционными нагайками и дрекольем против перегруженных оружием большевистских банд, все же одержало над ним победу. История отдаст должное талантам и самоотвержению казачьих вождей, сумевших преодолеть невероятные

трудности в организации партизанских отрядов, разбросанных на огромных пространствах и нанесших поражение большевикам под Саратовом, Новосергиевкой и Илеком» [7, с.2].

В стихотворении «Большевицкий загул» [7, с.2] А.Ф. Рязанов описывает время власти советских комиссаров как время наживы и беззакония, которое прикрывается видимостью декретов. В народе власть комиссаров пробуждает низменные чувства «грабить грабленное», и, в то же время, трибуналы расстреливают тех, кто негоден власти и грабит сам в этом угаре страстей:

«Самодержцы комиссары
К черни издали декрет:
На добро теперь чужое
Отменяется запрет:
Грабить грабленное может,
Коль захочет голытьба!
И по городу прошлася
Черни буйная гульба.
Банды пьяные матросов
Грабят робких горожан,
По квартирам нагло рыщут
Шайки белых каторжан.
А в купеческих подвалах,
Сбив тяжелые замки,
Комиссары выбирают,
Расторопно сундуки.
Крики, брань... везут подводы
Понаграбленный товар
На толчке содом, гоморра,
Бьет ключом большой базар.
Тюрьмы полны, в них таится
Саботажник-русский люд,
И творит над ним глумится
Трибунал свой черный суд.
День и ночь ведут расстрелы,
Граждан давят точно мух,
Адским вихрем истребляя,
Захватило людям дух!

И ликует озверелый,
Веру предавший народ,
И горит в крови насилья
Знамя красное свобод».

Поэт понимает, что именно отступление от Бога и правды русской государственности приводит к торжеству неправды и революционного насилия во имя «красной свободы», политой кровью соотечественников.

В следующем стихотворении «Красный комиссар» поэт показывает, как происходит превращение из «жертвы», бывшего холопа в «тирана», который сам примеривает на себя функцию палача и вершителя судеб людей. Используя силу народной массы к лучшей жизни, новый тиран обманывает народ, не может ему предложить ничего, кроме того же насилия. Но в новой форме:

«Путы сбросил вековые
Трудовой народ.
Углубляя, раздувая
Темной массы страсть,
Демагоги захватили
Над народом власть.
С дней октябрьских Россию
Всю объял пожар;
В это время что ни жулик –
То и комиссар!» [8, с.3].

А.Ф. Рязанов обвиняет Советскую власть в предательстве национальным интересам, выразившемся в Брестском мире с Германией. «Уже нет и тени тех гордых заносчивых слов, что мирный договор с Германией есть «клочок бумаги», который можно разорвать в любой момент, что Брестский мир есть только «передышка», которую большевики хотели использовать для накопления сил, для новой последней, решительной схватки за великую всемирную социальную революцию. Жалкие презренные трусы, цепляющиеся за ускользающую власть дрожащими руками, делают величественные позы и жесты, а буря, поднявшаяся на востоке, рвет в мелкие клочья их опозоренные знамена и валит, разбивая в прах, жалкий трон комиссаро-державия. Велик Бог земли русской! Вставай же, древний исполин, русский народ,

и в великом национальном возрождении смахни злыя, предательские чары большевизма» [6, с.3].

Таким образом, творчество А.Ф. Рязанова возвращает нас к трагическим событиям Октябрьской революции и гражданской войны, военного противостояния казачества и советской власти. Личная судьба его, как и всего русского народа, оказалась разделенной на две части – до и после прихода советской власти. Кадровый белый казачий офицер он стал военным педагогом в третьей кавалерийской школе комсостава Красной Армии в г. Оренбурге, ученым-архивистом, оставившем яркий след в оренбургском краеведении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исторический Оренбург Гублито за № 38 от 14 мая 1928 г. – Электронный ресурс: URL: <http://ria1914.info/index.php?title>
2. Краеведческий сборник. – Уфа, 1930. – №3-4. – С. 121.
3. Кузахметов Р.К. Рязанов Александр Федорович. – Электронный ресурс: URL: <http://ria1914.info/index.php?title>
4. Оренбургский казачий вестник. Независимый внепартийно-республиканский орган свободного казачества, издаваемого Войсковым Правительством. – №1. – 21. 06. – 04. 07. 1918. – С. 2.
5. Оренбургский казачий вестник. – № 2. – 22. 06. – 05. 07. 1918. – С. 3.
6. Оренбургский казачий вестник. – № 29. – 25. 07. – 07. 08. 1918. – С. 3.
7. Оренбургский казачий вестник. – № 3. – 23. 06. – 06. 07. 1918. – С. 2.
8. Оренбургский казачий вестник. – № 5. – 26. 06. – 09. 07. 1918. – С. 3.
9. Очерк развития авиации у нас и за границей. Изд. ОДВФ, 1924.
10. Рукопись «Вождь башкир Салават. Общество изучения Башкирии. 1929 г.» и рукопись «Оренбургское казачество и проблема формирования территориальных кавалерийских частей».
11. Рязанов А.Ф. Александр Сергеевич Пушкин в Оренбурге в 1833 г. // Вестник просвещенца. – Оренбург, 1926. – №№ 5, 6.
12. Рязанов А.Ф. Восстание Исатая Тайманова (1836–1838 годы). – Ташкент: Типо-лит. – №2. – 1927. – 103 с.
13. Рязанов А.Ф. К истории Дутовщины // Вестник просвещенца. – Оренбург, 1928. – № 7 – 8.
14. Рязанов А.Ф. Оренбургский край. Исторический очерк // Вестник просвещения. – Оренбург, 1926.
15. Рязанов А.Ф. Отголоски Пугачевского восстания в Поволжье, на Урале и в Киргизской степи. Исторический очерк. – Труды Общества изучения Казахстана, 1925.
16. Сорок лет борьбы за независимость Казахстана. Очерк по истории национального движения Казахского народа за 1797-1838 гг., часть первая и вторая. – Издание Общества изучения Казахстана, 1927.
17. Центр документации Оренбургской области (ЦДННО). Ф. 7924. Оп. 1. Д. 82. Л. 29 об, 31, 66 об, 95.

С. В. Нагорная, Ю.С. Барбашова, Е.А. Кракосевич

г. Смоленск

ЗАСЛУГИ РЕКТОРА СМОЛЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА Н. Н. РОВИНСКОГО В СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В работе рассматриваются основные этапы биографии смоленского ученого Н.Н. Ровинского и значение его деятельности для становления высшего финансово-экономического образования в нашей стране.

Ключевые слова: финансы, экономика, высшее образование

S. V. Nagornaya, G.S. Barnachova, E. A. Krakosevich

Smolensk

THE MERITS OF THE RECTOR SMOLENSK STATE UNIVERSITY NICHOLAS ROVINSKY IN THE ESTABLISHMENT OF THE SYSTEM OF FINANCIAL AND ECONOMIC EDUCATION

The main stages of the biography of the Smolensk scientist N. N. Rovinsky and the significance of his activities for the development of higher financial and economic education in our country are discussed in this article.

Key words: finance, economy, higher education.

Николай Николаевич Ровинский родился 17 января 1887 г. в городе Смоленске, в семье мелкопоместного дворянина - акцизного чиновника Николая Ипполитовича Ровинского. Дед Николая Николаевича по отцу, Ипполит Викентьевич, окончил юридический факультет Московского университета и был смоленским мировым судьей. Прадед Викентий Павлович участвовал в Отечественной войне 1812 г. и вернулся домой в 1814 г. с четырьмя боевыми орденами и дворянским званием.

Свои незаурядные способности Николай начал проявлять еще в Смоленской мужской классической гимназии. Учась в старших классах и рано потеряв отца, он подрабатывал репетиторством. Это не помешало ему в 1906 г. окончить гимназию

с золотой медалью и поступить на экономическое отделение Санкт-Петербургского им. Императора Петра Великого политехнического института. В Уставе института указывалось, что успешно защитившие диплом и показавшие в годы учебы успехи в научных студенческих исследованиях имеют право на доработку дипломной работы до уровня кандидатской диссертации в срок до года, и на защиту ее в Ученом совете. Николай Ровинский получил такое право и успешно его реализовал. В 1911 г. ему была присуждена ученая степень кандидата экономических наук, что и записано в дипломе [1, 2].

С июня 1910 г. Н.Н. Ровинский работает преподавателем коммерческих учебных заведений Общества торговых служащих в г. Смоленске. С началом Первой мировой войны служил в русской армии. С августа 1914 г. по ноябрь 1917 г. в чине подпоручика инженерных войск он руководил строительством оборонительных сооружений на Западном фронте, в том числе и в Смоленской губернии. С октября 1918 г. он преподавал в Политехническом институте, организованном в те годы в Смоленске, где занимал должность доцента, проректора, а по совместительству – заместителя начальника бюджетного управления финансового отдела Смоленского исполкома. С мая 1919 г. Н. Н. Ровинский становится ректором института, и одновременно занимает должность начальника Плановобюджетного управления губернского исполкома. 15 декабря 1921 г., после слияния Политехнического института со Смоленским государственным университетом (СГУ), он переходит на работу в университет, и в должности профессора руководит кафедрой экономических дисциплин. В 1923 г. Н.Н. Ровинский избран ректором СГУ. В течение особенно сложных лет становления медицинского факультета СГУ, открытого только в 1920 году, он успешно решает сложные проблемы финансирования, сохраняет факультет от многократных попыток закрытия, осуществляет первый выпуск смоленских врачей.

В 1929 г. Н.Н. Ровинский был приглашен в Москву для работы старшим консультантом Совета Народных Комиссаров РСФСР по финансовой и плановой работе. По официальной версии это связано с тем, что в стране был взят курс на индустриализацию, и появилась необходимость в планировании и финансировании

макроэкономических проектов, были востребованы и соответствующие специалисты. Но конец 20-х – начало 30-х годов XX века вошли в историю Смоленщины как период «Смоленского нарыва» [3]. Именно в эти годы практически все руководители Смоленской губернии оказались привлечены к суду по обвинению в различных злоупотреблениях и нарушениях закона. Своих постов лишились не только многие административные работники, но и руководство университета. Как свидетельствуют архивные источники, в феврале 1929 г. ректор, профессор политической экономии Н. Н. Ровинский был заменен проверенным партийным работником из Москвы Р. С. Белкиным. А 23 августа 1929 г. Николай Николаевич отчислен и с должности доцента кафедры с записью в протоколе правления СГУ: «...ввиду необходимости поручения курса экономической политики марксисту, каковым Ровинский не является...» [4].

Впоследствии профессор Н.Н. Ровинский был назначен первым директором Московского финансового института (ныне – Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации), образованного в 1946 г. в результате слияния двух вузов — Московского финансово-экономического и Московского кредитно-экономического институтов. В разные годы он одновременно осуществляет руководство финансовыми кафедрами и других крупных финансово-экономических ВУЗов страны: Всероссийского заочного финансово-экономического института, Ленинградского и Казанского ФЭИ. Николай Николаевич подготовил свыше 20 кандидатов экономических наук, многие из которых стали затем докторами, профессорами. Насколько внимательно он относился к своим аспирантам можно судить по следующему факту. Одна из его учениц вспоминает: «В одной из бесед с нами он заметил, что мы редко встречаемся. В ответ мы сказали, что преподаватели долго задерживаются у Вас. На следующий же день на двери его кабинета появилось объявление: «Каждый четверг недели с 16 до 18 ч. – встреча с аспирантами». Об одной из бесед директора со старостами учебных групп вспоминает бывшая староста Вера Михайловна Родионова: «Перед нами был настоящий ученый, мудрый и взыскательный, по-отечески добрый, нашедший время показать и сияющие

вершины финансовой науки и трудные пути ее постижения, увлеченно звавший сидящих перед ним 17-летних юнцов идти вместе с ним на завоевание ее рубежей».

К заслугам Н.Н. Ровинского нужно отнести и активное участие в подготовке экономистов-финансистов в годы Великой Отечественной войны. За эту работу он был награжден в 1944 г. орденом «Знак Почета», тогда же ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки РСФСР».

Николай Николаевич не ограничивался изучением только советского финансового контроля, он так же исследовал данную тему в иностранных государствах, таких как: Англия, США, Бельгия, Франция.

Н.Н. Ровинский написал свыше 20 учебников и учебных пособий и 200 статей в научных журналах «Финансы и социалистическое хозяйство», «Советские финансы», «Вестник финансов». Наиболее значимые из них: «Местные финансы» (1936 г.), «Финансовое право» (1946 г.), «Государственный бюджет» (1944 г.), «Финансовая система» (1952 г.). Большой вклад Н.Н. Ровинский внес в изучение теории бюджета как ключевого звена государственных финансов. Он стал рассматривать бюджет как объективную экономическую категорию, что существенно повышало роль понятия «бюджет» как неотъемлемого звена общей системы экономических отношений, обосновывало необходимость глубокого подхода к пониманию его роли, места и функций. В условиях жесткого авторитарного планирования это стало своего рода прорывом к пониманию сути бюджета как экономической категории [5, 6].

Таким образом, Н.Н. Ровинский является одним из крупнейших экономистов-финансистов нашей страны, ученым и практиком, наставником и организатором, оставившим заметный след в истории государственного управления и высшей школы России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Родионова В.М. Становление и развитие научной школы финансов / В. М. Родионов // Вестник финансового университета. 2009. № 1 (49). С. 9-17.
2. Никольский П.С. К 120-летию со дня рождения первого ректора МФИ Н.Н. Ровинского / П.С. Никольский // Вестник финансового университета. 2017., № 1 (97). 7 с.
3. Кодин В. Е. Смоленский нарыв / В. Е. Кодин. Смоленск, 1995. 113 с.

4. Государственный архив Смоленской области. Ф. 139. Оп. 2. Д. 80. Л. 5, 10.
5. Местные финансы в СССР. Бригада под руководством проф. Н.Н. Ровинского. М.: Госфиниздат, 1956. 484 с.
6. Ровинский Н.Н. Финансовая система СССР / Н. Н. Ровинский. М.: Госфиниздат, 1952. 164 с.

УДК 9 (092) (470.61) «_1917»

О.П. Окопная

г. Ростов-на-Дону

**ЧЕГО ЖДАЛА ОТ РЕВОЛЮЦИИ РОССИЙСКАЯ БУРЖУАЗИЯ?
(НА ПРИЕМЕ ВЗГЛЯДОВ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н.Е. ПАРАМОНОВА)**

В статье на примере судьбы известного донского предпринимателя и просветителя Николая Елпидифоровича Парамонова раскрывается роль и участие представителей буржуазии в событиях Великой Российской революции 1917 года.

Ключевые слова: история донского края, буржуазия, финансовая помощь партиям революционеров, борьба с самодержавием, желание управлять страной

O. P. Okopnaya

Rostov-on-Don

**WHAT DID YOU EXPECT FROM THE REVOLUTION, THE RUSSIAN
BOURGEOISIE?
(THE RECEPTION OF THE VIEWS AND ACTIVITIES OF N. E. PARAMON-
OVA)**

Basing on the fate and the deeds of the don well-known entrepreneur and educator N. E. Paramonov the article reveals the role and the participation of the representatives of the bourgeoisie in the events of the great Russian revolution of 1917.

Key words: history of the don region, the bourgeoisie, financial assistance to the parties of the revolutionaries, the struggle against the autocracy, the desire to run the country.

Российская революция 1917 года – этот один из сложных и неоднозначных этапов в истории нашего государства. Она охватила всю территорию страны. Этой революции желала вся Россия, все слои общества, люди хотели перемен. Никто уже

не верил царю, но верили в возможность построения лучшего общества.

Наша статья посвящена уникальной личности донского края предпринимателю, книгоиздателю и просветителю народных масс, меценату Николаю Елпидифоровичу Парамонову. Он сыграл значительную роль в формировании и развитии общественного движения на Дону, в повышении культурного уровня простых граждан.

28 марта 2006 года Донским комитетом партии «Единая Россия» в честь 130-летия со дня рождения Н.Е. Парамонова на улице Суворовой в Ростове-на-Дону была установлена мемориальная доска. Представители ведущей партии РФ считает Николай Парамонов последовательным защитником российского конституционализма, политической свободы и демократии, истинным патриотом своей страны.

Николай родился 24 апреля 1876 года в станице Нижне-Чирской Области войска Донского в семье купца Елпидифора Трофимовича Парамонова. Он получил прекрасное образование. После окончания ростовской гимназии поступил в Московский университет. Здесь он был охвачен революционными идеями и занял антиправительственную позицию, за что был арестован.

В 1898 году Николай был исключен из Московского университета за чтение и хранение нелегальной социал-демократической литературы и за связь с «Союзным Советом объединенных землячеств». Бывший студент МГУ выслан в Ростов-на-Дону по негласный надзор полиции. Связи, деньги и влияния отца позволили Николаю закончить обучение в другом вузе. В 1900/1901 учебном году Николай Парамонов числится студентом четвертого курса юридического факультета Киевского университета.

По окончании вуза Николай возглавил культурническую интеллигенцию в Ростове-на-Дону. Активно занимался общественной работой, вступил в партию кадетов, оказывал финансовую поддержку левым партиям.

Бывший товарищ по университету, социал-демократ И.Н. Мошинский дал такую характеристику Н.Е. Парамонову: «... Это прелюбопытнейшая фигура в русской революции. Крупный капиталист, человек американской складки... Он имел пристрастие ко всем крупным затеям, даже в революционном подполье... Помогал

социал-демократам, поскольку это было полезно для разрушения самодержавного режима. За издание революционной литературы был приговорен к нескольким годам заключения» [4]. По возбужденному в 1911 году уголовному делу, за выпуск и распространение запрещенной литературы Парамонову грозил реальный срок, 3 года заключения в крепости.

О его недолгом «тюремном заключении» вспоминал А.М. Ладыженский: «Парамонов сел в тюрьму на короткий срок по приговору суда за выпуск крамольных книг, не особенно добивался отмены приговора, считая, что тюремное заключение увеличит его популярность. Но и когда он был арестантом, все сознавали власть его денег. Еду ему приносили по его заказу из ресторана. Он имел все газеты и журналы, которые ему были нужны. Начальник тюрьмы часто осведомлялся о том, нет ли у него каких-либо претензий» [3, Л. 407].

По манифесту 1913 года Новочеркасская судебная палата прекратила уголовное преследование и даже возвратила Парамонову ранее внесенный залог в размере 30 тысяч рублей. Следует отметить, что издательская деятельность не приносила предпринимателю дохода, но создавала имидж.

Несмотря на ограничение в правах вследствие уголовного дела Н.Е. Парамонов в 1913 года выдвинул свою кандидатуру для участия в выборах в Государственную Думу. «Утро Юга» за 17 октября 1913 года сообщает: «Николай Елпидифорович Парамонов, не имеющий права участвовать в выборах, снимается с выборов» [7]. Банковский билет в 100 тысяч рублей, работа в различных общественных организациях, заступничество министра финансов вернули доверие царя к Парамонову. В январе 1915 года Н.Е. Парамонов был помилован императором с предоставлением избирательных и служебных прав [5, 3].

В годы первой мировой войны Парамонов возглавлял местный Военно-Промышленный Комитет и Общественный Городской Комитет для сбора пожертвований в пользу раненных и больных воинов. Работа в этих организациях требовала много знаний, сил, времени и денег.

Парамонов, как и герой романа М. Горького «Братья Карамазовы» Илья Ар-

тамонов, считал себя человек сословия, призванного совершить великое дело промышленной и технической европеизации страны... мечтал, чтобы Россией правили прогрессивные представители общества.

«К нам, промышленникам фактически перейдет управление страной, мы не можем стоять в стороне от политической жизни и должны держать прессу в своих руках. Россия уже превращается в конституционную монархию. Крайне левые, завоёвывают власть для нас, конституционалистов и мы должны им в этом помогать, их финансировать. Дворяне уже сошли со сцены. На смену им приходит буржуазия, но не старая, отсталая, черносотенная буржуазия разубаевых и колупаевых, а культурная, европейского типа. И она должна привлечь к себе интеллигенцию. Крайние лозунги социалистов не должны нас от них отталкивать, чтобы добиться прав третьему сословию, нужно запрашивать больше... Это – как во всяком деле – запрос и потом скидка. Тирания вполне может ужиться и с аристократией и с чернью. Гибельно для неё третье сословие» [3, Л. 409-410].

2 марта 1917 года монархия пала. П.Н. Милюков, глава кадетов так объяснил это событие: «Это произошло потому что история не знает другого правительства столь глубокое, столь бесчестное и столь трусливое и изменчивое как это ныне низвергнутое правительство, покрывавшая себя позором и лишившая себя всех корней, оно потеряло в народе симпатию и уважение... Это половина дела, теперь нужно удержать в руках победу, а для этого необходимо сохранить единство воли и мысли» [6, 3].

В этот же день в Ростове градоначальник генерал-майор Мейер пригласил небольшую делегацию, в составе которой входил Н.Е. Парамонов, дабы обсудить сложившееся положение в стране после отречения Николая II. Мейер заявил: «... произошло серьезное событие, власть перешла к Государственной Думе, которая образовала Временный Исполнительный Комитет. Прошу Вас оказать своё влияние и содействие для сохранения порядка в Ростове ... Спокойствие, насколько требует серьезность этого момента» [8, с.4]. Решено было сформировать общественный комитет Ростова, который поддержит Временное правительство. Н.Е. Парамонов вошел в состав Временно-исполнительного бюро комитета. Рабочие отказались

предоставить своих кандидатов в комитет и в ночь на 3 марта создали Временный революционный комитет, который организовал выборы в Совет рабочих депутатов. Избранный Ростово-Нахичеванский Совет стал олицетворять ещё одну власть в городе.

Понимая важность момента, Парамонов возобновил издательскую деятельность. 17 апреля он отправил письмо к Б.И. Сыромятникову: «Многоуважаемый Борис Иванович! В ближайшие дни я возобновляю книгоиздательство «Донская Речь» [2, Л. 1]. В 1917 году печатали в основном политическую литературу, брошюры, листки. Новое издательство просуществовало совсем недолго – всего несколько месяцев.

Постепенно Парамонов утратил свое влияние в рабочей среде, разорвал отношения с представителями левых партий. Предприниматель не дал деньги на финансирование журнала «Заветы», и даже препятствовал выходу газеты «Рабочее дело».

Красный Октябрь Парамонов воспринял враждебно. Восстание против Временного правительства он считал это изменой родине и свободам, завоеванным революцией. Переворот большевиков способствовал победе неприятеля в войне и восстановлению деспотического режима в стране. Съезд ВПК выразил полное доверие Временному правительству и призывал всех граждан «оказать ему, единственному законному источнику власти Российского государства в тяжкий момент государственной смуты, активную помощь и содействовать довести страну до Учредительного собрания, являющегося единственным и полномочным хозяином русской земли» [4].

Бороться за спасение революции Парамонов стал в лагере Добровольческой армии Белого движения. Он занял пост министра пропаганды и агитации. Помощник руководителя Британской миссии на Кавказе полковник Киз высказался за целесообразность назначения Н.Е. Парамонова, который, с его точки зрения, был способен вести эффективную пропаганду против большевиков в России и в Европе. Он говорил, что нужно вести пропаганду в Европе, ибо дело не в правительстве, а в народе [1, Л. 59].

Однако работать там не смог, 28 февраля 1919 году подал в отставку. А попытки Парамонова расширить пропаганду Белого движения оказались не возможны. Свою работу в министерстве он оценил так: «Много несбывшихся надежд, много разочарований; все это не столько результат талантливости, которой отрицать нельзя, группы Ленина, как и беспредельной глупости нашей... Тяжело вспомнить все ошибки, сделанные нами за этот ответственный период русской жизни 1917 – 1919 гг., но этим делу не поможешь» [4].

После победы большевиков в гражданской войне Н.Е. Парамонова эмигрировал. За границей он не любил вспоминать о революции и о тех изданиях, которые подрывали старый строй, и не раз говорил: «Эх, были молодые, да не тех людей слушали; теперь расхлёбываем... Не надо было нам этого делать!» [4].

Чего же ждала российская буржуазия от революции? Она ждала власти, власти для прогрессивных представителей общества, к которым себя относил. Буржуазия желала поставить страну на рельсы демократического конституционного развития. «Но Парамонову не удалось руками пролетариата проложить путь к власти буржуазии» [3, Л. 413].

ЛИТЕРАТУРА

1. Фонд В.Л. Бурцева // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5802. Оп. 1. Д. 535. Л. 59.
2. Фонд Б.И. Сыромятникова // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 366. К. 37. Д. 78. Л. 1.
3. Воспоминание и размышление А.М. Ладыженского // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 743. Оп. 15. Д. 8. Л. 407-413.
4. Окопная О.П. Жизнь и деятельность Н.Е. Парамонова. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, 2007.
5. Помирование // Приазовский край. 1915. 15 января.
6. Речь П.Н. Милюкова // Приазовский край. 1917. 4 марта.
7. Утверждение городских выборов // Утро Юга. 1917. 17 октября.
8. Хроника исторических дней // Приазовский край. 1917. 4 марта.

А.В. Пахомов

г. Оренбург

У ИСТОКОВ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.: ПЕРВЫЕ МАРКСИСТСКИЕ КРУЖКИ В ОРЕНБУРЖЬЕ

В рамках статьи исследован вопрос проникновения идей марксизма на территорию Оренбургской губернии, проведен анализ организации и деятельности первых марксистских кружков и групп в данном регионе. Основой исследования помимо уже имеющихся публикаций по проблеме, стали некоторые неопубликованные архивные документы. Автором установлено, что генераторами революционных идей были ссыльные. Основным содержанием деятельности кружковцев являлась устная агитация и распространение революционной литературы.

Ключевые слова: *Марксизм, революция, социал-демократические кружки и группы, Оренбургский край*

A. V. Pakhomov

Orenburg

AT THE ORIGINS OF THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION OF 1917: THE FIRST MARXIST CIRCLES IN ORENBURG

The article investigates the issue of Marxism ideas penetration into the territory of Orenburg province, analyzes the organization and activities of the first Marxist circles and groups in the region. In addition to the existing publications on the problem, some unpublished archival documents became the basis of the study. The authors found that the generators of revolutionary ideas were exiled. The main content of the activities of the group members was oral agitation and dissemination of revolutionary literature.

Key words: *Marxism, revolution, social-democratic circles and groups, Orenburg region.*

Осенью 1883 г. бывшими членами народовольческой организации «Черный передел» была образована группа «Освобождения труда». Кроме Г.В. Плеханова в нее вошли В.И. Засулич, П.Б. Аксельрод, Л.Г. Дейч, В.И. Игнатов. Группа объявила

о своем разрыве с народничеством и поставила задачу выработки марксистской платформы, положив тем самым начало марксистскому направлению в общественной мысли России [1, с. 38].

Параллельно с группой «Освобождение труда» в разных регионах страны образовывались марксистские кружки и группы. В Оренбургском крае идеи марксизма начали распространяться в конце 1890-х гг. сосланными сюда участниками первых социал-демократических кружков и групп Петербурга, Самары, Казани и других городов [7, с.91].

В 1897-1899 гг. в Оренбурге среди рабочих действовал первый марксистский кружок, организованный М.А. Багаевым и Я.Д. Драбкиным. М.А. Багаев родился в 1874 г. в Иваново-Вознесенске. В 1894 г., работая в железнодорожном депо г. Нижнего Новгорода, стал изучать марксизм в рабочем кружке. Осенью 1895 г. М. Багаевым был создан «Иваново-Вознесенский рабочий союз». Спасаясь от полиции, в январе 1896 г. он приехал в Петербург, где встретился с участниками петербургского «Союза борьбы». Вскоре М. Багаев был арестован, а в апреле 1896 г. – выслан в Оренбург под надзор полиции на три года за политическую неблагонадежность [9].

Я.Д. Драбкин (партийный псевдоним С.И. Гусев) родился в 1874 г. в Рязанской губернии. С 1896 г. участвовал в «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», за что и был осужден и сослан в Оренбург на три года под особый надзор полиции. В 1899 г. по окончании срока ссылки М.А. Багаев и Я.Д. Драбкин покинули город [11]. В 1903 г. Я.Д. Драбкин был делегатом II съезда РСДРП, в последующем занимал пост члена Президиума Исполкома III Коммунистического Интернационала [2].

Кроме них в деятельности кружка участвовали бывшие народовольцы супруги Барыбины и Шестаков, участник разгромленной в начале 1890-х гг. польской партии «Пролетариат» И. Греков, обойщик Г.Ш. Жоров, слесарь Иванов, типографские рабочие Андреев, Киселев, Тюмяков и др. [9].

Занятия марксистского кружка проходили в обойной мастерской Жоровых, где участники знакомились с основами марксистской теории и обсуждали вопросы

о положении рабочих, в частности, изучали «Манифест Коммунистической партии», работу В.И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» и другую марксистскую литературу [7, с. 91]. Интересно, что семья Жоровых имела в Оренбурге магазин, поэтому представители власти не предполагали, что молодые члены этой зажиточной семьи примут активное участие в деятельности социал-демократической группы. О четырех из них – Еве, Раисе, Григории и Давиде – сохранились сведения в документах Оренбургского жандармского управления [3].

Кружковцы вели переписку с марксистами других городов. Так, летом 1898 г. через оренбургских студентов, приехавших из Петербурга на каникулы, дошло небольшое количество марксистских брошюр (в том числе «Манифест РСДРП», выпущенный первым съездом партии) [11]. В своих воспоминаниях М. Багаев писал: «Наряду с революционной работой мы иногда доставляли себе и некоторые развлечения: летом совершали загородные прогулки, а зимой собирались у меня или Шестаковых, устраивая своими силами концерты. Лучшим певцом среди нас оказался Драбкин. Он обладал сильным баритоном и пел хорошо народные песни и разные арии» [9].

Большую роль в распространении марксистских идей, как в стране, так и в Оренбуржье сыграла газета «Искра». Рабочий главных мастерских Ташкентской железной дороги В. Пустотин в своих воспоминаниях писал: «Что бы отвлечь их (полицейских) внимание, ребята-ученики решили замаскировать чтение «Искры». В паровозном парке, мы сделали себе турник и в обеденный перерыв, прикидываясь увлеченными спортом, поочередно читали лежа под паровозом измятый, но дорогой лист газеты» [4, л. 5].

Одним из опорных пунктов, откуда распространялась газета, являлся город Самара, где работала группа агентов «Искры» во главе с Г.М. Кржижановским. Из Самары газета и другие искровские материалы попадали на Урал, в Сибирь и Среднюю Азию. Оттуда они привозились в Оренбург, Бузулук, Бугуруслан и другие места [10].

В Оренбурге распространением газеты «Искра» занимался сосланный сюда

А.П. Доливо-Добровольский. Он являлся одним из создателей Северного рабочего союза социал-демократических организаций Ярославской, Владимирской, Костромской губерний. В мае 1901 г. А.П. Доливо-Добровольский был арестован, а в октябре - отправлен в Оренбургскую губернию. По прибытию в Оренбург он связался с местными социал-демократами (Григорием, Давидом и Раисой Жоровыми и др.), занялся распространением газеты «Искра» и другой нелегальной литературы. В это время А.П. Доливо-Добровольский являлся сотрудником «Искры» и работал под псевдонимом «Дно» [5, л. 1].

Из городов газета распространялась и в деревни. К примеру, в декабре 1902 г. при обыске у группы крестьян Бугурусланского уезда полиция отобрала несколько экземпляров одиннадцатого номера «Искры». В начале 1903 г. в этом же уезде было распространено семь других номеров «Искры» [10].

Кроме газеты «Искра» в Оренбуржье присылались различные революционные брошюры. Осенью 1901 г. В.Д. Бонч-Бруевич прислал из Швейцарии крестьянину деревни Раевка Орского уезда несколько нелегальных брошюр «Русский ткач Петр Алексеевич Алексеев», «О беспорядках», «О том, как попы поработили народ учением Иисуса Христа» и другие [10].

В конце 1903 – начале 1904 гг. в Оренбург прибыла очередная группа ссыльных социал-демократов. Среди них находились высланный из полтавской губернии Д.Г. Гансбург, из Петербурга – Д.П. Наранович, из Тифлиса – Е.Г. Джамбурия. На тот момент в городе действовало несколько марксистских кружков. В центральный кружок Оренбурга входили Д.Г. Гансбург, О.В. Завойко, Д.П. Наранович, М.М. Моршанская и др. В кружке главных железнодорожных мастерских состояли М.С. Харламов, А.М. Землянский, Е.Г. Джамбурия и др., в кружке на чугунолитейном заводе Эверта – Д.Е. Потеряхин, И.Д. Яковлев и др. [6, с. 15]. Марксистские кружки также действовали среди учащейся молодежи, на мельницах, лесопильном заводе Пименова.

В ноябре 1904 г. несколько кружков объединились в так называемую «Оренбургскую революционную группу». Кроме социал-демократов в нее вошли два эсера – бывший студент Петербургского университета С. Ососков и ссыльный из

Астрахани И. Мильчик. Группа начала массовое распространение в Оренбурге гектографированных листовок и прокламаций. За время ее существования (с 20 ноября 1904 г. по 12 марта 1905 г.) было издано 13 выпущенных в Оренбурге «листочков». Они были адресованы различным классам и социальным группам. Самый первый «листочек» обращался «К оренбургским рабочим». Он был разбросан в городе в ночь с 20 по 21 ноября, содержал критику русско-японской войны и призывал к борьбе с царизмом. Третий выпуск содержал обзор студенческого движения, четвертый – обращался к учителям, шестой – содержал призыв к борьбе за свержение самодержавия. Прокламации разбрасывались на улицах, перекрестках, около казарм, училищ, войсковых хозяйственных учреждений. По косвенным данным, их тираж доходил до 100 экземпляров – это максимальное количество оттисков, которое можно было сделать на гектографе [8, с. 24-25].

Одновременно совершались попытки распространения листовок в деревне. В августе 1904 г. за распространение прокламаций был арестован крестьянин села Романовское Оренбургского уезда П.А. Прилепин. А осенью этого же года на базаре в селе Сорочинском были разбросаны революционные листовки, призывавшие крестьян на борьбу с самодержавием [6, с. 15].

В середине марта 1905 г., в разгар революционных событий в стране отдельные социал-демократические кружки Оренбурга были объединены в единую Оренбургскую группу РСДРП [8, с. 26].

Таким образом, общероссийские тенденции распространения революционных идей на рубеже XIX – XX вв., затронули и Оренбуржье. В основном генераторами этих идей были ссыльные, постепенно увлекавшие идеями революции и местное население. Основным содержанием деятельности марксистов этого периода были устная агитация и распространение революционной литературы, установление контактов с социал-демократическими организациями других городов страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. История КПСС. Курс лекций. Вып.1 / Под общ. ред. Н.Н. Маслова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Мысль, 1988. 444 с.
2. Комсомольское племя. 1963. 7 августа.

3. Комсомольское племя. 1967. 17 сентября.
4. Оренбургский государственный архив социально-политической истории (далее ОГАСПИ). Ф. 6002. Оп. 1. Д. 12.
5. ОГАСПИ. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 16.
6. Очерки истории Оренбургской областной организации / Редкол.: гл. ред. Б.Н. Шебаршов и др. 2-е изд., перераб. и доп. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1983. 416 с.
7. Оренбург / Сост. Л.И. Футорянский. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1993. 272 с.
8. Сафонов Д.А. У истоков Оренбургской парторганизации // Блокнот агитатора. - 1985. - № 21. С. 24-25.
9. Южный Урал. 1964. 30 октября.
10. Южный Урал. 1969. 16 февраля.
11. Южный Урал. 1987. 28 января.

УДК 321. 74 : 342.53 «_1917»

О.В. Приказчикова

г. Оренбург

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ ЛЕНИНСКОГО
ПОЛОЖЕНИЯ О СОВЕТАХ КАК ОРГАНАХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА**

В статье анализируется политико-правовое значение Советов как новой государственной идеи, призванной заменить подлежащую слому буржуазную государственную машину. По мнению автора, Советы представляли собой новую прогрессивно-демократическую политическую форму организации.

Ключевые слова: *децентрализация власти, независимость и самостоятельность органов самоуправления, органы местного самоуправления, Советы.*

O. V. Prikazchikova

Orenburg

**THE POLITICAL AND LEGAL ESSENCE OF THE LENINIST POSITION
ABOUT THE SOVIETS AS ORGANS OF A SOCIALIST STATE**

The article analyzes the legal and political importance of the Soviets as the new national idea, designed to replace to be the dismantling of the bourgeois state machine. The author believes the Advice presented a new progressive-democratic political form of organization.

Keywords: decentralization of power, independence and autonomy of local governments, local authorities, Councils.

«Вся власть Советам!» – главный политический лозунг большевистской партии в период подготовки и проведения Великой октябрьской социалистической революции. Это лозунг был выдвинут В.И. Лениным в Апрельских тезисах и закреплен в решениях Всероссийской апрельской конференции РСДРП (б). Идея Советов, как идея местного самоуправления, предполагающая некоторую децентрализацию власти, независимость и самостоятельность органов самоуправления, сочеталась с практическими задачами государства пролетарской диктатуры, бывшего по своей природе государством централизованным.

Лозунг «Вся власть Советам!» был реализован 25 октября (7 ноября), когда 2-й Всероссийский съезд Советов, декретировал свержение Временного правительства и установление Советской власти [1].

Советы с самого начала несли в себе идеал прямой, а не представительной демократии. В первое время создаваемые на заводах Советы включали в себя всех рабочих завода, а в деревне Советом считали сельский сход. Депутатами Советов становились не профессиональные политики (как правило, юристы), а люди из «гущи жизни» – идеале представители всех социальных групп, областей, национальностей. С точки зрения западного парламентаризма «подбор» состава Советов по полу, возрасту, профессиям и национальностям расценивался как нецелесообразный, но когда корпус депутатов состоял не из профессионалов, а из тех, то знал все стороны жизни на личном опыте, этот подход имел практический смысл. Ленинское положение о Советах, как органах социалистического государства было порождено политической культурой народов России и выражали эту культуру. Поэтому и голосование в Советах носило плебисцитарный характер, а выработка конкретных решений и их исполнение в ходило в компетенцию исполкома Совета [2].

В.И. Ленин в работе «Удержат ли большевики государственную власть?» обозначил задачу «практикой передового класса – пролетариата – доказать жизнен-

ность рабочего и крестьянского правительства». В наше время язвительно искажается мысль Ленина об управлении государством «каждой кухаркой», фраза буквально: «Мы не утописты! Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством... Но мы... требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто управлять государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, т.е. к обучению этому немедленно начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту» [3].

Вопросы о Советах раскрываются в работах «О «двойном» подчинении и законности», «Тактическая платформа к объединительному съезду РСДРП. Проект резолюций к объединительному съезду РСДРП: Советы рабочих депутатов», в материалах «Седьмого экстренного съезда РКП (б)... Десять тезисов о советской власти», в работе и других [4]. Тенденция научной постановки вопросов о деятельности Советов наметилась еще в официальных выступлениях, докладах, интервью и т. п. советских и партийных деятелей: В.М. Молотова, М.И. Калинина, И.В. Сталина [5].

Значительная работа по анализу экономических, социальных и других изменений в стране, о партийном руководстве местными Советами проделана в коллективных трудах по партийному, советскому, хозяйственному строительству. Указанные работы имеют историко-партийный характер и касаются общей деятельности партии по руководству Советами [6].

Партия руководила деятельностью Советов через партийные фракции, создаваемые во всех советских органах. В резолюции VIII съезда РКП (б) указывалось, что партия должна проводить свои решения через советские органы, в рамках Советской Конституции, то есть партия старается руководить деятельностью Советов, но не заменять их [7].

Вопросы Советов требуют дополнительного анализа. Необходим объектив-

ный исторический анализ свободный от идеологических установок как идеализирование советской государственности, как высшего проявления непосредственной демократии, так и от формулировки западных советологов, полностью отрицающие всякую возможность совмещения терминов «Советы» и «демократия» [8].

Представители историко-правовой науки занимались исследованием проблем деятельности Советов, изменений в их структуре и функциях, анализу порядка их образования, системы, организационно-правовой формы, общих вопросов партийного руководства советским строительством [9].

Принятие советской Конституции 1918 г. имело грандиозное значение – это была первая в истории Конституция, закрепившая завоевания социалистической революции. Эта Конституция стала юридической базой формирования советской правовой системы. Согласно статье 65 Конституции 1918 года правом избирать и быть избранным пользовались независимо от вероисповедания, национальности, оседлости все граждане РСФСР, достигшие 18 лет и занимавшиеся общественно полезным трудом, солдаты, матросы. Лишались избирательных прав лица, использовавшие наёмный труд с целью извлечения прибыли, жившие на нетрудовой доход частные торговцы, монахи, священнослужители, служащие и агенты бывшей полиции, жандармерии и охранных отделений, члены царствовавшего в России дома, а также умалишённые, душевно больные, состоявшие под опекой, и осужденные за преступления.

Принятая V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918 г. Конституция РСФСР четко определяла предметы ведения Всероссийского съезда Советов, Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) и Совета народных комиссаров (СНК), а также структуру и предметы ведения местных органов Советской власти. Закреплённое в статье 61 Конституции такое распределение компетенций между центральной и местной властью было нацелено на утверждение в государственном управлении принципа демократического централизма и преодоление проявлений местничества и сепаратизма, утверждение «вертикали власти». Демократический централизм выражался и в двойном подчинении отделов отраслевого

управления местных исполкомов, которые по горизонтали подчинялись своим исполкомам, а по вертикали одноименным отделам вышестоящих исполкомов, а в губернских исполкомах по вертикали соответствующим народным комиссариатам.

Важно отметить, что вопрос о порядке формирования и структурно-организационном построении Советов, практическая реализация ими функций управленческого регулирования, их взаимодействие с иными конституционными органами государственного управления и основными звеньями советской политической системы не потерял актуальности и в настоящее время. С самого начала становления советской системы формировался механизм выборов, совершенствовалась их организационная структура, создавались новые формы организационно-массовой деятельности и вместе с тем формировался новый механизм деятельности местных представительных органов на территории РСФСР.

С образованием в 1922 г. Союза ССР верховным органом государственной власти стал Всесоюзный съезд Советов, в период между съездами высшим органом власти являлся Центральный исполнительный комитет СССР. Народы СССР (большинство впервые в истории) создали свою национальную государственность на основе Советов. В связи с изменением административно-территориального деления осуществлялась перестройка советских органов. Эволюция местного самоуправления в советское время в полной мере может быть проиллюстрирована названиями местных органов власти. В названии четко отразились роль и место соответствующего представительного органа: областные, районные, городские, поселковые и сельские Советы. Действительно в документах, регламентирующих процесс выборов в Советы, принятых в 1925-1937 гг., прослеживалась четкая социальная ориентация избирательной системы, однако, в определенной степени это было оправдано временем [11].

Советы как органы местного самоуправления призваны были сыграть значительную роль в реализации программы социально-культурных мероприятий: народное образование, социальное обеспечение, здравоохранение и жилищно-коммунального хозяйства. Эти задачи Советов были определены постановлениями ЦК ВКП (б), например, «О работе по ликвидации неграмотности» от 17 мая 1929 г. и

«О всеобщем обязательном начальном обучении» от 25 июля 1930 года [12].

К концу 1930-х годов Советы проделали большую работу по развитию промышленности, которая, преодолев полукустарное состояние, стала реальной силой, составной частью единого народнохозяйственного комплекса. Реальный практический опыт Советов и их исполкомов, как нельзя лучше свидетельствует о необходимости использования в работе органов управления таких демократических форм деятельности Советов, как отчеты депутатов перед избирателями, депутатские наказы, функционирование депутатских групп на крупных промышленных предприятиях.

Советы расширили свое участие в решении вопросов развития сельского хозяйства и социально-культурного строительства Южного Урала. Не стоит, категорично утверждать, что Советы находились под абсолютным партийным контролем. Многие вопросы полностью находились в компетенции исполкомов Советов, а вмешательство партийных органов в деятельность Советов имело место тогда, когда возникали явные провалы или проводимая ими политика начинала отклоняться от генеральной линии ВКП (б).

Анализ событий на Южном Урале и изучение состояния местного управления проведенный автором ранее в исследовании «Деятельность Советов Южного Урала (1936 г. – май 1941 года)» позволяет утверждать, что путем корректировки законодательства к началу 1941 года сформировалась адекватная уровню социально-экономического развития общества и его гражданско-правовой зрелости система взаимодействия общественных и государственных институтов [13].

Утверждение в современном российском обществе установленной государственной или обязательной идеологии [14], зачастую и буквально трактуется как абсолютная критика социалистического строительства, не желание показывать большие достижения социализма и откровенно демонстрировать преимуществ капитализма над социалистическим строем.

К сожалению, часто односторонний и преимущественно разоблачительный характер оценки исторического прошлого касается и деятельности Советов, которые, прежде всего, занимались решением местных экономических и социально-

культурных проблем.

В связи с вышеизложенным, принятое в октябре 1993 г. политическое решение о роспуске Советов всех уровней и обусловленное конкретной политической ситуацией, по-нашему мнению, вовсе не означает необходимости, прекращения научного осмысления исторического опыта деятельности Советов за весь период их существования, поскольку ряд форм и методов их деятельности может использоваться на современном этапе развития, исследование структуры, функций, различных направлений деятельности государственных органов и органов местного самоуправления имеет теоретическую и практическую значимость и остается актуальным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В.И. Заключительное слово по докладу Совета народных комиссаров 12 (25) января. Третий всероссийский съезд Советов Р.,С .и К.Д. // ПСС. 5 изд. Т. 35. М., 1977. С. 282.
2. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Книга первая. От начала до Великой Победы. М.: Алгоритм, 2002. С. 345-346.
3. Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть? // ПСС. 5 изд. Т. 34. М., 1977. С. 289, 315.
4. Ленин В.И. О «двойном» подчинении и законности. М., 1975. С. 197-201; Он же. Седьмой экстренный съезд РКП (б) Черновой набросок проекта программы. Десять тезисов о советской власти // ПСС. 5 изд. Т. 36. М., 1977.
5. Молотов В.М. Об изменениях в Советской Конституции. Доклад на VII съезде СССР 6 февраля 1935 года. М., 1935. С. 5-19; Калинин М.И. Положение о выборах в Верховный Совет СССР и задачи Советов. М., 1937. 18 с.; Сталин И.В. Сочинения. М., 1950. 366 с.
6. Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. 2. М., 1967. 367 с.; Овсиенко И.Т. Советы на этапе победы и упрочения социализма в СССР (1933-1941 гг.): Советы за 50 лет. М., 1967. 294 с.; Безуглов, А.А. Правовой статус советского депутата. М., 1967. С. 3-15; История Коммунистической партии Советского Союза / Б.Н. Пономарев, И.М. Волков, М.С. Волин [и др.]. М., 1960. 743 с.; Против фальсификаторов истории КПСС. М., 1964. С. 12-30; Против буржуазных фальсификаторов истории и политики КПСС. М., 1970. С. 64-77; и др.
7. КПСС в резолюциях... / 8 изд., Т.2. М., 1970. С. 77.
8. Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1997. С. 589.
9. Ким А.И. Советская избирательная система. М., 1962. 154 с.; Безуглов А.А. Правовой статус советского депутата. М., 1967. С. 8-27; Габричидзе Б.Н. Городские Советы депутатов трудящихся. М., 1968. 118 с.; Лукьянов А.И. Развитие законодательства о советских представительных органах власти: некоторые вопросы истории, теории и практики. М., 1978. 351 с.; и др.
10. Ленин В.И. Доклад о партийной программе 19 марта. VIII съезд РКП (б). // ПСС. 5 изд. Т. 38. М., 1977. С. 159.
11. Сборник указов РСФСР. М.: Госиздат, 1926. № 57.
12. Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 26. Л. 11; Д. 35. Л. 28.

13. Приказчикова О.В. Деятельность Советов Южного Урала (1936 г. – май 1941 года): дис. ... канд. истор. наук / 07.00.02 / О.В. Приказчикова. – Оренбург, 2007.
14. Статья 13, «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ) / КонсультантПлюс. Вып. 20. 2013.

УДК 336.1 (47+57) «_1917»

Г.В. Савицкий, В.С. Начкина

г. Оренбург

**ОТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ К СССР:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ СТРАНЫ
НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ**

В статье рассматривается последовательная трансформация денежной системы России от денежной реформы С.Ю. Витте до появления советского червонца.

Ключевые слова: *денежная система, денежная реформа, империял, рубль, «червонец».*

G. V. Savitsky, V. S. Nechkina

Orenburg

**FROM THE RUSSIAN EMPIRE TO THE USSR:
THE TRANSFORMATION OF THE COUNTRY'S MONETARY SYSTEM AT
THE TURN OF THE XIX-XX CENTURIES**

The article considers the consistent transformation of the monetary system of the Russian monetary reform of S. Yu. Witte before the advent of the Soviet chervonets.

Key words: *monetary system, monetary reform, Imperial, ruble, «chervonets».*

События февраля – октября 1917 г. коренным образом изменили облик России. В короткий срок страна прошла путь от империи к республике, а далее к первому в мире пролетарскому государству федеративного типа. Политическая транс-

формация сопровождалась грандиозными изменениями в социальной и экономической сферах. Важнейшим элементом экономики является *денежная система* – исторически сложившаяся в каждой стране и закреплённая законом система обращения денег. Деньги, будучи всеобщим эквивалентом стоимости, играют важнейшую роль в экономике страны, так как служат связующим звеном между хозяйствующими субъектами. И от устойчивости денежной системы зависит эффективность функционирования экономики, ее экономический рост, благосостояние граждан.

На рубеже XIX – XX веков Россия имела весьма устойчивую денежную систему, сложившуюся в результате финансовой реформы 1895 – 1897 гг. министра финансов С.Ю. Витте. Вплоть до начала Первой мировой войны в Российской империи в обращении находилась обеспеченная золотом твердая валюта. Витте настоял (противостояние всех слоев общества и финансистов) на переходе от обращения кредитных билетов не обеспеченных золотом и серебром к системе металлического обращения. И если сама идея подобного обращения разделялась некоторыми специалистами, но все же большинство настаивали на системе *биметаллизма*, т.е. признание всеобщего эквивалента за золотом и серебром одновременно. С.Ю. Витте, учитывая мировое падение цен на серебро в 70 – 80-е гг. XIX века, настоял на переходе к *монометаллической денежной системе*, при которой всеобщим эквивалентом выступило только золото [1, с. 355- 362]. Реформе предшествовал ряд мероприятий по сокращению дефицита государственного бюджета, увеличению золотого запаса, стабилизации курса рубля и уровня цен. Успешности реформы способствовала и политическая стабильность этого периода.

Реформа проходила в несколько этапов. В 1895 г. разрешались сделки с золотой монетой наряду с серебряной и кредитными билетами. С 1896 г. началась чеканка золотой монеты нового образца с надписью на империале «15 рублей», на полуимпериале – «7 рублей 50 копеек». Стоимость кредитного рубля устанавливалась в 1/15 империала с обязательным обменом бумажных денег на золото без каких-либо ограничений. В 1897 г. основные элементы реформы были закреплены в ряде императорских указов. А с 1898 г. в обращение вышли кредитные билеты нового образца [4].

Рис. 1. Империял (15 рублей), 1897 г.

В итоге на рубеже веков в России сложилась следующая денежная система – основной единицей остался рубль, разделенный на 100 копеек (С.Ю. Витте предполагал введение денежной единицы РУСЬ [1, с.363]). Главная монета – золотая (без ограничения выпуска) с номиналами: 15 рублей (империял) – Рис. 1., 10 рублей, 7 рублей 50 копеек (полуимпериял) и 5 рублей. Разменные высокопробные серебряные монеты (90% серебра и 10 % меди) номиналом 1 рубль, 50 и 25 копеек. Низкопробные серебряные монеты (50% серебра и 50 % меди) достоинством 20, 15, 10 и 5 копеек. И медные монеты с номиналом в 5, 3, 2, 1, 1/2 и 1/3 копеек. Главным эмиссионным центром определялся Государственный банк, который выпускал кредитные билеты в строгом соответствии с денежным обращением при обязательном золотом обеспечении. Таким образом, кредитные билеты выступали символом золотых денег и обращались на общих с ними основаниях.

Государственные кредитные билеты выпускались с 1898 г. номиналом 1 3, 5, 10, 100 и 500 рублей. Внешний вид билетов в 1 и 3 рубля повторяли дизайн 1887 г. Билеты в 5 и 10 рублей – дизайн 1895 и 1894 гг. соответственно. Билет же в 100 рублей получили совершенно новое оформление (овальный портрет Екатерины II с гравюры И-Б Лампи старшего), а номинал в 500 рублей запускался в России впервые (овальный портрет Петра I в треуголке) – Рис. 2. В 1899 г. в обращение выпустили билеты в 25 рублей (аналогичный образцу 1892 г.) и 50 рублей с овальным портретом Николая I (билеты печатались на бумаге без водяных знаков) [5, с. 15-16].

Рис. 2. Кредитный билет 500 рублей, 1898 г.

В итоге, не без проблем, изменился характер денежного обращения. Если в 1896 г. на металлическую монету приходилось всего 2% обращения, то в 1899 г. золотая монета в обороте составляла 33%. Введение твердой обеспеченной золотом денежной единицы окончательно стабилизировало курс рубля и уровень цен, сыграла особую протекционистскую роль, что способствовало развитию промышленного производства внутри страны, существенно оживило внутреннюю торговлю. Как следствие, по темпам экономического прироста Россия вышла в мировые лидеры.

С другой стороны привязка к золоту ограничивало эмиссионную деятельность Государственного банка, что в свою очередь сужало кредитный рынок внутри страны (Госбанк мог выпустить не более 300 млн. не обеспеченных золотом рублей). Решать данную проблему возможно было только за счет внешних заимствований, что активно проводилось и позволило избежать крах денежной системы в годы Русско-Японской войны и революции 1905 г.

По ходу совершенствования технологий государство с 1907 г. пошло на выпуск кредитных билетов нового образца с повышенными степенями защиты, которым как раз таки и суждено было пройти период великих потрясений. При этом денежные знаки 1898 – 1899 г. из оборота выводились постепенно по мере введения новых образцов. Остались без изменений: 1 рубль (1898 г.) выпускался до 1915 г., а после с упрощенной нумерацией до 1922 г.; 50-рублевая купюра (1899 г.) выпускалась вплоть до 1918 г. Формально же все номиналы сохраняли платежную силу

вплоть до 1 октября 1922 г.

Кредитные билеты России образца 1905 – 1912 гг. [5, с. 38-48].:

- 3 рубля образца 1905 г. вводились в обращение с 1 мая 1907 г. и выпускались по 1918 г.
- 5 рублей образца 1909 г. вводились в обращение с 1 декабря 1910 г. и выпускались по 1917 г. (с упрощенной нумерацией до 1922 г.).
- 10 рублей образца 1909 г. вводились в обращение с 1 ноября 1910 г. и выпускались по 1918 г.
- 25 рублей образца 1909 г. вводились в обращение с 1 июня 1910 г. и выпускались по 1918 г.
- 100 рублей образца 1910 г. вводились в обращение с 25 октября 1911 г. и выпускались по 1920 г. – Рис. 3.
- 500 рублей образца 1912 г. вводились в обращение с 1913 г. и выпускались по 1921 г.

Следует отметить, что большие купюры 100 и 500 рублей (125 x 270 мм) являются общепризнанными высокохудожественными шедеврами оформления денег и в последующие годы вдохновляли советских художников на оформление купюр (серия 1947 г.). Всем своим видом они символизировали могущество Российской империи. Автором их эскизов стал художник Рихард Германович Зарриньш.

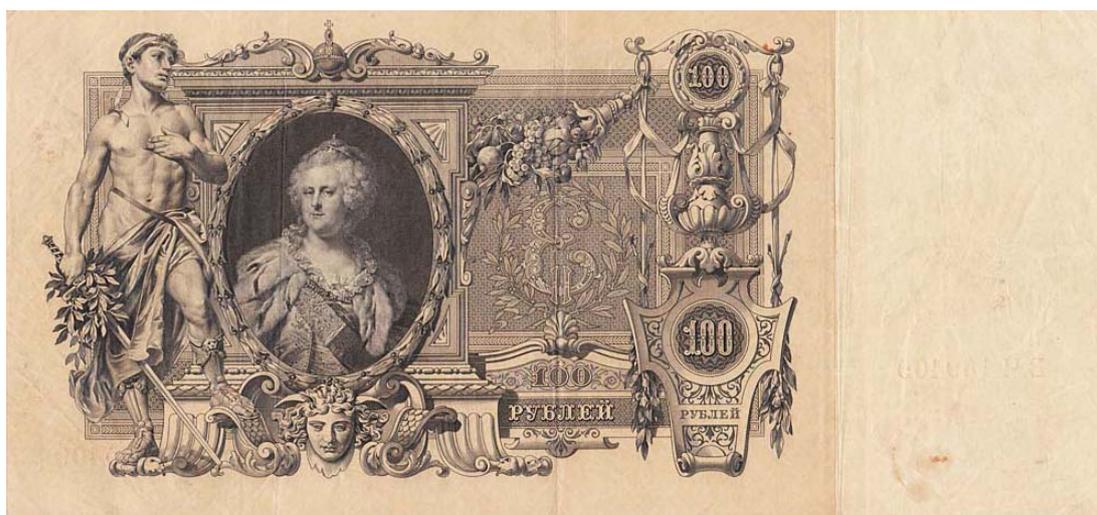

Рис. 3. Кредитный билет 100 рублей, 1910 г.

Сформированная С.Ю. Витте золотая монометаллическая денежная система

просуществовала до 27 июля 1914 г., когда ввиду начавшейся Первой мировой войны государство (как и все европейские страны) приостановило обмен кредитных билетов на золотую монету, а кредитные билеты превратились в бумажные деньги. Возросшие государственные расходы, особенно военные, пришлось покрывать за счет эмиссии кредитных билетов, но теперь не обеспеченных золотом (в 1914 г. – дополнительная эмиссия 1,2 млрд. руб., к концу 1916 г. – 6,5 млрд. руб.). Хотя запасы золота в 1914 и 1915 гг. позволяли обеспечивать всю денежную массу золотом.

Дополнительные эмиссии кредитных билетов вызвали негативные процессы в экономике: обесценивание денежной единицы – к февралю 1917 г. покупательная способность кредитного рубля составляла всего 26-27 довоенных копеек; цены к 1916 г. выросли в 3 раза; из обращения стали исчезать монеты, откладываемые на «черный день» (осенью 1914 г. – золотые монеты, в начале 1915 г. – высокопробная, а в середине 1915 г. – низкопробная серебряные монеты, в 1916 г. – медная монета). В экономике наблюдалось сокращение промышленного производства и рост безработицы.

Для решения кризиса разменной монеты государство в сентябре 1915 г. запустило в обращение разменные «марки-деньги». Они повторяли почтовые марки, посвященные 300-летию дома Романовых, печатались на тонком картоне с перфорацией номиналом 1, 2, 3, 10, 15 и 20 копеек. На обороте помещалась надпись: «Имеет хождение наравне с разменной серебряной (или медной) монетой» и малый герб России образца 1883 г. – Рис. 4. В декабре 1915 г. в обращение запускались (вышли из обращения 1 августа 1919 г.) бумажные кредитные знаки номиналом 1, 2, 3, 5, 10, 15, 20, и 50 копеек (10, 15, 20 копеек напечатаны, но уничтожены) и 1 рубль образца 1915 г., который повторял выпуск 1898 г., но с упрощенной нумерацией. Планировалось запустить никелевые монеты, но размещенный в 1916 г. в Японии заказ выполнен не был. [4].

Рис. 4. Марки-деньги 1, 2, 3 копейки. 1915 г.

После Февральской революции 1917 г., в условиях продолжавшейся Мировой войны и чрезмерных военных расходов, у Временного правительства другого пути кроме как накачивать экономику эмиссией необеспеченных денег не было. С марта по октябрь 1917 г. денежная масса в обращении увеличилась на 9 533, 4 миллиона рублей, т.е. в 2 раза и к ноябрю составила 19 574,7 миллиона рублей [6, с 32]. В конце октября 1917 г. покупательная способность рубля составляла уже 6 – 7 довоенных копеек [8]. В стране наблюдался острейший финансовый кризис с угрозой развала всей денежной системы.

В этих условиях Временное правительство продолжало выпускать «царские деньги» образцов 1905 – 1912 гг., разменные казначейские знаки и марки-деньги 1915 г. Кроме того, в обращении оставались деньги прежних выпусков: 1 и 3 рубля образца 1887 г., 5 рублей образца 1895 г., 10 рублей образца 1894 г. и 25 рублей 1892 г., а так же в незначительном количестве все номиналы кредитных билетов 1898 – 1899 гг. [5, с. 73].

Временное правительство запустило в обращение и новые номиналы кредитных билетов – с 10 июня 1917 г. 1000 рублей, а с 8 сентября 1917 г. 250 рублей – Рис. 5. Отличительной чертой этих денег стало размещение на них новой символики государства: 1) двуглавого орла с опущенными крыльями без символов императорской власти – «общипанная курица» (худ. И.Я. Билибин); 2) свастики – древнего символа процветания и благосостояния. Деньги вошли в оборот под названием «думки», так как на оборотной стороне в центре изображался Таврический дворец и надпись «Государственная дума».

Рис. 5. Кредитный билет 250 рублей, 1917 г.

Помимо этого Временное правительство в августе 1917 г. запустила в обращение казначейские знаки номиналом 20 и 40 рублей, которые печатались большими листами по 40 штук на каждом. На данных знаках отсутствовали серия и номер, а следовательно, сегодня не представляется возможным отличить данные знаки периодов Временного и Советского правительств. С приходом к власти большевиков казначейские знаки в 20 и 40 рублей активно печатались весь 1918 г. и находились в обороте до октября 1922 г. – Рис. 6.

Рис. 6. «Керенки» 20, 40 рублей, 1917 г.

Таким образом, с февраля по октябрь 1917 г. кардинальных изменений в денежной системе России не произошло. Временное правительство ничего не сделало для укрепления денежной единицы, а лишь накачивала страну дополнительными эмиссиями.

Большевики, пришедшие к власти в октябре 1917 г., в наследство получили расстроенную финансовую систему. Осознавая нависшую угрозу, В.И. Ленин

предпринял ряд шагов по стабилизации денежной системы: существенное сокращение государственных расходов и отказ от эмиссии денег, как средства пополнения бюджета. С начала 1918 г. В.И. Ленин уделял большое внимание подготовке денежной реформы. Однако все эти меры не дали ожидаемого эффекта. Начавшаяся весной 1918 г. Гражданская война и сопровождающая ее хозяйственная разруха, вызвали резкий рост расходов бюджета (в 1920 г. дефицит госбюджета составлял 1 триллион рублей или 87% расходной части) и как следствие – денежную эмиссию (с середины 1918 г. до начала 1921 г. количество денег в обращении возросло в 30 раз с 43,7 млрд. до 1,2 триллионов рублей) [8].

В сложившихся условиях СНК РСФСР признала все находящиеся в обращении царские деньги образцов 1905 – 1912 и 1915 гг., деньги Временного правительства 1917 г. В течение 1918 г. эти денежные знаки активно печатались по старым клише без каких-либо изменений (отличие только в серии и номере).

В мае 1919 г. большевики попытались запустить в обращение новую серию денег – государственные кредитные билеты образца 1918 г. номиналом 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100, 250, 500, 1000 рублей – Рис. 7., а с октября 1919 г. – 5000 и 10000 рублей. Данные образцы были разработаны еще в период Временного правительства и планировались к выпуску с января 1918 г. Большевики не стали вносить в их дизайн какие-либо изменения, и запустили их в обращение. Однако отсутствие золотого запаса в России не могло даже символически обеспечить эти деньги и доверием в обществе они не пользовались, да и сами большевики в период «Военного коммунизма» призывали к натурализации обмена и отказу от денег. Как следствие деньги этой серии стремительно обесценивались, выпуск их прекратился с июля 1922 г.

Рис. 7. Кредитный билет 1000 рублей. 1918 г.

Крах денежной системы России особенно ярко проявился в период гражданской войны. На периферии катастрофически не хватало наличности. Местные власти столкнулись с денежным и разменным голодом. Острейшая политическая и военная борьба, создание белогвардейских правительств, военная интервенция – все это привело к появлению огромнейшей массы суррогатных денег. В период 1917 – 1923 гг. они выпускались общероссийскими (А.В. Колчак – Рис. 8, А.И. Деникин – Рис. 9, П.Н. Врангель, Донское казачество), национальными (Грузия, Армения, Азербайджан, Туркестанский край и т.д.), местными властями. Отдельные города – Одесса, Оренбург – Рис. 10, Ташкент, Якутск и т.д., а также торговые, кооперативные, профсоюзные, промышленные организации выпускали разного рода рубли, краткосрочные обязательства, займы, чеки, талоны, бонны, квитанции и т.п. Вся эта «макулатура» пользовалась малым доверием, деньги вытеснялись из оборота, функция средства обращения перешла от денег к отдельным товарам – хлеб, соль, мыло.

Рис. 8. «Сибирский рубль» адмирала А.В. Колчака, 3 рубля, 1919 г.

Рис. 9. 1000 рублей Вооруженных сил Юга России, А.И. Деникин, 1919 г.

Рис.10. 100 рублей Войскового правления атамана А.И. Дутова, 1918 г.

В период 1919 – 1922 гг. Советское правительство провело ряд эмиссий *расчетных знаков РСФСР*, получивших название «совзнаки». По декрету СНК от 4 февраля 1919 г. выпускались упрощенные расчетные знаки номиналом 1, 2 и 3 рубля, на которых впервые появился Герб РСФСР – Рис. 11. Серия и номер купюр-марок отсутствовали. А 21 октября того же года в обращение запускались номиналы 15, 30, 60 рублей.

Рис. 11. «Совзнаки» – 1, 2, 3 рубля, 1919 г.

Расчетные знаки имели хождение только на территориях, контролируемых советской властью. Однако в условиях гражданской войны удержать курс новых денег было фактически невозможно. Расчетные знаки быстро обесценивались – с 1919 по 1921 гг. их покупательная способность снизилась в 10 раз. Население им мало доверяло и предпочитало кредитные билеты предыдущих выпусков. Правительство вынуждено было запускать в обращение новые «совзнаки» с всё возрастающими номиналами. Так, 4 марта 1920 г. в обращение поступили расчетные знаки номиналом в 100, 250, 500, 1000, 5000, 10000 рублей с датой «1919». Знаки печатались на белой бумаге с водяными знаками. Кроме герба РСФСР появилась надпись

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь» на шести языках: немецком, французском, итальянском, английском, китайском, арабском – Рис. 12 [7].

Рис. 12. «Совзнаки» 1000 рублей ,1920 г.

Декретом СНК от 16 июня 1921 г. в оборот были введены те же номиналы в новом дизайне. Хотя назвать это дизайном можно с большой натяжкой. Купюры печатались без номера и серии одним цветом с одной стороны на очень тонкой бумаге – Рис. 13. В июле 1921 г. в силу стремительного обесценивания правительство ввело номиналы в 25000, 50000 и 100000 рублей.

Рис. 13. «Совзнаки» 1000 рублей, 1921 г.

В сложившихся условиях, когда одновременно со стремительно обесценивающимися «совзнаками» продолжали ходить кредитные билеты имперского периода, временного правительства, денежные суррогаты городов и белогвардейских правительств, особенно остро осознавалась необходимость восстановления денежной системы страны. Но пока шла гражданская война любые преобразования в этой сфере не имели смысла. Успешное для большевиков завершение войны, переход к Новой экономической политике создали условия для реформирования финансов

страны. Медлить с реформой было нельзя. Лев Каменев в своем докладе «О денежной реформе» по этому поводу отмечал: «... держаться на совзнаке мы не можем не только несколько месяцев, но и несколько недель. Свидетельство об этом очень простое ... крестьянство на совзнаки продавать хлеб государству отказывается. Второе доказательство, то катастрофическое падение совзнака, которое мы с вами ежедневно наблюдаем» [2, с.3].

На первом этапе реформы предполагалось унифицировать денежное обращение в стране, т.е. через процедуру деноминации изъять из обращения всю «денежную макулатуру». Так, по декрету СНК от 3 ноября 1921 г. с начала 1922 г. вводились новые *денежные знаки – дензнаки*. Один новый рубль приравнивался к 10 тыс. рублей всех ранних выпусков, включая имперские кредитные билеты. И хотя проблема обесценивания совзнаков решена не была, деноминация позволила создать единую денежную систему в России.

Сложившиеся условия требовали кардинальных решений. XI съезд РКП(б) в марте-апреле 1922 г. взял курс на переход к твердой валюте, обеспеченной золотом. В ноябре 1922 г. Госбанк РСФСР ввел в обращение *червонцы* – новые денежные знаки, обеспеченные золотом. Но золотом было обеспечено только 25% новой валюты. Оставшиеся 75% покрывались иностранной валютой, товарами первой необходимости, векселями надежных предприятий. Таким образом, в стране сложилась система параллельных двух валют – совзнаков и червонцев [6, с. 32].

Первоначально в обращение поступили 1, 3, 5, 10 (Рис. 14) и 25 червонцев, которые печатались односторонними по типу английских фунтов стерлингов на белой бумаге со сложными водяными знаками. А с 1923 г. Госбанк начал чеканку советских золотых червонцев с гербом РСФСР и изображением крестьянина-сеятеля (8,6 г, 900 проба) – Рис. 15. Параллельно в оборот запускались разменные серебряные и медные монеты.

Рис. 14. Советские 10 червонцев, 1922 г.

Рис. 15. Золотой советский червонец, 1923 г.

24 октября 1922 г. объявлялась вторая деноминация дензнаков. Государственные денежные знаки образца 1923 приравнивались к 100 рублям дензнаков 1922 г. или 1 миллиону рублей, выпущенных до 1922 г. А в 1924 г. были выпущены новые советские рубли номиналом 1, 3 и 5 рублей, обеспеченные золотом с обменом всех денежных знаков, кроме червонцев. Таким образом, к началу 1925 г. обращение всех прочих бумажных денег на территории СССР прекращалась. Действовали казначейские билеты Госбанка СССР – новые рубли, червонцы и серебряные, медные разменные монеты.

Подводя итоги реформы 1922 – 1924 гг. следует отметить, что создав подкрепленную золотом национальную валюту, большевики оживили товарный оборот, инфляция была остановлена, выдаваемые в червонцах кредиты стимулировали восстановление промышленности, бюджетный дефицит сократился, а запрет на де-

нежную эмиссию ради покрытия дефицита ликвидировал основную причину инфляции в России [3].

Таким образом, денежная система России на рубеже XIX – XX веков прошла путь от стабильности до полного краха. Тяжелейший путь восстановления рубля позволил стабилизировать экономику России и выйти из разрухи периода революций и гражданской войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849 – 1911 гг. – М.: Мысль, 1991. – 708 с.
2. Денежная реформа. – М.: Издание М.К.Р.П. (б-в), 1924. – 30 с.
3. Денежная реформа 1922 – 1924 гг. [Электронный ресурс] – электронные данные. – Режим доступа: <http://hister1.ru/lectures/denezhnye-reformy/pervaya-denezhnaya-reforma-v-sssr.htm> Дата обращения: 24.11.2017.
4. Денежная система России от реформ Петра I до революции 1917 г. [Электронный ресурс] – электронные данные. – Режим доступа: <http://cu-coins.narod.ru/Pages/Articles/Standard.htm> Дата обращения: 24.11.2017
5. Денисов А.Е. Бумажные денежные знаки России 1769 – 1917. Часть 3. Государственные бумажные денежные знаки 1898 – 1917 годов. – М.: Нумизматическая Литература, 2004. – 208 с.
6. Зверев С.В. История денег в России. К 350-летию русской рублевой монеты. – М.: ФГБУК «Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2012. – 103 с.
7. Расчетные знаки РСФСР («совзнаки») 1919 – 1921 гг. [Электронный ресурс] – электронные данные. – Режим доступа: <https://www.russian-money.ru/catalogs/sovznaki-1919-1921> Дата обращения: 24.11.2017.
8. Самсонов А. Русский путь к самостоятельности. [Электронный ресурс] – электронные данные. – Режим доступа: <http://xn---ctbsbzhbctieai.ru-an.info/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/%D1%84%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D1%81%D1%8B-%D0%BC%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B9-%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8-%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%BB%D0%B8-%D0%B7%D0%B0-%D1%81%D1%87%D1%91%D1%82-%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F/> Дата обращения: 24.11.2017.

С.А. Ситкевич, С.М. Гресь

г. Гродно, Беларусь

СОБЫТИЯ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛКОВЫССКОГО УЕЗДА

В статье рассматриваются события Великой Октябрьской социалистической революции на территории Волковысского уезда Гродненской губернии. События столетней давности оказали огромное влияние на последующую историю этого края. В работе предпринята попытка освещения событий того времени, на основе новых исторических фактов и архивных документов.

Ключевые слова: *революция, военно-революционный комитет, пролетариат, съезд, большевики, армия.*

S. A. Sitkevich S. M. Gres

Grodno, Belarus

THE EVENTS OF THE GREAT OCTOBER SOCIALIST REVOLUTION ON THE TERRITORY OF VOLKOVYSK DISTRICT

The article discusses the events of the great October socialist revolution on the territory of Volkovysk district, Grodno province. Events of a century ago had an enormous influence on the subsequent history of this region. The work attempts to cover the events of the time, based on new historical facts and archival documents.

Key words: *revolution, the military revolutionary Committee, the proletariat, the Congress, the Bolsheviks, the army.*

Октябрьские события в Петрограде дали серьёзный толчок развитию революционного движения на территории всего Российского государства. Как и на других окраинах Российской империи, на Волковысчине под влиянием вооруженного восстания в Петрограде рабочие поднялись на вооружённую борьбу. Эти события происходили на фоне сложных условий связанных с оккупацией этого региона войсками кайзеровской Германии. Несмотря на оккупационный режим, на территории уезда проходили митинги, забастовки, где звучали требования демократического

мира, установления советской власти.

Борьбой рабочих и крестьян руководила подпольная организация, созданная в ноябре 1918 г. В её состав входили представители большевиков, эсеров, бундовцев. Ситуация осложнялась необходимостью борьбы не только против оккупационных властей, но и против Комитета земли Волковысской [1]. Данный комитет был создан в сентябре 1918 г. при поддержке оккупационных властей как орган местного управления.

В итоге Ноябрьской революции в Германии и аннулирования Брестского мирного договора немецкие войска выводились с захваченных земель, в том числе и с территории Волковысчины. С декабря 1918 г. в деревнях Волковысского уезда активизировалась работа по созданию Советов, которыми руководили большевики и левые эсеры. 25 декабря 1918 г. и 5 января 1919 г. в Волковыске прошли съезды Советов, которые были созданы в городе и деревнях [2]. На них был избран исполком уездного Совета, который был представлен большевиками, левыми эсерами, бундовцами и беспартийными. Комитет земли Волковысской, потеряв поддержку оккупационного режима, самоликвидировался. Первыми мероприятиями советской власти было установление контроля и реквизиция продуктов у помещиков и городской буржуазии и распределение их среди бедноты.

Но советская власть на Волковысчине просуществовала недолго. На смену немецкой оккупации пришла польская. Так, уже 8 февраля 1919 г. в Волковыск вошли польские легионы, и органы советской власти вынуждены были перейти на нелегальное положение. В созданный подпольный партийный центр вошли Давид Уткес, Андрей Соколов, Василий Апанович, Нина Малец, Александр Коган, Владимир Волков [3]. Волковысский центр установил связи с Гродненской, Слонимской и другими партийными организациями, развернул деятельность по формированию партизанских отрядов для борьбы с войсками Ю. Пилсудского.

К весне 1920 г. польские войска оккупировали значительную часть территории Беларуси. На захваченных землях установился жестокий оккупационный режим.

В середине мая 1920 г. Красная армия перешла в контрнаступление на Западном и Юго-Западном фронтах. 24 июля 1920 г. войска 3-й и 16-й армий Западного фронта освободили Волковыск. Активное участие в освобождении города и уезда принимали воины 56, 17 и 21-ой стрелковых дивизий.

Сразу после освобождения уезда вся власть была передана военно-революционному комитету (ВРК), который был создан 25 июля 1920 г. ВРК являлись чрезвычайными органами советской власти. В отличие от Советов и исполкомов, которые избирались, ВРК назначались и были органами диктатуры пролетариата. После избрания Советов ВРК ликвидировались.

Первым председателем Волковысского ВРК был комиссар 496-го стрелкового полка Александр Ильич Зонин [4]. В дальнейшем он стал известен как военный писатель, автор книг «Морское братство», «Жизнь Нахимова», «Капитан «Дианы».

Вскоре А.И. Зонин был вызван в войска, а его место занял А.М. Гайлит. Располагался ВРК в здании Волковысской ратуши, где ранее находился городской магистрат [5]. Здание находилось на пересечении улиц Замковой и Костюшки. Активным членом Волковысского ВРК был Давид Исаакович Уткес [6]. Он ещё в октябре 1918 г. вступил в Белостоцкую подпольную большевистскую организацию.

Волковысский ВРК был чрезвычайным, временным и вместе с тем многоотраслевым органом новой государственной власти. О его структуре свидетельствует «Телеграфная сводка для отделов ревкомов 16-ой армии» в которой говорится: «...Организован в Волковыске уездный революционный комитет с отделами:

1. Отдел управления с подотделами: общий, информационно-инструкторско-организационный, ЗАГС, милиция.
2. Отдел здравоохранения с подотделами: фармацевтический, больниц и амбулаторий.
3. Земотдел с подотделами: общий, политический, сельскохозяйственный, ветеринарный, лесной, статистический.
4. Отдел госхоза с подотделами: жилищный, благоустройства, технический, пожарная дружина.

5. Уездком с подотделами: общий, заготовительный, распределительный, финансово-счётный.
6. Отдел труда.
7. Политбюро.
8. Комиссар почт.
9. Отдел социального обеспечения с подотделами: общий, пайка, пенсий и пособий, пострадавших от контрреволюции и войны, хозяйственный.
10. Отдел народного образования с подотделами: школьный, внешкольный и дошкольный.
11. Отдел уездного совнаркома с подотделами: кожевенный, табачный, химикотехнический, механический, уездстрой, уездтоп.
12. Центропечать.
13. Профсоюз с секциями: кожевенников, табачников, пищевиков, строителей, советских служащих» [7].

Большие сложности в работе Волковысского ВРК были связаны с подбором кадров. Среди пролетарских слоёв населения специалистов почти не было, а представители буржуазной интеллигенции стояли на пути саботажа. Вся тяжесть организаторской работы в ВРК легла на плечи коммунистов из небольшой Волковысской партийной организации. В налаживании новой жизни активно проявили себя А.Д. Коган, И. А. Шкулепа, А.М. Айон, А.П. Якубчик, Н.М. Иванов, В.А. Апанович, К.В. Шевчик, П.А. Ляховский. Уездную милицию возглавил уроженец деревни Каменица П.И. Карасёв. 5 августа 1920 г. в Волковыске состоялось собрание коммунистов уезда. На нём был избран уездный комитет партии (руководитель – А.М. Айон, члены – Н.М. Иванов, Ф.И. Куделько). К концу августа в уезде было создано 8 партийных ячеек, в которых насчитывалось 62 коммуниста [8].

Первоочередной и главной задачей ВРК была организация пополнения для Красной армии. В обращении Волковысского военкомата говорилось: «Для того чтобы отстоять свои земли, фабрики и другие богатства, сам трудовой народ должен встать на защиту своей освобождённой социалистической Родины. Для этого рабоче-крестьянская власть призывает всех трудящихся в ряды Красной армии»

[9].

Волковысский ВРК занимался налаживанием хозяйственной жизни в городе и уезде, распределением помещичьих земель, открытием школ, больниц. Образованный при ВРК Совет народного хозяйства взял на учёт все фабрики и заводы, сырьё, финансы и начал налаживать промышленное производство. К руководству отраслями промышленности были привлечены сотни рабочих и крестьян. В сжатые сроки были созданы профсоюзы строителей и служащих.

29 августа 1920 г. в городе проходил съезд представителей волостных земельных отделов уезда. Главное внимание в своей деятельности ВРК уделял беднейшим слоям населения и семьям красноармейцев. В одном из приказов земельного отдела ВРК говорилось: «Немедленно приступить к общественной запашке земли для беднейших семейств (безлошадных) под посев ржи, в первую очередь семьям красноармейцев. Списки нуждающихся в зерне представить в уездземотдел... Немедленно принять самые энергичные меры к обеспечению дровами семей красноармейцев и беднейших крестьян...» [10].

Несмотря на сложные условия, с которыми столкнулась советская власть, в первые годы своего существования, она пыталась решать насущные проблемы населения и удовлетворять его минимальные потребности в продовольствии.

В то же время формирование новых органов власти сталкивалось с большими проблемами, т.к. не хватало опытных организаторов и просто достаточно образованных людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комитет земли Волковысской // Волковысский военно-исторический музей им. П.И. Багратиона. Фонды музея.
2. Протокол о создании Советов на территории Волковысского уезда от 25 декабря 1918 г. и 5 января 1919 г. // Государственный архив Гродненской области (ГАГО). Ф. 656. Оп. 4. Д. 1. С. 3.
3. Решение о создании Волковысской подпольной ячейки от 10 февраля 1919 г. // ГАГО. Ф. 656. Оп. 7. Д. 4. С. 3-4.
4. Протокол о создании Волковысского военно-революционного комитета // ГАГО. Ф. 656. Оп. 10. Д. 8. С. 6-8.
5. Протокол о создании Волковысского военно-революционного комитета // ГАГО. Ф. 656. Оп. 10. Д. 8. С. 6-8.
6. Протокол о создании Волковысского военно-революционного комитета // ГАГО. Ф.

656. Оп. 10. Д. 8. С. 6-8.
7. Телеграфная сводка для отделов ревкомов 16-ой армии // ГАГО. Ф. 690. Оп. 1. Д. 16. С. 1.
 8. Воспоминания П.И. Карасёва о становлении советской власти на территории Волковысского уезда Гродненской губернии // Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 357. Оп. 1. Д. 18. С. 8-11.
 9. Обращение Волковысского уездревкома к гражданам Волковысского уезда // Волковысский военно-исторический музей им. П.И. Багратиона. Фонды музея.
 10. Приказ № 16 Волковысского уездземотдела // Волковысский военно-исторический музей им. П.И. Багратиона. Фонды музея.

УДК 271.2-1«1917-1980»

С.А. Ситкевич, Д.А. Ярмолевич

г. Гродно

РАЗРУШЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В статье рассматриваются этапы борьбы православной церкви и разрушения ее в советский период.

Ключевые слова: православие, религия, государство, история Беларуси, репрессии.

S.A. Sitkevich, D.A. Yarmolovich

Grodno, Belarus

THE DESTRUCTION OF THE ORTHODOX TRADITION IN THE SOVIET PERIOD

This article is devoted to the stages of the struggle of the Orthodox Church and its destruction during the soviet period.

Key words: orthodoxy, religion, state, repression, history of Belarus

Христианские нравственные ценности и вероучение, были стабилизирующим, консолидирующим основанием, на котором строилась духовно-нравственная жизнь народа, и на которое опиралась система образования и воспитания в дореволюционный период. Стоило лишь пошатнуться вере, как рухнуло все огромное зда-

ние русской государственности. Религиозная сила русской души была легко переацелена на достижение псевдорелигиозных целей достижения торжества мировой революции и построения коммунизма.

Целью данной работы явилось изучение влияния советского времени на православную традицию.

Материалы и методы. Для реализации цели мы ознакомились с доступными нам источниками по интересующей теме и провели анализ полученной информации.

В результате октябрьского государственного переворота возникло богоборческое советское государство, объявившее своей целью построение справедливого коммунистического общества без Бога. Октябрьская революция действительно явилась коренной ломкой всего прежнего образа жизни и прежней системы ценностей. Большевики начали внедрять в массы новую форму религии без Бога. Коммунистическая идеология и материалистическое мировоззрение, т.е. вера в светлое будущее человечества и вера в материю, стали основой новой системы ценностей.

В советский период воинствующий атеизм был положен в основу государственной политики в отношении Церкви. Всемерная государственная поддержка атеистической пропаганды и запрет на религиозную пропаганду имели своей целью изоляцию Церкви, искоренение религии как пережитка прошлого. Только за 1937 г. и пять месяцев 1938 г. в Беларуси было осуждено 3247 служителей православной церкви. Среди них 1 митрополит, 5 архиепископов, 420 священников и монахов. Около 2000 духовных лиц были расстреляны или погибли в лагерях. Жесточайшие репрессии против духовенства, разрушение церквей и монастырей должны были, по замыслу богоборцев, вытравить из сознания людей саму мысль о Боге, память о своих религиозных традициях.

Борьба с религией имела разный накал в разное время, но никогда не прекращалась в Беларуси в период между двух мировых войн (1918-1941). Религия была объявлена «опиумом для народа» и уничтожалась жестокими мерами, как опасная и вредная для советско-коммунистической государственной системы. Вместо веры

в Бога усиленно пропагандировались и официально поддерживались властями атеизм и вера в материализм. Борьба велась всевозможными методами: закрытием монастырей и церквей, обращением их в склады, театры, клубы; устройством антирелигиозных лекций и докладов; печатанием и распространением литературы против православного духовенства, христианской веры и религиозной жизни; закрытием всех духовных школ и академий; запрещением печатания и распространения всякой литературы религиозного содержания.

Во время войны на территории СССР, происходили резкие перемены к лучшему в отношении государства к Церкви. Война с немецко-фашистскими захватчиками со всей остротой поставила вопрос о сохранении независимости СССР и выживании самого народа. Это вызвало подъем патриотических чувств народа.

И.В. Сталин и его окружение не могли не учитывать огромную роль Церкви в подъеме патриотического духа народа. Было решено пересмотреть государственную религиозную политику.

За четверть века духовенство в большинстве своем доказало свою аполитичность и готовность поступиться многим, только не самой верой; в годы войны патриотизм архипастырей и пастырей оказался совместимым с советским патриотизмом – поражения фашистов искренне хотели и коммунисты, и верующий народ.

4 сентября 1943 года состоялась встреча высших иерархов РПЦ: митрополитов Местоблюстителя Сергия (Страгородского), Ленинградского Алексия (Симанского) и Киевского Николая (Ярушевича) со Сталиным, Молотовым и Карповым на котором было принято решение о созыве архиерейского собора и выборах патриарха. Договорились о возобновлении деятельности Священного Синода. Для подготовки кадров священнослужителей было решено возобновить работу духовных учебных заведений – академии и семинарии. Церкви дали возможность издавать соответствующую религиозную литературу, включая периодические издания. Значительная часть репрессированного духовенства была освобождена, открывались храмы и создавались новые приходы. Все это благотворно сказывалось на духовно-нравственной атмосфере, вызвало новый подъем патриотического сознания.

После Великой Отечественной войны ситуация вновь меняется к худшему,

особенно на территории Беларуси.

Послевоенные репрессии коснулись поначалу католической церкви, а чуть позже и Православной. К началу 1948 г. в республике насчитывалось 1050 православных церквей и молитвенных домов. За 1948-1952 гг. было закрыто 87 православных храмов, арестовано 55 священнослужителей.

Еще больший размах приобрело наступление на Церковь в годы так называемой хрущевской «оттепели». Начало этому процессу (в плане идеологического обоснования) было положено Постановлением ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения». Однако массированное наступление на религию началось чуть позже – с 1959 г., когда был взят курс на форсированное строительство коммунизма. В планах строителей коммунизма религия и Церковь были существенной помехой. Н.С. Хрущев обещал народу вскоре показать по телевизору «последнего попа».

Новая массированная волна репрессий против Церкви, отличалась лишь тем, что они не были кровавыми, как в предыдущие десятилетия, когда просто физически уничтожали духовенство. После очередного идеологического постановления ЦК КПСС в октябре 1958 г. о недостатках в антирелигиозной пропаганде были приняты жесткие административные меры в отношении Церкви. Запрещалось принимать в монастыри лиц моложе 30 лет; в семинарии и академии лиц со средним специальным или высшим образованием. А запрету религиозного образования и воспитания несовершеннолетних органы власти уделяли особое внимание. Случаи нахождения несовершеннолетних на религиозных службах, молитвенных собраниях рассматривались как нарушения законодательства о культурах. Дружинники и милиция не пускали молодежь в храм во время церковных праздников.

За период с 1950 по 1966 гг. в Беларуси с регистрации было снято 609 церквей и молитвенных зданий православной церкви. За один только 1960 г. в республике было закрыто 219 православных храмов. В 1963 г. была закрыта возобновившая свою работу в 1944 г. Минская духовная семинария. Перестали действовать женские монастыри в Полоцке и Гродно. В республике остался лишь один действующий

ший Жировицкий мужской монастырь. К середине 80-х годов в Беларуси действовали 370 православных церквей и 103 костела, более 200 протестантских общин.

Оценивая ситуацию этого сложного периода в целом, в результате многолетних жестоких гонений на Церковь ее позиции и влияние в обществе оказались сильно подорванными. Религиозные ценности утратили функцию не только внутреннего, но и внешнего стержня духовной культуры. В результате этих разрушительных действий произошел надлом, если не пресечение православной традиции.

Только с конца 80-х годов ситуация стала кардинально меняться. Государство сняло запрет на религиозную пропаганду, были приняты достаточно демократичные законы, регулирующие отношения религиозных организаций с государством и их деятельность. Однако и сегодня, процесс религиозного возрождения испытывает трудности, вызванные, в том числе, многолетней богоборческой политикой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Силова С. В. Православная церковь в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) / С. В. Силова. – Гродно: ГрГУ, 2003. – С. 85.

УДК 94(47)

С.А. Четвериков

г. Оренбург

ВЛИЯНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ НА РЕПЕРТУАР ОРЕНБУРГСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ В 1917 ГОДУ

В статье рассматривается изменение репертуара оренбургских театров и кинотеатров, вызванное революционными событиями 1917 года. Показывается пропагандистская роль спектаклей и кинокартин, противопоставлявших республику тирании абсолютной монархии.

Ключевые слова: *революция, культура, театры, кинотеатры, история Оренбурга.*

S. A. Chetverikov

THE INFLUENCE OF REVOLUTIONARY EVENTS ON THE REPERTOIRE OF ORENBURG CULTURAL INSTITUTIONS IN 1917

The article considers the change in the repertoire of the Orenburg theaters and cinemas, caused by the revolutionary events of 1917. The propagandistic role of plays and films is shown, which contrasted the republic with the tyranny of an absolute monarchy.

Key words: revolution, culture, theaters, cinemas, history of Orenburg.

Революционные события 1917 года оказали значительное влияние на все сферы жизни российского общества. Фактически был разрушен институт брака, упразднена политическая и нравственно-идеологическая цензура, началась секуляризация общественного сознания. В результате жители города Оренбурга получили возможность ознакомиться с различными брошюрами, сценическими представлениями, кинофильмами, затрагивавшими табуированные ранее темы: роль религии в жизни российского общества, личность императора и высших государственных сановников.

Известие об отречении Николая II и Великого Князя Михаила от престола было встречено в Оренбурге с восторгом. Газета «Оренбургское слово» 4 марта 1917 года опубликовала статью Б. Станиолова «Новая власть», автор которой торжествовал по поводу падения монархии: «старая власть, запятнавшая себя кровью родной страны, душившая каждое свободное слово, изменявшая стране, нагло издававшаяся над ней – эта власть пала...» [6, л. 34].

Дальнейшую судьбу страны должно было определить Учредительное собрание.

Весной 1917 года в Оренбурге открыто стали продаваться политические брошюры, высмеивавшие характер и поступки Николая II «Красное знамя. Как царь Никола лишился престола» (брошюра в стихотворной форме рассказывала о событиях февральской революции в Петрограде), «Письмо Николая Романова Вильгельму Гогенцоллерну». Брошюры, направленные против самодержавия «Сказочка о красной шапочке и злом волке. Русская свобода и Романовы», «В дни свободы.

История государства Российского от Михаила до Михаила». Брошюры, рассказывавшие о необходимости созыва Учредительного собрания «Учредительное собрание и выборы в него», «Солдат-Гражданин» и разъяснявшие новые политические идеи «Что такое социализм» [9, л. 114].

Оренбургские периодические издания «Южный Урал», «Свободное слово солдата», «Оренбургское слово» и «Оренбургский край» начали публиковать статьи о бедственном положении финансов и сельского хозяйства страны.

В ожидании выборов в Учредительное собрание горожане и солдаты, расквартированные в Оренбурге, посещали цирк В.А. Камухина, Свободный театр, Городской театр, электро-театры «Аполло», «Фурор», «Чары», «Кино-Палас» и «Люкс», на деятельность которых революционные события оказали различное влияние. Об этом свидетельствуют афиши оренбургских учреждений культуры, публиковавшиеся в течение года на страницах местных газет.

Так цирковые представления в 1917 году не претерпели изменений. Они сопровождались состязаниями борцов (в том числе и женщин); выступлениями куплетистов, лилипутов, клоунов, акробатов, гимнастов и танцоров; показом антивоенных пантомим («Кто русского солдата побеждает») и проведением конкурсов красоты-изящества, телосложения и мускулатуры [10, л. 124]. В завершение вечера давалась водевиль (комедийная пьеса с шуточными песнями и танцами), а 20 % от собранных средств отчислялось на благотворительность.

Единственное выступление, на котором цирковые артисты выразили свое отношение к изменению социально-политического устройства общества, было дано в цирке В.А. Камухина 12 марта 1917 года. В представлении на злобу дня все клоуны и куплетисты говорили только «правду матку» [7, л. 52].

Репертуар оренбургских театров в 1917 году также не претерпел больших изменений. На сцене Городского театра шли пьесы У. Шекспира, Э. Брие, А.Н. Островского; ставились произведения Л.Н. Толстого, А.С. Грибоедова, А.П. Чехова, М. Горького, Н.В. Гоголя, С.А. Найденова, П.М. Невежина и других авторов [2, л. 174 – 177].

Вместе с тем в июле 1917 года партии социалистического блока (социал-демократы, социалисты-революционеры, народные социалисты и «Единство») арендовали зал Городского театра для проведения пропагандистского «Митинг-концерта» для разъяснения своей политической позиции, «отличной от партии большевиков» [11, л. 114об].

Свободный театр Совета солдатских депутатов (Народный дом) наряду с классическими произведениями (детский спектакль «Золушка»; «Преступление и наказание», «Горячее сердце», «Зачем пойдешь, то и найдешь (Женитьба Бальзамина)», «Трильби» и другие) ставил пьесы современных авторов. Так 3 августа 1917 года зрителям была представлена комедийная пьеса авторства Е.А. Мировича (Дунаева) «Вова революционер» (1917), высмеивавшая юношу из богатой (баронской) семьи, который нахватавшись революционных идей и слов, приходит домой, и к ужасу родственников «прицепляет красные ленточки к портретам своих предков».

Большим успехом у публики пользовалась пьеса «Чертова дюжина» по рассказам А.Т. Аверченко (1916), отвечавшая на вопросы о том, как заполучить внимание женщины, о сущности любви, о проблеме верности и неверности, о соблазне и неминуемой расплате за него.

В ответ на октябрьские события 1917 года в Петрограде Свободный театр поставил миниатюру «Буржуй», рассказывавшую об общественном неравенстве в государстве [14, л. 96].

Рождественский репертуар обоих театров состоял из двух представлений: утреннего (детского), и вечернего. 31 декабря был дан бал маскарад [3, л. 9об].

Кинотеатры, имевшие, по мнению Оренбургской городской думы весьма «сомнительное воспитательное значение», являлись учреждениями культуры, доступными для широких слоев населения. Поэтому, несмотря на сокращение добычи топлива и прекращение его подвоза, Оренбургская городская управа в октябре 1917 года выступила против ограничения их работы, «так как в дни, когда кинематографы не торгуют, его посетители, лишённые развлечений, увеличат

число праздных, а возможно и число пьющих. Сокращение числа дней работы может привести к повышению платы за вход, а это будет наиболее ощутимо для беднейшего населения» [1, л. 1].

В целях сокращения потребления кинотеатрами электроэнергии время их работы было ограничено (не более 3 часов в рабочие дни, и не более 8 часов – в праздники), с сохранением возможности работать всю неделю. Показываемые в электро-театрах картины подлежали одобрению Городской управы.

В течение всего 1917 года оренбургские кинотеатры в пропагандистских целях показывали военную хронику: официальные снимки с театра боевых действий на западном и кавказском фронтах «Знамена победно шумят» [8, л. 19]. Снимки британской армии и карту наступления союзников «Англичане на полях сражения», «Летопись войны» [15, л. 98]. «Интернациональную» картину об ужасах войны «Кровавый безумец современной войны» [5, л. 9]. Военные картины «Спите, орлы боевые», «Борьба за свободу народов (Стальные чудовища)», «Под вражьем игом», «Страшен сон да милостив Бог», «Наши враги у нас в плену» и другие.

Антимонархические картины «Да здравствует свободная Русь!» [9, л. 114], «За что страдать и умереть», «Борьба за счастье», «И раб дерзнул!..», «Где правда» и другие.

В августе – сентябре 1917 года электро-театр «Чары» показывал жителям Оренбурга фильм «Быль. Жуткая правда о Ленском расстреле», содержащий рассказ о событиях 1912 года в Сибири, которые «глубоко потрясли русское общественное мнение». Зрителям показывалась жизнь рабочих изнемогающих от непосильной работы. «Голод и гнет» заставил их восстать и потребовать от царя справедливости. На это им было ответом «Пли! Стреляй!». Рабочий класс громко протестовал против избиения своих товарищей. Волна негодования захлестнула и Государственную думу: на заявление министра внутренних дел А.А. Макарова «Так было, так будет» А.Ф. Керенский пророчески заявляет «Так было, но так не будет» [16, л. 192].

Кинокартина носила явно пропагандистский характер и была направлена на

возвеличивание личности А.Ф. Керенского, противопоставляя республику – тирании монархии.

В середине октября 1917 года «Чары» представили публике картину «За свободу, за народ (песнь победная свободе)», содержащую «Революционные песни. Песни сибирских каторжан. Гимн свободного народа» [13, л. 146].

Однако большинство фильмов, шедших в оренбургских электро-театрах в 1917 году, являлись:

А) комедиями: «Девичьи уловки», «Без соблазна», «Девушка XX века», «Гоните его», «Чем черт не шутит» и другие;

Б) драмами: «Похищенное ожерелье», «Невинно пострадавший», «Дама с камелиями», «Все люди рабы лишь море свободно», «Тайна печати», «Бездна», «Жизнь барона или на дне» (по пьесе М. Горького), «Симфония скорби», «Горе побежденным» и другие.

В) историческими драмами: «Стенька Разин», «Под звуки марсельезы» (из времен французской революции), «Жизнь и смерть Гришки Распутина», «Жизнь и смерть лейтенанта Шмидта» (историческая революционная драма).

Кроме того электро-театр «Фурор» показывал сценки из жизни Бакинских мусульман «В царстве нефти и миллионов», а электро-театр «Аполло» – скалы Адалары (острова в Черном море) и виды города Гельсингфорс [12, л. 134].

Электро-театр «Люкс» в декабре 1917 года представил зрителям «боевик» (криминальную драму) «Царь Николай II» [18, л. 154].

Захват власти большевиками в Петрограде был воспринят в оренбургской прессе как страшная трагедия, грозящая гибелью традиционному укладу и всей русской культуре. В газете Южный Урал 24 ноября 1917 года было напечатано стихотворение М. Доминской «В дни великих вселенских страданий», которое предвещало наступление «тяжелых времен» [17, л. 120].

В электро-театре «Фурор» с середины ноября 1917 года показывалась аллегорическая картина «Красный демон». Демон (Сатана) появился на земле. «Весь ужас человеческого зла. Все, что может быть создано человеческим умом, направленным на преступления – мы видим в этом злом гении...» [4, л. 5].

Своеобразный итог году был подведен в кинокартине «На грани Старой и Новой России», показанной в декабре 1917 года в электро-театре «Фурор». Это трагедия в 4-х частях, последняя из которых называлась «Так хотел народ».

Таким образом, революционные события оказали значительное влияние на репертуар оренбургских учреждений культуры в 1917 году. В Свободном театре ставились пьесы, носившие ярко выраженный политический характер, и затрагивавшие тему социального неравенства. В электро-театрах Оренбурга были показаны пропагандистские картины, противопоставлявшие свободную республику тирании монархии. В конце 1917 года зрителям были представлены первые произведения, пытавшиеся осмыслить произошедшие в стране события.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 540.
2. ГАОО. Ф. 41 Оп. 1. Д. 1531.
3. Оренбургский край. – 1917 – 25 декабря.
4. Оренбургский край. – 1917 – 12 ноября.
5. Оренбургское слово. – 1917 – 2 февраля.
6. Оренбургское слово. – 1917 – 4 марта.
7. Оренбургское слово. – 1917 – 12 марта.
8. Свободное слово солдата. – 1917 – 15 февраля.
9. Свободное слово солдата. – 1917 – 1 июля.
10. Свободное слово солдата. – 1917 – 8 июля.
11. Свободное слово солдата. – 1917 – 5 июля.
12. Свободное слово солдата. – 1917 – 11 августа.
13. Свободное слово солдата. – 1917 – 19 августа.
14. Свободное слово солдата. 1917 – 17 октября.
15. Свободное слово солдата. – 1917 – 11 ноября.
16. Южный Урал. – 1917 – 1 ноября.
17. Южный Урал. – 1917 – 24 ноября.
18. Южный Урал. – 1917 – 15 декабря.

УДК 159.9.019.45:930.1:316.423.3

М.Б. Чижкова

г. Оренбург

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА И СТАНОВЛЕНИЕ МАРКСИСТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В РОССИИ

В статье рассматривается процесс становления советской психологии в

первые годы после Октябрьской революции 1917 г., характеризующийся активной идейной борьбой вокруг вопроса о философских основах психологической науки. В контексте современной рефлексии исторического прошлого науки в СССР делается вывод о роли и значении данного этапа в деле обретения советской психологией единого методологического фундамента (философии марксизма) и статуса целостной научной психологической школы.

Ключевые слова: *октябрьская революция, психология, советская психология, марксизм, марксистская психология*

M.B. Chizhkova

Orenburg

THE OCTOBER REVOLUTION OF 1917 AND ESTABLISHMENT OF MARXIST PSYCHOLOGY IN RUSSIA

The article deals with the process of establishment of Soviet psychology during the first years after the October Revolution of 1917. This process is characterized by active ideological struggle concerning the question of philosophical foundations of psychology. Within the framework of modern reflection on historical past of science in the USSR the conclusion on the role and significance of this stage in the Soviet psychology's acquisition of unified methodological foundation (of Marxist philosophy) and of status of the coherent scientific psychological school is drawn.

Keywords: *the october revolution, psychology, soviet psychology, marxism, marxist psychology.*

Мы не хотим быть Иванами, не помнящими родства; мы не страдаем манией величия, думая, что история начинается с нас; мы не хотим получить от истории чистенькое и плоское имя; мы хотим имя, на котором осела пыль веков.

В этом мы видим наше историческое право, указание на нашу историческую роль, претензию на осуществление психологии как науки.

Мы должны рассматривать себя в связи и в отношении с прежним; даже отрицая его, мы опираемся на него

Л.С. Выготский

Историография психологии рубежа XX-XXI вв. характеризуется активным осмыслением научного наследия советских времен (Б.С. Братусь, 2000; С.А. Богданчиков, 2006, 2007; 2008; А.Н. Ждан, 2004, 2010; А.А. Зиновьев, 2000; В.А. Кольцова, О.А. Артемьева, 2013; Т.Д. Марцинковская, 2001; А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский, 2001; И.Е. Сироткина, Р. Смит, 2015 и др.). Однако, несмотря на большое количество как позитивных, так и критических работ, само понятие «советская психология» до сих пор нуждается в четкости конституционального и содержательного определения.

Словари, учебники и учебные пособия по истории психологии, как правило, отражают отдельные стороны и проблемы развития психологии в СССР, не давая развернутого определения понятия «советская психология». Тем не менее, проведенный С.А. Богданчиковым анализ первоисточников (работы Л.С. Выготского, К.Н. Корнилова, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна и других советских психологов), позволяет трактовать советскую психологию не просто как «психологию в СССР», а марксистскую по своим философским основам, идеологическую по целям, задачам и механизмам функционирования, единую по своей структуре, воинствующую и передовую (по отношению ко всей остальной психологии) науку [1, с.87].

Предпосылки построения советской психологии на принципиально новых началах были заложены в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции [6, с.84]. В августе 1922 г., когда с активной политической оппозицией было фактически покончено, в газете «Правда» публикуется статья «Диктатура, где твой хлыст?», в которой ставится вопрос о необходимости «разобраться» с теми, кто имеет свою точку зрения на происходящее в стране Советов [5, с.50]. А уже 31 августа в печати появляется сообщение о высылке из страны наиболее активных «контрреволюционных элементов» из среды профессоров, врачей, литераторов и других слоев интеллигенции. В их числе были и известные ученые идеалистического направления, занимавшиеся психологической проблемати-

кой: С.Л. Франк, Л.П. Карсавин, И.А. Ильин, Н.А. Бердяев, Л.М. Лопатин, П. Сорокин, Б.П. Выщеславцев и др.

В то же время ряд ученых с энтузиазмом воспринимают социальные преобразования, искренне веря в то, что революция открывает перед Россией новые перспективы развития общества. В 1919 г., выступая на публичном заседании Института мозга, В.М. Бехтерев говорил: «На переломе истории нельзя стоять на перепутье и ждать, нужна воля к действию, к строительству и созидательной работе, и для нас, научных деятелей, которые всегда отдавали силы на служение человечеству, не должно быть колебаний. Мы должны отдавать себе отчет, будем ли мы с народом, который, завоевав себе свободу, хочет строить свое будущее сам и зовет нас соучаствовать в этом строительстве. Может ли быть сомнение в ответе на этот вопрос?» [цит. по: 5, с. 51].

Именно этими высокими гражданскими мотивами, принятием целей и ценностей нового общества, а также потребностями самой психологической науки в новом методологическом основании своих исследований объясняется отмечаемый многими очевидцами событий послереволюционных лет всплеск теоретической и экспериментальной научной активности в психологическом сообществе. В связи с тем, что после Октябрьской революции психология в теоретическом плане представляла достаточно пеструю картину (эмпирическая психология, поведенчество (реактология и рефлексология), фрейдизм, социально-ориентированные области психологии, воззрения религиозно-идеалистического толка), среди ученых росло осознание необходимости интеграции усилий всех течений и их объединения на почве общего, единого философского учения и методолого-теоретического подхода. Вполне закономерно, заключает А.В. Брушлинский, что в условиях «триумфального шествия» социалистических идей во всех сферах общественной жизни в качестве такой общенаучной методологии, основания объединения разноуровневых и разнонаправленных течений психологической мысли выступает философия К. Маркса, являющаяся идеологическим базисом и обоснованием осуществляющихся в стране социальных преобразований [5, с.64].

В 1923 и 1924 гг. в своих выступлениях К.Н. Корнилов указал на необходимость применить метод диалектического материализма к психологии и сформулировал основные принципы марксистской психологии, на основе которых началась теоретическая и экспериментальная разработка отдельных психологических проблем. Аналогичную позицию защищали П.П. Блонский, В.Я. Струминский, Л.С. Выготский и др. ученые-психологи. Так, Л.С. Выготский в своей работе «Исторический смысл психологического кризиса» писал: «Марксистская психология есть не школа среди школ, а единственная истинная психология как наука; другой психологии, кроме этой, не может быть. И обратно: все, что было и есть в психологии истинно научного, входит в марксистскую психологию: это понятие широкое, чем понятие школы или даже направления. Оно совпадает с понятием научной психологии вообще, где бы и кем бы она ни разрабатывалась» [2, с.435]. А.Н. Леонтьев, вспоминая 1920-ые гг., отмечал, что психологическое сообщество отчетливо понимало: марксистская психология – это не отдельное направление, не школа, а новый исторический этап, олицетворяющий собой начало подлинно научной, последовательно материалистической психологии [4, с.5]. При этом марксизм понимался достаточно широко: и как наука, и как философия, и мировоззрение, а также обобщающее понятие и синоним по отношению к понятиям «диалектический материализм», «марксистская философия», «марксизм-ленинизм» и пр., приобретавшим особый смысл и выходявшим на первый план в тот или иной период исторического развития.

У разных ученых был разный путь к марксизму. Наряду с догматическим, конъюнктурным следованием положениям господствующей идеологии, имело место и подлинно научное, глубокое освоение марксистской философии. Благодаря подходу к марксизму как к системе теоретических воззрений, советским психологам удалось значительно продвинуться в осмыслении психологической науки: в исследовании материального субстрата психики и сенсорных процессов (В.М. Бехтерев, И.П. Павлов, Б.Г. Ананьев, П.К. Анохин и др.); анализе процессуально-содержательных характеристик психики на основе рассмотрения единства сознания и

деятельности (школа С.Л. Рубинштейна); изучении процесса формирования высших психических функций в русле культурно-исторической концепции (Л.С. Выготский и его последователи); психологическом исследовании деятельности и генезиса психического (школа А.Н. Леонтьева); разработке проблемы установки (Д.Н. Узнадзе) и психологии отношений (В.Н. Мясищев); изучении психологии памяти (А.А. Смирнов, П.И. Зинченко); рассмотрении проблем индивидуальности (Б.Г. Ананьев, Б.М. Теплов); формировании концепции целостности личности (М.Я. Басов, П.П. Блонский) и т.д.

Эти и другие достижения советской психологии в 20-30-ые гг. XX в. свидетельствуют о том, что представление о якобы насильственном внедрении марксизма в психологию слишком упрощенно отражает реальное положение дел [5, с.100]. Было и встречное движение – от психологии к марксизму, при котором марксистская философия рассматривалась не как самоцель, а как путь к познанию психической реальности (С.Л. Рубинштейн). Именно творческое освоение марксистской теории и стоящей за ней целой системы научного знания, накопленного в истории человечества, стало тем важным условием, которое позволило советской психологии обрести методологический фундамент и стать цельным учением, целостной научной психологической школой.

Таким образом, развитие советской психологии в первые годы после Октябрьской революции 1917 г. – это идейная борьба вокруг вопроса о философских основах психологической науки. Внутренним содержанием этого процесса было столкновение нового, передового (творческое овладение марксизмом) и старого, буржуазного (идеалистические и механистические, биологизаторские концепции психического). Более того, характерной особенностью советской психологии рубежа 10-20-ых гг. XX в. становится не просто «быть марксистской», а быть «идейной и идеологической по своему содержанию». Как отмечал А.Н. Леонтьев, «...психология в современном мире выполняет идеологическую функцию, служит классовым интересам, и с этим невозможно не считаться» [4, с.5]. Советская психология могла функционировать и развиваться только под руководством Комму-

нистической партии, в строгом соответствии с партийными требованиями и указаниями. Поэтому судьба советской психологии может быть правильно понята только с учетом и в контексте той партийно-государственной политики, которая проводилась по отношению к науке вообще и психологии, в частности. Следовательно, проводимая внутри психологического сообщества борьба не могла быть гладкой, ровной и безболезненной, порой она принимала очень острые формы: рефлексологические (1929 г.) и реактологические (1930-1931 гг.) дискуссии, идеологические кампании 1930-ых гг., «чистка» аппарата Института экспериментальной психологии (1930 г.), разгром психотехники и педологии (1936 г.) и пр.

Советская психология – это имя, за которым стоит результат напряженной работы не одного поколения советских психологов, не просто повторявших идеологический по своему происхождению и по форме лозунг о построении новой, советской психологии на марксистских основах, а переводивших этот лозунг на научный язык и насыщавших его конкретным научным содержанием. Вынужденные лавировать в вопросах терминологии, ученые и практики в первые годы после Октябрьской революции 1917 г. действительно строили советскую психологию как новую науку, и марксизм выполнял в этом процессе вполне определенные эвристические и конструктивные, а не только декоративные и декларативные функции. Можно по-разному относиться к этому сегодня, но представить себе методологические и теоретические построения Б.Г. Ананьева, М.Я. Басова, П.П. Блонского, Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Б.М. Теплова, Д.Н. Узнадзе и других видных ученых-классиков без марксистской составляющей невозможно.

Коллективный характер трудов советских психологов по построению марксистской психологии стал залогом успехов отечественной психологической науки в решении практических задач Великой отечественной войны и отстаивании статуса науки в дискуссиях в связи с Павловской сессией (1950, 1951 гг.) [3, с.50]. И если в 20-30-ые гг. XX в. был задан вектор развития отечественной психологии – к марксистской науке, то благодаря осмыслению и развитию философско-психологических положений работ К. Маркса и В.И. Ленина в 30-40-ые гг. был обозначен

фундамент советской общепсихологической концепции. В итоге к началу 1940-ых гг. складывается методологическое единство, категориальное ядро советской психологии, позволившее психологической науке не только уцелеть в ходе драматических событий первой четверти XX в., но и сохранить свое лицо, свое реноме, интеллектуальные источники своего восходящего поступательного движения по пути мирового прогресса и – сверх того – находить в себе силы приумножать свой научно-теоретический потенциал в современных, весьма сложных условиях социально-экономических преобразований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданчиков С.А. К вопросу о термине «советская психология» // Вопросы психологии / С.А. Богданчиков. – 2006. – №2. – С. 80-88.
2. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собрание сочинений: Том 1. Вопросы теории и истории психологии / Л.С. Выготский. – М.: Книга по Требованию, 2012. – 485 с. – С. 291-436.
3. Кольцова В.А., Артемьева О.А. К истории становления советской психологии как «нормальной» науки / В.А. Кольцова, О.А. Артемьева // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Психология». – 2013. – Т.2. – №1. – С. 43-52. – Режим доступа: <http://isa.ru/izvestia>
4. Краткий психологический словарь / Ред.-сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд., расш., испр. и доп. – Ростов н/Д.: Феникс, 1998.
5. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 1997. – 576 с.
6. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2011. – 713 с.

УДК 57(091);57(092)+61(091);61(092)

Н.Н. Шевлюк

г. Оренбург

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ И СССР В 20-30-е ГОДЫ XX ВЕКА

В статье рассматриваются некоторые аспекты состояния среднего и высшего образования в России и СССР в первые десятилетия после победы революции 1917 года. На конкретных примерах освещаются основные трудности, испытываемые средней и высшей школой в 20-30-е годы XX века в СССР.

Ключевые слова: революция 1917 года, среднее образование, наука, высшее

**SOME ISSUES OF REFORMING THE EDUCATION SYSTEM IN RUSSIA
AND THE USSR IN THE 20S - 30S OF THE 20TH CENTURY**

The article examines some aspects of the state of secondary and higher education in Russia and the USSR in the first decades after the victory of the 1917 revolution. Specific examples highlight the main difficulties experienced by the secondary and higher schools in the 20s-30s of the 20th century in the USSR.

Key words: *revolution of 1917, secondary education, science. higher education.*

Реформирование системы образования в России и затем в СССР затронуло все звенья системы образования, как среднее, так и высшее. В системе среднего образования переход от гимназий, реальных училищ и различных частных учебных заведений к единой трудовой школе первоначально привёл к большим трудностям в работе образовательных учреждений, что привело к снижению уровня подготовки выпускников средней школы. Этому были и объективные и субъективные причины (дефицит материальных и финансовых ресурсов, недостаток педагогических кадров, перестройка системы управления образованием и др.).

Это не могло не сказаться и на работе высших учебных заведений, число которых в период 20-30-х годов резко возросло. Например, до революции в России существовало всего 10 университетов [3], а в СССР университеты были открыты в столицах всех союзных республик и во многих областных центрах. Многократно увеличилось и число отраслевых высших учебных заведений (педагогических, медицинских, сельскохозяйственных, технических и др.). Так, например, в Оренбурге в начале 20-х годов открылся Казахский государственный университет (который после переноса столицы Казахстана из Оренбурга был также перемещён в Казахстан). А в 1930 году в Оренбурге открылись два высших учебных заведения [2, 6, 7] – Оренбургский институт крупнорогатого скотоводства Наркомата земледелия

СССР (ныне – Оренбургский государственный аграрный университет) и Оренбургский татарско-башкирский агробиологический педагогический институт (ныне – Оренбургский государственный педагогический университет). Руководство СССР повышение уровня образованности населения считало одной из приоритетных задач советской власти, поскольку без повышения образовательного уровня населения невозможно было повысить производительность труда в промышленности и сельском хозяйстве, без повышения образовательного и культурного уровня населения невозможно было формирование новой социалистической интеллигенции, а также партийной и советской управленческой элиты [5].

Но превращение среднего и высшего образования из элитного в массовое столкнулось со многими трудностями. Это и нехватка педагогических кадров, недостаток учебной литературы, нехватка помещений для средних и высших учебных заведений и др. Недостаток педагогических кадров для средних и высших учебных заведений был вызван также и тем, что часть преподавателей высшей и средней школы резко отрицательно относилась к победившей советской власти и не хотела работать в новой советской школе (средней и высшей). Доля преподавателей школ и вузов среди эмигрировавших из страны после победы революции была весьма значительной [8].

Многokратный рост числа высших учебных заведений привёл к изменению системы набора студентов в вузы. Комплектование студенческого контингента в 20-30-е годы XX века в высших учебных заведениях СССР проходило практически без учёта уровня образования абитуриента. Главным основанием для зачисления в вуз было рабоче-крестьянское происхождение (а грамотность поступавшего в вуз большого значения не имела). Если будущий студент был практически неграмотным, то его первоначально зачисляли на рабочий факультет (рабфак), где за 1-2 года он получал некоторые основы знаний и затем зачислялся в студенты. Такая практика формирования студенческого контингента была прежде всего обусловлена необходимостью повысить уровень образованности населения страны, прежде всего детей рабочих и крестьян. Исходя из этого, необходимо отметить, что уровень подготовки выпускников вузов 20-30-х годов был существенно ниже, чем

у выпускников, оканчивающих высшие учебные заведения в дореволюционной России. О состоянии грамотности студентов в советских вузах середины 30-х годов свидетельствует, например, отчёт руководства Оренбургского агрозооветинститута (ныне – Оренбургский государственный аграрный университет) о грамотности студентов по состоянию на конец 1936 года [1, 6, 7]. В этом отчёте, в частности, говорится о том, что среди студентов Оренбургского агрозооветинститута нуждающихся в срочной ликвидации неграмотности – 85 процентов, а оставшиеся 15 процентов тоже имеют ошибки. И этот пример не является уникальным. Сходная картина отмечалась в то время во многих провинциальных и столичных вузах. Следует подчеркнуть, что любые серьёзные потрясения, происходящие в стране приводят к кризисным состояниям и в средней и высшей школе. И даже произошедшая более мягко, (и на фоне более высокой грамотности населения) в 90-е годы смена экономической формации в нашей стране привела также к существенному снижению качества подготовки школьников и студентов.

Снижение качества преподавания в вузах приводило и к снижению качественных показателей профессорско-преподавательского состава в вузах. На этом фоне в 30-е годы XX века создались условия для развития всяких псевдонаучных теорий. Именно в это время произошло вознесение на научный олимп Т.Д. Лысенко, О.Б. Лепешинской, И.И. Презента и ряда других деятелей, которые, пользуясь своим монопольным правом на истину, пользуясь своим административным ресурсом в науке и высшей школе, развивали только свои лженаучные концепции и надолго в 40-50-е годы XX века затормозили развитие многих направлений в отечественной биологии, медицине, сельском хозяйстве.

Тем не менее, с конца 30-х годов XX века положение с общей и профессиональной образованностью выпускников стало улучшаться. Возросший к 40-м годам уровень среднего и высшего образования и в целом возросший культурный и образовательный уровень населения стали одним из факторов возрастания промышленного и военного потенциала страны.

Не следует думать, что реформирование системы образования началось в нашей стране только после революции 1917 года. Так, в России реформы средней

и высшей школы неоднократно проходили в XIX веке и в начале 20-го XX века [3]. В течение XIX века несколько раз проходили кардинальные реформы университетского образования. Не была застывшей и стабильной и система среднего образования дореволюционной России. Например, ещё до революции, в то время, когда министром народного просвещения был П.Н. Игнатьев (1915 – 1916 гг.), была начата большая реформа школьного образования в Российской империи [4]. Так, предполагалось сократить на 1 год срок обучения в гимназиях, существенно уменьшить количество часов на основные предметы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 860. Оп. 3. Д. 11. Л. 9.
2. Болодурин В.С. Образование и педагогическая мысль в Оренбуржье. Страницы истории (1735-1940 годы). Оренбург: Оренбургское книжное из-во, 2001. 320 с.
3. Ляхович Е.С., Ревушкин А.С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России. Томск: Изд-во Томского университета, 1998. 580 с.
4. Отечественная история: История России с древнейших времён до 1917 года: Энциклопедия. Т. 3. К – М. М.: Большая российская энциклопедия. 2000. 623 с.
5. Советская интеллигенция. Краткий очерк истории. (1917-1975). М.: Политиздат, 1977. 318 с.
6. Стадников А.А., Шевлюк Н.Н. Очерк жизни и научного творчества основателя оренбургской научной школы гистологов члена-корреспондента АМН СССР Ф.М. Лазаренко (1888-1953). Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2003. 160 с.
7. Шевлюк Н.Н., Стадников А.А. Оренбургская научная гистологическая школа: этапы становления и развития (30-е годы XX века – начало XXI века). Оренбург: Изд-во ОрГМА, 2012. 476 с.
8. Шмаглит Р.Г. Русское зарубежье в XX веке. 800 биографий. М.: АСТ: Зебра Е, 2007. 254 с.

УДК 94(47).084.3/6.(035)

М.И. Щеглова

г. Оренбург

ИСХОД: РЕАКЦИЯ ИДЕАЛИЗМА НА ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

В статье рассматриваются аргументы русского идеализма в оценке событий революции 1917 г.

Ключевые слова: история России, идеализм, философия, веховцы.

**EXODUS: REACTION OF IDEALISM TO THE IDEOLOGICAL
FOUNDATIONS OF THE 1917 REVOLUTION**

The article examines the arguments of Russian idealism in assessing the events of the 1917 revolution.

Key words: *history of Russia, idealism, philosophy, Vehovtsy.*

Грешить бесстыдно, непробудно,
Счет потерять ночам и дням,
И с головой, от хмеля трудной,
Пройти сторонкой в Божий храм.

А.С. Блок

Реакция русского идеализма на события начала XX века запечатлелась в истории философской мысли как уникальные идеологические и онтологические рассуждения великих умов о роли России в мире как земном, так и метафизическом. Сборник «Вехи», несмотря на разнородный коллектив авторов, был в своей сути критикой результатов революции (в которой непосредственное участие принимал ряд составителей сборника), призывом интеллигенции к покаянию, осознанию своей роли в истории России, углублению во внутренний мир и движению к религиозному гуманизму и предостережению катастрофы, к которой может привести подобная революция. Этот призыв встретил сильную реакцию, как положительную, так и отрицательную, однако так и не был услышан.

«Русская революция оказалась национальным банкротством и мировым позором – таков непререкаемый морально-политический итог пережитых нами с февраля 1917 года событий» [7, с. 340], – такими обличительными словами начал свою статью П.Б. Струве в сборнике «Из глубины». Именно в этой лаконичной, но ёмкой, цитате можно выразить наиболее обобщенное мнение веховцев о произошед-

ших события. Революция, полностью сокрушившая самодержавный строй, для авторов сборника стала настоящей национальной катастрофой, повергшей страну в глубокую темную бездну, которую С.Л. Франк сравнивает с могилой, в которой бормотание мертвецов об идеалах революции едва отличается от бессмысленного бормотания.

Социализм, который стал основной идеей государственного устройства, большевиков, ставших во главе в страны после Октябрьской революции, да и всю Советскую власть критикует А.С. Изгоев. Он указывает на утопичность и изначально невозможность фундаментального плана большевиков построить «социалистический рай» [5, с. 143] в обход критикуемому буржуазному строю. В этом Изгоев видел несостоятельность идей революции в области науки и просветительства. Стремление внедрить идеологию во все сферы жизни человека вынуждает бывших революционеров относиться к миру не с позиции истинности, а точки зрения их приверженности лозунгам революции.

Веховцы в сборнике «Из глубины» всесторонне аргументируют и кажутся убедительными во мнении, что свершившаяся революция стала абсолютным национальным крахом России. Людями, в полной мере не понимающими глубокую внутреннюю структуру ни человеческой души, ни мироздания и его процессов, людьми, оторванными от нации и государства, а потому не сознающими последствий, были перерезаны все культурные, социальные и духовные связи с прошлым, что удерживали страну от падения в темную бездну.

Основным тезисом критики стало постулирование «порочности» целей революции. К примеру, Н.А. Бердяев и вовсе видел «демонические» начала революционных идей, идущие корнями к мистике и готике социальных воззрений Гоголя. «Если пойти в глубь России, то за революционной борьбой и революционной фразеологией нетрудно обнаружить хрюкающие гоголевские морды и рожи» [2, с. 84], – писал философ. Революция оценивалась как поле для реализации пороков, накопленных народом. В данном случае, эти пороки были в сатирической маске высвечены в «демоническом созерцании» [2, с. 85] вышеуказанного писателя.

Мистический, демонический образ революции подчёркивается обращением

к ницшеанству, и если не с точки зрения согласия с ним (к примеру, А. Блок), то с использованием терминологии Ницше. С. Н. Булгаков в главе, получившей заглавие «На пиру богов», устами персонажа – «дипломата» напрямую говорит о «Дионисе, шествующем по русской равнине». Однако это шествие лишается романтизма и эстетического содержания возражением «общественного деятеля», который в разрушительном дионисийском начале видит не циклическую закономерность, а онтологическую и аксиологическую гибель. «Умерло все, и мы умерли, бродим, как живые трупы и мертвые души» [3, с. 101], – читаем мы далее.

С.Л. Франк в «De profundis» открыто сравнивает русскую революция с бездной падения. Обличителен Франк как к новой власти, так и к народу, видя в последнем причину провала реализации «прекрасных» идей интеллигенции. Философ подмечает, что народ, в силу своего невежества и низкой политической и гражданской грамотности оказался неспособен следовать благородным идеалам революции. Игнорирование этого факта большевиками, по мнению Франка, выразилось в политиках, «которые в своих программах и в своем образе действий считаются с каким-то выдуманым идеальным народом, а не с народом реально существующим» [8, с. 338].

Внимание не социальным причинам и последствиям революции, а роли человека в её событиях, уделил С.А. Аскольдов. В главе «Религиозный смысл русской революции» он исходит из философских антропологических особенностей русского народа. Выделяя в человеке «святое, специфически человеческое и звериное»¹, Аскольдов пишет о поразительном принижении специфически человеческого в русском человеке. Для мыслителя сущность народа скрыта в загадочном симбиозе святого и звериного, двух диалектических начал, примиряющихся в таких характерных чертах как «лютость и добродушие, тихость и беспокойство» [1, с. 18]. При этом революция по своей природе есть созидание гуманистического слоя, того самого «человеческого». Такое рассуждение имеет место быть, так как

¹ Обратим внимание, что это деление можно представить в виде антропологического треугольника «тело-душа-дух».

классификация антропологических концепций по основаниям триады «тело-душа-дух» относит большинство светских концепций, включая идеи марксизма, к уровню «души». Оговоримся, что термин «душа» в данном случае имеет смысл греческого «псюхе», лишается мистического содержания и в большей мере близок к понятию «сознание». Отсюда следует, что революция, несмотря на справедливые и благородные лозунги и цели, изначально была неспособна преобразовать русский народ: он попросту не имел потенциала к подобному совершенствованию, в отличие от народов Запада (к примеру, народов Франции). Изначальный дар в виде свободы святого от человеческого² сыграл плохую шутку, позволив «звериному» (по мнению Аскольдова злему) взять верх.

По-настоящему удивительной стала тематика, которой посветил главу Вячеслав Иванов: философ увидел в революции обмирщение русского языка. Однако этот процесс его волновал не с культурологической либо филологической точки зрения, Иванов видел в отказе от языка идеализма то самое демоническое, злое, дионисийское, о котором рассуждали остальные мыслители.

Было бы несправедливо, говоря о реакции идеализма на революцию, проигнорировать и реакцию В. И. Ленина на сборники «Вехи» и «Из глубины». В. И. Ленин выразил свою критику в статье «О «Вехах»». Свою контраргументацию Ленин начал с онтологического утверждения материализма, как объективно-истинного, а значит, априори утверждалась ложность всех глав сборников «Вехи» и «Из глубины». «Красной нитью проходит через всю книгу решительная борьба с материализмом, который аттестуется не иначе, как догматизм, метафизика, «самая элементарная и низшая форма философствования»» [10, с. 8], – писал В.И. Ленин.

Для политики философия превращалась в инструмент и методы развёртывания своих идей. В первую очередь, философией как инструментом пользовался и сам В. И. Ленин. Религиозный философ Н. Бердяев в «Вехах» указывал на то, что философия идеологизируется, что истина всецело подчиняется интересу. Неважно,

² Подобная идея «свободы» русского народа берёт своё начало ещё в труде Илариона «О законе и благодати».

ложна или истинна идея, главное в том, что она способна служить социализму. «Основное моральное суждение интеллигенции укладывается в формулу: да сгинет истина, если от гибели ее народу будет лучше житься, если люди будут счастливее; долой истину, если она стоит на пути заветного клича «долой самодержавие» [9, с. 78]. На этот счет Ленин отвечал, что если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они наверное опровергались бы.

Ленину принадлежит формулировка тезисов трёх основных идей реакции идеализма. К первому тезису относилась борьба идеализма с демократией Запада, как вражеской по отношению к «особой мистической и метафизической русской свободе». Вторым тезисом становилась оторванность русской интеллигенции от активных действий революции: то есть идеализм попросту был наблюдателем событий, а после них пытался реабилитироваться за свою пассивность. Третий тезис сводился к указанию на симпатию всей интеллигенции к старому строю, старым устоям, принимающим форму ретроградства. Последний не позволяет идеализму объективно оценивать события революции, догматично вынуждая преимущественно религиозных философов искать аргументацию против строя большевиков.

Подводя краткий итог, сформулируем, что хотя идеалистичная интеллигенция негативно оценивала революцию 1917 года, видя в ней царство людских пороков, веховцы верили, что преобразование России возможно. Для этого нужны огромные духовные усилия народа, его покаяние и возвращение к старым устоям, христианским ценностям, осмысление произошедшего и последующее преобразование жизни, но в русле более консервативном, и никогда не радикально-революционном. П.И. Новгородцев в главе «О путях и задачах русской интеллигенции» позитивно оценивает возможности русской интеллигенции и народа в преодолении революционного ущерба. Однако этот путь невозможен с привилегированностью одного класса над другим, а только вместе, и не в угоду интересов земной утопии, а в целях религиозных и выходящих за рамки обыденного бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. – М.-Пг.: Книгоиздательство «Русская Мысль», 1918. – С. 5-29.
2. Бердяев Н.А. Духи русской революции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. – М.-Пг.: Книгоиздательство «Русская Мысль», 1918. – С. 30-58.
3. Булгаков С.Н. На пиру богов. Pro et Contra. Современные диалоги // Из глубины. Сборник статей о русской революции. – М.-Пг.: Книгоиздательство «Русская Мысль», 1918. – С. 59-88.
4. Иванов Вяч. Наш язык // Из глубины. Сборник статей о русской революции. – М.-Пг.: Книгоиздательство «Русская Мысль», 1918. – С. 89-113.
5. Изгоев А.С. Социализм, культура и большевизм // Из глубины. Сборник статей о русской революции. – М.-Пг.: Книгоиздательство «Русская Мысль», 1918. – С. 114-132.
6. Новгородцев П.И. О путях и задачах русской интеллигенции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. – М.-Пг.: Книгоиздательство «Русская Мысль», 1918. – С. 133-154.
7. Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины. Сборник статей о русской революции. – М.-Пг.: Книгоиздательство «Русская Мысль», 1918. – С. 242-256.
8. Франк С.Л. De profundis // Из глубины. Сборник статей о русской революции. – М.-Пг.: Книгоиздательство «Русская Мысль», 1918. – С. 257-296.
9. Вехи (сборник) // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. Т.6. – М.: Советская энциклопедия, 1969-1978. – 312 с.
10. Ленин В. И. Полное собрание сочинений – 5-е изд. Т.8. – М.: Издательство политической литературы, 1967. – 296 с.

УДК 811.161.1

Т.А. Юдина

г. Оренбург

О РЕФОРМЕ РУССКОГО ПРАВОПИСАНИЯ 1917–1918 ГГ.

В статье рассматриваются изменения, произошедшие в графике и орфографии русского языка, в соответствии с декретом о введении нового правописания.

Ключевые слова: революция, реформа правописания, графика, орфография.

T. A. Yudina

Orenburg

ON THE REFORM OF THE RUSSIAN SPELLING OF 1917-1918

The article examines the changes that occurred in the graphics and spelling of the Russian language, in accordance with the decree on the introduction of a new spelling.

Keywords: revolution, spelling reform, graphics, spelling.

Великая Октябрьская революция стала началом новой эпохи в мировой истории. Индустриализация, важные научные открытия, быстрые темпы строительства, коллективизация и механизация народного хозяйства – всё это определило значительный прогресс в материальной жизни и кардинальные изменения во всех сферах общественной жизни советского общества и в сознании людей.

В свою очередь, все происходящие изменения не могли не отразиться на русском языке, ставшем в то время средством межнационального общения советского народа и одним из мировых языков современности. В русском языке произошли существенные изменения, обозначились новые тенденции развития [1, с. 227].

По мнению многих языковедов, дореволюционные правила написания сильно осложняли обучение грамоте. Именно поэтому учёные Ф.Ф. Фортунатов, И.А. Бодуэн де Куртенэ, А.А. Шахматов и другие выступали за реформу русской орфографии. Их поддерживали многие деятели науки и культуры. Так, ещё в 1904 году при Академии наук была создана орфографическая комиссия, целью которой было разработать проект реформы русской орфографии. Комиссию возглавил выдающийся языковед Ф.Ф. Фортунатов, в состав комиссии входили А.А. Шахматов, И.А. Бодуэн де Куртенэ, П.Н. Сакулин. Проект реформы был готов уже в 1912 году, но царское правительство не решилось её провести [2].

Новая русская графика и орфография были введены 23 декабря 1917 года подписанием декрета о введении нового правописания. Чтобы обеспечить выполнение этого декрета, осенью 1918 года был опубликован декрет Совета Народных Комиссаров о введении новой орфографии, подписанный В.И. Лениным [3, с. 14].

Что касается графики, то в дореформенном русском языке для одного звука [и] в алфавите было три буквы: **и** (и восьмеричное), **і** (и десятеричное) и **ѣ** (ижица). «И десятеричное» писали обычно перед гласными. Например, в словах *революція*, *пролетаріат*, *созданіе*, *событія*. «Ижица» встречалась в немногих словах, связанных с религией, церковью. Например, часто использовали слово *мѣро* и производные от него, реже слово *сѣнодь* и очень редко – *ѣпостась*. В документах реформы правописания 1917–1918 гг. ничего не говорилось о судьбе буквы **ѣ**, но в реально-

сти после реформы она окончательно исчезла из алфавита. Во всех остальных случаях звук [и] на письме обозначался буквой «и восьмеричное».

Ещё одна буква, которая встречалась в дореформенной азбуке и значительно осложняла процесс овладения русской грамотой – это буква Ѣ (ять). С точки зрения современного употребления, никакого отличия в использовании «Ѣ» и «е» не было. Чтобы запомнить, где писать «е», а где «Ѣ», ученикам нужно было заучивать слова, в которых была буква Ѣ. Эту букву писали в таких словах, как *совѣтъ, во главѣ, помѣщик, дѣло* и др.

Кроме перечисленных, ненужной оказалась и буква Ѳ (фита). Звучала эта буква точно так же, как буква «ф». В своё время эта буква была перенесена из греческой азбуки и писалась в ограниченном количестве слов. Например, буква «фита» использовалась в словах *орѳографія, ариѳметика, анаѳема* и др. После реформы букву «фита» просто заменили на букву «ф».

При чтении дореволюционных текстов обращаем внимание на написание ъ в конце слов после всех твёрдых согласных. Например, в словах *народъ, совѣтъ, да здравствуетъ, къ рабочимъ*, а также в предлогах *отъ, въ, къ, подъ* и др. После 1917 года написание твёрдого знака сохраняется только как разделительного знака.

Изменения коснулись не только графики, но и орфографии. Так, у прилагательных, употреблённых в родительном и винительном падежах мужского рода, под ударением использовали окончания *-ого / -его* (например, *молодѳго*), в безударной позиции – *-аго / -яго* (например, *стоящаго, новаго, советскаго, казанскаго, промышленнаго, ранняго, синяго* и др.). В соответствии с реформой окончание *-аго* после шипящих менялось на *-его* (*стоящаго – стоящего*), во всех остальных случаях *-аго* менялось на *-ого* (*новаго – нового, советскаго – советского*). В именительном и винительном падежах множественного числа женского и среднего родов писали окончание *-ья, -ія*. Например, *новья, красивья, синія*. В соответствии с реформой 1917 – 1918 гг. окончание *-ья* менялось на *-ые*, а окончание *-ія* – на *-ие*.

Довольно сложным было различение во множественном числе формы местоимения *он* и числительного *один* для мужского и среднего родов (*они, одни, од-*

нихъ, однимъ) и для женского рода (онѣ, однѣ, однѣхъ, однѣмъ). По реформе правописания 1917–1918 гг. словоформы женского рода множественного числа заменялись на словоформы *они, одни, одних, одним, одними*.

И ещё одно отличие дореволюционной орфографии от постреволюционной касалось написания тех приставок, которые заканчивались на -з. Раньше такая приставка перед глухой согласной писалась через «з». Например, *обезпеченіе*. Согласно реформе, приставки на з/с (кроме тех, которые исходно заканчивались на -с) имели написание на -с перед глухими согласными (*обеспечение*) и на -з – перед звонкими согласными (*безбедный*).

Итак, документ, написанный на русском языке до декрета о введении нового правописания, и документ, написанный после декрета, отличаются по графике и орфографии. Графическими изменениями являются отсутствие в современном алфавите букв ъ, ѵ, ѳ, і, использование буквы ъ только в качестве разделительного твёрдого знака. Орфографические изменения затронули написание приставок на з/с, окончаний имён прилагательных, местоимения *он* и числительного *один*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи / В.Г. Костомаров. – М.: Центр «Златоуст», 1999.
2. Миф 5. Реформа орфографии 1917 – 1918 задумана и подготовлена большевиками. Режим доступа: http://gramota.ru/class/istiny/istiny_5_orfo1917
3. Супрун А.Е. Русский язык советской эпохи / А.Е. Супрун. – М.: Просвещение, 1969. – 88 с.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ МЕДИЦИНА В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТЯСЕНИЙ НАЧАЛА XX ВЕКА

УДК 617.7 «1917»

*А.Е. Апрелев, А.Д. Чупров, А.А. Горбунов, И.В. Астафьев, А.Е. Воронина,
А.М. Исеркепова, Р.В. Коршунова, Е.С. Козлова*

г. Оренбург

РОССИЙСКАЯ ОФТАЛЬМОЛОГИЯ ДО И ПОСЛЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

В статье рассматривается становление Российской офтальмологии в до-революционной России и после Великой Октябрьской социалистической революции, в том числе во время Второй Мировой Войны и в настоящее время.

Ключевые слова: *офтальмология, развитие офтальмологии, дореволюционная офтальмология, Русская революция 1917 года.*

*A.E. Aprelev, A.D. Chuprov, A.A. Gorbunov, I.V. Astafyev, A.E. Voronina,
A.M. Iserkepova, R.V. Korshunova, E.S. Kozlova*

Orenburg

RUSSIAN OPHTHALMOLOGY BEFORE AND AFTER THE GREAT OCTOBER SOCIALIST REVOLUTION

The article deals with the formation of Russian ophthalmology in pre-revolutionary Russia and after the Great October Socialist Revolution, including during the Second World War and at the present time.

Key words: *ophthalmology, development of ophthalmology, pre-revolutionary ophthalmology, The Russian Revolution of 1917.*

Офтальмология – как самостоятельная отрасль медицинской науки определилась в середине XVII столетия, до этого момента пациентов с заболеваниями глаз лечили врачи-хирурги. В России в конце XVI столетия был создан Аптекарский

приказ, появилась так называемая придворная медицина и появились первые упоминания о глазных врачах. Так первым русским офтальмологом считается Федор Дорофеев. В то время при клиническом институте Московского университета была создана «особая больница для лечения страждущих глазами», которую возглавил Давид Брун, считающийся первым иностранным офтальмологом в России. В становлении глазной науки того времени особое положение занимал Н. И. Пирогов, читавший лекции по офтальмологии в Медико-хирургической академии. Он так же проводил операции на глазах по поводу катаракты (способом реклинации), косоглазия, поражениях носослезного канала, по удалению глазного яблока в госпитальной хирургической клинике, где имелось офтальмологическое отделение. В XVIII веке появились переводы офтальмологических научных трудов на русский язык.

Развитию глазной науки в России в огромной мере помогала и организация самостоятельных кафедр офтальмологии в высших медицинских учебных заведениях. В 1818 г. была создана первая такая кафедра в России, в Медико-хирургической академии Санкт-Петербурга (ныне Военно-медицинская академия). Ее возглавил воспитанник венской школы, ученик И. Беера Иосиф (Осип) Груби. При его непосредственном участии был создан первый в стране набор пробных очковых линз. Следом за петербургской были открыты кафедры глазных болезней на медицинских факультетах Московского, Харьковского, Казанского, Киевского и других университетов. Лекции по офтальмологии читали хирурги и физиологи.

Важнейшим толчком для создания в России первой самостоятельной кафедры офтальмологии именно в Медико-хирургической академии стало массовое распространение в войсках после окончания Отечественной войны 1812 г. трахомы и конъюнктивитов. В конце XIX – начале XX в. профессор Медико-хирургической академии Л.Г. Беллярминов выступил с инициативой создания «летучих глазных отрядов» для борьбы со слепотой от трахомы. Его поддержали и многочисленные ученики (Д.Н. Данилов в Средней Азии, С.В. Очаповский на Кавказе и др.). Работая в рамках программы Общества попечительства о слепых, созданного в 1881 г. под покровительством императрицы Марии Александровны (матери Николая II), врачи

из этих отрядов оказывали больным непосредственную помощь и обучали медицинских работников в очагах заболевания. При их непосредственном содействии открывались глазные стационары на местах. За более чем 20 лет своей деятельности врачи 527 «летучих отрядов» осмотрели более 1 млн больных и провели более 300 тыс. операций на глазах по поводу трахомы и др. заболеваний. Было создано Общество попечительства о слепых, первым председателем которого был К.К. Грот – выпускник Царскосельского лицея. Его бюст и поныне стоит в петербургской школе для слабовидящих детей. У подножья памятника скульптор изобразил слепую девочку, которая читает книгу пальцами рук по азбуке Брайля.

В конце позапрошлого столетия многие российские офтальмологи внесли достойный вклад в борьбу со слепотой в России. Энтузиасты борьбы со слепотой появились во многих городах России: в Саратове – Н.И. Максимович, в Воронеже – И.А. Гончаров, А.И. Масленников, А.И. Покровский, Г.И. Замуравкин, в Екатеринбурге – А.А. Мисланский, в Самаре – Л.А. Клыков, П.И. Батраченко, в Уфе – В.И. Спасский.

Огромный вклад в развитие дореволюционной офтальмологии внесли А.Н. Маклаков и А.А. Крюкова. А.Н. Маклакову принадлежит заслуга в разработке тонометра для измерения внутриглазного давления, который и в наше время является наиболее точным инструментом в измерении давления внутри глаза. Так же он первым привлёк внимание к важности изучения профессиональных вредностей как причин развития заболеваний глаз. А.А. Крюков много лет был редактором журнала «Вестник офтальмологии», он является автором ряда оригинальных работ по разработке шрифтов и таблиц для исследования цветоощущения и остроты зрения.

В дореволюционной России, в начале XX в., насчитывались сотни тысяч слепых. Причинами полной слепоты была трахома (более 1 млн больных), оспа, гонобленнорея, сифилис и другие заболевания. При всем этом число офтальмологов и количество специализированных коек было ничтожно малым для такого количества больных: в 1913 г. по всей России было только 209 специалистов-офтальмологов. К 1917 г. в России было насчитывалось 300 глазных врачей и всего 2000 глазных коек.

После Русской революции 1917 года наряду с колоссальными изменениями экономики страны произошел большой рост общей и санитарной культуры населения, при этом усовершенствовалась медицинская помощь населению, в частности специализированная.

С 1920 г. Наркомздравом РСФСР (а затем СССР) была организована плановая работа по борьбе со слепотой вследствие трахомы в стране. Были созданы шесть самостоятельных научно-исследовательских институтов глазных болезней и целая сеть государственных трахоматозных диспансеров. В медицинских институтах страны в обязательном порядке стали организовываться кафедры офтальмологии. Их число вместе с различными глазными лабораториями приблизилось к сотне. Профилактическое направление советской медицины, плановые мероприятия по активному выявлению и лечению больных привели к резкому уменьшению или уничтожению многих заболеваний, особенно инфекционных, в том числе и глазных. Так, в СССР больше не встречается слепота на почве дифтерии, кори, оспы, гонобленнореи, ликвидирована заболеваемость трахомой.

Усилиями огромной армии советских окулистов и организаторов здравоохранения под научно-методическим руководством директора Московского научно-исследовательского института глазных болезней им. Гельмгольца А.В. Рославцева и группы сотрудников – З.Т. Дюдиной, Т.И. Воиновой, Н.Д. Зацепиной, а также Н.С. Зайцевой и А.А. Шаткина, работавших под руководством академика М.П. Чумакова, трахома как массовое заболевание была уничтожена в нашей стране уже в 50-е годы. Большую работу по борьбе с наследием царского режима – трахомой – проделал В. В. Чирковский, создатель первого в мире Трахоматозного института в Казани. Потеря зрения от трахомы, стоявшая на первом месте среди причин слепоты в царской России, в настоящее время встречается почти исключительно у пожилых людей, которые заболели трахомой в детстве и не получали своевременное и адекватное лечение.

Огромный вклад в область практической и теоретической офтальмологии внес В.П. Филатов. Разработанная им операция пересадки роговицы послужила возвращению зрения тысячам слепых. Тканевая терапия, которая была предложена

В.П. Филатовым в 1933 году, вскоре приобрела значение мощнейшего лечебного фактора. В.П. Филатов разработал новые оперативные методы. К ним относится круглый стебель, являющийся огромным достижением хирургии. Особенно ценным этот метод оказался в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., когда он широко использовался для устранения обширных дефектов не только в области глаза, но и в других участках тела. Работы акад. В. П. Филатова имеют мировое значение и составляют гордость нашей науки.

В годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. наиболее актуальна была проблема глазного травматизма. В конце 1941 г. были организованы офтальмологические отделения и госпитали. Уже в середине 1942 г. работали 5 специализированных офтальмологических госпиталей по 250-400 коек каждый и 42 отделения при общехирургических госпиталях (от 50 до 300 коек). Советские офтальмологи так же занимались вопросами коррекции зрения в военных условиях, в частности коррекции зрения в противогазе.

В союзных и автономных республиках СССР создавались национальные офтальмологические школы. В стране была создана сеть противотуберкулезных офтальмологических учреждений и санаториев, образована нейроофтальмологическая служба. Шла подготовка детских офтальмологов, развивалась и совершенствовалась ультразвуковая диагностика и офтальмоиммунология. Как самостоятельные разделы науки выделяются офтальмотрансплантология, офтальморентгенология, охрана зрения детей, офтальмогеронтология, офтальмоонкология, лазерная офтальмология. Ученые-офтальмологи продолжают начатые еще в XIX в. А.В. Ивановым фундаментальные исследования в области офтальмоморфологии и офтальмофизиологии, в том числе физиологической оптики. Широкое распространение получает контактная коррекция зрения. Завоевывают популярность рефракционные операции.

Т.И. Ерошевский, уделявший много внимания изучению проблем кератопластики и консервирования роговой оболочки, стал одним из великих офтальмологов того времени. Под его руководством были изобретены системы для длительного хранения роговицы, в которых в качестве криопротекторов использовались

глицерин и гамма-глобулин. Т.И. Ерошевский был первым глазным врачом в СССР, успешно проводившим хирургическое лечение врожденной глаукомы у детей с помощью гониопунктуры.

Один из учеников Т.И. Ерошевского академик РАМН и РАЕН, член-корреспондент РАН, профессор, Герой Социалистического Труда С.Н. Федоров занимает особое место в истории не только советской, но и мировой офтальмологии. В 1968 г. на базе курса глазных болезней он организовал кафедру глазных болезней в Московском медицинском стоматологическом институте (в настоящее время - Московский государственный медико-стоматологический университет). С.Н. Федоров основоположник рефракционной и лазерной хирургии в офтальмологии. С.Н. Федоров ввел в практику здравоохранения новые организационные формы работы: бригадный метод, оплату по труду вместо единой для всех «тарифной ставки», арендный подряд, передвижные диагностические и хирургические клиники (корабль, автобус, филиалы за рубежом). Он способствовал широкому распространению в нашей стране и за рубежом операций по имплантации искусственного хрусталика после удаления катаракты. Так же он усовершенствовал эту операцию и предал ей массовый масштаб. Фундаментальные труды С.Н. Федорова по проблемам кератопротезирования, витреоретинальной хирургии, глаукомы, атрофий зрительного нерва стали классикой мировой офтальмологии. В конце 1985 г. в СССР для быстрого и эффективного внедрения передовых технологий были организованы межотраслевые научно-технические комплексы в разных областях науки и отраслях промышленности. С.Н. Федоров возглавил Межотраслевой научно-технический комплекс (МНТК) «Микрохирургия глаза», носящий в настоящее время его имя. Организовал в 11 городах России хорошо оснащенные современным оборудованием филиалы, ставшие центрами микрохирургии в регионах и показавшие свою жизнеспособность в самые трудные кризисные периоды жизни страны.

Еще одним выдающимся учеником Т.И. Ерошевского был академик РАМН А.П. Нестеров. С именем А.П. Нестерова связаны успехи советской офтальмологии в изучении глаукомы. Ему принадлежат особые заслуги в разработке теории и практики гидростатики и гидродинамики глаза, открытии некоторых особенностей

функционирования дренажной системы глаза. А.П. Нестеров создал ряд оригинальных методов диагностики и лечения глаукомы. В 1975 г. А. П. Нестеровым совместно с А. Я. Буниным была разработана классификация глаукомы. Его ученики возглавили кафедры офтальмологии в Казани, Перми, Москве, Омске, Орле, Благовещенске, Душанбе.

Развитие научных исследований и создание новых хирургических технологий продолжают: усовершенствуется методика ультразвуковой факэмульсификации, разработана отечественная технология лазерного удаления катаракты – первая в мире «чисто» энергетическая хирургия твердых катаракт без мануальной фрагментации ядра, с введением в полость глаза эластичных хрусталиков через небольшие разрезы, благодаря чему не требуется герметизации их швами. Ранняя, «донозологическая», диагностика глаукомы становится реальностью благодаря внедрению современных технологий исследования глазного дна при сканирующей лазерной офтальмоскопии и ретинотомографии, возможностям оценки тончайших зрительных нарушений (при компьютерной периметрии) и, наконец, применению адекватных глаукоме нагрузочных проб (по типу вакуумпериметрической). Приоткрывается завеса над механизмом развития глаукомы без явных признаков основного симптома заболевания – глазной гипертензии.

Ученые проводят исследования с целью изучения проблемы аутоканевых конфликтов, которые возникают внутри глаза при некоторых врожденных и приобретенных нарушениях мембранных барьерных функций, например в виде избыточной витреоретинальной пролиферации, ведущей к отслойке сетчатки, или патологического роста сосудов в ответ на ишемию сетчатки при диабете, у недоношенных детей, а также по другим причинам. Зарождаются казавшиеся ранее фантастическими проекты пересадки сетчатки, вживления электродов в затылочные доли коры головного мозга с целью создания особого электронного зрения больным, безнадежно слепым по существующим представлениям. С разработкой необходимых мер охраны труда и техники безопасности уменьшилась опасность повреждений глаз на предприятиях.

Таким образом, зародившись задолго до Русской революции 1917 года,

наибольшее своё развитие офтальмология получила уже после неё, ввиду всеобщего развития науки в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ерошевский, Т.И. Глазные болезни [Текст] / Т.И. Ерошевский, А.П. Нестеров, В.М. Малов. – М.: Лидер-М, 2008. – 316 с.
2. Золотарёва, М.М. Глазные болезни [Текст] / М.М. Золотарёва. – М.: ОАО "Издательство "Медицина", 1973. – 200 с.
3. Копаева, В.Г. Глазные болезни [Текст] / В.Г. Копаева. – М.: ОАО "Издательство "Медицина", 2008. - 560 с.: ил.
4. Плетнёва, Н.А. Глазные болезни [Текст] / Н.А. Плетнёва. – М.: Государственное издательство медицинской литературы Медгиз., 1956. – 380с.
5. Поляк, Б.Л. Повреждения органа зрения [Текст] / Поляк Б.Л. – М., ОАО "Издательство "Медицина", 1972. – 422 с.

УДК 616.932-036.22(091)(470.56)(1-21)

Е.Л. Борщук, Н.Н. Верещагин, Т.Н. Калинина, А.Ш. Дуйсенбаева

г. Оренбург

ЭПИДЕМИЯ ХОЛЕРЫ В Г.ОРЕНБУРГЕ В 1903 ГОДУ.

ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ

В статье рассматривается динамика развития эпидемии холеры в г.Оренбурге в 1903 году. Описывается организация и технология проведения противоэпидемических мероприятий

Ключевые слова: история Оренбурга, эпидемия, холера, противоэпидемические мероприятия.

E. L. Borshchuk, N. N. Vereshchagin, T. N. Kalinina, A. Sh. Duysenbaeva

Orenburg

THE CHOLERA EPIDEMIC IN THE CITY OF ORENBURG IN 1903.

CHRONOLOGY OF EVENTS

The article deals with the dynamics of the cholera epidemic in Orenburg in 1903. The organization and technology of anti-epidemic measures are described.

Key words. History of Orenburg, epidemic, cholera, anti-epidemic measures.

Одним из важных разделов в деятельности по охране и укреплению здоровья людей является предупреждение возникновения и распространения инфекционных заболеваний. В России накоплен огромный опыт по борьбе с инфекциями. В настоящее время, конечно, эпидемическая ситуация иная, чем в прошлом. Но изучение опыта далекого прошлого, несомненно помогает сегодня учитывать его, и вооружаясь знаниями прошлого, не допускать возникновения эпидемий.

В анализе эпидемии холеры начала прошлого века в Оренбурге возможно увидеть инструменты управления эпидситуацией того времени. Уроками того времени мы пользуемся и сегодня.

Первый случай заболевания азиатской холерой, подтвержденный бактериологическим исследованием в г. Оренбурге зарегистрирован 11 июля 1903 г.

Рано утром была доставлена в городскую больницу оренбургская мещанка Нагорнова, 52 года, проживающая по улице Телеграфной, в доме Живоглотова. Нагорнова местная жительница, никуда из города не выезжала, по профессии торговка булками. Накануне целый день была на базаре – торговала в течение дня, несколько раз был понос, вечером понос усилился, появилась рвота и судороги. По мнению заболевшей болезнь приключилась от того, что она 10 июля, т.е. накануне, съела испортившийся (прокислый) свежий огурец. 12 июля Нагорнова умерла.

Второй случай азиатской холеры, подтвержденный также бактериологически, был у пастуха Гирина, 60 лет, окончившийся смертью.

Третий – Просланцев, 51 год, торговец сеном из поселка Форштад. В день заболевания на базаре ел пельмени и выпил 3 стакана квасу. Прямо с базара доставлен в больницу, где и умер.

С 11 по 15 июля доставлено в больницы еще несколько человек, им был поставлен диагноз холеры, а затем заболевания в городе стали быстро увеличиваться, и приняли эпидемический характер. Эпидемия в г. Оренбурге продолжалась около 3 месяцев (июль-сентябрь). От начала эпидемии всего заболело 767 человек, выздоровело – 284 и умерло 483 (63%).

Распределение заболеваний холерой по частям города:

Название полицейских частей	Заболело	Выздоровело	Умерло	% смертности
Первая часть (состоятельный класс населения)	112	46	66	58,9
Вторая часть (состоятельный класс населения)	152	62	90	59,2
Третья часть (окраина города)	211	78	143	67,7
Четвертая часть (окраина города)	206	65	141	68,4

Кроме указанных в таблице заболеваний холерой по частям города отдельно отмечены сведения о холерных больных в местном военном лагере – 46 человек, приезжих – 23 и неизвестных – 17, а всего 86 человек, из которых умерло – 32 человека или 40%.

Наименьшее число заболеваний относится к первой полицейской части в центральной части города, занимающей самую возвышенную часть заселенной городской площади. В этой части города сосредоточено много учебных заведений, обыкновенно пустующих летом, магазинов и домов, принадлежащих состоятельному классу населения, владельцы которых на лето также покидают Оренбург. По мере заселения от центра города к окраинам как число заболевших, так и смертность сильно возрастает и на окраинах города (в третьих и четвертых полицейских частях) достигает своего максимума.

Бактериологическое исследование воды реки Урала на вибрионы производилось многократно: 20 и 30 июля, 3,8,15,24 августа и 20 сентября и только исследование 24 августа дало положительный результат. Сильное повышение холерных заболеваний в первые дни говорит за контактный характер эпидемии. В дальнейшем в развитие эпидемии связано с употреблением населения загрязненной воды

из руки Урал, в котором 24 августа были обнаружены холерные вибрионы.

Заявление санитарного врача на заседании Городской Санитарно-Исполнительной комиссии 22 июня 1903 г. о крайнем загрязнении реки Урал, в черте города, колодцев и недостатка воды на окраинах города подтверждает вышесказанное предположение о возможности эпидемии кишечных инфекционных заболеваний в городе.

В распространении холеры, без сомнений оказали большое влияние мухи, обыкновенно наблюдаемые в Оренбурге в летние месяцы, особенно на окраинах города, вблизи которых, а нередко и во дворах этой местности производится выделка кизяка. Контингент больных холерой, по преимуществу, ограничивался рабочим классом населения, которым в большей части случаев не соблюдались обычные правила личного предохранения от заболевания: для питья употреблялась нередко сырая уральская вода, устраивались обеды в помещениях, где были холерные больные, скрывали белье умерших, избегали лечения в больницах, или обращались в больницу слишком поздно, когда применение лечебных средств уже не могло оказывать своего действия. Из-за отсутствия отхожих мест при многих домах на окраинах города, выделения холерных больных небрежно выбрасывались во двор и оставались не дезинфицированными, могли также при известных условиях служить источником для новых заболеваний.

В разгар эпидемии, на одном из заседаний Губернской Санитарно-Исполнительной комиссии 31 июля врачебной инспекцией было обращено внимание на дефекты в борьбе с эпидемией, а именно о скорейшем устройстве дезинфекционной камеры при городской больнице, о необходимости увеличения числа дезинфекционных отрядов, о нежелательности доставления в часовни при городских больницах трупов умерших от холеры в частных домах, о более широкой организации помощи заболевшим холерой на домах и так далее.

Все приведенные дефекты были установлены в конце июля спустя 20 дней от первого заболевания, т.е. уже в разгар эпидемии при наличии в городе уже 130 больных холерой, когда не хватало штатных кроватей в городской больнице амбулаторий, врачебного персонала, санитарных врачей, не было систематического

надзора за торговопромышленными заведениями, пищевыми продуктами на рынках и мелочных лавках, не было аналитической станции для исследования пищевых продуктов, не было устроенных непроницаемых выгребных ям, не было подъездных путей к свалкам нечистот.

Дезинфекционные отряды не успевали оканчивать свою работу в течение дня. Источники водоснабжения не были ограждены от загрязнения, река Урал продолжала загрязняться всевозможными нечистотами на всем протяжении города. Распространению холерной заразы происходило путем контакта заболевших людей, т.к. большинство лечились и умирали на дому, масса мух, усиленная заболеваемость среди населения окраин. Указанные обстоятельства в связи с недостатками санитарного благоустройства города Оренбурга и являлось существенными причинами малоуспешных мероприятий в минувшую эпидемию.

Поэтому 31 июля 1903 г Губернской Санитарно-исполнительной комиссией было принято решение об устранении дефектов, способствующих развитию холерной эпидемии в г. Оренбурге, принято решение по оздоровлению г. Оренбурга, которое можно достигнуть осуществлением следующих санитарных мероприятий:

1. Улучшением водоснабжения города путем переноса водозаборного ковша водозабора в другое место, выше г. Оренбурга, устройство отстойников, фильтра.
2. Правильной организацией удаления нечистот путем канализации или вывоза.
3. Постепенное увеличение числа штатных кроватей в городской больнице до 4 на 1000 населения (население оставляло около 100000 человек).
4. Устройство при больнице дезинфекционной камеры.
5. Увеличение числа городских амбулаторий и врачебного персонала.
6. Увеличение штата санитарных врачей.
7. Организация систематического надзора за торговопромышленными заведениями, пищевыми продуктами на рынках и в мелочных лавках.
8. Оборудование аналитической станции для исследования пищевых продуктов.

9. Воспрещение выделки кизяка во дворах.
10. Издание обязательного постановления об устройстве непроницаемых выгребных ям.
11. Улучшение подъездных путей к свалкам нечистот.
12. Увеличить число дезинфекционных отрядов с пополнением штата служащих опытными дезинфекторами и санитарями.
13. Железнодорожной больнице иметь особые помещения для заразных больных.
14. Из-за невозможности в городе Оренбурге в весеннее время пользоваться водопроводной водой, а также по отсутствию других источников водоснабжения кроме колодцев, которые не отличаются доброкачественной водой, можно рекомендовать введенный в употребление во Франции оросительный фильтр Микеля, который после недельного созревания дает совершенно стерильную воду. Было бы желательно применение фильтра Микеля хотя бы в небольших размерах в ближайшем будущем и в городе Оренбурге.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доклад оренбургского врачебного инспектора Л.П. Фон-Шлихтена 17.12.1910 г. Журнал Оренбургской Губернской Санитарно-исполнительной комиссии.
2. Из истории санитарно-эпидемиологической службы в г. Оренбурге. (К 50 летию санитарно-эпидемиологической службы в г.Оренбурге) / Борщук Е.Л., Кудрин В.И., Быстрых В.В и др. – Оренбург, 1998. – 57с.
3. Дезинфекционная служба: вчера и сегодня. – Оренбург: Печатный дом «Димур», 2011. – 136 с.

УДК 616.89

В.Г. Будза, Е.Б. Чалая, В.Ф. Друзь, Е.Ю. Антохин

г. Оренбург

СТАНОВЛЕНИЕ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ И СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматриваются этапы становления и развития психиатрической службы в Оренбурге и области с открытия психиатрического отделения в

губернской больнице, вклад выдающихся врачей и ученых в развитие психиатрической службы Оренбуржья. История «вузовского» преподавания в Оренбурге с 1942г., когда в Оренбург был эвакуирован Харьковский медицинский институт. В 1944 г. был образован Оренбургский медицинский институт. Показана роль ученых в развитии образовательного процесса кафедры психиатрии.

***Ключевые слова:** психиатрическая служба, история кафедры психиатрии, выдающиеся личности Оренбургской психиатрии.*

V. G. Budza, E. B. Chalaya, V. F. Druz, E. Yu. Antokhin

Orenburg

THE ESTABLISHMENT OF PSYCHIATRIC SERVICES AND THE SYSTEM OF EDUCATION IN ORENBURG REGION

The article considers stages of formation and development of psychiatric services in the Orenburg region with the opening of the psychiatric Department in the provincial hospital, the contribution of prominent physicians and scientists in the development of the psychiatric service of the Orenburg region. The history of "University" teaching in Orenburg in 1942, when Orenburg was evacuated Kharkov medical Institute. In 1944 was established the Orenburg medical Institute. The role of scientists in the development of the educational process of the Department of psychiatry.

***Key words:** psychiatric services, history of the Department of psychiatry, the outstanding personality of the Orenburg psychiatry.*

17 ноября 1872 г. в Оренбурге была открыта Губернская больница с психиатрическим отделением. Первым старшим врачом стал М.М. Кинигсберг – талантливый клиницист, организатор и ученый. В 1882 г. в здании бывшей губернской типографии было развернуто отделение на 15 коек для душевнобольных мужчин, где вместе с М.М. Кенингсбергом работал младший врач К.Н. Архангельский. Условия содержания больных в нем были очень тяжелые. В 1902 г. для психиатрического отделения был построен новый двухэтажный корпус и первым заведующим стал И.Т. Касьянов. После его смерти психиатрическое отделение возглавил Ю.В.

Португалов, который организовал психологическое и психопатологическое общество, вел переписку с И.П. Павловым.

В 1910 – 1919 гг. заведующим психиатрическим отделением был А.И. Мискинов: ученик проф. В.П. Сербского, участник революционного движения в Оренбурге, в дальнейшем – Народный Комиссар здравоохранения РСФСР.

Много сделал для развития психиатрической службы области В.П. Зайцев, первый заслуженный врач РСФСР в Оренбурге, который организовал патоморфологическую лабораторию и психоневрологическую школу. В 1940 г. Психиатрическое отделение было преобразовано в самостоятельную больницу, возглавил ее Н.П. Правдухин. Коллектив больницы самоотверженно трудился в годы Великой Отечественной войны, многие сотрудники сражались на фронтах. В послевоенные годы из-за переполнения в больнице сложилась крайне тяжелая обстановка. А.С. Астахова организовала новый стационар на месте бывшей загородной колонии, которым заведовала на протяжении 10 лет. За время ее деятельности значительно улучшились результаты лечения с введением в практику психофармакологических средств. С 1962 г. по 1998 г. – главным врачом Областной клинической психиатрической больницы №2 и внештатным главным психиатром Оренбургской области являлся кандидат медицинских наук А.Б. Чёмный. При его активном участии возведены новые корпуса клиники: детское отделение на 60 коек, отделение невротиков на 60 коек и лечебно-трудовые мастерские, построена типовая психиатрическая больница в г. Орске на 500 коек, реформировано загородное отделение ОКПБ в самостоятельную областную психиатрическую больницу № 2.

«Вузовское» преподавание медицины в г. Оренбурге началось с 1942 г., когда в глубоко тыловой город был эвакуирован Харьковский медицинский институт. Кафедру психиатрии в то время возглавлял виднейший отечественный психиатр, один из основоположников физиологического направления в советской психиатрии В.П. Протопопов, который серьезно занимался лечебной работой, консультировал больных эвакогоспиталей, обобщал опыт лечения и патофизиологического анализа травматических нервно-психических расстройств. Коллектив кафедры разрабатывал вопрос о психических нарушениях при важной для того времени форме

краевой патологии – агранулоцитозе, возникающей вследствие употребления в пищу перезимовавших злаков.

Со времени образования Оренбургского мединститута (1944) около трёх лет лекции по психиатрии читались профессором А. А. Любушиным.

В 1947 году место заведующего кафедрой психиатрии, занял Д. Н. Арутюнов, который в тяжёлое послевоенное время сумел организовать на кафедре биохимические исследования (в частности, по обмену веществ при шизофрении), велись работы по клинике последствий травм головного мозга.

После скоропостижной смерти Д.Н. Арутюнова в марте 1952 года кафедру возглавил известный советский психиатр, ученик В.М. Бехтерева, В. И. Буторин. Научные интересы В.И. Буторина были сосредоточены вокруг патогенеза и нейродинамики эндогенных психозов. Под его руководством сотрудниками кафедры и больницы велись клинические и клинико-патофизиологические исследования психических расстройств при гипертонической болезни. С 1959 г. по 1983 г. кафедру психиатрии возглавлял виднейший советский психиатр, учёный с мировым именем Ю. Е. Рахальский. Его 25-летнее заведование кафедрой сыграло основную роль в её становлении как учебного подразделения с новейшими технологиями преподавания, обучения, воспитания студентов, врачей-психиатров Оренбуржья, преподавателей института.

Коллективом кафедры проводилась активная лечебная работа, совместно с администрацией больницы ежемесячно проводились клинические конференции и заседания областного филиала Российского общества невропатологов и психиатров. Разрабатывались и широко внедрялись современные методы диагностики и лечения (электросудорожная терапия, фармакотерапия, патопсихологическая диагностика). Ассистенты кафедры в диагностическом и лечебном плане курировали психиатрическую службу различных районов области, а после организации в области дополнительных 2-х областных психиатрических больниц – и эти больницы. Оказывалась консультативная помощь различным лечебно-профилактическим учреждениям города. Осуществлялась подготовка и совершенствование врачебных кадров, которая заключалась в проведении первичной специализации по психиатрии и

психотерапии врачей, а с открытием института последипломной подготовки – врачей-интернов, обучение врачей в очной и заочно-очной ординатуре. Значительную роль в усовершенствовании профессиональных знаний врачей играли клинические семинары по актуальным вопросам психиатрии и наркологии проводимые в 1-ой и 2-ой областных психиатрических больницах.

Научная работа кафедрального коллектива и врачей областных психиатрических больниц была посвящена, главным образом, вопросам клиники, диагностики, терапии геронтопсихиатрических заболеваний. Впервые в отечественной психиатрии изучалось всё многообразие психических нарушений у больных с атеросклеротическим поражением сосудов головного мозга (как ранних, так и при более выраженном процессе). Выделены и систематизированы формы атеросклероза, протекающие с симптоматикой сходной с психопатологией других органических поражений мозга в позднем возрасте (докторская диссертация Ю.Е. Рахальского, 1964 г.). Разрабатывались вопросы дифференциальной диагностики синдромов при различной органической патологии у пожилых больных, особенности клиники, течения неорганических заболеваний у больных позднего возраста. В 1964 г. вышел первый сборник трудов Оренбургских психиатров, составленный вместе с невропатологами: «Атеросклероз и расстройства кровообращения в головном мозгу»; в 1970 г. издан самостоятельный тематический сборник статей врачей двух психиатрических больниц и кафедры «Психопатология позднего возраста. Шизофрения». Впоследствии (1972 г.) изданы ещё 2 сборника работ, посвящённых вопросам клиники и терапии психических заболеваний позднего возраста. Под руководством Ю.Е. Рахальского выполнено 8 кандидатских и две докторских диссертации.

В 1983 году в результате тяжёлой болезни профессор Ю.Е. Рахальский оставляет преподавательскую деятельность и кафедру возглавил его ученик – доцент В.С. Григорьевских. Достойный продолжатель учебно-методического опыта Ю.Е. Рахальского, являясь хорошим педагогом и авторитетным клиницистом, В.С. Григорьевских широко разворачивает психотерапевтическую работу в больнице. Под его руководством защищено 2 кандидатских диссертации посвящённых вопросам

диагностики и лечения некоторых разновидностей возрастных пограничных состояний, разрабатывались проблемы терапевтического воздействия гипобарической оксигенации на невротические расстройства.

После переезда В.С. Григорьевских в г. Челябинск, где он возглавил кафедру психиатрии мединститута, заведующим кафедрой психиатрии с 1988 г становится доцент В.Г. Будза. В 1990 г. он защищает докторскую диссертацию и получает звание профессора. Основываясь на принципиальных подходах к учебно-преподавательской деятельности, введенных профессором Ю.Е. Рахальским, в связи с новыми требованиями, в значительной степени изменены рабочие программы: уделено большее внимание симптоматическим психозам, наркоманиям, олигофрениям, психическим болезням позднего возраста; проводятся семинары по психофармакологии, психотерапии, деонтологии, реабилитации психически больных и организации психиатрической помощи согласно положениям принятого в 1992 г. закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании». В связи с социально-экономическими преобразованиями в России проведена серьезная коррекция преподавания психиатрии. Изданы новые методические указания к практическим занятиям по психиатрии для трёх врачебных факультетов и вновь созданного факультета высшего сестринского образования, разработаны методические указания к практическим занятиям по медицинской психологии для студентов лечебного, педиатрического, медико-профилактического факультетов, опубликованы в электронном варианте методические рекомендации к лекционному курсу по медицинской психологии. Значительное внимание было уделено совершенствованию итогового контроля подготовки по предмету студентов (после прохождения цикла занятий) интернов и ординаторов кафедры с помощью тестовых заданий, банк которых возрос до 500 тестов.

В лечебной работе значительно возрос масштаб консультативной помощи, осуществляемой всеми сотрудниками кафедры, имеющими учёную степень. В настоящее время базовым учреждением кафедры является областная клиническая психиатрическая больница № 1. Все отделения больницы (в том числе и диспан-

серное) курируются сотрудниками кафедры с ведением больных и оказанием консультативной помощи в диагностических сложных случаях. Кафедра регулярно принимает участие в обсуждении актуальных вопросов развития здравоохранения области на больничных советах, коллегиях ГУЗО, научных обществах. В последнее 10-летие основными направлениями работы кафедры совместно с органами практического здравоохранения являлись: организация квалифицированной геронтопсихиатрической помощи (организована работа четырёх специализированных геронтопсихиатрических кабинетов в психоневрологическом диспансере - соответственно 4-м основным районам города); усовершенствование методов лечения психически больных с помощью применения современных (атипичных) антипсихотиков и антидепрессантов нового поколения; рациональное использование международной классификации психических болезней (МКБ –10); разработка диагностических критериев и ведение больных с психотическими расстройствами при органических деменциях позднего возраста. Доминирующей тенденцией в работе кафедры совместно с администрацией больницы являлась организация бригадной помощи психически больным: психиатром, психотерапевтом, психологом и социальным работником.

Подготовка врачебных кадров для города и области осуществляется через интернатуру и ординатуру. Ежегодно кафедрой совместно с квалифицированными врачами (с аттестационной высшей категорией) клиники выпускалось от 8 до 12 врачей-интернов с сертификационным удостоверением по специальности «врач-психиатр», а также после окончания клинической ординатуры – 2-3 врача-психиатра. Значительную роль в повышении профессиональных знаний практических врачей (кроме консультаций) играют регулярно проводимые (ежемесячно) клинические конференции с подробным литературным разбором тех или иных вопросов клинической диагностики, а также, проводимые один раз в 2 месяца заседания общества психиатров города, председателем которого является заведующий кафедрой психиатрии профессор В.Г. Будза. Заседания общества посвящаются наиболее актуальным проблемам клиники, диагностики и лечения психически больных как

разработанные другими научными учреждениями, так и собственно кафедрой психиатрии ОГМУ. Особый акцент в последнее десятилетие сделан на внедрении методов, направленных на профилактику, диагностику и лечение больных позднего возраста с пограничными психическими расстройствами, а также с органическими деменциями. Ежегодно с органами здравоохранения и администрацией больницы проводятся выездные циклы усовершенствования врачей и семинары с участием ведущих специалистов России и зарубежья по судебной, детской психиатрии, психотерапии и медицинской психологии.

Под руководством В.Г. Будзы защищены 8 кандидатских диссертаций, в настоящее время выполняется 2 кандидатских и 2 докторские диссертации. Сотрудники кафедры участвовали в издании 3-х коллективных монографий. Общекафедральные научные работы неоднократно включались в федеральные межотраслевые научные программы. Таким образом, кафедра психиатрии, медицинской психологии имеет хороший учебный, лечебный и научный потенциал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будза В.Г. Взаимодействие вуза, работодателей и профессиональных объединений в обеспечении непрерывного (континуального) профессионального образовательного процесса. Медицинское образование в Оренбургской области / В. Г. Будза, В.Ф. Друзь, Е.Б. Чалая, Е.Ю. Антохин, Е.О. Воронина// Материалы итоговой учебно-методической конференции Медицинское образование в Оренбургской области. Оренбург: Изд-во ОрГМА, 2013. С 5-6.
2. Будза В.Г. Оренбургская психиатрия на рубеже веков / В.Г. Будза, Е.Ю. Антохин, П.О.Бомов // Хрестоматия. Т. 1: Геронтопсихиатрия. Оренбург: Изд-во ОрГМА, 2014. 328 с.
3. Будза В.Г. История кафедры психиатрии – к 70-летию ВУЗА (1944 – 2014) / В.Г. Будза, В.Ф. Друзь, Е.Ю. Антохин, П.О.Бомов, Е.Б.Чалая, Я.С.Козлов // Журн. Оренбургский медицинский вестник. 2014. Т. 2. № 4. С. 48-52.
4. Будза В.Г. От члена студенческого кружка – к главному врачу (дорожная карта формирования квалифицированного специалиста) / В.Г. Будза, В.Ф. Друзь, Е.Ю. Антохин, Е.Б. Чалая, Я.С. Козлов// Материалы учебно-методической конференции Медицинское образование в Оренбургской области. Оренбург: Изд-во ОрГМУ. 2015. С.46-47.

5. Будза В.Г. Участие кафедры психиатрии, медицинской психологии в развитии непрерывного медицинского образования / В.Г. Будза, В.Ф. Друзь, Е.Б. Чалая, Я.С.Козлов, Е.А. Харина, И.Е. Теперик, А.В. Якушина, Н.В. Лариончева // Медицинское образование в Оренбургской области. Материалы итоговой учебно-методической конференции. Оренбург: Изд-во ОрГМУ, 2016. С.135-137.

УДК 433

А.В. Васильева, О.А. Горина, М.И. Самойлов

г. Оренбург

**ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ И ПРЕОБРАЗОВАНИЕ СИСТЕМЫ
ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ПЕРИОД 1917-1921 ГГ.
НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ПЕТРОГРАДА**

В данной статье рассматриваются события октябрьской революции, приведшие к смене политического строя и разрегулированию хозяйственной деятельности, что способствовало росту и распространению различных заболеваний. Прослеживается преобразование системы здравоохранения для обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия и эффективной работы по улучшения санитарного состояния города.

Ключевые слова: революция, эпидемии, рост заболеваемости, принятые меры, профилактика, санитарное состояние города.

A.V. Vasilyeva, O.A. Gorina, M.I. Samoilov,

Orenburg

**THE INCIDENCE AND THE TRANSFORMATION OF THE HEALTH
SYSTEM IN THE PERIOD OF 1917-1921
ON THE EXAMPLE OF PETROGRAD**

This article discusses the events of the October revolution that led to the change of the political system and misalignment. business activities that contributed to the growth and spread of various diseases. Traces the transformation of the health system to ensure

sanitary and epidemiological well-being and effective work on improvement of the sanitary condition of the city.

Keywords: *revolution, epidemics, the increase in morbidity, interventions, prevention, sanitary condition of the city.*

Социально-политические и экономические потрясения в любом обществе, наряду с расстройством привычного уклада жизни, голодом, ростом преступности, часто сопровождаются более широким, по сравнению с периодами стабильности, распространением различных заболеваний [4]. Именно так и происходило в годы революции во многих российских городах, в том числе в Петрограде.

Эпидемии, среди которых преобладали различные формы тифа, были настоящим бедствием для горожан. Они поражали значительную часть населения города и уносили немало человеческих жизней. Убыль населения, резкий рост смертности среди жителей города были в значительной степени связаны именно с этим [1].

В феврале 1918 г. в городе разразилась первая крупная эпидемия сыпного тифа. Быстро разрастаясь, эпидемия достигла своего пика в марте – первой половине апреля. В марте было зарегистрировано 896 заболеваний (в феврале – 413). Больше всего пострадала от эпидемии южная часть города, особенно Александроневский район, где было зарегистрировано в общей сложности 1317 заболевших. К концу весны эпидемия пошла на убыль, в последних числах мая наблюдались лишь единичные случаи заболевания сыпным и брюшным тифом. Зарегистрированы были также отдельные случаи заболевания натуральной оспой, но массового характера эта опасная болезнь не приняла (к примеру, за период 8–19 мая было отмечено 15 случаев заболевания, за 24 мая – три, за 26 мая – один). На 1 мая 1918 г. в 13 городских больницах и 12 отделениях числились в общей сложности 15 581 человек, из них 2315 больных заразными болезнями и 12 157 остальных [6].

Постепенно деятельность новых властей по упорядочению санитарного дела в городе начала давать некоторые результаты. В ноябре 1917 г. был создан Всероссийский профессиональный союз медицинских работников. При местных советах создавались медико-санитарные отделы. 22 декабря 1917 г. был образован Совет

врачебных коллегий, который 24 января 1918 г. был утверждён декретом Совнаркома как высший государственный орган по руководству здравоохранением. В марте в связи с переездом правительства и центральных органов управления в Москву туда же переехал Совет врачебных коллегий [1].

Принятых мер, однако, оказалось недостаточно для предотвращения новых эпидемий. Серьёзным недостатком в деятельности медицинских органов было отсутствие эффективной работы по профилактике заболеваний. Это и явилось одной из причин зарождения и быстрого распространения в Петрограде эпидемии холеры, которая поразила город в июле 1918 г. Источником эпидемии послужила загрязнённая вода реки Невы, которая оказалась заражённой холерными вибрионами [5].

После примерно месячного «затишья» город оказался во власти новой эпидемии. На этот раз это была испанка – тяжёлая форма гриппа. Эта болезнь была занесена в Петроград из Новгородской губернии, где она зародилась в Большой и Малой Вишере. Затем болезнь была отмечена в Луге и Новой Ладогe, а в начале октября проникла в Петроград.

Эпидемии холеры и испанки удалось ликвидировать относительно быстро. Гораздо более стойкими оказались различные формы тифа, в первую очередь сыпного. Вспышки тифозных эпидемий на протяжении трёх послереволюционных лет возникали несколько раз, периодически то затухая, то вновь усиливаясь.

Из других инфекционных заболеваний широких масштабов достигала дизентерия, особенно во второй половине лета 1920 г., когда она приняла форму эпидемии. Среди других болезней наибольшее беспокойство вызывала цинга, что было вполне объяснимо в условиях недоедания и нехватки витаминов. К тому же вследствие угрозы холерной эпидемии овощи и фрукты рекомендовалось употреблять только в варёном виде, а при термической обработке овощей и фруктов разрушается содержащийся в них витамин С, который служит основным гарантом против цинги.

Не последней проблемой в Петрограде были венерические заболевания, особенно сифилис. Их распространение было связано с тем, что после закрытия домов

терпимости и выхода проституции из-под государственного контроля «жрицы любви» перестали подвергаться регулярному медицинскому осмотру. Сыграло свою роль и постоянное нахождение в городе большого количества воинских частей.

Улучшение санитарного состояния города в 1921 г. и последующие годы было связано как с постепенным ростом общего уровня жизни населения, начавшимся с введением новой экономической политики, так и с результатами преобразований в сфере здравоохранения, предпринимаемыми властями. В 1920 г. было завершено объединение всех медицинских и санитарных учреждений, принадлежавших ранее различным ведомствам, общественным организациям и частным лицам, и создана единая сеть городского здравоохранения. Всего в ведении городского отдела здравоохранения было сосредоточено 24 тысячи больничных коек, 32 амбулатории, 90 пунктов первой медицинской помощи, 33 родильных дома, 25 консультаций для женщин и детей. Отдел здравоохранения приступил к созданию совершенно нового типа лечебно-профилактических учреждений – противотуберкулёзных и кожно-венерологических диспансеров.

Улучшению работы медицинских учреждений способствовало централизованное обеспечение их топливом, оборудованием, лечебно-диагностической аппаратурой, медикаментами, перевязочными средствами и продуктами питания со стороны городского отдела здравоохранения [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Френкель З. Г. Петроград периода войны и революции. Санитарные условия и коммунальное хозяйство. Пг., 1923. С. 69 – 70.
2. Гиппиус З. Н. Петербургские дневники. 1914–1919. М., 1990. С. 270.
3. Щербинин А. И. «Красный день календаря»: формирование матрицы восприятия времени в России. / Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 2 (3). 2008. С. 52-69.
4. Юдина А. С. Октябрьская революция 1917 года в современном политическом дискурсе // Молодой ученый. – 2017. – №21. – С. 377-380.
5. Фёдоров И. Г. Эпидемия холеры в Петрограде 1918 г. // Известия Комиссариата здравоохранения Союза коммун Северной области. – 1918. – No 1. – С. 86.
6. Фёдоров И. Г. Эпидемия сыпного тифа в Петрограде в 1917–1918 гг. // Известия Комиссариата здравоохранения Союза коммун Северной области. – 1919. – № 3-4. – С. 35.

**ПЕДИАТРИЯ В РОССИИ УСТОЯЛА...
(ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВА ДЕТСКИХ ВРАЧЕЙ – ЭТО ИСТОРИЯ ЗА-
БОТЫ О БУДУЩЕМ)**

В статье отражена роль деятельности выдающихся ученых-педиатров в развитии отечественной педиатрии и становлении советской системы охраны здоровья детей, история Оренбургского областного научного Общества детских врачей (1947-2017 гг.).

Ключевые слова: общество детских врачей, выдающиеся ученые

A.A. Vyalkova

Orenburg

**PEDIATRICS IN RUSSIA STOOD FIRM ... (THE HISTORY OF THE SO-
CIETY OF CHILDREN'S DOCTORS IS A STORY OF CONCERN FOR THE
FUTURE)**

The article reflects the role of the outstanding pediatric scientists in the development of Russian pediatrics and the establishment of the Soviet system of child health protection, the history of the Orenburg Regional Scientific Society of Children's Doctors (1947-2017).

Key words: society of children's doctors, outstanding scientists

О любви к детям говорят все. Или почти все. Но далеко не все кладут свои помыслы и деяния на алтарь служения стране по имени «Детство».

Для большинства детских врачей это служение становится не только профессиональной судьбой, но удачей и смыслом жизни...

Историки утверждают: «С одной стороны, советская система охраны материнства и детства использовала при своём формировании дореволюционный опыт учёных и земских врачей. С другой стороны, в дореволюционной России не заботились о здоровье матери и ребенка».

Охрана материнства и младенчества в России, начала формироваться как государственная система со второй половины XVIII в. Её узловыми событиями стали:

- Формирование системы медико-социальной помощи детям, находящихся в опасной для жизни ситуации;
- Становление педиатрии как самостоятельной науки и предмета преподавания;
- Требования гражданского общества большего внимания к охране здоровья детей;
- Первые подступы к созданию современной системы охраны здоровья матерей и детей;
- Использование зарубежного опыта.

Острая социальная проблема России XVIII в.:

- Запредельная младенческая смертность.
- Значительное число младенцев, рождённых вне брака.
- Подкидывание «ззорных» новорождённых, а то и их убийством.

Красные даты в развитии отечественной педиатрии и становлении советской системы охраны здоровья детей:

- 150 лет с начала клинического преподавания педиатрии в Московском университете (25 февраля 1866 г.) и 70 лет с начала клинического преподавания педиатрии в Оренбургском (Чкаловском) государственном медицинском институте
- 90 лет создания Всесоюзного общества детских врачей и
- 70 лет профессиональной научной общественной организации - ассоциации детских врачей Оренбургской области.

Связь времен:

- Дореволюционный период.
- Эпоха перемен и великих реформ развития педиатрии.
- Советский период и эпоха модернизации детского здравоохранения.

Четыре предпосылки выделения педиатрии в самостоятельную науку, предмет преподавания и развития детского здравоохранения:

1. Пристальное внимание к проблеме чрезвычайно высокого уровня младенческой смертности

2. Необходимость выделения педиатрии в самостоятельную практическую деятельность

3. Потребность в развитии педиатрического образования

4. Эпоха великих реформ детского здравоохранения и педиатрического образования

Пристальное внимание к проблеме чрезвычайно высокого уровня младенческой смертности

Дореволюционный период

В царской России смертность детей на первом году жизни была чрезвычайно высокой: в 1913 году на 1000 родившихся умирали на первом году 273 ребенка. От осложнений беременности, родов и послеродовых заболеваний ежегодно умирало более 30 000 женщин (в основном от сепсиса, разрывов матки, эклампсии).

Наша губерния по уровню детской смертности занимала одно из первых мест в России: умирали на первом году жизни 1/3 всех родившихся.

За период с 1887 по 1901 год умерло 311 163 человека. Из них 69,3% – дети в возрасте до 5 лет.

В Оренбургской губернии лишь 2-5 % женщин при родах получали медицинскую помощь.

Н.М. Максимович-Амбодик (1744-1812)

Предпосылки возникновения государственной системы охраны здоровья матери и ребенка в России:

- В царской России не было государственной системы, а в Оренбургской губернии до революции крайне слабо решались вопросы охраны здоровья матери и ребенка

- В 1913 году на всей территории огромной страны было около 7 тыс. коек в родильных домах и 9 детских консультаций
- В 1913 году в Оренбургской губернии не было ни одного детского стационара, ни одного педиатра
- Свирепствовали детские инфекции – оспа, полиомиелит, дифтерия, коклюш, эпидемический паротит.
- Самые распространенные болезни того времени – туберкулез и пневмония.

Выделение педиатрии в самостоятельную практическую деятельность:

- Открыты Воспитательные дома в г. Москве (1763) и г. С-Петербурге (1771).
- Открыты первые детские больницы в г. С-Петербурге (1834; 1844) и г. Москве (1842).

ОСНОВАТЕЛЬ ДЕТСКОЙ КЛИНИКИ Императорского Московского университета

Здание детской клиники ИМУ

Академик архитектуры
К.М. Быковский

Михаил Алексеевич Хлудов

Ф.Ф. Эрисман

Начало XX века – шаги к построению системы охраны материнства и детства:

А) Не только понимание, но и требования к властям осуществления активной государственной политики в области охраны здоровья матери и ребенка.

Б) Начало внедрения медико-организационных технологий в области охраны материнства и детства.

В) Первые подступы к созданию системы охраны материнства и детства.

Педиатрическое образование: появилось первое отечественное руководство по педиатрии: труд С.Ф. Хотовицкого «Педиятрика» (1847, 903 стр.).

СТЕПАН ФОМИЧ ХОТОВИЦКИЙ (1796-1885) - руководитель кафедры

акушерства, женских и детских болезней Санкт-Петербургской императорской медико-хирургической академии вошел в историю как основоположник российской педиатрии, как знаменитый ученый, издавший первое в России фундаментальное руководство «ПЕДИАТРИКА» (1847). Прошло 170 лет с момента издания профессором Степаном Фомичом Хотовицким первого русского руководства «ПЕДИАТРИКА», 1847г. (600 экземпляров). Педиатрика состояла из 2 отделений: общей педиатрии и частной педиатрии. Экземпляры книги хранятся в библиотеках: Российской Национальной в г. Санкт-Петербурге и Российской Государственной в г. Москве), ВМА им С.М. Кирова.

В 1835 году С.Ф. Хотовицкий назначен руководителем кафедры акушерства, женских и детских болезней Санкт-Петербургской императорской медико-хирургической академии. В 1834 году в «Военно-медицинском журнале» опубликована его статья «О некоторых младенческих болезнях», а в 1938 году – серия статей под общим названием «Взгляд на некоторые вопросы гинекоятрики и педиятрики».

В 1844 году написана программа обучения студентов детским болезням в Императорской медико-хирургической академии. В 1845 году им было издано: «Введение в педиатрику», в 1846 году изданы «Гинекологические записки».

Эпоха великих реформ педиатрического образования (в т.ч. «университетская») Александра II

Возможность организовать клиническое преподавание детских болезней возникла с 1835 года, когда начато преподавание педиатрии в Петербургской Медико-хирургической академии (Василий Маркович Флоринский) и Московском университете.

Родоначальником и организатором клинического преподавания педиатрии в России является Н.А. Тольский, а также основатель Московской педиатрической школы – Н.Ф. Филатов – автор руководства «Семиотика и диагностика детских болезней» (1898) и Н.П. Гундобин – автор руководства «Особенности детского возраста» (1906).

История развития педиатрии в России связана с историей научного общества

детских врачей, которое берет своё начало с 1885 г., когда по инициативе профессора кафедры детских болезней Петербургской Военно-медицинской академии Н.И. Быстрова создаётся первое в России Общество детских врачей.

История Союза педиатров уходит своими корнями в XIX век

Устав первого в России Петербургского общества детских врачей, 1886г.

«Общество детских врачей имеет целью служить успехам педиатрии и коллегиальному сближению врачей, занимающихся этой отраслью медицинской науки».

Второе Общество детских врачей создано в г. Москве в 1892 г. под руководством великого русского педиатра Н.Ф. Филатова.

В начале XX в. научные общества педиатров возникают в городах, имеющих университеты (гг. Киев, Казань, Харьков). При этом столичные общества, имея своими членами не только столичных, но и иногородних ученых-врачей-педиатров (называемых «член-корреспондентами») играли роль Всероссийских научных профессиональных объединений, сыгравших главную роль в развитии педиатрического образования.

«Потребность в единении русских педиатров давно уже назрела и осуществилась основанием Обществ детских врачей в Москве, Петербурге, Харькове, Киеве, и теперь показалось своевременным раскинуть пределы единения шире, обнимая ими всю Россию созывом Всероссийских съездов и основанием Всероссийского общества детских врачей» (К.А. Раухфус).

В 1908 г. – Харьковский профессор И.В. Троицкий выдвинул идею о созыве

Всероссийского съезда детских врачей, который состоялся, спустя 4 года, 27-31 декабря 1912 г. в г.Петербурге.

Предпосылки возникновения государственной системы охраны здоровья матери и ребенка в России:

Перед Советским государством возникла сложная задача – создать государственную систему охраны материнства и детства, в развитии которой ведущую роль сыграли выдающиеся педиатры Г.Н. Сперанский, А.А. Кисель, В.И. Молчанов, Н.Ф. Альтгаузен.

В 1917 году при народном комиссариате государственного призрения был организован Отдел по охране материнства и младенчества. Отдел охраны материнства и детства при народном комиссариате социального обеспечения в г. Москве возглавила В.П. Лебедева (с 15 апреля 1918г).

В 1920 году по указанию В.И. Ленина все дело детского здравоохранения и охраны материнства, все детские лечебно-профилактические учреждения были переданы в Народный комиссариат здравоохранения и, таким образом, была создана государственная система оказания помощи матери и ребенку.

В послереволюционном периоде 1917 года издан Указ об охране здоровья детей.

Советский период – это период становления лучшей в мире системы охраны материнства и детства.

Советская система охраны здоровья матери и ребенка – это система государственных и общественных мероприятий, направленных на создание условий для сохранения и укрепления здоровья женщины и выполнения ею важнейшей функции – рождение здорового ребенка и его воспитания, а также на охрану здоровья подрастающего поколения, его всестороннего физического и умственного развития.

Важнейшие положения этой системы были отражены в партийной программе, в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. На съездах и конференциях дано научное обоснование государственной (советской) системы охраны здоровья детей.

В 1917 году в Оренбургской губернии был создан врачебный отдел детства. В апреле 1919 года издан закон об обязательном оспопрививании детей.

Педиатрическая служба в Оренбуржье ведет отсчет с 1920 года. Организовываются детские больницы:

- Соматическая на 115 коек;
- Инфекционная на 110 коек;
- Открыты: 2 дома матери и ребенка;
- 45 дошкольных учреждений и 20 школ;
- Детские ясли на 45 мест;
- Детский санаторий «Джанетовка»;
- Беременные женщины и кормящие матери начали получать дополнительное питание по спецталонам;
- Больше внимания стало уделяться родовспоможению на селе.

Все это способствовало улучшению здоровья детского населения. Смертность по сравнению с дореволюционной снизилась на 42%.

Развитие сети родовспомогательных и детских учреждений потребовало подготовки и роста численности медицинских кадров. В связи с этим в 1919 году в г. Москве были открыты первые курсы инструкторов-организаторов здравоохранения, в 1922 г. – Центральный научно-исследовательский институт охраны материнства и младенчества.

В дальнейшем такие же институты были созданы в гг. Киеве, Харькове, Ленинграде, Ростове, Казани, Свердловске, Баку, Алма-Ате и других городах.

В 1924 г при сельских Советах были организованы постоянные комиссии по охране материнства и младенчества.

Особенно широкое развитие сети учреждений охраны материнства и младенчества на селе началось в период коллективизации сельского хозяйства, после XVI Всероссийского съезда Советов в 1935г. и II Всесоюзного съезда колхозников-ударников.

По примеру Украинской ССР в других республиках стали создаваться колхозные родильные дома, их организация получила вскоре массовое распространение.

Основные достижения отечественной педиатрии эпохи перемен:

- Становление и развитие советской системы охраны здоровья детей.
- Создание научных профессиональных обществ детских врачей.
- Развитие специального педиатрического образования по подготовке кадров для системы детского здравоохранения.

На II (1923 г.) и III (1925 г.) съездах Детских врачей (Советских педиатров) вновь обсуждалось предложение о создании Всесоюзного общества детских врачей, которое организовано в 1927 году и утверждено на IV Съезде педиатров страны.

На IV Съезде педиатров страны был принят Устав, согласно которому Общество детских врачей советской России создавалось с «целью объединения проживающих на территории СССР ученых и врачей, работающих в области педиатрии, педологии и охраны материнства и младенчества (ОММ) для совместной разработки как теоретических, так и практических вопросов в указанных областях».

Выдающиеся учёные-педиатры России:

Руководители Всесоюзного общества детских врачей:

1927-1938 гг. Кисель Александр Андреевич;

1938-1962 гг. Сперанский Георгий Несторович;

1962-1974 гг. Домбровская Юлия Фоминична;

1974-1991 гг. Студеникин Митрофан Яковлевич;

1959-1974 г. Тур Александр Федорович;

1974-1987 г. Бисярина Валентина Павловна;

1987-1994 г. Мазурин Андрей Владимирович;

Правопреемником Всероссийского общества детских врачей стало НОО «Союз педиатров России», переименованное в 1995 г.

Руководитель – Академик РАН Баранов Александр Александрович (с 1994 г.

по н.в.).

Областное научное общество детских врачей Оренбургской области организовано в октябре 1947 года по инициативе доцента Л.А. Юрьевой.

В 1995 году профессиональное научное общественное объединение (НОО) переименовано в «Оренбургское региональное отделение Союза педиатров России» (ОрОСПР).

Руководители Оренбургского областного общества детских врачей:

1947-1959 гг. – к.м.н., доцент Юрьева Лидия Анатольевна

1960-2006 гг. д.м.н., профессор, Заслуженный врач РФ Архиреева Валерия Александровна

С 2007 г. по н.в. д.м.н., профессор, Заслуженный врач РФ, Академик РАЕ Вялкова Альбина Александровна

История старейшего профессионального объединения медиков Советской России – это пример беззаветного служения благороднейшему делу сохранения и укрепления здоровья детей Великой державы.

На заседаниях НОО детских врачей обсуждались самые злободневные, социально значимые проблемы сбережения жизни и здоровья детского населения (В.Ю. Альбицкий, 2017 г)

Основные достижения Советского периода

- Научно обоснована и создана эффективная система оказания первичной медико-санитарной помощи детям: открываются поликлиники, кабинеты здорового ребенка, молочные кухни
- Формируется система подготовки кадров детских врачей на специальных (педиатрических) факультетах
- Деятельность Общества детских врачей- выдающееся достижение государственной системы охраны материнства и детства – сбережение для России в XX веке миллионов детских жизней. Именно данная проблема остается приоритетной в России до настоящего времени, начиная с I съезда детских врачей.
- В 20-30-е годы на II-V съездах детских врачей в центре внимания были

наиболее распространенные заболевания детского возраста (в т.ч. желудочно-кишечные, инфекционные, болезни почек, органов дыхания).

- В послевоенные годы в центре внимания на форумах педиатров были тяжёлые формы патологии детского возраста, в т.ч. болезни периода новорожденности, пневмонии.

В довоенные годы были построены 200 родильных домов на 17074 коек, 373 молочные кухни, созданы ясли на 213 577 мест, число детских и женских консультаций выросло до 5803, число коек для беременных и рожениц достигало к 1940 г. – 140 тыс.

В годы Великой Отечественной войны педиатрическая служба Советской России не допустила эпидемий детских инфекций и в последние три года существования Советской власти, когда страна входила в тяжелейший социально-экономический кризис, вопреки всему показатель младенческой смертности снизился на 7%.

При обсуждении научных и клинических проблем охраны здоровья детей особое значение придается анализу общественного мнения.

Форумы профессиональной ассоциации детских врачей Союза педиатров фактически стали общественным институтом, представляющим интересы детей в области охраны их здоровья (Альбицкий Ю; 2017).

Именно профессиональные ассоциации детских врачей всех регионов стали одним из пионеров внедрения в стране организации непрерывного профессионального образования врачей-педиатров.

С середины 80-х годов XX века началось широкое внедрение организационных и клинических инновационных технологий модернизации здравоохранения на основе регионального подхода (открытие перинатальных и специализированных центров, оптимизация ресурсов здравоохранения).

На заседаниях конгрессов, съездов, конференций Союза педиатров России, в том числе НОО ОрОСПР активно участвуют представители законодательной и исполнительной власти, широкая общественность.

Научно обосновано, что наиболее эффективным является многоуровневый

принцип оказания педиатрической и специализированной помощи, сохранение всех этапов службы, в том числе районных кабинетов на амбулаторно-поликлиническом этапе, стационаров на этапе оказания высококвалифицированной специализированной помощи детям отделений клинического уровня с ВТП (гемодиализ и трансплантация). (А.А. Вялкова, В.А. Архиреева, Н.Ю. Перепелкина, 2003 г.).

Особое внимание уделяется разработке современных технологий, направленных на совершенствование методов диагностики, лечения и профилактики в системе охраны здоровья детей и внедрению результатов научных исследований в практическое здравоохранение.

История развития и становления общества детских врачей – это история заботы о Будущем, накопленный опыт поколений наших учителей, учеников и коллег, их самоотверженного труда, беззаветного служения делу охраны здоровья детей.

Сохранение и развитие основных принципов охраны здоровья матери и ребенка лучшей в мире советской системы детского здравоохранения является перспективным в направлениях:

1. Содействия и расширения фундаментальных и прикладных исследований по клинической и профилактической педиатрии, медико-социальным аспектам формирования здоровья детей, ранней диагностике и профилактике заболеваний детского возраста.
2. Повышения профессионального уровня медицинского персонала, работающего с детьми
3. Внедрения протоколов ранней диагностики заболеваний детского возраста для использования в клинической практике
4. Расширения межвузовского и международного сотрудничества, укрепления представительства отечественной педиатрии на международной арене.

Необходимость организационного объединения Российских педиатров, суть и принципы его деятельности были поняты, восприняты в Имперской России, в эпоху перемен и советский период и стали общественной идеей, требующей непременной реализации.

«Сохраним здоровье детей – сохраним Россию!» – академик РАН А.А. Баранов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбицкий В.Ю., Намазова-Баранова Л.С., Шер С.А. Союз педиатров России (Исторический очерк 1927-2017гг.). – М.: ПедиатрЪ, 2017. – 214 с.
2. Вялкова А.А. 40 лет работы кафедры факультетской педиатрии. – Оренбург: Печатный дом «Димур», 2014. – 196 с.
3. Вялкова А.А. Эпоха моих учителей. – Оренбург: Печатный дом «Димур», 2014. – 40 с.
4. Вялкова А.А. Исторические страницы научной педиатрической школы Оренбургского государственного медицинского университета (85-летию доктора медицинских наук, профессора, заслуженного врача РФ В.А. Архиреевой, 45-летию педиатрического факультета ОрГМУ посвящается...) // Оренбургский медицинский вестник. – 2015. – Т.3. – №2. – С. 78-80.
5. Вялкова А.А. Актуальные проблемы детской нефрологии. Материалы международной школы и научно-практической конференции по детской нефрологии. Под редакцией А.А. Вялковой. – Оренбург: Печатный дом «Димур», 2010. – 388 с.

УДК 614.4

И.И. Галлямова, М.И. Самойлов

г. Оренбург

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье раскрывается история развития эпидемиологической службы в Оренбургской области. Уделяется внимание малоизвестным историческим фактам, важным для становления службы, которые раскрывают особенности социальных и политических реалий.

Ключевые слова: *эпидемиологическая служба, Оренбургская область, история, развитие, становление.*

I.I. Galliamova, M.I. Samoilov

Orenburg

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF EPIDEMIOLOGICAL SERVICES IN THE ORENBURG REGION

The article reveals the history of the development of epidemiological services in the Orenburg region. Focuses on little known historical facts that are important for the formation of the service, which reveal the peculiarities of social and political realities. It provides a detailed analysis of scientific research on the topic.

Key words: *epidemiological service, Orenburg region, history, development, becoming.*

Борьба с инфекционными болезнями на протяжении практически всей истории человечества оставалась приоритетным направлением медицины. Нозологии, относимые к этой группе, в силу определенных особенностей представляли наибольшую опасность, охватывая во время крупных вспышек и эпидемий значительную часть населения унося множество жизней.

Для решения вопросов профилактики возникновения и предотвращения распространения инфекционных заболеваний разрабатывались правила, представлявшие собой систему ограничений деятельности человека в различных сферах. Были разработаны способы контроля исполнения принятых правил, что послужило основой для формирования системы профилактики инфекционных заболеваний и предупреждения их распространения.

В последующем врачи, осуществлявшие практическую деятельность, приняли на себя функции контроля правил, обеспечивающих предупреждение возникновения инфекционных заболеваний. Используемые ими приемы и методы, в последующем, легли в основу формирования современного представления о причинах возникновения и распространения инфекционных заболеваний (медицинская статистика, оценка безопасности среды обитания, анализ данных).

В настоящее время эпидемиологический метод является основным инструментом определения причин возникновения и распространения заболеваний как врачей эпидемиологов, так врачей лечебной практики, которые повседневно реализуют принципы профилактики, как приоритетного направления медицинской деятельности.

Изучение этапов становления эпидемиологической службы, формирует представление о развитии методологии борьбы с инфекционными болезнями.

Цель работы – систематизировать материалы, характеризующие особенности развития и становления эпидемиологической службы в Оренбургской области.

Материалы периодических изданий и фонды Государственного архива Оренбургской области. Метод – литературный обзор.

Высокий уровень заболеваемости и смертности predetermined деятельность людей, которые эмпирически выбрали правила поведения, которые позволяли предупредить появление и распространение моров (массовых инфекционных заболеваний). Впоследствии, эти нормы поведения predeterminedлись как своды правил бытия, которые неукоснительно соблюдались. Затем, с появлением цирюльников, врачей, эти правила были систематизированы для их общественного исполнения. Обращения к людям, обладающим властными полномочиями, привели к появлению системы контроля их исполнения. В новой истории до нас дошли сведения о земских врачах, активно использовавших основной метод о причинах, закономерностях возникновения и распространения болезней.

Наиболее ранним документом, найденным в Государственном архиве Оренбургской области, регламентирующим меры по предупреждению оспы – Указ от 3 мая 1811 г. «О распространении прививания коровьей оспы в губерниях», на основании которого был создан Оренбургский губернский оспенный комитет. В последующем его функции переданы были земствам [3].

В 1891 г. имелись инструкции для обучения проведению дезинфекций, по которым обучали рабочих санитарных обозов, созданных в 1893 г. [2].

Согласно журналу от 16 марта 1893 года «Журнал особого совещания Оренбургского Губернского комитета общественного здравия» – велась активная борьба с холерой. На тот момент, в Оренбургской области существовал Верхнеуральский комитет общественного здравия, в состав которого входил отряд, состоявший из 1 врача, 2 фельдшеров и дезинфектора. При Комитетах общественного здравия, в целях борьбы с эпидемией холеры в губернии были организованы санитарно-исполнительные комиссии, которые были реорганизованы после прекращения эпидемии.

С 15 апреля 1893 г. в каждом населенном пункте Оренбургской губернии создавались санитарные попечительства, которые следили за санитарным состоянием [2].

В 1897 г. председателем Российской санитарно-исполнительной комиссии, принцем Ольденбургским были организованы постоянно действующие городские санитарно-исполнительные комиссии, в состав которой входили врачи, представители полиции и представители 4 дезинфекционных обозов [9, 10, 11]. Цель – улучшение состояния населенных пунктов, борьба с инфекциями, привитие населению гигиенических знаний.

В 1905 г., существовавшие ранее, дезинфекционные обозы были преобразованы в городской дезинфекционный склад, который занимался заготовкой, отпуском дезинфицирующих средств и дезинфекцией учреждений.

В 1907 г. в губернии созданы 4 санитарных бюро из санитарных врачей при санитарных попечительствах, деятельность которых была направлена на улучшение санитарного состояния города и охрану здоровья населения. Вскоре были ликвидированы ввиду недостатка средств [9, 10, 11].

С 1914 г. по 1917 гг. – выпускались «Врачебно-санитарных хроники» со сведениями и отчетами о ходе различных заболеваний и борьбе с ними [1].

В 1918 г. был создан губернский здравотдел, а при нём в 1919 г. – санитарно-эпидемический подотдел под руководством санитарно-эпидемиологического фельдшера, который в дальнейшем развернул работу по контролю за санитарным состоянием учреждений города (парикмахерские, бани), по борьбе с эпидемиями сыпного, брюшного тифов, холеры, дизентерии и малярии, по проведению лекций среди населения и изданию брошюр [5, 9, 10]. Дополнительно, создали три противоэпидемических отряда, которые разъезжали по губернии и при необходимости оказывали мобильную помощь. Были созданы 5 отрядов для производства противохолерных прививок, сыгравших значительную роль в борьбе с данной инфекцией [4].

В 1921 г. в Оренбурге в бывшей женской гимназии были открыты холерная больница и холерный изоляционный пункт [6].

15 сентября 1922 г. принят Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР «О

санитарных органах республики», который стал днем рождения санитарно-эпидемиологической службы [9, 10, 11]. Были определены ее структура, система надзора, права и обязанности санитарных врачей и эпидемиологов.

В 1923 г. проводился ремонт имеющихся дезинфекционных установок, производились камеры для серной дезинфекции. 23 ноября создается городская дезинфекционная станция, состоявшая из 7 человек, которая занималась камерным, прачечным делом и перевозкой заразных больных. Велась борьба с социально значимыми заболеваниями (туберкулез, сифилис). Организовывались санитарно-просветительская работа среди населения и вводились освидетельствования работников в медпунктах с последующим оформлением специальной книги, которая хранилась у врача. Освидетельствования проводились каждые 3 месяца, выявленные при этом больные не допускали к работе до выздоровления [7].

В 1934 г. в Оренбурге была открыта I городская противомалырийная станция, обслуживавшая область [9]. В 1936-1937 гг. в Оренбургской области действовали 3 межрайонные санэпидстанции (СЭС). Была организована Оренбургская межрайонная СЭС, в 1939 г. переименованная в Чкаловскую межрайонную СЭС, на базе которой в последующем образована облСЭС [11].

В августе 1941 г. Смоленский бактериологический институт им. Мечникова был эвакуирован в г. Оренбург, который затем переименован в Чкаловский институт эпидемиологии и микробиологии им. Мечникова.

В апреле 1950 г. городской СЭС, возглавляемой Мельник З.А., выделили помещение по улице Кирова 48 [8]. В первые годы основной задачей была борьба с инфекционными заболеваниями, связанными с послевоенным периодом, низким уровнем жизни и отсутствием благоустройства территории.

В 1952 г. прекращается деятельность института и создается областная санэпидстанция, объединяющая противобруцеллезную и противомалырийную станции, эпидемиологический отдел областного здравотдела [9]. В 1955 г. при ней создается отдел ООИ, а в 1958 г. – вирусологическая лаборатория.

С 1956 до 1963 гг. в большинстве сельских районов были ликвидированы са-

мостоятельные СЭС и созданы санэпидотделы в составе ЦРБ, которой они подчинялись. Лишь в 1973 г. было принято постановление «О государственном санитарном надзоре СССР», восстановившее прежнюю структуру и функции государственной санитарно-эпидемиологической службы. Должность главного врача стала именоваться как Главный государственный санитарный врач.

С 1984 по 2005 гг. возглавлял санитарно-эпидемиологическую службу Верещагин Николай Николаевич [9, 10, 11].

В 1999 г. принимается Закон РСФСР № 52 «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», который на законодательном уровне стал регулировать общественные отношения в сфере обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения.

В 2005 г. была проведена широкомасштабная реорганизация государственной санитарно-эпидемиологической службы [9,11]. С этого года руководителем службы в области является Вяльцина Наталья Ефимовна.

В настоящее время в состав учреждений государственной санитарно-эпидемиологической службы Оренбургской области входят:

- Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Оренбургской области (руководитель – Вяльцина Наталья Ефимовна);
- Федеральное бюджетное учреждение здравоохранения «Центр гигиены и эпидемиологии в Оренбургской области» (Коновалов В. Ю.);
- Федеральное государственное унитарное предприятие «Центр дезинфекции в Оренбургской области, г. Оренбург» (Шерстнев В. М.) [9].

Таким образом, дореволюционный опыт эпидемиологической службы позволил в советские годы построить эффективно действующую санитарно-эпидемиологическую систему в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Врачебно-санитарная хроника: сведения о заболеваемости населения Оренбургской губернии за январь месяц 1914 г. – Оренбург: [б. и.], 1914. – 25 с.
2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 16. Оп. 1. Д. 98.

3. ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 4933.
4. ГАОО. Ф-Р-501. Оп. 2. Д. 163.
5. ГАОО. Ф-Р-501. Оп. 2. Д. 19.
6. ГАОО. Ф-Р-501. Оп. 2. Д. 259.
7. ГАОО. Ф-Р-501. Оп. 2. Д. 346.
8. Из истории санитарно-эпидемиологической службы в г. Оренбург (к 50-летию центра госсанэпиднадзора в г. Оренбург) / Е.Л. Борщук [и др.]. – Оренбург, 1998. – С. 57.
9. Информация из официального сайта Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Оренбургской области – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://56.rospotrebnadzor.ru/istorija-ses>.
10. Каспрук Л.И. К вопросу о становлении и развитии санитарно-эпидемиологической службы в Оренбургской области / Л.И. Каспрук, М.В. Боев, Е.В. Швецова // Земский врач. – 2016. - №1 – 2 (29-30). – С. 16-18.
11. Служба во имя здоровья. Очерки истории развития санитарно-эпидемиологической службы оренбургской области / под ред. Вяльциной Н.Е, Неплова А.И., Богданова Н.Г. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2012. – С. 250.

УДК: 61(091)

А.А. Григорян, Н.Н. Дворецкий, А.Б. Шашмурина, С.В. Нагорная

г. Смоленск

МЕДИЦИНСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОСТИ СМОЛЕНСКА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

В статье рассматриваются этапы биографии и вклад в медицину общественных деятелей Смоленска.

Ключевые слова: история медицины, история Смоленщины, Первая мировая война, общественные организации.

A.A. Grigoryan, N.N. Dvoretckii, A.B. Shashmurina, S.V. Nagornaya

Smolensk

MEDICAL ACTIVITY OF SMOLENSK SOCIETY DURING WORLD WAR ONE AND 1917 RUSSIAN REVOLUTION

In this article the stages of biography of important personalities and their contribution to the medicine of Smolensk are considered.

Key words: History of medicine, History of Smolensk, World War One, Public organization.

Здравоохранение дореволюционной России находилось в тяжелом состоянии. Лечебная сеть расплылась между многими, не связанными между собой, ведомствами. Недостаточное финансирование, дефицит кадров и коечного фонда, преимущественно платная медицина – все эти и ряд других причин лишали широкие массы рабочих и крестьян медицинской помощи. Проблемы обострились в связи с Первой мировой и гражданской войнами, последствиями революционных событий 1917 года. Разруха, развал экономики, голод, распространение эпидемий инфекционных болезней, длительное безвластие и отсутствие правопорядка отрицательным образом отразились на состоянии здравоохранения. Попытки государственного реформирования системы в тот период не увенчались успехом. Поэтому дело по обеспечению населения медицинской помощью взяли в свои руки видные общественные деятели.

Имя княгини Марии Клавдиевны Тенишевой (1858-1928) хорошо известно в нашей стране. Урожденная Пятковская, по отчиму – Мария Морицовна фон Дезен, в первом браке – Николаева, – русская дворянка, общественный деятель, художник-эмальер, педагог, меценат и коллекционер. Она – основательница художественной студии в Петербурге, Рисовальной школы и Музея русской старины в Смоленске, ремесленного училища в Бежице, а также художественно-промышленных мастерских в собственном имении Талашкино.

Узнав о начале войны еще за два дня до официального ее объявления, М.К. Тенишева на собственные средства приступила к организации в собственном имении в селе Талашкино Смоленского уезда лазарета на 25 коек [5, с.87]. Она не только первой из частных лиц основала в губернии лазарет, но и опередила в своем начинании многие государственные подразделения. Спустя неделю лазарет был устроен, оснащен всем необходимым, и 12 августа 1914 г. туда прибыла первая партия раненых. Еще один лазарет на 30 коек под флагом «Зеленого Креста» и покровительством комитета великой княгини Милицы Николаевны М.К. Тенишева открыла совместно со своей подругой Е.К. Святополк-Четвертинской, в ее доме в Смоленске. Из Петербурга была приглашена в качестве хирурга Н.В. Сергиевская, одна из лучших учениц профессора Г.Ф. Цейдлера; ее помощником стал врач А.Г.

Гржибовский. Для лазарета было приобретено необходимое оборудование, среди которого был первый и единственный в городе рентгеновский кабинет, размещенный прямо в квартире Марии Клавдиевны. К услугам рентгеновского кабинета прибегали все городские лазареты, команда выздоравливающих и воинские части, расположенные в губернском центре и г. Рославле. С 1 января по 1 ноября 1915 года, то есть за 10 месяцев, через кабинет прошло 1942 пострадавших, было сделано 558 рентгеноскопий и 1849 рентгенограмм. Наименьшее число больных было в январе (132), наибольшее – в сентябре (288) [4, с. 24]. В своих воспоминаниях М.К. Тенишева указывала, что в общей сложности было сделано около 3000 снимков с раненых других лазаретов и госпиталей Смоленска.

Одной из проблем в функционировании лазаретов была доставка раненых и больных воинов от железнодорожной станции. Для их транспортировки княгиня предоставила личный автомобиль, на котором за первые 13 месяцев было осуществлено более 630 перевозок [3, с. 86]. Снятие больных и раненых с санитарных поездов и их дальнейшая эвакуация производилась на круглосуточном перевязочном пункте не только в организованный ею лазарет, но и в другие лазареты и госпитали города. М.К. Тенишева принимала участие в открытии других частных лазаретов в Смоленске. Известно, что она оказывала помощь своему давнему другу и единомышленнику по собирательской деятельности А.И. Успенскому, директору императорского Московского археологического института, при открытии им в Смоленске лазарета под эгидой Зеленого Креста. Она помогала специалистами, направляя врача-хирурга Н.В. Сергиевскую для помощи в госпиталь Зеленого Креста. Кроме того, она продолжала участвовать в благотворительных акциях, ее жертвования отличались щедростью [5, с. 89].

Лазарет М. К. Тенишевой был закрыт в сентябре 1915 г., как и все другие частные лазареты, в связи с опасностью оккупации Смоленска. Вскоре Мария Клавдиевна навсегда покинет Россию, разочаровавшись во многих идеях и начинаниях, и скончается 14 апреля 1928 г. в парижском пригороде Сен-Клу.

К ярким представителям общественности Смоленска, занимавшихся тогда

медицинской деятельностью, с полным правом можно отнести Владимира Михайловича Урусова и Александра Михайловича Тухачевского. Оба возглавляли Смоленский Губернский Комитет Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам (Комитет) и принимали основное участие в его деятельности. Князь Владимир Михайлович Урусов (1857-1922) – русский общественный и государственный деятель, член Государственного Совета по выборам, крупный землевладелец. Александр Михайлович Тухачевский (1860-1929) с 1909 по 1917 гг. беспрерывно занимал пост председателя Смоленской губернской земской управы. Как гласный губернского земства он занимался вопросами призыва в действующую армию [7]. Осенью 1914 г. усилиями Комитета был открыт лазарет Всероссийского Земского Союза на 900 коек с лабораторией, а с 1 сентября 1915 г. в лазарете появился рентгеновский кабинет, который передала из своего лазарета княгиня Тенишева. С самого начала войны Комитетом организовывались сборы пожертвований, к 1 января 1915 г. было собрано более 19669 рублей; кроме того – одежда, обувь, продукты питания, папиросы и другие необходимые вещи. Большая часть пожертвований пошла на содержание и оснащение лазарета [4, с. 26].

Борис Петрович Рачинский происходил из древнего благородного дворянского рода и был потомком польских шляхтичей. Смоленск явился родовым гнездом российского рода Рачинских, отсюда они расселились по необъятным просторам нашей Родины. С 1895 по 1909 год Борис Петрович состоял на выборных должностях: был почетным мировым судьей Смоленского округа, кандидатом на должность уездного предводителя дворянства [2, с. 4]. Вершиной его служебной карьеры явилась деятельность в качестве Смоленского городского главы. В этой должности он прослужил с июля 1905 года по август 1917 года, трижды успешно переизбираясь на этот пост. Б.П. Рачинский также был членом Смоленского Губернского комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. Его задачей стала организация 3-х перевязочных пунктов в непосредственной близости от железнодорожного вокзала [1, с.11]. Там было установлено круглосуточное дежурство медицинского персонала. Смоленск, являясь крупной узловой станцией, стал центром сортировки, лечения и эвакуации раненых фронтовиков и

беженцев, прибывавших в санитарных и товарных поездах. С первых дней войны силами губернской земской и городской управ, а также комитета Красного Креста и общины сестер милосердия в Смоленске были организованы 5 лазаретов, которые уже в начале августа стали принимать раненых [6, с. 27].

Таким образом, несмотря на тяготы военного и революционного времени, в период Первой мировой войны и революции 1917 года благодаря деятельному участию представителей общественности в Смоленской губернии была создана достаточно эффективная система медицинской помощи раненым и больным воинам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адащенко Т. К. Александр Тухачевский и его вклад в развитие Смоленщины / Т. К. Адащенко, Е. Иванова // Край Смоленский. Научно-популярный журнал. – 2012. – № 12. – С. 33-36.
2. Журавлева Л. На Тенишевской улице / Л. Журавлева // Рабочий путь. – № 101. – 1991. – 24 мая. – С. 4.
3. Мозгунова Г.Н. Смоленское земство и здравоохранение. 1865-1918 годы: Сборник материалов / Государственный архив Смоленской области. / Г.Н. Мозгунова. – Смоленск: Маджента, 2005 – С. 86.
4. Обзор деятельности по оказанию помощи больным и раненым по Смоленской губернии. Выпуск 1-й. – Смоленск: Смоленский Губернский Комитет Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам, 1914. – С. 23-26.
5. Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. Воспоминания / Тенишева М.К. – Смоленск, 2002.
6. Смоленская губерния в Первой мировой войне / ред. Шорин Ю.Н., Степченко Л.Л. – Смоленск: Край Смоленский, 2016. – 504 с.
7. Персоны // Александр Михайлович Тухачевский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://safonovo.webpatch.ru/person/tuh.html>

УДК 617-089(092)

В.К. Есипов, П.П. Курлаев, И.Э. Ляшенко, И.А. Столяр

г. Оренбург

ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКИЙ В.Ф (АРХИЕПИСКОП ЛУКА) – РУССКИЙ ХИРУРГ, ДОКТОР МЕДИЦИНЫ, УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

В статье повествуется о деятельности одного из выдающихся русских хирургов, ученого в аспекте современных реалий научной и практической хирургии, влияние на его судьбу эпохи перемен 1917 года.

Ключевые слова: история отечественной хирургии, гнойная хирургия, врачи в эпоху перемен.

**VOINO-YASENETSKY V.F (ARCHBISHOP LUKE) IS A RUSSIAN
SURGEON, A DOCTOR OF MEDICINE, AN AMAZING PERSON**

The article describes the activities of one of the outstanding Russian surgeons, a scientist in the aspect of modern realities of scientific and practical surgery, the impact on his fate of the era of the changes of 1917.

Key words: *The history of Russian surgery, purulent surgery, doctors in an era of change.*

Тернистый путь, пройденный хирургией в течение тысячелетий человеческой цивилизации, трудности, неудачи, успехи, взлеты и падения, достижения и постижение вершины хирургического мастерства - это всё личности, заслуги которых, вне зависимости от периода развития общества, в котором они трудились, составляют основу хирургических знаний.

В 2017 году исполняется 27 лет канонизации архиепископа Луки и более 80 лет с момента выхода в свет первого издания монографии «Очерки гнойной хирургии» (1934 г.) В.Ф. Войно-Ясенецкого, представляющего в одном лице духовенство Русской Православной церкви высшей иерархии и врача-хирурга, профессора медицины.

В.Ф. Войно-Ясенецкий родился 27 апреля 1877 года в Керчи в многодетной семье аптекаря [11, с. 939]. В 1898 году стал студентом медицинского факультета Киевского университета. Учился прекрасно, особенно преуспевал в изучении анатомии: «Умение весьма тонко рисовать и моя любовь к форме перешли в любовь к анатомии. Из неудавшегося художника стал художником в анатомии и хирургии» [1, с.14].

По окончании университета в годы Русско-японской войны работал хирургом в составе медицинского отряда Красного Креста в военном госпитале в Чите [1, с.16-17].

Будучи блестящим хирургом-специалистом, он не только владел ремеслом

оперативных манипуляций на различных органах и системах, но и искусством обобщения научных и практических наблюдений. В 1915 году была издана первая монография «Регионарная анестезия». В 1916 году он успешно защищает докторскую диссертацию «О регионарной анестезии второй ветви тройничного нерва». Будучи доктором медицины, продолжил практическую хирургию в селе Романовка Саратовской губернии, а затем в Переяславль-Залесском, где делал сложнейшие операции на желчных путях, желудке, кишечнике, почках [1, с.21-22,24].

С марта 1917 года является главным врачом городской больницы Ташкента. Вел активную хирургическую практику, способствовал основанию Туркестанского Университета, где возглавил кафедру оперативной хирургии. После смерти жены, в октябре 1919 года, его религиозные взгляды еще больше укрепились [1, с.24].

В феврале 1921 года, во времена жутких репрессий он стал священнослужителем. Но медицинскую нить своей жизни он не бросил, продолжая читать лекции в рясе и с крестом на груди [7, с. 48].

31 мая 1923 года, по поручению епископа Андрея (Ухтомского), будучи лишь иеромонахом был тайно рукоположен во епископа в Пенджикенте [5]. Спустя неделю был арестован по обвинению в связях с оренбургскими казаками-белогвардейцами и шпионаже в пользу Великобритании [1, с. 36].

Сложилась необычная ситуация: архиепископ Лука находится в ссылке в Красноярском крае, а идеи профессора-хирурга В.Ф. Войно-Ясенецкого распространяются не только в Советском Союзе, но и за рубежом. В 1923 году в немецком медицинском журнале «Deutsch Zeitschrift» публикуется его статья о новом методе перевязки артерии при удалении селезенки, а в 1924-м в «Вестнике хирургии» – сообщение о хороших результатах раннего хирургического лечения гнойных процессов крупных суставов [4].

Последовала ссылка – в Туруханск, где Владыка опять продолжал врачебную и пастырскую деятельность [1, с.58-61]. В январе 1926 года ссылка закончилась, и епископ Лука вернулся в Ташкент. После возвращения Владыка был лишен права заниматься преподавательской деятельностью [6, с. 43-45].

Несколько лет профессор Войно-Ясенецкий возглавлял главную операционную в Институте неотложной помощи Ташкента. 24 июля 1937 года арестован в третий раз по обвинению в создании «Контрреволюционной церковно-монашеской организации», ставившей целью свержение Советской власти и восстановление капитализма. Валентин Феликсович был приговорён к пяти годам ссылки в Красноярский край [8, с. 130].

С марта 1940-го работает хирургом в ссылке в районной больнице в Большой Мурте, что в 110 километрах от Красноярска. В начале Великой Отечественной войны отправил телеграмму председателю президиума Верховного совета СССР Михаилу Калинину: «Я, епископ Лука, профессор Войно-Ясенецкий, являясь специалистом по гнойной хирургии, могу оказать помощь воинам в условиях фронта или тыла, там, где будет мне доверено. Прошу ссылку мою прервать и направить в госпиталь. По окончании войны готов вернуться в ссылку. Епископ Лука» [11].

С октября 1941 года является консультантом всех госпиталей Красноярского края и главным хирургом эвакогоспиталя [9, с. 48].

Прошедший тяжелый путь гонений, ссылок, преодолений, постижений и достижений В.Ф. Войно-Ясенецкий не утратил силы духа, воли, увлеченности, желания познать истину. Именно эти качества помогли ему оказывать помощь людям, как духовную, так и врачебную в области хирургии. Всегда чуткий к чужому страданию и горю, он вставал на сторону слабого, выступал против насилия и несправедливости, доброжелательно и внимательно относился к больным независимо от их национальной принадлежности и социального статуса, проявляя свойственные ему гуманизм в высшем понимании этого слова. «Я изучал медицину с исключительной целью: быть всю жизнь деревенским, мужицким врачом» [1].

В 1934 году увидела свет его монография «Очерки гнойной хирургии», в 1944 году научный труд «Поздние резекции инфицированных огнестрельных ранений суставов». Научная и практическая ценность этих исследований была высоко оценена в виде присуждения Сталинской премии I степени. Из полученных 200 тысяч премиальных 130 тысяч рублей В.Ф. Войно-Ясенецкий пожертвовал в пользу детей, пострадавших во время Великой Отечественной войны [5].

Академик И.А. Кассирский, высоко оценивая монографии, писал, что эти труды будут перечитываться и через 50 лет [3]. Прошло более 80 лет, а «Очерки гнойной хирургии» до настоящего времени остается настольной книгой общего хирурга. Монография содержит уникальные клинические случаи, анализ которых не только помогает в конкретной прикладной деятельности, но и стимулирует поиск инновационных подходов к решению вопросов современной гнойной хирургии.

В XIX и XX главах монографии профессором В.Ф. Войно-Ясенецким представлены сведения о диагностике и лечении гнойных плевритов и абсцессов легкого. Основными возбудителями инфекций этой локализации в то время были стрептококки и пневмококки. Эвакуация гноя считалась обязательной при эмпиеме плевры, для этого рекомендовалось выполнение широкого разреза с поднадкостничной резекцией ребра, дренированием плевральной полости двумя трубками вокруг которых рана тампонировалась марлевыми турундами с частичным ее ушиванием. В случаях острого абсцесса легкого в 70% отдавалось предпочтение консервативной терапии и лишь в 30% осуществлялось оперативное вмешательство, заключающееся в пневмотомии, лобэктомии или пневмонэктомии.

В предисловии ко второму изданию книги автор отмечает, что ему удалось «привлечь внимание врачей к гнойной хирургии, показать, что она - не скучное и не приятное дело, а чрезвычайно важный отдел хирургии, полный глубокого научного интереса, очень нелегкий в отношении диагностики и оперативного лечения», в котором имеется еще много не разрешенных задач и вопросов [2]. К ним относятся: изучение причин и механизмов развития гнойных заболеваний, путей распространения гнойной инфекции, разработка методов их лечения с применением химиотерапевтических и биологических лекарственных средств, специальных хирургических методик.

Наблюдения проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого относятся к тому времени, когда еще не было антибиотиков. И успех лечения гнойных заболеваний во многом зависел от радикальности оперативного вмешательства. С появлением антибактериальных препаратов появилась возможность излечения больных хирургической инфекцией без применения широких дренирующих разрезов, используя закрытые методы

санации очагов гнойного воспаления [4].

В XXII главе монографии «Аппендицит и перитонит» проф. В.Ф. Войно-Ясенецкий отмечал, что наряду с такими причинами перитонита, как перфорация аппендикса, прободение язв желудка, тонкой и толстой кишок, травмы полых органов «для воспаления брюшины нет необходимости в нарушении целостности желудочной или кишечной стенки. При всякого рода болезненных процессах, в значительной мере ослабляющих жизнедеятельность кишечной стенки, бактерии могут проникать через нее до брюшины и вызывать воспаление» [2].

В.Ф. Войно-Ясенецкий не стоял в стороне от общественно-политической жизни страны. В 1946 году он активно выступал как борец за мир, национально-освободительное движение колониальных народов. В 1950 году в статье «Защитим мир служением добру» он писал: «Не могут быть христиане и на стороне колониальных держав, творящих кровавую неправду в Индонезии, Вьетнаме, поддерживающих ужасы фашизма в Греции, Испании, насилующих волю народа в Южной Корее, не могут называться христианами те, кто враждует против демократического строя, осуществляющего элементарные требования справедливости» [6, с. 69].

Жизнь и деятельность В.Ф. Войно-Ясенецкого является ярким примером личностного служения, эталоном профессиональных знаний и нравственных качеств врача.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). «Я полюбил страдание...» Автобиография. М., 1995. 208 с.
2. Войно-Ясенецкий, В.Ф. Очерки гнойной хирургии / В.Ф. Войно-Ясенецкий. М.: Медгиз, 1946. 543 с.
3. Кассирский, И.А. Воспоминание о профессоре В.Ф. Войно-Ясенецком / И.А. Кассирский // Наука и жизнь. 1989. №5. С.76-89.
4. Курлаев, П.П. Роль факторов бактериальной персистенции в патогенезе, прогнозировании и обосновании выбора метода лечения больных гнойными заболеваниями мягких тканей: Автореф. дисс. ...док. мед. наук / П.П. Курлаев. Оренбург, 2001. 44 с.
5. Марушак Василий, протодиакон. Святитель-хирург. Житие архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). М.: Даниловский благовестник, 2005. 415 с.
6. Марушак Василий, протодиакон. Святитель-хирург: Житие архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). М.: Даниловский благовестник, 2007. 416 с.
7. Никитин Н. Несгибаемый страстотерпец // Слово. 1990. №5. С. 45-48.

8. Поляков В.А. Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий (К 80-летию со дня рождения) // Хирургия. 1957. №8. С. 127-135.
9. Пузин И.П. Несколько писем В.Ф. Войно-Ясенецкого (Л.Н. Толстому, Н.П. Пузину) // Слово. 1991. № 3. С. 201.
10. "Фома". Православный журнал для сомневающих. 2011. №7(99). С. 32-39.
11. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 12. 960 с.

УДК 616-092.9(09)

А.Д. Железнова, Б.А. Фролов, Т.В. Панфилова,

А.А. Токарева, Ю.А. Сарычева

г. Оренбург

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО МЕТОДА И ЕГО РОЛЬ В ПОЗНАНИИ ПАТОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

В статье рассматриваются методы познания патологических процессов, этапы развития и роль эксперимента как основы патологической физиологии.

Ключевые слова: эксперимент, патофизиология, история, познание, патологические процессы.

A.D. Zheleznova, B.A. Frolov, T.V. Panfilova,

A.A. Tokareva, Yu.A. Sarycheva

Orenburg

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF AN EXPERIMENTAL METHOD AND ITS ROLE IN THE COGNITION OF PATHOLOGICAL PROCESSES

The methods of cognition of pathological processes, stages of development and the role of the experiment as the basis of pathological physiology are discussed in the article.

Key words: experiment, pathophysiology, history, cognition, pathological processes.

Изучением общих закономерностей возникновения, развития и исходов болезни занимается наука экспериментальная патология. Основным методом этой науки является эксперимент (искусственное моделирование на животных или в

культуре ткани болезни, патологического процесса). На основании экспериментов исследуются основополагающие механизмы и общие закономерности течения патологических процессов на уровне клетки, органов, систем и больного организма в целом, определяющие возникновение, течение и исходы болезни, а также механизмы резистентности. Другими словами, это наука о жизнедеятельности больного организма.

Методы познания патологических процессов имеют большую историю, и в результате углубления наших знаний и возможностей они становились все совершеннее и совершеннее.

В первое время познание патологического процесса происходило при помощи простого наблюдения. В XVII веке произошел поворот от простого наблюдения к эксперименту и он сыграл решающую роль в материалистическом понимании патологического процесса.

На заре развития современной медицины Р. Коломбо отмечал, что путем эксперимента над собакой исследователь в один час может научиться большему, чем при длительном изучении писаний Галена и непрерывном наблюдении за пульсом человека. Эксперимент позволил Р. Коломбо и одновременно М. Сервето открыть легочное кровообращение и высказать мысль, что из правого сердца кровь поступает в легкие, а оттуда возвращается в левое светлой. За эти «еретические» мысли М. Сервето был сожжен Кальвином на костре. Открытие кровообращения У. Гарвеем стало возможным только благодаря эксперименту. Величайший русский физиолог И.П. Павлов писал: «Только пройдя через огонь эксперимента медицина станет тем, чем должна быть, т.е. сознательной, а следовательно, всегда и вполне целесообразно действующей».

Для изучения патологических процессов в эксперименте служат острые и хронические опыты на животных. На более раннем этапе развития экспериментальной патологии применяли преимущественно острые опыты. В этих опытах наносили повреждения организму с последующим ограниченным во времени исследованием результатов воздействия болезнетворного агента или производили искусственное раздражение отдельного органа. Вместе с тем изучали функцию органов

и тканей в изолированных условиях. При помощи острых опытов был накоплен большой фактический материал о сущности ряда патологических явлений.

Однако острый опыт страдает существенными недостатками. В большинстве случаев он служит методом анализа функций и не вскрывает все стороны сущности возникающих явлений. Кроме того, ввиду нанесения травмы и ограниченности времени наблюдения острый опыт может дать искаженное представление о протекании жизненных процессов. В таких условиях нередко особенности патологических процессов ускользают от внимания исследователей.

Иван Петрович Павлов, русский физиолог, лауреат Нобелевской премии, впервые стал систематически применять хронический эксперимент, имеющий перед острым большие преимущества. В хроническом опыте животное успевает оправиться от оперативного вмешательства, и состояние его приближается к естественному. Кроме того, создается возможность наблюдать жизнедеятельность всего организма на протяжении длительного времени, раскрывая взаимодействие органов и систем на всех этапах заболевания.

В России экспериментальная патология сформировалась и развивалась под названием «патофизиология» (от греч. *pathos* – страдание, болезнь, *physis* – природа и *logos* – учение, т.е. дословно учение или наука о природе страдания организма). Патофизиологический эксперимент, основанный на создании модели, предоставляет ученому почти ничем не ограниченные возможности изучения этиологических факторов болезни, поскольку есть жесткая связь между действующей причиной и развивающейся патологией, поэтому моделирование направлено на исследование этих факторов. В практической же медицине изучение этиологических факторов затруднено из-за обилия и случайности их комбинаций (например, злокачественные опухоли). В результате искусственно созданной модели исследователь получает возможность проникнуть в сущность процесса, раскрыть его закономерности, получить дополнительную научную информацию, сформулировать новые научные гипотезы, определить доказательный характер причинно-следственных отношений между явлениями. Кроме того, эксперимент позволяет расчленять сложные патологические явления на более простые. Перед экспериментатором

стоит задача проследить развивающиеся при моделировании патологических процессов на животных изменения функций, сопоставить их с действующими на организм факторами и выяснить механизмы развития тех или иных нарушений. С помощью эксперимента можно установить взаимосвязи между повреждением и функциональным состоянием различных органов, систем и организма в целом.

Одним из наиболее важных является сравнительно-эволюционный подход к экспериментальному моделированию. Данный метод основан на сравнительном изучении патологических процессов в филогенезе, начиная с прокариотов, растений, одноклеточных и беспозвоночных животных и заканчивая высокоорганизованными животными и человеком. Такие исследования впервые были осуществлены в конце XIX – начале XX веков И.И. Мечниковым и остаются актуальными до настоящего времени.

Для исследования различных нарушений в организме при проведении патофизиологического эксперимента используются физико-химические, биохимические, молекулярно-биологические и другие современные методы. Для регистрации многих функций организма животного без оперативных вмешательств широко применяются такие инструментальные методы как электрокардиография, энцефалография, эндоскопическое исследование, радиотелеметрия, тепловидение, ультразвуковое обследование.

Смысл патофизиологического эксперимента состоит в том, чтобы вызвать болезнь у животного, изучить ее и использовать полученные данные в клинической практике. Выгодной особенностью эксперимента является то, что при проведении его известны действующие факторы и обстановка, в которой они оказывают свое влияние на организм.

Требования, предъявляемые к эксперименту:

1. Формирование рабочей гипотезы на основе предшествующего опыта и данных научной литературы;
2. Постановка цели и задач исследования;
3. Правильный выбор животного, у которого данный патологический про-

цесс будет развиваться аналогично соответствующему заболеванию человека (например, у лягушки нельзя изучать инфаркт миокарда, т.к. у нее нет коронарных сосудов); необходимо учитывать тот факт, что организм любого животного отличен от организма человека. Поэтому следует ставить одни и те же эксперименты на животных различных видов. Проявления болезни, не зависящие от видовых особенностей животного, одинаково проявятся во всех случаях. Значит, вероятность идентичности наблюдаемых явлений и у человека будет достаточно велика.

4. Вместе с опытной группой животных те же самые параметры изучаются в контрольной группе экспериментальных животных того же вида, пола, линии, возраста, содержащихся в тех же условиях. С учетом сезонных и суточных ритмов исследование у животных контрольной группы проводят в тот же самый период времени и одновременно с животными опытных групп.
5. Выбор адекватной методики проведения эксперимента;
6. Правильный выбор оборудования;
7. Проведение самого эксперимента;
8. Умение наблюдать, фиксировать, анализировать полученные данные;
9. Только при соблюдении всех основных правил можно получить данные, достаточные для того, чтобы на их основе делать выводы, которые можно использовать для анализа заболеваний человека.

В медицинской науке с 40-х годов XX века началось использование моделей патологических процессов на различных линиях животных. Такие линии животных, полученные методом скрещивания организмов, близких по степени родства на протяжении многих поколений, называются инбредными. В результате этого скрещивания увеличивается вероятность появления гомозиготных организмов. Наибольшее количество линий выведено среди мышей и крыс, т.к. эти животные имеют малую длительность беременности и большое количество детенышей в помете. Некоторые инбредные линии экспериментальных животных имеют генетиче-

ские дефекты, которые приводят к самопроизвольному развитию определенных заболеваний. В качестве примера можно привести линии мышей с рецессивными мутациями гена ожирения (*ob*) и гена, ответственного за манифестацию диабета (*db*), для гомозиготных особей которых характерен одинаковый фенотип в виде увеличения массы тела. Животных этой линии можно использовать в качестве экспериментальной модели ожирения.

В последнее десятилетие XX века в экспериментальной патологии стали использоваться трансгенные и нокаутированные (англ. knock-out) животные. Трансгенное животное – это животное, в геном которого искусственно введен посторонний ген, который передается по наследству. В России первые трансгенные животные появились в 1982 году. Данная методика позволила исследовать молекулярные основы экспрессии генов животных для изучения болезней человека. Существует много трансгенных животных, моделирующих такие заболевания как рак, атеросклероз, ожирение и др. Генетический нокаут – это метод получения животных, в генетическом аппарате которых отсутствует определенный ген. С помощью данной методики были изучены такие процессы как роль инсулинового рецептора и вторичных мессенджеров в развитии диабета второго типа, роль цитокинов в развитии респираторных заболеваний, участие NO-синтазы в развитии атеросклероза и многие другие.

В последние годы к новым экспериментальным подходам следует отнести и метод генетического редактирования. Сущность данного метода заключается в блокировании (разрушении) информационной РНК тех генов, продукция которых вредно влияет на жизнедеятельность клетки. Будучи открытым как способ защиты бактерий от вирусов, сегодня метод генетического редактирования широко используется во многих лабораториях мира, открывая, в частности, перспективы борьбы с генетическими заболеваниями.

Эксперимент имеет законное право на существование, т.к. далеко не все патологические процессы можно изучить на человеке.

Однако у экспериментального метода есть недостатки, к тому же проведение его сопряжено с рядом трудностей.

1. Сложен выбор животного для экспериментального исследования (например, по ряду характеристик ближе всего к человеку свинья, а не обезьяна).

2. Не все болезни моделируются на животных (например, психические, кожные, венерические).

3. Труден перенос экспериментальных данных в практику – нужна коррекция, поскольку получаемые в эксперименте данные не всегда можно экстраполировать, т.е. переносить на другой биологический вид.

4. Трудно создать модель болезни человека в чистом виде. К тому же, изучая болезни человека на животных, нужно изучить болезни самих животных.

5. Этические нормы (не навреди) вступают в определенный конфликт с научными целями: эксперимент не должен допускать жестоких мучений животных (при травмах, например, нужен наркоз или местное обезболивание).

Вместе с тем, эксперимент составляет основу патологической физиологии, обеспечивая достоверность результатов исследования в силу их воспроизводимости. И именно это обстоятельство (воспроизводимость – достоверность) обуславливает прочность научных позиций патофизиологии, выверенность и конкретность ее положений и выводов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альперн Д.Е. Патологическая физиология / Д.Е. Альперн. – М.: Государственное издательство медицинской литературы – Медгиз, 1954. С. 5-7.
2. Гоглева А.А., Артамонова И.И. CRISPR-системы: механизм действия и применения // Природа. 2014. № 7. С. 3-9.
3. Гордиенко А.Н. Общие закономерности развития патологического процесса: методическое пособие. / А.Н. Гордиенко. Ростов-на Дону, 1964. С. 23-27.
4. Черешнев, В.А. Экспериментальные модели в патологии: курс лекций / В.А. Черешнев, Е.И. Самоделкин, Т.В. Гаврилова, Ю.И. Шилов, М.В. Черешнева. Пермский ун-т. – Пермь, 2006. С.4-14.

С.Р. Жеребятьева, Е.А. Соколова

г. Рязань

**АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ МАРТЫНОВ –
«СОВЕСТЬ РУССКОЙ ХИРУРГИИ»**

Статья посвящена личности и деятельности выдающегося русского хирурга, ученого, педагога, общественного деятеля, основателя московской хирургической школы Алексея Васильевича Мартынова. Он внес значительный вклад в изучение вопросов хирургии органов брюшной полости, болезней желчных путей и щитовидной железы, урологических заболеваний, заболеваний сосудов и проблем изменения крови после хирургических вмешательств.

Ключевые слова: *хирург, декан медицинского факультета, хирургия поджелудочной железы, неотложная панкреатология, грыжесечение, методика гастроэнтероанастомоза.*

S.R. Zherebjateva, E.A. Sokolova

Ryazan

**ALEXEI VASILYEVICH MARTYNOV –
«THE CONSCIENCE OF RUSSIAN SURGERY»**

The article is devoted to the personality and activities of the outstanding Russian surgeon, scientist, pedagogue, public figure, the founder of the Moscow surgical school Alexei Vasilyevich Martynov. He made a significant contribution to the study of the issues of surgery of the abdominal organs, diseases of the bile tract and thyroid gland, urological diseases, vascular diseases and problems of blood changes after surgical interventions.

Key words: *surgeon, dean of the medical faculty, surgery of the pancreas, urgent pancreatology, a hernia repair, the technique of the gastroenteroanastomosis.*

Профессору Алексею Васильевичу Мартынову (1868-1934), заслуженному деятелю науки, выдающемуся русскому хирургу, педагогу и ученому, уроженцу

рязанской края, довелось жить и работать в непростое время перемен, эпоху переоценки ценностей, отрицания былых авторитетов, поиска новых путей развития медицинской науки и клинической практики. Его неизменная прямота в суждениях, личная скромность, высокая эрудиция, непревзойденное мастерство диагноста и хирурга, доброжелательное отношение к людям стали основой того непререкаемого авторитета, благодаря которому имя Алексея Васильевича и сегодня, спустя полтора столетия, составляет славу и гордость отечественной медицины.

Алексей Васильевич родился 12(25) июня 1868 г. в д. Ерофеевка (по некоторым данным – д. Слободка) Спасского уезда Рязанской губернии в семье земского врача статского советника Василия Алексеевича Мартынова и его супруги Александры Ивановны. Отец будущего основателя московской хирургической школы был авторитетным врачом и крупным общественным деятелем Рязанской губернии, пользовался уважением и любовью местного населения. В 1874 г. семья Мартыновых переехала из Спасска в г. Рязань, где Алексей Васильевич с серебряной медалью окончил мужскую гимназию, после чего поступил на медицинский факультет Московского университета, который окончил в 1891 году, получив звание лекаря.

С малой родиной Алексей Васильевич сохранял деловые и дружеские связи на протяжении всей своей жизни, его ученики составили целую плеяду талантливых рязанских хирургов первой половины XX века. Среди них: заведующий хирургическим отделением первой земской больницы г. Рязани А.Г. Смиттен, рязанский хирург Е.А. Левашова, заведующий кафедрой топографической анатомии Рязанского медицинского института имени академика И.П. Павлова профессор М.А. Егоров, главный хирург Рязанского облздравотдела М.В. Яковлев и др.

В 1891 г. по рекомендации профессора А.А. Боброва главный врач Басманной больницы П.Н. Федоров (отец крупнейшего российского хирурга С.П. Федорова) принял А.В. Мартынова на работу врачом-экстерном без денежного содержания. В 1892 г. А.А. Бобров пригласил Мартынова на должность сверхштатного ординатора в клинику Ново-Екатерининской больницы. Здесь Алексей Васильевич впервые начал свою педагогическую деятельность, проводя практические занятия со

студентами. Интересно, что именно Бобров, перешедший через год своей работы из Ново-Екатерининской больницы в клинику на Девичьем поле, дал Мартынову, собиравшемуся последовать за своим учителем, неожиданный совет: оставаться в Екатерининской больнице, открывавшей неограниченные возможности для хирургической практики. И он не ошибся: спустя 12 лет Алексей Васильевич – опытейший практический хирург, доктор медицины, автор монографии «Хирургия поджелудочной железы».

Хирургия поджелудочной железы оставалась малоизученной областью медицины, работ русских авторов почти не было. Изучая ее анатомию, А.В. Мартынов предложил новую схему деления поджелудочной железы на отделы. В 1897 г. Мартынов защитил первую в России диссертацию на степень доктора медицины на тему «Хирургия поджелудочной железы».

В 1898 г. А.В. Мартынов получил звание приват-доцента и продолжил стажировку в лучших европейских клиниках Германии, Швейцарии и Франции.

По возвращении на родину в 1904 г. Алексей Васильевич недолго работал в Харьковском университете на кафедре хирургической патологии, и в 1905 г. после смерти К.Ф. Клейна вернулся в Ново-Екатерининскую больницу в должности директора хирургической клиники, а в 1910 г. перешел в клинику на Девичьем поле, где был избран директором основной госпитальной хирургической клиники Московского университета, и проработал там до самой своей смерти почти четверть века [6, с. 8].

С работы в клинике на Девичьем поле начался новый этап научной и хирургической деятельности А.В. Мартынова. В своем труде «Об анатомических основах коренных операций паховой грыжи» (1898) Алексей Васильевич описал грыжи пахового треугольника и применил оригинальную методику, которая вошла в историю хирургии как способ пластики косых паховых грыж по Мартынову. Он предложил подшивать верхний лоскут апоневроза косой мышцы живота к паховой связке и фиксировать нижний лоскут поверх этого шва с формированием дубликатуры.

Алексей Васильевич также тщательно исследовал отдаленные результаты

грыжесечения. Им была разработана схема получения дальнейших сведений о хирургических больных, прооперированных в 1910-1925 гг. по поводу односторонней или двухсторонней кривой паховой грыжи [5]. Выводы своих многолетних исследований А.В. Мартынов отразил в докладе «Радикальные операции паховых и бедренных грыж и их отдаленные результаты» на XVIII съезде российских хирургов в 1927 году.

Также А.В. Мартынов предложил использовать дубликатуру апоневроза прямой мышцы живота для закрытия дефекта брюшной стенки при послеоперационных грыжах.

В 1907-1910 гг. А.В. Мартынов по совместительству заведовал андрологической клиникой при Московском университете. В этот период помимо операций на нижних мочевых путях стали производиться вмешательства на почках и мочеточниках. Широкомасштабный общий хирург А.В. Мартынов очень интересовался урологией, которой посвятил ряд работ, в частности, о пионефрозе и паранефрите («О деревянистом воспалении клетчатки», 1901), о нефропексии подвижной почки (доклад на III Съезде российских хирургов в 1902 году). Алексей Васильевич за короткое время пребывания на посту директора произвел первое удаление предстательной железы, в 1910 году им были предложены и разработаны операция рассечения перешейка подковообразной почки, метод пересадки мочеточника в сигмовидную кишку.

В августе 1914 года Алексей Васильевич отправился в действующую армию в качестве хирурга-консультанта. Пробыв на Северо-Западном фронте около трех месяцев, он возвратился в Москву, где руководил хирургической работой Пушкинско-Хамовнического госпиталя. Учитывая нужды военного времени, он провел реорганизацию клиники, отдав большую часть коек раненым, где занимался вопросами лечения ранений позвоночника и спинного мозга, был одним из инициаторов организации травматологических институтов, предназначенных «для оказания специальной помощи раненым воинам со сложными и тяжелыми повреждениями органов движения», в 1918-1920 гг. заведовал Травматологическим институтом в Москве [6, с. 8].

Одновременно с работой в госпитале А.В. Мартынов продолжал заниматься научной работой. В 1916 году он оппонировал на защите докторской диссертации известного хирурга В.Ф. Войно-Ясенецкого «Регионарная анестезия».

Сразу после 1917 г. А.В. Мартынов стал консультантом по хирургии Лечсанупра Кремля. В 1921 году по инициативе руководства Центрального военного госпиталя (ЦВКГ им. П.В. Мандрыки) он был назначен на должность первого хирурга-консультанта, которую исполнял вплоть до 1934 года [1, с. 100]. В этот период Алексей Васильевич занимался изучением язвенной болезни желудка и двенадцатиперстной кишки. Хирургические вмешательства по этому поводу заканчивались наложением гастроэнтероанастомоза, методику которого предложил Мартынов и которую стали применять все хирурги госпиталя. Заслуги А.В. Мартынова были высоко оценены правительством: в 1928 г. приказом К.Е. Ворошилова ему была объявлена благодарность за труд, вложенный в дело строительства вооруженных сил страны [3, с. 4].

После Октябрьской революции и гражданской войны в жизни клиники А.В. Мартынова на Девичьем поле начался новый период: коечный фонд вырос с 80 до 160 коек, активизировалась научная работа клиники [4, с. 143].

Алексей Васильевичу принадлежит более 100 научных работ, в числе которых 4 монографии, посвященных актуальным вопросам хирургии органов брюшной полости, эндокринологии, военно-полевой хирургии. Он одним из первых отечественных хирургов стал широко оперировать на желчных путях и разработал показания к некоторым операциям в этой области, предложил метод перитонизации культи пузырного протока и ложа желчного пузыря, позволивший наглухо закрыть брюшную полость после холецистэктомии. А.В. Мартынов первым в России выполнил операцию удаления парашитовидной железы по поводу аденомы, предложил клиновидную резекцию щитовидной железы, которая в 1929 году была признана восьмым Международным конгрессом хирургов.

В 1920-1922 гг., эпоху небывалых политических перемен в жизни российского общества и высших учебных заведений, в период раскола среди профессуры Алексей Васильевич возглавил медицинский факультет Московского университета. Его непререкаемый авторитет среди научной медицинской общественности и

все-
шее

об-

*А.В. Мартынов - декан медицинского факультета
Московского университета, 1920-1922 гг.*

признание позволили отстоять нормальную жизнь и деятельность медицинского факультета, предотвратить конфликты в академической и студенческой среде [2, с. 22].

В эти годы А.В. Мартынов участвовал в работе по организации медицинского факультета Туркестанского университета в Ташкенте и медицинского факультета Смоленского государственного университета.

А.В. Мартынов часто выступал в качестве эксперта в самых трудных случаях медицинской практики. В 1915 году консультировал и оперировал композитора А.Н. Скрябина по поводу осложненного карбункула верхней губы. В 1925 году ассистировал вместе с И.И. Грековым на операции по поводу язвы желудка М.В. Фрунзе. Годом раньше, в 1924 г., проводил аппендэктомию М.А. Булгакову. 29 мая 1927 г. на долю Алексея Васильевича выпала высокая ответственность оперировать

великого русского физиолога, лауреата Нобелевской премии, своего земляка И.П. Павлова по поводу калькулезного холецистита, осложненного обтурационной желтухой. После операции Павлов прожил еще 9 лет и посвятил А.В. Мартынову свой труд «Проба физиологического понимания симптоматологии истерии» (1932 г.).

На протяжении 30 лет Алексей Васильевич был одним из авторитетнейших представителей отечественной хирургии и любимым учителем тысяч врачей, выходящих из стен Московского университета. Еще в 1900 году он выступил членом-учредителем и организатором Общества российских хирургов, а с 1925 г. – председателем правления Общества.

А.В. Мартынов активно занимался вопросами периодической медицинской печати, основал «Ежегодник Екатерининской больницы» и выпустил 4 тома. Под редакцией А.В. Мартынова вышли 2 тома «Ежегодника русской медицинской печати» (1912-1914), первого русского медицинского реферативно-библиографического издания, прекратившегося с началом первой мировой войны. А.В. Мартынов являлся соредактором многих научных изданий: «Руководства практической хирургии», хирургического отдела Большой медицинской энциклопедии, журналов «Клиническая медицина», «Русская клиника», «Вестник хирургии и пограничных областей».

Алексей Васильевич не считал хирургию уделом избранных, отмечая, что она доступна подавляющему большинству врачей, серьезно решивших посвятить себя этой специальности, для которой нужны «врожденная ловкость, знания, постоянно обновляемые, находчивость, удовлетворительная техника, и сердечное отношение к пациенту» [6, с. 10]. Он создал крупную школу хирургов (В.Р. Брайцев, И.Г. Руфанов, С.Д. Терновский, Р.М. Фронштейн, М.А. Егоров и другие).

Алексей Васильевич Мартынов скончался 24 января 1934 г. в результате сепсиса, полученного после двукратного ранения руки во время гнойных операций. Узнав об этом, профессор П.А. Герцен сказал: «Умерла совесть русской хирургии».

ЛИТЕРАТУРА

1. Валь В.В., Симоненко А.В. Мартынов – первый хирург-консультант ЦВКГ им. П.В.

- Мандрыки / Валь В.В., Симоненко А.В. // Военно-медицинский журнал. – 2009. – № 5. – С. 100-102.
- Егоров М.А., Яковлев М.В. Профессор А.В. Мартынов – выдающийся представитель советской хирургии: статья / Егоров М.А., Яковлев М.В. // Государственный архив Рязанской области (ГАРО): Ф. Р-6671. Д. 19.
 - Гудынский Я.В. Алексей Васильевич Мартынов (К 100-летию со дня рождения) / Гудынский Я.В. // Урология и нефрология. – 1968. – № 5. – С. 3-5.
 - Молод Е.К. Памяти профессора А.В. Мартынова / Молод Е.К. // Вестник хирургии имени И.И. Грекова. 1968. – № 10. – С. 142-144.
 - Ответы прооперированных А.В. Мартыновым лиц по поводу односторонней паховой грыжи с возвратами на вопросы анкеты // Государственный архив Рязанской области (ГАРО): Ф. Р-6671. Д. 13-14.
 - Шахбазян Е.С. Профессор Алексей Васильевич Мартынов / Шахбазян Е.С. // Хирургия. – 1946. – № 9. – С. 6-11.

УДК 614.23:93

Л.Г. Зарубинская, И.Ю. Худоногов

г. Ростов-на-Дону

О НЕИЗБЕЖНОСТИ ПОБЕДЫ ДУХОВНОСТИ НАД ИНТЕЛЛЕКТОМ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ УЧАСТИЯ УЧЕНЫХ-МЕДИКОВ ДОНА В РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ)

В статье рассматривается роль передовой части профессионального медицинского сообщества в революционных преобразованиях (омоложении) общественного организма (ОО) Российской империи и Советского союза (1905-1917-1930 гг.). Первое в мире государство трудящихся могло бы отмечать в этом году 100-летие своего существования. Однако грандиозный социальный эксперимент был закончен 26 лет назад в связи с постарением и гибелью ОО (СССР). Указанные процессы постарения ОО, по мнению авторов, определялись массовым преобладанием прагматического интеллекта над альтруистической духовностью.

Ключевые слова: *ученые-медики, альтруизм, духовность, героизм, омоложение общественного организма, прагматизм, интеллект, постарение общественного организма.*

L.G. Zarubinskaya, I.Yu. Khudonogov

Rostov-on-Don

**THE INEVITABILITY OF THE VICTORY OF SPIRITUALITY OVER
INTELLECT IN THE ERA OF GLOBAL TRANSFORMATIONS
(ON THE EXAMPLE OF PARTICIPATION OF MEDICAL SCIENTISTS OF
THE DON IN REVOLUTIONARY PROCESS)**

The progressive part of the professional medical community played an important role in the revolutionary transformation (rejuvenation) of the social organism (SO) of the Russian Empire and the Soviet Union (1905-1917-1930). The first state of the working people in the world has had to be celebrated this year the 100th anniversary of its existence. However, a grandiose social experiment was completed 26 years ago in connection with the aging and death of the SO (USSR). These processes of the SO aging, according to the authors, were determined by the mass predominance of pragmatic intellect over altruistic spirituality.

Key words: *medical scientists, altruism, spirituality, heroism, rejuvenation of the social organism, pragmatism, intellect, aging of the social organism.*

Воодушевление и эмоциональный подъем великих русских революций невозможно передать словами. Разобщенные в обычной жизни люди объединялись в монолитную социальную систему, и эта система приобретала новые свойства, отсутствовавшие у каждого индивидуума, взятого по отдельности, и была способна совершать чудеса (с точки зрения сегодняшнего обыденного сознания). Среди участников борьбы за революционные преобразования России были и медицинские работники Дона [1, с. 61-62.].

Еще в студенческие годы будущие ученые формировали активную общественную позицию. Многие из них организовывали марксистские кружки или принимали участие в их работе. Так, студенты Военно-медицинской академии Н.Н. Плаксин, Н.А. Алексеев, Н.А. Богораз, В.П. Краснуха и др. входили в Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», который основал в 1895 г. В.И. Ленин. Силами студентов-марксистов в академии была создана тайная студенческая библиотека, которая включала труды запрещенных литераторов, обширные материалы по естествознанию, психологии, философии и социологии. Департамент

полицейскому неоднократно сообщал об этом начальству академии. Однако вся тогдашняя интеллигенция – от студента и до профессора – понимала неизбежность и прогрессивный характер социальных преобразований. Тем не менее, выражая свою официальную позицию, профессор В.М. Ивановский в книге «История Военно-медицинской академии за 100 лет», которая была издана в 1898 г., называл «Большим злом» повальное увлечение студентов чтением запрещенных книг политического содержания и их участие в распространении революционных идей среди широких слоев населения [2].

В этих противоречивых условиях формировалась личность Николая Богораза. Пять студенческих лет, проведенных им в Петербурге, где развивалась прогрессивная наука и культура, оставили глубокий след в его памяти и укрепили прививку вольнодумства, полученную в семье. Н.А. Богораз никогда не оставался в стороне от политической борьбы, активно участвовал в студенческих демонстрациях, и как результат в 1897 г. после окончания с отличием академии ему пришлось стать рядовым врачом в Закавказье. Из-за политической неблагонадежности на прошение остаться в столичной академической клинике 23-летнему Н.А. Богоразу был дан отказ. Революция 1905 г. застала его в Баку. Массовые забастовки закончились вооруженными столкновениями рабочих-нефтяников и полиции. Н.А. Богораз оказывал медицинскую и организационную помощь раненым и забастовщикам, за что после подавления революционных выступлений был арестован. В 1906 г. газета «Русский врач» в разделе «Хроника и мелкие известия» сообщала, что имеется «...место 2-го врача Бакинской железнодорожной больницы, освободившееся за увольнением администрацией занимавшего его Н.А. Богораза по обвинению его в организации политической забастовки» [3, с. 592.].

Крупнейшим культурным центром России после Санкт-Петербурга и Москвы была Казань. И там революционные студенческие кружки втягивали в орбиту политического противостояния наиболее выдающихся и способных молодых людей. Оказался среди них и К.Х. Орлов, который после окончания Симбирской гимназии обучался на медицинском факультете Казанского императорского уни-

верситета. В 28 лет он защитил диссертацию на степень доктора медицины и получил должность приват-доцента, что не помешало его активному участию в работе подпольных революционных кружков. Вместе с братом П.Х. Орловым в 1905 г. он открыто переходит на сторону революционного народа: организует студенческие собрания, митинги и манифестации, публикует революционные статьи в запрещенных печатных изданиях, редактирует газету «Волжский вестник», за что его арестовывают и увольняют «в отставку» из императорского университета [4, с. 225.]. После освобождения из заключения К.Х. Орлов уезжает на Кавказ. Его принимают на должность окулиста в Пятигорскую городскую больницу, где он продолжает вести подпольную революционную деятельность.

Социально-политическая атмосфера Казанского императорского университета повлияла и на сына Полтавского учителя Бориса Когана. Он активно участвовал в забастовках, укрывал дружинников, помогал большевикам распространять нелегальную литературу. 1909 год в России ознаменовался разгулом черносотенцев. Выступать свидетелем защиты на судебном процессе по делу руководителя Иваново-Вознесенских большевиков М.В. Фрунзе в г. Владимире было очень опасно, но Б.А. Коган не испугался, и царское правосудие вынуждено было заменить смертную казнь обвиняемого сначала 10 годами каторги, а затем пожизненной ссылкой в Сибирь.

После Великой Октябрьской Социалистической Революции (ВОСР) ученые-медики активно помогали устанавливать и укреплять Советскую власть на Дону. В их числе были Н.А. Богораз, К.Х. Орлов, П.И. Эмдин, Н.Н. Корганов, Б.А. Коган, А.И. Ющенко, Б.Н. Михайлов, А.И. Шибков и др. [5, с. 18-23.]. Организация здравоохранения для большевиков Дона в первые послеоктябрьские дни была первоочередной задачей. В период, когда контрреволюционные войска Каледина боролись с красногвардейскими отрядами на территории г. Ростова-на-Дону, Военно-революционный комитет для обеспечения безопасности лечебных учреждений и медицинского персонала издал приказ от 27 ноября 1917 г., в котором говорилось: «Николаевская больница (ныне это клиника Ростовского государственного меди-

цинского университета) признана Военно-революционным комитетом учреждением вполне нейтральным. Военно-стратегические операции в районе больницы недопустимы» [6]. Молодой врач (будущий профессор) Б.Н. Михайлов сыграл большую роль в организации и работе перевязочных пунктов, один из которых находился в Нахичевани. По заданию большевистского партийного комитета он организовал для нужд Красной гвардии первый санитарный отряд (СО). Носилки для раненых, инструментарий, перевязочный материал СО получали в хирургическом отделении врача И.И. Кравченко и в клинике проф. Н.А. Богораза [7, с. 56.]. Персонал СО, руководимого Б.Н. Михайловым, во время боевых действий оказывал помощь легкораненым красногвардейцам, а тяжелораненых направлял в клинику Н.А. Богораза. Там их оперировали хирурги, в том числе и сам Н.А. Богораз, а также его помощник Б.З. Гутников. Клиника К.Х. Орлова принимала раненых с повреждениями глаз (постановлением Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета от 1928 г. клинике глазных болезней было присвоено имя профессора К.Х. Орлова [5, с. 20]), а заболевших – терапевтическая клиника Н.И. Мухина. На случай возможного захвата калединцами лечебных учреждений, в историях болезни красногвардейцев указывалось, что они являются ранеными «случайной пулей на улице» гражданскими лицами [7, с. 58.].

Когда Ростов-на-Дону был занят белогвардейцами, в лечебных учреждениях часто возникали критические ситуации, выход из которых ярко и однозначно характеризовал позицию, которую занимали медики. Так, профессор Н.И. Напалков строго и недружелюбно встретил белого офицера, который явился в клинику факкультетской хирургии и потребовал выдать ему раненых красных командиров. Ответ последовал незамедлительно: «В моей клинике нет красных командиров, а есть больные, которых я должен лечить, и никому их не выдам». Офицер вынул из кобуры наган и повторил свое требование. Тогда Н.И. Напалков взял из рук стоявшего рядом ассистента В.Н. Белоножко резиновый катетер и заявил: «Вот мое оружие, и я буду им защищаться. Вы, молодой человек, дурно воспитаны, если способны поднять оружие на старого профессора. Вы перейдете через мой труп, но больных не получите». Офицер спрятал оружие и покинул клинику. Ночью город

был освобожден Красной Армией и больные, к счастью, оказались в безопасности [8, с. 12.].

Советская власть установилась на всем Дону сразу после изгнания каледицев. Ученые-медики – сотрудники медицинского факультета Донского (ныне Ростовского) университета – принимали активное участие в мероприятиях, проводимых молодой республикой, в частности, профессор К.Х. Орлов был избран членом комиссии по охране здоровья населения при Народном комиссариате Донской Советской республики, а профессор В.А. Барыкин – председателем комиссии по борьбе с эпидемиями. Он же был включен в комиссию по подготовке и проведению в апреле 1918 г. I съезда медицинских работников Советского Дона [9, с. 72-73.]. Без колебаний на сторону ВОСР становится молодой ученый П.И. Эмдин. В гражданскую войну он занимал различные должности (полковой врач, уполномоченный Общества Красного Креста и др.), при этом виртуозно выполнял нейрохирургические операции. Военврач П.И. Эмдин за добросовестное отношение к организации медицинской помощи красногвардейским отрядам в 1918 г. был удостоен высокого звания – почетный красногвардеец [10, л. 84.].

Однако ожесточенная борьба с белогвардейцами и иностранными интервентами продолжалась, и лишь к 10 января 1920 г. Ростов-на-Дону, а к апрелю и вся Донская область были окончательно освобождены от врага. Предвосхищая победу, В.И. Ленин выступал на I Всероссийском съезде трудового казачества в Москве 29 февраля 1920 г. Лейтмотивом его выступления стал призыв ко всем трудящимся: «...необходимо активизировать борьбу против разрухи, против разорения, нищеты и болезней...». На призыв вождя революции первыми откликнулись ученые-медики Дона и приступили с удвоенной энергией к подготовке медицинских кадров. Медицинский факультет Донского университета возглавил профессор К.Х. Орлов, профессора А.И. Ющенко, Н.А. Богораз, Б.А. Коган, К.Р. Мирам, А.А. Колосов, А.И. Шибков, Н.И. Напалков, П.И. Бухман и другие были избраны заведующими профильными кафедрами и начали усиленно заниматься подготовкой кадров для нового советского здравоохранения, которое должно было прийти на смену буржуазному медицинскому бизнесу, далекому от альтруистических идеалов и морально-

этических принципов строителей коммунизма. На заседании совета медицинского факультета Донского университета работа декана за 1925-1927 гг. была охарактеризована так: «...Профессор Н.И. Напалков принял целиком принципы, предложенные Советской властью и Коммунистической партией, и в своей работе он старался провести их в жизнь» [11, л. 243.].

Во все последующие годы ученые-медики Дона руководствовались именно этими принципами. В письме под заголовком «За дело социализма, против аполитичности», опубликованном в областной газете «Молот», они заявили: «Наш путь – путь научных работников – один: с рабочим классом, за социализм!» [12]. Заявление подписали 86 человек. В годы Великой Отечественной войны они были в первых рядах защитников Родины, многие из них погибли. Подвиг их осмысленного самопожертвования, их революционные дела служили и служат примером для современников и сегодняшних медиков, стоящих перед нелегким выбором духовного или интеллектуального развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панков Г.И., Зарубинская Л.Г. УЧАСТИЕ УЧЕНЫХ-МЕДИКОВ ДОНА В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ // Советское здравоохранение. 1989. №6. С. 61-62.
2. Коваленко П.П., Ваниев И.И. Н.А. Богораз. М., 1978. 55 с.
3. Русский врач. 1906. № 19. С. 592.
4. Государственный архив Ростовской области (ГАРО): Ф. 2508. Оп. 3. Д. 889. Л. 225.
5. Зарубинская Л.Г. зарождение высшего медицинского образования на Юге России // Журнал фундаментальной медицины и биологии. 2015. № 3. С. 18-23.
6. Известия Ростово-Нахичеванского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 29 ноября.
7. Незабываемые годы. Ростов-на-Дону, 1957. С. 56.
8. Вестник хирургии. 1968. № 11. С. 12.
9. Советское здравоохранение. 1974. №7. С. 72-73.
10. ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 105. Л. 84.
11. ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 221. Л. 243.
12. Молот. 1930. 18 мая.

Л.В. Зеленина, Л.А. Бархатова, И.Л. Карпенко, Д.А. Кряжев

г. Оренбург

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РОССИИ

В статье рассматриваются основные вопросы начального этапа становления системы здравоохранения после Великой Октябрьской социалистической революции.

Ключевые слова: *здравоохранение, Великая Октябрьская социалистическая революция, медицинская помощь, предупреждение болезней.*

L.V. Zelenina, L.A. Barhatova, I.L. Karpenko, D.A. Kryazhev

Orenburg

FORMATION OF SYSTEM OF PREVENTIVE HEALTH CARE IN RUSSIA

The article considers the main questions of the initial stage of formation of the health care system after the great October socialist revolution.

Key words: *Health, the Great October socialist revolution, medical care, disease prevention.*

По санитарному состоянию на начало XX века Российская империя была самой неблагополучной страной в Европе. Основные показатели общественного благополучия – средняя продолжительность жизни и младенческая смертность в России находились на очень низком уровне. Так, средняя продолжительность жизни 1913 году составляла 32,9 года, в то время как в Англии – 52 года, Франции – 50 лет [6]. Смертность от кори, оспы, скарлатины, дифтерии, коклюша и тифа составляла 527,7 на 100 тыс. населения [4]. Следует отметить, что лишь незначительная часть больных получала лечение, так что «больничным лечением» пользовалось лишь 20% всех зарегистрированных. О фактической недоступности медицинской

помощи для подавляющей массы крестьянского населения дореволюционной России свидетельствуют тот факт, что в среднем на одного врача приходилось в сельских местностях 20,3 тыс. населения [5]. В дореволюционной России не существовало общегосударственной системы санитарного надзора и практически отсутствовала предупредительная медицина.

В первые годы советской власти на фоне жесточайшей экономической разрухи положение здравоохранения стало ещё тяжелее. Повсеместно ощущалась нехватка квалифицированных медицинских работников, лечебных учреждений и медикаментов. Ситуация усугублялась голодом, дефицитом топлива, перебоями транспортной системы и запущенным состоянием немногих имевшихся систем водоочистки и водоснабжения городов и деревень. [9]. Медико-санитарное обслуживание населения значительно ухудшилось. В этих условиях встал вопрос объединения существующей земской, городской, фабрично-заводской, военной, железнодорожной и прочих форм ведомственной медицины под единым государственным руководством. Советское правительство приступило к поэтапному созданию органов государственного управления здравоохранением.

В 1917 г. стали создаваться Медико-санитарные отделы и Врачебные коллегии, которые объединили разрозненные медицинские отряды, учреждения, и приступили к организации медицинской помощи раненым и больным, а так же помощи голодающим.

26 октября 1917 г. при Военно-революционном комитете Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов был образован Медико-санитарный отдел. Отделу поручалось реорганизовать медико-санитарное дело в стране.

Для оказания медицинской помощи населению на местах в различных районах страны стали создаваться Врачебные коллегии. Декретом Совета Народных Комиссаров от 24 января 1918 г. учреждался Совет врачебных коллегий во главе с А.Н. Винокуровым (1869 – 1944 гг.).

Перед Советом Врачебных коллегий стояли 3 основные задачи:

1. Продолжить организацию на местах Медико-санитарных отделов при Советах рабочих и солдатских депутатов.

2. Закрепить начатую реорганизацию военной медицины.

3. Всемерно укреплять санитарное дело, наладить борьбу с эпидемическими заболеваниями [3].

Совет врачебных коллегий всеми силами должен был помочь советской власти в устранении санитарной разрухи. Гербет Уэллс, в своей книге «Россия во мгле» ярко продемонстрировал сложившуюся ситуацию, описав «мрачное будущее, которое ожидает того, кто тяжело заболевает». Он писал, что в России «больницы находятся в самом бедственном состоянии: нехватка медикаментов и предметов ухода ужасающая, половина коек пустует оттого, что большее количество больных обслужить невозможно. Не может быть и речи об усиленном, подкрепляющем питании, если только родные каким-то чудом не достанут его и не принесут больному. Операции производятся всего раз в неделю, когда удается к ним подготовиться. В остальные дни это немыслимо, и больные вынуждены ждать» [8].

16-19 июня 1918 года в Москве состоялся Всероссийский съезд Медико-санитарных отделов Советов. Н.А. Семашко выступил на съезде с докладом «Об организации советской медицины на местах», в котором изложил принципы и основы организации будущего советского здравоохранения.

Основные положения доклада Н.А. Семашко таковы:

1. Насущной организационной задачей советской медицины на местах является устранение прежних межведомственных рамок и объединение её.

2. Лечебная медицина должна быть построена на последовательности проведения принципов: общедоступности и бесплатности.

3. Немедленно нужно озаботиться о повышении качества медицинской помощи (специальные приёмы, специальные амбулатории, специальные лечебницы). Необходимо категорически бороться против тенденции самостоятельного фельдшеризма, наблюдающегося сейчас в некоторых провинциальных пунктах.

4. Очередными медико-санитарными задачами советской медицины, являются борьба с социальными болезнями (туберкулезом, венерическими заболеваниями), борьба с детской смертностью.

5. Только советская санитария способна бороться радикально и результативно с жилищной нуждой беднейшего населения.

6. Ввиду далеко недостаточного сознательного отношения масс населения, особенно в провинции, к вопросам здравоохранения, необходимо немедленно развить самую широкую санитарно-просветительскую деятельность (беседы, лекции, выставки и т.п.).

7. Формы участия населения в медико-санитарной деятельности и формы самодеятельности его в этом отношении должны быть радикально изменены: необходимо привлечение к текущей деятельности рабочих организаций в городах и деревенской бедноты в деревнях [7].

Вскоре после съезда, 11 июля 1918 г. был учрежден Народный Комиссариат здравоохранения РСФСР – первый в России высший центральный орган исполнительной власти, ведающий управлением в сфере здравоохранения. Первым наркомом стал И.А. Семашко [7]. Преобразования в Наркомздраве, детализация его функций и компетенции происходили под воздействием объективных факторов. К их числу следует отнести появление новых отраслей здравоохранения, усложнение общественных отношений в сфере здравоохранения вследствие расширения сети медико-санитарных учреждений, изменения механизма их финансирования, реформирования медицинского образования. При этом руководство проводило активную политику по привлечению медицинской общественности к участию в управлении делами здравоохранения, организуя частые съезды, конференции, совещания руководителей территориальных органов здравоохранения, главных врачей крупных лечебных заведений, медиков различных специальностей [2].

Более 100 первых декретов Наркомздрава были посвящены борьбе с эпидемиями и профилактике заболеваний. В декрете «О санитарных органах Республики» (1922) определены задачи и права санитарно-эпидемиологической службы как государственного санитарно-контрольного органа. Им предусмотрены санитарная охрана воды, воздуха, почвы, пищевых продуктов, общественного питания, жилищ, мест общественного пользования, определены меры по предупреждению

инфекционных заболеваний и борьбе с ними, по охране здоровья детей и подростков, по санитарному просвещению и физической культуре, санитарной охране труда и санитарной статистике, строительству водопроводов, канализации и т.д.

Основные задачи советского здравоохранения были сформулированы во Второй Программе партии, принятой VIII съездом РКП (б) в марте 1919 г.:

- Решительное проведение широких санитарных мероприятий в интересах трудящихся (оздоровление населённых мест, постановка общественного питания на научно-гигиенических началах, организация мер, предупреждающих развитие и распространение заразных болезней, создание санитарного законодательства);
- Борьба с социальными болезнями;
- Обеспечение общедоступной, бесплатной и квалифицированной лечебной и лекарственной помощи;
- Улучшение жилищных условий трудящихся;
- Проведение необходимых мер по охране материнства и детства, охране труда;
- Полное социальное страхование всех трудящихся[1].

Таким образом, основные принципы здравоохранения, которые были заложены после Великой Октябрьской социалистической революции, а именно, государственный характер, профилактическая направленность, доступность здравоохранения для всех граждан, ликвидация социальных основ болезней, привлечение общественности к делу здравоохранения актуальны и в настоящее время и по праву заложены в концепции развития здравоохранения России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. [Текст]. – М.: Госполитиздат, 1959. – 602 с.
1. Голубев А.А. Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве [Текст] дис.канд.юр.наук: 12.00.01: защищена 2010/ Голубев Андрей Александрович. – Москва, 2010. – 214с.
2. Желтова В. И. История медицины нового и новейшего времени [Текст]: учебное пособие / В. И. Желтова, В. В. Чернуха, Г. В. Савицкий; ред. Г.В. Савицкого. – Оренбург, 2015 – 196 с.

3. Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России [Текст] / Новосельский С.А. – Пг.: тип. М-ва вн. дел, 1916. – 208 с.
4. Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1913 год [Текст] – Пг., 1915. – 295 с.
5. Россет Э. Продолжительность человеческой жизни [Текст] / Россет Э. – М.: Изд-во Прогресс, 1981. – 384 с.
6. Семашко Н.А. Избранные произведения [Текст] / Семашко Н.А. – М.: Гос. изд. мед. лит., 1954. – 134 с.
7. Уэллс Г. Россия во мгле [Текст] / Уэллс Г. – М.: Госполитиздат, 1959. – 104 с.
8. Шадеркина В.А., Болотова Е.В. Система советского здравоохранения Семашко/ Шадеркина В.А., Болотова Е.В. // Урологический информационный портал. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://03uro.ru/news/sistema-sovetskogo-zdravookhraneniya-semashko>

УДК: 61(091):947.083

О.В. Кузнецова, М.А Лопарева, И.Г. Плотникова

г. Оренбург

ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЗЕМСКОЙ МЕДИЦИНЫ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

В статье рассматриваются основные этапы развития, особенности и своеобразие общественной и земской медицины в дореволюционной России.

Ключевые слова: *история России, губернские съезды врачей, земская реформа, санитарные организации.*

O.V. Kuznetsova, I.G. Plotnikova, M.A. Lopareva

Orenburg

CHARACTERISTICS OF COMMUNITY AND TERRITORIAL MEDICINE IN CZARIST-ERA

Milestones, characteristics and peculiarities of community and territorial medicine in Czarist-era are discussed in the article.

Key words: *the Russian history, provincial medical congresses, territorial, zemstvo (territorial) reform, sanitary companies.*

Общественная медицина – деятельность передовых представителей меди-

цинских работников и различных слоев общества, осуществляемая на общественных началах, направленная на улучшение медико-санитарного обслуживания населения и борьбу с массовыми заболеваниями.

Общественная медицина возникла в разных странах в различные периоды, но, как правило, в эпоху становления буржуазного строя. В этих условиях, как в 1858 г. писал С.А. Смирнов в «Московской медицинской газете», весь общественный быт, все экономические отношения, не говоря уже о частных нуждах отдельных лиц, находят для себя пособие в сведениях, принадлежащих медицине. Идет ли речь об общественных работах, о публичных постройках, об улучшении положения рабочего класса, о постройке фабрики или завода. В разных странах общественная медицина приобретала разные формы [4].

Общественная медицина в России начала развиваться с середины XVIII в., в первую очередь, благодаря усилиям М.В. Ломоносова. Его передовые материалистические идеи, советы и рекомендации о «здравии народном» оказали большое влияние на формирование взглядов и деятельности таких прогрессивных представителей медицины, как Н.М. Амбодик-Максимович, С.Г. Зыбелин, И.Е. Дядьковский, Е.О. Мухин, Д.С. Самойлович, много сделавших для развития медпомощи населению России и распространения в среде русских врачей идей самоотверженного служения своему народу.

В 1765 г. по инициативе прогрессивных ученых было создано Вольное экономическое общество. С первых дней существования общество уделяло много внимания пропаганде оспопрививания, а с 30-х гг. XIX в. – борьбе с детской смертностью.

Как историческое явление в целом общественная медицина в России возникла на волне революционной ситуации конца 50-х начала 60-х гг. XIX в. и имела новые формы. Этими формами были медицинские периодические издания нового, демократического типа, общества врачей, движение за созыв съездов врачей [1].

Передовая медицинская печать России своевременно ставила и разрабатывала наиболее актуальные вопросы улучшения охраны здоровья народа. Она боролась за создание таких форм общественного служения народу, за внедрение таких

достижений медицинской науки, которые могли бы на данном этапе наиболее полно удовлетворять назревшие нужды. С 1856 по 1864 г. из всех медицинских периодических изданий наиболее значительными, стремившимися превратить «медицину кафедральную» в «медицину общественную», были «Московская медицинская газета», «Современная медицина», «Медицинский вестник» [3].

В это же время в России возникает множество губернских обществ русских врачей. Помимо профессионального общения, в них разрабатывались меры по улучшению охраны здоровья населения. Высказывается мысль о необходимости съездов губернских и уездных врачей. Первый губернский съезд врачей (Тверской губернии) был созван в 1871 г. По всем земским губерниям до 1913 г. состоялось 378 губернских съездов врачей, помимо специальных съездов и совещаний по борьбе с холерой и др. На съездах обсуждались актуальные вопросы организации медпомощи, санитарного состояния населения и медико-санитарного состояния губерний, уездов, городов, содействия борьбе с эпидемиями, распространения знаний среди населения [4].

Совокупность социально-экономических и специальных факторов толкала врачей на постановку, обсуждение, разработку, а по возможности, и решение проблем, связанных с сохранением здоровья народа. Таких проблем первостепенной важности, равноценных по значимости, неразрывно связанных между собой, оказалось три: 1) кто должен платить за медицинское обслуживание народа; 2) кто должен обслуживать крестьян – врач, фельдшер, священник или просто грамотный человек; 3) какова будет форма обслуживания населения – разъездная или стационарная медицина.

По инициативе врачей осуществлялись неотложные меры по улучшению медицинского обеспечения народа, создавались бесплатные лечебницы для приходящих больных, улучшалась и расширялась подготовка среднего медицинского персонала, разрабатывались проблемы народной медицины. Большинство врачей уже тогда предлагали, чтобы медпомощь сельскому населению оказывали врачи, возглавляющие участковую больницу. «Стационарный» принцип обеспечивал разви-

тие сельской медицины. Выработанная в России применительно к русской действительности форма медицинского обеспечения крестьян получила признание как земская медицина [2].

Земская реформа 1864 г. привела к рождению земской медицины, получившей весьма широкое распространение в 34 из 97 губерний и областей России. Становление земской медицины было обусловлено законодательным актом самодержавно-помещичьей России. По определению В.И. Ленина, "земство – кусочек конституции, посредством которого русское общество отманывали от конституции. Это была очень малая уступка самодержавия растущему демократизму, благодаря которой ему удалось сохранить свои главные позиции". После закона 1864 г. состав земских собраний по 34 губерниям выглядел следующим образом: 42,4 % – дворяне, 38,5 % – крестьяне, 16,1 % – купцы и мещане, 2,3 % – духовные лица и 0,7 % – прочие лица. Реформа по земскому самоуправлению 1890 г. повысила представительство дворян до 55,2 %. Земская медицина, как порождение, прежде всего, дворянского самоуправления, по своей политической сути была "помещичьей". Она явилась одной из форм здравоохранения самодержавно-помещичьей России. Помещики на местах решали, быть ей или нет, определяли форму медицинского обслуживания крестьян, осуществляли найм врачей и фельдшеров, устанавливали им должностные обязанности и должностные оклады. В этом заключалась основная особенность земской медицины [1].

Вторую характерную ее особенность определяли земские врачи, подверженные большому влиянию демократических идей, имевшие глубокие социальные связи с крестьянством и считавшие себя защитниками его интересов. Многие земские врачи активно включались в общественно-медицинскую деятельность, вырастали в крупных представителей общественной медицины (Е.А. Осипов, И.И. Моллесон, П.И. Куркин и др.). Однако было бы неверным видеть в каждом земском враче новый тип врача-демократа.

Земская медицина была своеобразным "пробным камнем" для передовых общественно-медицинских идей. Внедрение их в практику шло крайне трудно, непо-

следовательно, порой в куцых формах: в конечном итоге все решали позиции дворянских собраний, их лидеров. Несмотря на громадные трудности, в некоторых губерниях страны (Московской, Екатеринославской, Херсонской и др.) удалось создать весьма прочную систему медицинского обслуживания населения. Больших успехов добилась врачебная организация Московской губернии во главе с Е.А. Осиповым, к которому присоединился выдающийся ученый-гигиенист Ф.Ф. Эрисман. Здесь удалось утвердить передовые принципы участковой врачебной стационарной помощи, санитарное направление в медицинской деятельности, широко использовать медико-статистический метод. Был разработан ряд важных методических положений врачебной практики [3].

Земские управы, приглашая на службу врачей в первые годы существования земства, имели в виду исключительно лечебную их деятельность. Однако тяжелые санитарные условия в стране, высокая заболеваемость и смертность, в первую очередь эпидемии, вынуждали земства с самого начала уделять внимание и санитарным вопросам.

Санитарные организации создавались медленно, с большими препятствиями, а в некоторых губерниях оставались значительно суженными до самого конца существования земства.

Так, например, в Оренбургской губернии земства возникли только в 1913 г., хотя пограничное положение губернии, активная торговля с неблагополучной в санитарном отношении Средней Азией, частые эпидемии и эпизоотии, приносимые караванами, требовали от властей активности в организации и проведении санитарно-эпидемических мероприятий [4].

Как правило, санитарно-профилактическая работа вызывала наибольшую подозрительность и встречала препятствия со стороны властей. В период реакции после первой русской революции ряд земств отчасти по требованию губернаторов, отчасти по собственной инициативе ликвидировал свои санитарные организации и уволил санитарных врачей. Предлогом послужило то, что большая часть санитарных врачей была так или иначе связана с общественными выступлениями в период

революции, а выводы из санитарных исследований, проводившихся этими врачами, неизменно носили "неблагонадежный" характер. Лишь позднее угроза эпидемий заставила вновь восстановить ряд санитарных организаций [1].

К 1913 году, по материалам Всероссийской гигиенической выставки в Петербурге, в России было всего около 250 земских санитарных врачей.

Ярким изображением реальной картины о земской медицине в художественном полотне служит цикл рассказов известного писателя М.А. Булгакова «Записки юного врача» (опубликованы в 1925-1926 гг. в журналах «Медицинский работник» и «Красная панорама»). Это автобиографичные произведения, хотя герой моложе автора на 2 года (на момент поступления молодого героя на должность земского врача в сельскую больницу 23 года, а самому Булгакову в Никольском было 25 лет). По мотивам произведения в 2008 г. режиссером А. Балабановым был снят художественный фильм «Морфий», где во всех ярких красках описываются сложности и трудности службы земского врача, его жизнь и быт, деятельность врача на огромной территории земства, среди множества пациентов и т.д.

Общества врачей, создавшиеся в последующие предреволюционные годы, или сами профессиональные доктор становились на стороне революционеров-демократов, выступающих за свободу и независимость простого народа, отстаивали их интересы.

Таким образом, в дореволюционной России существовало два течения в здравоохранении: политизированная общественная медицина и земская медицина. Они имели свои особенности и своеобразие, как в социально-политическом, так и в общечеловеческом отношении. Если общественная медицина представляла собой одну из форм общественного движения, т.е. врачебная деятельность на общественных началах, порожденного передовыми политическими учениями, то земская медицина, несмотря на ее многогранность и своеобразие, по своей социально-политической сути – одна из форм здравоохранения самодержавно-помещичьей России, финансируемый купеческой, помещичьей, дворянской знатью. В этом их принципиальное различие, в этом их особенность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заблудовский, П.Е. Медицина в России в период капитализма. Развитие гигиены: вопросы общественной медицины / П.Е. Заблудовский. – М.: Медгиз. – 1956. – 149 с.
2. Канцельбоген, А.Г. Общественная и земская медицина в 60-80-е годы XIX века / А.Г. Канцельбоген // Клиническая медицина. – 1988. – № 7.
3. Сорокина, Т.С. История медицины: 2-е издание, переработанное и дополненное / Т.С. Сорокина // М., 1994. – 384 с.
4. Земская медицина в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://revolution.allbest.ru>

УДК 614.4

А.С. Матвеев, М.И. Самойлов

г. Оренбург

ВЫДАЮЩИЕСЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ГИГИЕНИСТЫ – ОСНОВОПОЛОЖНИКИ ПРИМЕНЕНИЯ ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОГО МЕТОДА

В статье раскрывается роль отечественных ученых-гигиенистов в становлении эпидемиологии и эпидемиологического подхода к изучению патологии. Основное внимание уделено освещению деятельности гигиенистов прошлого по профилактике инфекционных болезней, их роль в становлении эпидемиологической службы, влияние на медицину исследуемого периода времени.

Ключевые слова: медицина, отечественные гигиенисты, эпидемиология, эпидемиологический метод.

A.S. Matveev, M.I. Samoilov

Orenburg

OUTSTANDING DOMESTIC HYGIENISTS-FOUNDERS USE EPIDEMIOLOGICAL METHOD

The article deals with the role of the domestic scientists hygienists in the formation of the epidemiology and epidemiological approach to the study of pathology. Focuses on coverage of the activities of dental hygienists the past to prevent infectious diseases, their role in the development of epidemiological services, influence on medicine of the period of time

Keywords: medicine, domestic hygiene, epidemiology, epidemiological method

Эпидемиология, как самостоятельная наука, выделилась в результате дифференциации гигиены на ряд отдельных дисциплин. Этому способствовало активное внедрение в гигиеническую практику методов, давших импульс формированию специфического метода изучения причин распространения заболеваний – в последующем определенный как «эпидемиологический подход к изучению болезней».

Наиболее яркими представителями гигиены того периода истории были Федор Федорович Эрисман (Фридрих Гульдрейх) и Алексей Петрович Доброславин, чьи труды позволили создать не только теоретическую базу, но и нашли применение в практической деятельности.

Ф.Ф. Эрисман, обладая богатым опытом научной и практической деятельности, впервые предопределил основные направления дифференциации гигиенической науки: профессиональная гигиена, школьная гигиена, социальная гигиена и санитарная статистика, эпидемиология. Первые масштабные исследования Ф.Ф. Эрисмана были посвящены исследованию миопии учащихся [5]. В 1869 г. он проводит обследование органов зрения 4358 учеников петербургских гимназий [6]. В своем исследовании Ф.Ф. Эрисман не ограничился выявлением патологии органов зрения и постановкой диагноза. Он использовал специфические приемы для установления причин возникновения близорукости – описал заболеваемость глазными болезнями, собрал тщательный анамнез жизни каждого ученика, изучил условия, в которых они занимались. Обосновал отрицательную роль увеличения зрительной нагрузки, недостаточного освещения и плохой организации рабочего места и на их основе предложил предупредительные меры в развитии миопии – особую школьную парту [7]. Для доказательства полученных выводов, Эрисман проводит повторное обследование учащихся через семь лет. В процессе работы он накопил столь обширный литературный материал, и в 1870 г. опубликовал объемный труд «Училищная гигиена», ставший первым в России специальным руководством по школьной гигиене [1].

В период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Ф.Ф. Эрисман, выполняя обязанности заместителя председателя комиссии Красного Креста, занимался органи-

зацией дезинфекционного дела в русской армии в период ведения военных действий [5]. Комиссия занималась организацией проведения мероприятий по сдерживанию распространения сыпного тифа, работой по оздоровлению военных госпиталей [7].

Работа Ф.Ф. Эрисмана отражала передовую систему взглядов, господствовавших в медицине накануне великих бактериологических открытий [3]. В 1875 г. Ф.Ф. Эрисман впервые в истории выдвинул идею о возможности ликвидации инфекционных болезней. В лекционном курсе «Эпидемиология и профилактика холеры с общественно-санитарной точки зрения», который Ф.Ф. Эрисман читал студентам старших курсов Московского университета, он подчеркивал практическое значение частной эпидемиологии [4].

Огромное значение Ф.Ф. Эрисман придавал статистике. В результате многочисленных обследований различных объектов, было накоплено колоссальное количество описательных и цифровых данных [5]. Его исследования стали крупным событием в истории русской санитарной статистики.

В 1884 г. он был удостоен степени доктора медицины и возглавил первую в Москве (вторую в России) кафедру гигиены. С деятельностью профессора Ф.Ф. Эрисмана в Московском университете связано начало предметного преподавания гигиены как самостоятельной университетской науки и систематического преподавания эпидемиологии [6].

А.П. Доброславин, русский врач-гигиенист, первый профессор гигиены в России, преподавая на кафедре гигиены, знакомил будущих врачей с практическим применением гигиенических требований к условиям жизни и быта в процессе обследований ряда объектов, представлявших практический интерес: больниц, водопроводных сооружений, казарм для войск и т.п. [1]. Большое значение А.П. Доброславин придавал дезинфекционному делу. Он дал ряд практических предложений по выбору наиболее подходящих средств и показаниям к их применению, разработал оригинальную конструкцию дезинфекционной камеры («солеводной печи»), в которой дезинфекция проводилась паром кипящего раствора хлористого

кальция или натрия (химически чистой поваренной соли). Разработал организационные вопросы дезинфекционного дела, в частности, обязательность проведения дезинфекции при известных болезнях (например, туберкулез) [2].

В 1866 г. в период эпидемии холеры в Санкт-Петербурге А.П. Доброславин заведовал врачебным участком на Черной речке [3].

В трудах А.П. Доброславина немало места уделено эпидемиологии. Подчеркивая значение воздуха, воды и почвы в распространении инфекционных заболеваний, основными направлениями противэпидемической работы он считал проведение широких оздоровительных мероприятий (водоснабжение, канализация, улучшение жилищных условий и питания, санитарное просвещение) с целью предупреждения эпидемий и борьбы с ними [4]. Возглавляя комиссии Военного ведомства, он решал практические задачи профилактического характера: по исследованию пищевых консервов для войск, изысканию мер для улучшения санитарного состояния войск гвардии и др. [1].

Обобщая собственный опыт практической деятельности в войсках, А.П. Доброславин пришел к ряду выводов. Эффективность работы по сохранению и укреплению здоровья военнослужащих он связывал не столько с усилиями медицинской службы, сколько с выполнением задач экономических, технических, хозяйственных, административных, правовых и общественно-политических структур и институтов государства, а также, всего населения страны в целом и каждого ее гражданина в отдельности [5].

В трудах по военной гигиене А.П. Доброславиным значительное место отведено использованию санитарной статистики как инструменту гигиенической диагностики – показателям заболеваемости и смертности, установлению связи между уровнем водопотребления и распространенностью инфекционных заболеваний, анализу антропометрических показателей у рекрутов и т.п.

Идеи выдающихся гигиенистов на практике применяли земские врачи. Исключением не стала и Оренбургская губерния. Земские врачи выполняли в уездах губернии функции, возложенные в наше время на санитарную службу, следили за состоянием систем водоснабжения и внедряли мероприятия по хлорированию

воды, проводили мероприятия по оздоровлению жилых мест и городской инфраструктуры [8].

В XIX в. в Оренбургской губернии произошло несколько крупных эпидемий холеры. По данным того периода из всех заболевших погибало от 40 % до 50 %. Причинами распространения холеры являлись: низкое качество питьевой воды и неудовлетворительное санитарное состояние населенных мест [8]. В связи с этим, в 1893 г. особым собранием Оренбургского губернского комитета общественного здоровья принимается перечень санитарно-гигиенических мероприятий для борьбы с холерой. Предлагалось провести оздоровление населенных мест, а также приисков, определялись функции санитарных попечительств и земских врачей, по оказанию медицинской помощи населению [8]. Так при оздоровлении населенных мест считалось необходимым: производить тщательную очистку дворов и улиц, произвести очистку базарных площадей от навоза, определить специальные места для его хранения. Вводился запрет на использование частных бань. Были разработаны мероприятия по захоронению и обработке трупов больных холерой. Для обработки территорий было принято решение о формировании дезинфекционных обозов [8].

24 февраля 1915 г. на заседании земско-медицинской комиссии Оренбургского уездного земства рассматривалось «Циркулярного предложения Оренбургского губернатора № 800, о принятии мер против возможного занесения в Оренбургскую губернию заразных болезней с наступлением весны и о мерах борьбы с ними». Было принято решение о необходимости приглашения в уезд постоянного санитарного врача, создании должности врача-бактериолога в уезде и заблаговременном создании не менее двух эпидемических отрядов [9].

В 1906 г. начинают функционировать санитарно-благотворительные общества, деятельность которых направлена на борьбу с голодом и распространением сыпного тифа [9].

В 1919 г. На заседании Членов комиссии Губернского отдела здравоохранения был поднят вопрос о борьбе с распространением сыпного тифа и кишечных инфекций. Одними из основных причин распространения заболеваний были признаны: неудовлетворительное состояние мест общественного пользования (бань и

парикмахерских) неудовлетворительное санитарное состояние улиц и площадей. Комиссией было принято решение: в рамках борьбы с сыпным тифом активно внедрять санитарно-гигиенические мероприятия, проводить санитарно-просветительную работу, внедрить хлорирование водопроводной воды [9].

Важный вклад в развитие эпидемиологии в области внес М.М. Кенигсберг доктор медицины, заведующий медико-статистического бюро при Губернском распорядительном комитете. Активно внедряя в практику изучения заболеваний и социальных явлений эпидемиологический подход, М.М. Кенигсберг создал первый санитарно-статистический труд об Оренбургской губернии (Санитарное состояние Оренбургской губернии по данным естественного движения населения за трехлетие 1897-1899гг.) [9].

Таким образом, на этапе дифференцировки гигиены, вклад в развитие такой дисциплины как эпидемиология, внесли выдающиеся отечественные гигиенисты, в особенности такие ученые как Ф.Ф. Эрисман и А.П. Доброславин. Именно они обогатили методологию развивающейся данной науки, определили направление ее дальнейшего развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов С.М. Выдающийся отечественный ученый, педагог и общественный деятель профессор А.П. Доброславин (к 170-летию со дня рождения) // С.М. Кузнецов, Ю.В. Лизунов, Л. П. Терентьев, С. М. Логаткин. – СПб.: ВМедА, 2013. – 52 с.
2. Кузнецов Г.В. Состояние и актуальные вопросы гигиенического обучения и воспитания населения и военнослужащих / Г.В. Кузнецов // Всероссийская науч.-практ. конф. 26 апреля 2013 г. – СПб.: ВМА, 2013. – С. 13-14.
3. Яньшин Л.А. Уроки А.П. Доброславина и новый день военной гигиены / Л.А. Яньшин // Состояние и актуальные вопросы гигиенического обучения и воспитания населения и военнослужащих: матер. Всероссийская науч.-практ. конф. 26 апреля 2013 г. – СПб.: ВМА, 2013. – С. 14-15.
4. Брико Н.И. Преподавание эпидемиологии в Первом МГМУ им. И.М. Сеченова: прошлое, настоящее и будущее // Сеченовский вестник. – № 4 (18). – С. 68-74.
5. Соколова Т.В., Степаненко А.В. Социальная направленность русских гигиенических школ второй половины XIX в. в России и место гигиенической науки и практики в формировании здоровья нации / Т.В. Соколова, А.В. Степаненко // Межвузовская научно-практическая конференция с международным участием, посвященная 130-летию кафедры общей гигиены МПФ Первого МГМУ им. И.М. Сеченова: Сборник тезисов. 2014. – С. 46-48.
6. Белицкая Е.Я. А.П. Доброславин и развитие экспериментальной гигиены в России. Л.: Медицина, 1966. – 196 с.
7. Итунин В.Ф. Доброславин. Страницы жизни. – Дятьково, 2012. – 339 с.
8. Государственный архив Оренбургской области Ф. 16. Оп. 1. Д. 98.

9. Ежемесячные издания «Врачебно-санитарных хроник» со сведениями о ходе различных заболеваний и борьбе с ними / Врачебно-санитарная хроника: сведения о заболеваемости населения Оренбургской губернии за январь месяц 1914 г. Оренбург. 1914. – 25 с.

УДК 616.31(09)

А.А. Матчин, О.И. Матчина, В.Н. Барков

г. Оренбург

ВКЛАД ДИНАСТИИ ЛИМБЕРГОВ В РАЗВИТИЕ СТОМАТОЛОГИИ И ЧЕЛЮСТНО-ЛИЦЕВОЙ ХИРУРГИИ

Представлены основные этапы жизни и профессиональное наследие основоположника династии российских стоматологов Самуила Федоровича Лимбека, Александра Карловича Лимберга, Александра Александровича Лимберга и Аллы Александровны Лимберг.

Ключевые слова: челюстно-лицевая хирургия, стоматология, династия.

A.A. Matchin, O.I. Matchina, V.N. Barkov

Orenburg

CONTRIBUTION DYNASTY LIMBERG IN THE DEVELOPMENT OF DENTISTRY AND MAXILLOFACIAL SURGERY

The main stages of life and professional legacy of the founder of the dynasty of Russian dentists Samuil Fedorovich Limbek, Alksandr Karlovich Limberg, Alexander Alexandrovich Limberg and Alla Alexandrovna Limberg are presented.

Key words: maxillofacial surgery, dentistry, dynasty.

Основоположником известной династии стоматологов России является Самуил Федорович Линбек (1844 – 1896), который без посторонней помощи достиг всего того, что только было в его силах. Его напряженная профессиональная деятельность показала, что, наряду со всегда присущими ему скромностью и деликатностью, в нем было много предприимчивости и силы воли. Не имея первичных капиталов, он начал собственное дело. Со временем он достиг таких успехов, что стал

известным всему медицинскому сообществу как высококвалифицированный специалист, добрый и отзывчивый человек. Он помогал всему и каждому, кто обращался к нему за помощью.

После окончания училища Св. Анны в Петербурге 3 февраля 1865 г. Самуил Федорович выдержал экзамен на звание зубного врача и приступил к практической деятельности. В последующем в Нью-Йорке, Филадельфии и Чикаго имел возможность познакомиться с работой лучших американских специалистов того времени по зубопротезированию. Посетил многие страны Европы, побывал на севере Африки, в государствах Ближнего Востока и Азии, участвовал в многочисленных международных зубопротезных конференциях. В 1869 г. занял должность зубного врача Приюта принца П.Г. Ольденбургского и Пажского корпуса, где работал до конца своей жизни. Когда Самуила Федоровича не стало, продолжателем дела стал его родной племянник Александр Карлович Лимберг (1856 – 1906), который вошел в историю отечественной медицины как основоположник российской стоматологии.

А.К. Лимберг родился 14 ноября 1856 г. в Эстлянской губернии, начальное образование получил в домашних условиях. В 1872 г. он приехал в Петербург после окончания Нарвского городского училища и был принят в семью Самуила Федоровича. Осенью 1875 г. Александр Карлович поступил в естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. В то же время под руководством дяди С.Ф. Линбека принялся за изучение зубопротезирования. Проучившись два года в университете, перешел на второй курс Медико-хирургической академии, которую окончил в 1881 г. В 1879 г., еще будучи студентом 4 курса, А.К. Лимберг успешно сдал экзамен на дантиста и открыл свой частный зубопротезный кабинет. Получил хорошую клиническую подготовку, принимал участие в работе международных зубопротезных конгрессов в Берлине, Вашингтоне, Париже. Работал в клинике г. Филадельфии.

Осенью 1882 г., по приглашению педагогического совета, начал читать «курс дентиатрии» в первой в стране зубопротезной школе Ф.И. Важинского. К этому же времени относится попытка А.К. Лимберга создать зубопротезное общество, пер-

вое заседание которого состоялось 26 ноября 1883 г. В течение 14 лет он был секретарем, а потом бессмертным председателем «Петербургского общества дантистов и врачей, занимающихся зубообразованием». В апреле 1884 г. А.К. Лимберг выступил с сообщением: «О необходимости обязательного высшего образования зубных врачей в России». В докладе Александр Карлович подверг критике организацию зубообразования в России. Он требовал уравнивания зубообразования с другими медицинскими специальностями. В последующем этот доклад был напечатан в журнале «Врач» (1884 г., №24) и привлек к себе внимание широкой медицинской общественности. Он работал в Императорском Клиническом Институте Великой княгини Елены Павловны, где организовал и в 1899 г. возглавил доцентский курс по зубным болезням. В том же году был утвержден в звании Почетного профессора института и стал первым русским профессором одонтологии.

При участии А.К. Лимберга была организована первая в России кафедра одонтологии в Петербургском женском медицинском институте (в настоящее время Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова), которую он возглавил. В 1891 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Современная профилактика и терапия костоеды зубов». Диссертация явилась первым оригинальным трудом по стоматологии на русском языке.

С 1892 г. Александр Карлович стал преподавать в зубообразовательной клинике Еленинского клинического института. С осени 1900 г. А.К. Лимберг стал читать лекции по болезням зубов и полости рта на первой в России кафедре зубных болезней при Женском медицинском институте в Петербурге. К сожалению, на следующий год тяжелая болезнь заставила его прекратить работу в институте и выйти в отставку в чине статского советника.

Александр Карлович был председателем 1-го Всероссийского съезда зубных врачей и дантистов (1896, г. Нижний Новгород), 2-го съезда одонтологов (1899, г. Петербург).

Его идеи намного опередили время: необходимость санации полости рта

населения и профилактика кариеса зубов у детей, требование создания системы повышения квалификации зубных врачей, впервые разработал систему плановой санации полости рта. Он по праву вошел в историю отечественной медицины как основоположник российской стоматологии [8].

Особенно велика роль Александра Карловича Лимберга как основоположника детской стоматологии в России.

В полной мере заветы отца реализовал в своей жизни сын Александра Карловича и Елизаветы Альфредовны Александр Александрович Лимберг (1894 – 1974), который родился в Петербурге. В 1919 г. окончил Военно-медицинскую академию [2, 3].

Со дня открытия 1 апреля 1918 г. стоматологического института при Военно-медицинской академии А.А. Лимберг занимал должность зубного врача-ординатора. С декабря 1919 г. перешел на должность хирурга ординатора. С 1920 г. работал в Петербургском женском медицинском институте ассистентом кафедры, где по его инициативе и при его участии число практических занятий было увеличено до семи. Занятия проводились по следующей тематике:

1. Щипцы и методика удаления зубов (на фантоме).
2. Щипцы и удаление зубов на трупах.
- 3-4. Удаление зубов в зубоврачебном кабинете клиники.
5. Диагностика и лечение зубов при кариесе I-II стадии.
6. Диагностика и лечение зубов при кариесе III-IV стадии (на фантоме).
7. Лечебные протезы (простейшие) при переломах челюстей.

После организации Центрального Травматологического института с 1 января 1924 г. возглавил челюстно-лицевое отделение (в настоящее время Российский научно-исследовательский институт травматологии и ортопедии им. Р.Р. Вредена).

Александр Александрович организовал кафедры стоматологии во II Ленинградском медицинском институте, Ленинградском стоматологическом институте, Ленинградском институте усовершенствования врачей (в настоящее время Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова).

27 ноября 1934 г. он был удостоен ученой степени доктора медицинских

наук, а 29 сентября 1935 г. ему было присвоено ученое звание профессора.

В 1935-1974 гг. был заведующим кафедрой челюстно-лицевой хирургии Ленинградского института усовершенствования врачей.

Одновременно в 1943-1945 гг. профессор кафедры челюстно-лицевой хирургии Ленинградского педиатрического медицинского института, а с 1946 по 1956 г. заведующего кафедрой хирургической стоматологии Ленинградского медицинского стоматологического института.

Имя Александра Александровича широко известно не только в России, но и за рубежом. Он был востребован как врач, ученый, опытный преподаватель и вошел в историю отечественной медицины как хирург-новатор. Им были разработаны методы свободной пересадки тонких кожных трансплантатов в изъяны слизистой оболочки полости рта и лица, методы пластических остеотомий на ветви нижней челюсти для исправления формы лица и восстановления прикуса при прогении, внедрены повязки с нормированным давлением на кожный трансплантат и многое другое.

Большой вклад внес А.А. Лимберг в разработку вопросов, связанных с лечением повреждений мягких тканей и костей лицевого черепа. Результаты клинических наблюдений были представлены в 1922 г. на IV съезде русских хирургов, где А.А. Лимберг выступил с сообщением, изложив основные принципы закрепления отломков при переломах челюстей. Сформулированное им положение: «в системе гнутых проволочных шин мы нашли тот способ, который как по необходимым для этой цели материалам, так и по методике, вполне приемлем в любой обстановке» нашло свое подтверждение не только в мирное время, но и в период Великой Отечественной войны и послевоенные годы. В 1938-1939 гг. двумя изданиями вышел первый в СССР учебник по хирургической стоматологии. В числе других разделов, глава по травматологии челюстно-лицевой области была написана профессором А.А. Лимбергом. В ней подробно освещены механические термические, химические виды повреждений челюстно-лицевой области, дана клиническая оценка всем шинам и повязкам, применяемым в те годы для лечения повреждений костей лице-

вого скелета. Вслед за учебником опубликованы книги «Шинирование при переломах челюстей» (1940), «Огнестрельные ранения лица и челюстей и их лечение» (1941).

У истоков зародившейся в конце 20-х годов ортодонтии стоял Александр Александрович Лимберг. Им была доложена на I Всероссийском одонтологическом съезде работа «К вопросу о пластической остеотомии нижней челюсти с целью исправления аномалий прикуса и контуров лица», заложившая основы хирургического лечения резко выраженных зубочелюстных аномалий. Успешному лечению зубочелюстных аномалий способствуют многочисленные работы учеников А.А. Лимберга: М.М. Ванкевич, О.Е. Бабицкой, Э.А. Александровой, А.Т. Титовой, Н.И. Ярчук, В.И. Знаменского и многих других. Оперативное вмешательство, направленное на ослабление кости, но без грубого пересечения ее сегментов, явилось основой для создания нового направления в челюстно-лицевой хирургии и по праву считается вехой в ее развитии.

Существенным вкладом А.А. Лимберга в восстановительную хирургию стала разработка метода радикальной уранопластики при врожденных расщелинах неба. Всемирное признание получили работы А.А. Лимберга, посвященные вопросам местной кожной пластики. Тщательный анализ клинического материала позволил ему создать принципиально новую теорию планирования местнопластических операций. За монографию «Математические основы местной пластики на поверхности человеческого тела», изданную в 1946 г. А.А. Лимберг был удостоен Сталинской премии СССР 1948 г. В монографии изложена математическая характеристика различных фигур пластики встречными треугольными лоскутами при различных сочетаниях величин углов боковых разрезов в пределах до 180° . Представлена таблица показателей прироста длины и убыли ширины фигур пластики – общих и частных на концах фигур, показаны отдельно изменения, происходящие вследствие перемещения тканей, растяжения и сокращения. Описаны особенности пластики на плоской поверхности, в области выпуклых и вогнутых складок, около изъязнов кожи различной формы и величины, при сочетании различных фигур пластики в соприкосновении или с наложением линий разрезов.

В годы Великой Отечественной войны А.А. Лимберг работал в осажденном Ленинграде. Воистину бесценен вклад А.А. Лимберга в развитие челюстно-лицевой хирургии и самого драматического его раздела – травматологии. Являясь ответственным специалистом фронтовых эвакогоспиталей, он занимался организацией и руководством всей специализированной медицинской службой в масштабах фронта, разработкой новых методов лечения раненных в челюстно-лицевую область, обучением фронтовых врачей. Несмотря на суровые условия блокированного Ленинграда, одновременно с лечебной он не прекращал научно-исследовательскую работу.

В 1942 г. начали проходить организованные А.А. Лимбергом систематические межгоспитальные конференции челюстно-лицевых хирургов и стоматологов по обмену опытом лечения раненных, продолжавшие работать и после войны. Начиная с 1942 г., ежегодно выходили сборники работ челюстно-лицевых хирургов и стоматологов Ленинграда, содержавшие новые способы и методики лечения раненных в челюстно-лицевую область. Его руки спасли тысячи раненных красноармейцев.

Анализируя отчеты различных тыловых эвакопунктов и отдельных специализированных эвакогоспиталей, А.А. Лимберг приводит следующие данные об использовании пластических операций при лечении обезображивания лица. В течение первого года войны пластические операции производились не более чем в 3,0-4,0% к общему количеству оперативных вмешательств на лице. В течение второго года войны количество их возросло. По данным отчетов трех наиболее крупных госпиталей пластические операции составили от 7,2% до 16,7-25,0% к их общему числу, выполненных в данных госпиталях. В течение третьего года войны пластические операции составили соответственно 10,0-23,2-34,0%, в течение четвертого года – 38,0-66,0% к общему количеству хирургических вмешательств. По его данным за 4 года войны в трех специализированных госпиталях количество пластических операций соответственно составило 20,6-21,8,22,2% к общему количеству выполненных хирургических пособий. В специализированных госпиталях госпиталь-

ной базы фронта (ГБФ) и тылового района за все 4 года войны и в течение послевоенного года количество пластических операций соответственно составляло 40,0 и 60,0% [4, 5, 6].

Сорокалетний опыт работы отделения хирургии лица Ленинградского института травматологии и ортопедии был обобщен А.А. Лимбергом в руководстве для хирургов «Планирование местнопластических операций на поверхности тела», изданном Государственным издательством медицинской литературы в 1963 г. В 1967 г. эта монография была переведена на немецкий язык и издана в г. Йена, а позже в конспективном изложении – на английский язык.

Признанием больших заслуг А.А. Лимберга является избрание его в 1945 г. членом-корреспондентом АМН СССР и в присвоении ему в 1968 г. почетного звания заслуженного деятеля науки РСФСР. Под его руководством было выполнено 9 докторских и 36 кандидатских диссертаций. Он удостоен многих орденов, медалей, почетных знаков и грамот [1, 9].

23-24 июня 1994 г. Санкт-Петербургская медицинская академия последипломного образования (в настоящее время Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова) провела Международную конференцию челюстно-лицевых хирургов, посвященную 100-летию со дня рождения А.А. Лимберга (рис. 1). В 2013 г. кафедре челюстно-лицевой хирургии и хирургической стоматологии этого университета было присвоено имя профессора А.А. Лимберга.

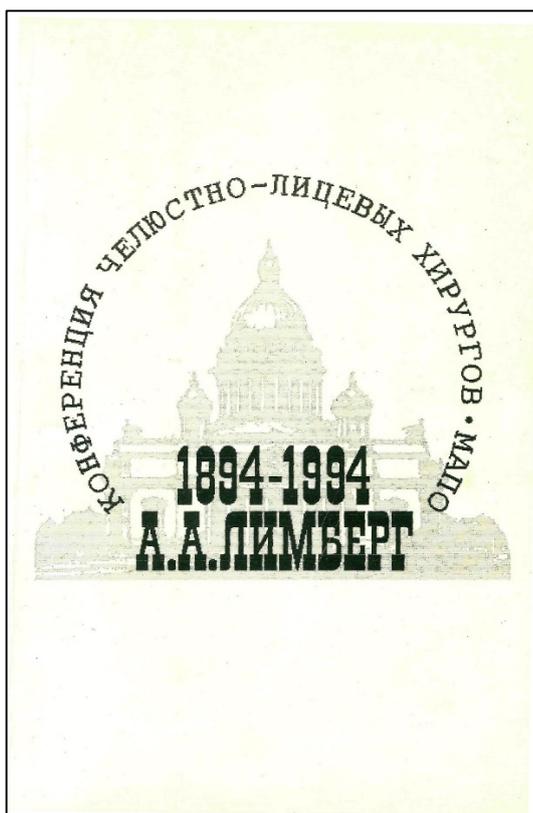

Рис. 1. – Материалы Международной конференции челюстно-лицевых хирургов (23-24 июня 1994 г., Санкт-Петербург)

Достоинным представителем славной династии Лимбергов является Алла Александровна (1930 – 2011). Она родилась 3 сентября 1930 г. в Ленинграде [7]. В 1954 г. Алла Александровна с отличием закончила лечебный факультет Первого Ленинградского медицинского института имени академика И.П. Павлова. Трудовую деятельность она начала в 1954 г. на кафедре стоматологии и челюстно-лицевой хирургии 1-го ЛМИ имени академика И.П. Павлова в должности старшего лаборанта. После окончания в 1957 г. клинической ординатуры по травматологии, ортопедии и восстановительной хирургии в Ленинградском НИИ травматологии и ортопедии имени Р.Р. Вредена (Российский НИИ травматологии и ортопедии имени Р.Р. Вредена) начала работать в должности младшего сотрудника отделения восстановительной хирургии. В 1958 г. прошла повышение квалификации по челюстно-лицевой хирургии в Ленинградском государственном институте усовершенствования врачей (Санкт-Петербургская медицинская академия последипломного образования).

В 1959 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Опорная

и контурная пластика размельченным хрящом, вводимым в ткани револьверным шприцем», а в 1975 г. – докторскую диссертацию «Теоретические аспекты свободной пересадки размельченных хрящевой и костной тканей в восстановительной хирургии лица». В 2002 г. Алла Александровна утверждена в звании профессора и действительного члена РАЕН.

В 1975 г. Алла Александровна назначена руководителем отделения повреждений и заболеваний челюстно-лицевой области и их последствий. С 1988 г. работает старшим научным сотрудником отделения пластической хирургии. Много времени уделяет проблеме оказания специализированной помощи пострадавшим с политравмой и повреждениями челюстно-лицевой области.

Врач высшей квалификационной категории Алла Александровна Лимберг работала в РНИИТО имени Р.Р. Вредена многие годы совмещала с хирургической деятельностью в отделении пластической хирургии косметической поликлиники № 84, была консультантом поликлинического отдела института.

По инициативе А.А. Лимберг в 1986 г. впервые в стране в Александровской больнице было открыто специализированное отделение для лечения пострадавших с повреждениями лица, органами зрения, нейротравмой, повреждениями других органов системы. В 1988 г. приказом МЗ РСФСР при отделе челюстно-лицевой хирургии РНИИТО имени Р.Р. Вредена на базе отделения черепно-лицевой травмы Александровской больницы был утвержден Республиканский центр по лечению челюстно-лицевой области у пострадавших с сочетанной травмой и Алла Александровна была назначена руководителем центра. Организационно-методическую, лечебно-консультативную работу она выполняла на общественных началах.

В 1992 г. А.А. Лимберг перешла в штат Александровской больницы на должность старшего врача, челюстно-лицевого хирурга, руководителя городской службы для оказания специализированной помощи больным с черепно-лицевой травмой. Под ее руководством работали молодые врачи, выполнялись самые сложные операции больным с сочетанными и множественными повреждениями челюстно-лицевой области, защищены 1 докторская и 4 кандидатские диссертации.

С 1996 г. Алла Александровна являлась действительным членом Европейской ассоциации черепно-лицевых хирургов и принимала участие и выступала с докладами на Международных и Европейских съездах и конференциях, посвященных вопросам травматологии, пластической, восстановительной и челюстно-лицевой хирургии в Югославии, Германии, Австрии, Франции, США, Голландии, Швейцарии и Финляндии.

Алла Александровна – автор около 200 печатных научных работ, посвященных различным аспектам челюстно-лицевой, восстановительной и пластической хирургии, в том числе пяти методических рекомендаций, четырех изобретений («Способ контурной пластики лица размельченным хрящом» а. с. №12765 от 14.05.59 г.; «Набор инструментов для контурной пластики лица размельченным хрящом» а. с. №12766 от 14.05.59 г.; «Пластинки и шурупы для закрепления отрезков нижней челюсти» а. с. №21188 за 1974 г.; «Насадка для пересадки размельченной кости» а. с. №20187 за 1974 г.), глав в монографии и двух руководств для врачей. 15 работ опубликованы в иностранной печати.

Благородная и самоотверженная деятельность А.А. Лимберг по лечению и реабилитации больных получила высокую оценку. Она награждена медалью «В память 250-летия Ленинграда», медалью И.П. Павлова (2002) и орденом Екатерины Великой (2004).

Высокий авторитет челюстно-лицевого хирурга, владеющего современными методами травматологии и восстановительной и пластической хирургии, личная скромность и обаяние всегда привлекали к ней клинических ординаторов, молодых врачей, многочисленных учеников и пациентов.

Династия Лимбергов является для стоматологов и челюстно-лицевых хирургов всех поколений ярким примером самоотверженного служения российскому народу и любимому делу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безруков В.М. Основные научные направления в деятельности А.А. Лимберга в отечественной литературе / В.М. Безруков, Т.М. Лурье, Н.Н. Смирнова // Актуальные вопросы челюстно-лицевой хирургии. – СПб., 1995. – С. 20-22.

2. Дунаевский В.А. Лимберг Александр Александрович / В.А. Дунаевский // Большая медицинская энциклопедия. – 1980. – Т. 13. – С. 108.
3. Козлов В.А. Александр Александрович Лимберг (К 100-летию со дня рождения) / В.А. Козлов // Стоматология. – 1994. - №2. – С. 94-96.
4. Лимберг Алла Александровна (некролог) // Травматология и ортопедия России. – 2011. - №2. С. 216.
5. Лимберг А.А. Современные огнестрельные ранения лица и челюстей и их лечение // Стоматология. – 1940. - №6. – С. 35-41.
6. Лимберг А.А. Огнестрельные ранения лица и их лечение. – М.: Медгиз, 1941. – 60 с.
7. Лимберг А.А. Применение способов восстановительной хирургии для лечения последствий огнестрельных ранений лица и челюстей в годы Великой Отечественной войны / А.А. Лимберг // Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. / под ред. Д.А. Энтина. – М.: Медгиз, 1951. – Т. 6. – С. 331-333.
8. Палкин И.И. Александр Карлович Лимберг / И.И. Палкин // Стоматология. – 1957. - №1. – С. 75.
9. Титова А.Т. Жизнь и деятельность профессора А.А. Лимберга / А.Т. Титова // Актуальные вопросы челюстно-лицевой хирургии. – СПб., 1995. – С. 5-20.

УДК 614.2(09)''1917/1924''

О.И. Матчина, А.А. Матчин, Е.В. Огурцова

г. Оренбург

СОВЕТСКОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Статья посвящена изучению становления и организации государственной медицинской помощи в РСФСР в период Октябрьской революции, гражданской войны и восстановления народного хозяйства (1917-1925), а также связанных с ней медицинских и социальных проблем.

Ключевые слова: советское здравоохранение, деятели советской медицины, история.

O.I. Matchina, A.A. Matchin, E.V. Ogurtsova

Orenburg

SOVIET HEALTH IN THE POST-REVOLUTIONARY PERIOD

The article is devoted to the study of the formation and organization of state medical aid in the RSFSR during the October Revolution, civil war and the restoration of the national economy (1917-1925), as well as related medical and social problems.

Key words: Soviet public health, figures of Soviet medicine, history.

25 октября (7 ноября) 1917 г. подписанное В.И. Лениным воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам» известило страну о переходе власти в руки Советов. 26 октября (8 ноября) 1917 г. при Военно-революционном комитете Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов создается Медико-санитарный отдел. Со временем и в остальных регионах были созданы аналогичные отделы и Врачебные коллегии.

С установлением Советской власти в стране стали проводиться демократические и социальные преобразования. Усилилось внимание к заболеваемости населения и ее социальным факторам. Так, 29 октября 1917 г. был издан декрет «О 8-часовом рабочем дне», запрещавший работать детям до 14-летнего возраста. Женщины и подростки в возрасте до 18 лет не допускались к подземным работам, сокращалась общая продолжительность рабочего дня на вредных производствах [4]. Советская власть сделала здравоохранение приоритетной частью своей политической и государственной системы. Она базировалась на ярких социальных лозунгах: государственный характер, общедоступность и бесплатность медицинской помощи, профилактическая направленность, научная обоснованность, участие населения в работе медицинских учреждений [1].

22 декабря 1917 г. Центральный исполнительный комитет (ЦИК) утвердил декрет «О страховании на случай болезни», а 14 ноября В.И. Ленин подписал декрет «О бесплатной передаче больничным кассам всех лечебных учреждений».

Декрет Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР от 20 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» положил начало массовой ликвидации монастырских больниц и приютов [2]. Начавшаяся гражданская война, иностранная интервенция, недостаток медицинских кадров способствовали высокой смертности и массовому распространению различных инфекционных заболеваний и поставили перед государством неотложную задачу по организации медицинского обслуживания гражданского населения и бойцов Красной Армии.

24 января 1918 г. СНК РСФСР образовал Совет врачебных коллегий. В подписанном В.И. Лениным декрете было указано:

«1. Медицинские коллегии всех народных комиссариатов образуют Совет

врачебных коллегий.

2. Совет врачебных коллегий является высшим медицинским органом рабочего и крестьянского правительства.

3. Председатель Совета врачебных коллегий присутствует с правом совещательного голоса на заседаниях СНК при разрешении вопросов врачебно-санитарного дела.» [7].

15-18 июня 1918 г. состоялся I Всероссийский съезд медико-санитарных отделов Советов. На съезде обсуждались вопросы о задачах и организации Народного комиссариата здравоохранения, об организации и задачах советской медицины, о взаимоотношения между страховой и советской медицинской, об организации борьбы с эпидемиями, о школьно-санитарном деле, о национализации аптек.

11 июля 1918 г. за подписью В.И. Ленина был издан декрет СНК «Об учреждении Народного комиссариата здравоохранения РСФСР» – первого в мире единого управления всем здравоохранением страны. Первым народным комиссаром здравоохранения РСФСР был назначен Николай Александрович Семашко (1874-1949), его заместителем – Зиновий Петрович Соловьев (1876-1928). Членами коллегии были утверждены П.Г. Дауге, А.П. Голубков, В.М. Бонч-Бруевич (Величкина), Е.П. Первухин.

В 1919 г. З.П. Соловьев был избран председателем Исполкома Российского общества Красного Креста, а в январе 1920 г. возглавил Главное военно-санитарное управление Рабоче-крестьянской красной армии (которое с августа 1918 г. входило в Народный комиссариат здравоохранения РСФСР).

В 1923 г. З.П. Соловьев организовал и возглавил вторую в стране кафедру социальной гигиены на медицинском факультете 2-го Московского государственного университета (ныне Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова). По его инициативе в 1925 г. в Крыму был создан пионерский лагерь «Артек». В опубликованных З.П. Соловьевым работах «Пути и перепутья современной медицины», «Профилактические задачи лечебной помощи», «Каких врачей должна готовить высшая медицинская школа», «Научные

основы военно-санитарной службы» разрабатывались вопросы организации медицинского дела и медицинского образования в стране [4].

В 1919 г. специальная комиссия начала работать над пересмотром и созданием новой единой классификации и номенклатуры болезней и причин смерти. Работа закончилась в 1924 г. утверждением и изданием первой советской номенклатуры болезней и причин смерти. Второе издание этой же номенклатуры было опубликовано в 1927 г. Это дало возможность сопоставлять результаты русских и зарубежных статистических исследований.

Основными задачами здравоохранения молодой советской власти стали борьба с эпидемиями, помощь раненым на фронтах Гражданской войны, формирование сети медико-санитарных учреждений, разработки новых форм учета и отчетности медико-санитарных учреждений, учет медицинских кадров. В 1920 г. была заново создана единая система медицинского учета и отчетности, проведена перепись медицинских кадров.

В 1920 г. Наркомздравом была создана специальная комиссия для обследования санитарных последствий войны 1914-1918 гг. Комиссия выпустила в 1923 г. первый выпуск «Трудов», в котором были представлены уникальные материалы о санитарных потерях русской армии и деятельности ее медицинской службы в Первую мировую войну.

Заботой об охране здоровья населения проникнуты принятые в те годы декреты: «Об усилении детского питания» (14 сентября 1918 г.), «О фонде детского питания» (23 сентября 1918 г.), «О мероприятиях по борьбе с сыпным тифом» (28 января 1919 г.), «О мерах борьбы с эпидемиями», «Об обязательном оспопрививании», «О снабжении бактериологических институтов и лабораторий необходимыми для их работы материалами и инвентарем» (10 апреля 1919 г.) и многие другие.

Большую угрозу для существования молодого Советского государства представляли эпидемии. С трибуны VII Всероссийского съезда Советов (5-9 декабря 1919 г.) В.И Ленин заявил: «Или вши победят социализм, или социализм победит вшей» [3]. Сыпным тифом с осени 1918 г. по весну 1920 г. переболело более 6 млн.

россиян. Для борьбы с сыпным тифом было дополнительно развернуто 250 тыс. коек, а на железнодорожных и водных станциях стали организовываться санитарные пропускники [6].

Огромная роль в развитии советского здравоохранения принадлежит состоявшемуся в марте 1919 г. VIII съезду РКП(б), на котором была принята новая Программа партии, определившая основные задачи в области охраны и здоровья трудящихся. Программа предусматривала проведение широких оздоровительных и санитарных мер, имеющих целью предупреждение развития заболеваний.

В соответствии с циркуляром Наркома здравоохранения от 1921 г. была запрещена частная медицинская практика.

Развитие советского здравоохранения сдерживала в эти тяжелые годы нехватка квалифицированных врачей и другого медицинского персонала. Правительству предстояло принять меры не только по увеличению числа специалистов, но и провести реформу медицинского образования, а также привлечь в учебные заведения детей рабочих и крестьян. Для осуществления общедоступной, бесплатной и квалифицированной медицинской помощи Советскому государству потребовались огромные усилия по созданию и развитию материально-технической база здравоохранения, строительству различного рода лечебно-профилактических, санитарно-противоэпидемических учреждений, научно-исследовательских институтов, средних и высших медицинских учреждений по подготовке медицинских кадров. В 1918-1922 гг. в университетах было открыто 16 медицинских факультетов [4].

Началось повсеместное строительство государственных больниц, амбулаторий и лечебных учреждений, на предприятиях стали создаваться пункты медицинской помощи, амбулатории и стационары. Проводились профилактические медицинские мероприятия по охране здоровья населения и предупреждению развития инфекционных заболеваний. С 1924 г. стали осуществляться меры по восстановлению и развитию здравоохранения в сельской местности. 30 июня 1924 г. было принято важное постановление «Об обеспечении медицинской помощи сельскому населению». Вопросы организации медицинской помощи сельскому населению обсуждались в том числе и на I съезде участковых врачей (с 8-15 декабря 1925 г.) [4].

В первые годы советской власти было принято большое количество нормативных документов, регламентирующих деятельность системы здравоохранения. Председателем Совнаркома В.И. Лениным было подписано более 200 декретов и постановлений [5].

Важное значение для здравоохранения страны имел XII Всероссийский съезд Советов (7-16 мая 1925 г.). На съезде был заслушан отчет М.А. Семашко о деятельности Наркомздрава РСФСР. Съезд подвел итоги огромной работы по охране здоровья россиян за время и после победы Октябрьской социалистической революции и признал, что принцип единства медицины должен оставаться неизблемым в советском здравоохранении.

Таким образом, несмотря на сложное положение в стране, связанное с гражданской войной, неурожаем, голодом и эпидемиями, а также трудностями переходного периода, советское здравоохранение успешно справилось с поставленными задачами.

ЛИТЕРАТУРА

1. История медицины СССР / под ред. Б.Д. Петрова. – М.: Медицина, 1964. – 646 с.
2. Куранов В.Г. Развитие медицинского законодательства в России в советский и современный период / В.Г. Куранов // Пермский медицинский журнал. – 2013. – Т. XXX, № 6. – С. 133-139.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. – М.: Издательство политической литературы, 1966. – Т. 39. – С. 410.
4. Лисицын Ю.П. История медицины: Учебник. – М.: ГЭОТАР-МЕД, 2004. – 400 с.
5. Сергеев Ю.Д. Профессия врача. Юридические основы: Учебник. – Киев: Высшая школа, 1988. – С. 56.
6. Социальная гигиена и организация здравоохранения / под ред. А.Ф. Серенко, В.В. Ермакова. – 2-е изд. – М.: Медицина, 1984. – 640 с.
7. Становление и развитие здравоохранения в первые годы Советской власти 1917-1924 гг. // Сборник материалов и документов. – М.: Медицина, 1966. – С. 60.

УДК 616.9(091)''-1917''

К.С. Миляева, А.Г. Корнеев

г. Оренбург

СТАНОВЛЕНИЕ ЭПИДЕМИОЛОГИИ ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Анализируется развитие эпидемиологии как науки в России – процесс пере-

хода от эмпирических изысканий, проб и ошибок к подтвержденным инструментально аппаратными рандомизированными мировыми исследованиями

Ключевые слова: *эпидемиология, революция, история, наука.*

K.S. Milyaeva, A. G. Korneev

Orenburg

THE EMERGENCE OF EPIDEMIOLOGY AFTER THE GREAT REVOLUTION

The development of epidemiology as a science in Russia is analyzed – the process of transition from empirical studies, trials and errors to instrumental-based randomized world studies

Key words: *epidemiology, revolution, history, science*

Происходившие социальные революции во многих странах мира, исторически всегда сопровождались научно-техническим прогрессом, в том числе и развитием эпидемиологии как науки. Исторические события 1917 г. в России оказали на становление современной эпидемиологии двоякое влияние.

Революция внесла разруху в политическую и экономическую сферы жизни. Научная деятельность практически была парализована в силу неприятия многими учеными идей революции, отсутствия элементарных средств, материалов, приборов для продолжения научных изысканий. Страну охватила волна эпидемий холеры, тифа, оспы и других заболеваний.

С другой стороны, сложившаяся ситуация требовала немедленного практического внедрения уже накопленных мировой наукой познаний. Революция создала более благоприятные условия для проведения широких оздоровительных мероприятий в государственном масштабе и для развития другой науки – гигиены. Провозглашенные лозунги революции направленные на доступность медико-санитарной помощи рабочим и крестьянам всей страны, способствовали быстрому развитию медико-санитарной помощи. В ряде программных документов партии большевиков еще задолго до революции были выдвинуты требования по охране труда

и здоровья рабочих. Только организованная система здравоохранения могла спасти страну от вымирания, помочь в борьбе с болезнями и эпидемиями. По всей стране, несмотря на тяжелую экономическую и политическую обстановку, проводилась массовая организация научно-исследовательских институтов и лабораторий государственного значения. Наука и практика слились воедино, и в процессе работы открывались многие новые открытия, которые внедрялись в практическое использование. Великие представители отечественной медицины – В.М. Бехтерев, А.А. Кисель, Н.И. Бурденко, Е.Н. Павловский, И.П. Павлов – продолжали работать на одном энтузиазме, голодая и терпя лишения.

Однако, уже 26 октября 1917 г., был сформирован медико-санитарный отдел при правительстве молодой республики. По всей России, начиная с 1918 по 1927 гг. было открыто более 40 научно-исследовательских институтов, среди которых был и Саратовский институт микробиологии и эпидемиологии (1918 г).

Цель нашей работы – определить вклад Великой русской революции и советского периода в развитии эпидемиологии как общемедицинской науки.

Эпидемиология как отрасль практической медицины и научная дисциплина начала формироваться и накапливать научно-практический материал значительно раньше, чем микробиология, так как включала в себя мировые достижения работ видных ученых в различных областях открытий куда можно включить и догипократовский период эмпирических догадок, гиппократовский этиологический период, добактериологический (Д. Фракасторо, Т. Сиденгейм, Д.С. Самойлович, Э. Дженнер и др.).

Л. Пастер (1822-1895 гг.) – основоположник микробиологического и эпидемиологического эксперимента, открыл ряд возбудителей инфекционных заболеваний, создал науку микробиологию, разрабатывал и предлагал способы и средства борьбы или специфической профилактики их, создал и предложил метод получения вакцин для специфической профилактики инфекционных заболеваний.

И.И. Мечников открыл явления фагоцитоза (1882 г.), создал фагоцитарную теорию иммунитета (1883 г.), что позволило в дальнейшем совместно с П. Эрлихом создать стройную теорию иммунитета, за которую И.И. Мечников и П. Эрлих в

1908 г. получили Нобелевскую премию.

Д.И. Ивановский в 1892 г. открыл вирусы, что создало науку вирусологию, позволившую расшифровать этиологию многих инфекционных заболеваний.

Дореволюционный период совпал с бактериологическим периодом становления эпидемиологии. Бактериологический период был неизбежно необходим, так как он давал обоснованные направления развития эпидемиологии. Смена эмпирического подхода к изучению процессов на основе гипотез и многолетних наблюдений за периодическими закономерностями развития многих массово протекающих патологических процессов в заболеваемости людей в различных странах, зачастую зависящих от многих факторов окружающей среды, но неизбежно имеющих общие признаки явились наиважнейшими предпосылками развития современной эпидемиологии.

Если говорить об эпидемиологии, как науке о распространении инфекционных болезней, то предпосылки ее развития существовали еще до революции, поскольку в Российской Империи инфекционные болезни по заболеваемости и летальности стояли на первом месте.

Инфекционные болезни – это проблемы развивающихся стран, поэтому более развитых странах Европы и Северной Америки, развитие эпидемиологии закономерно шло другим путем – путем формирования общемедицинской науки. Так, внимание эпидемиологов зарубежных привлекало любое (а не только инфекционное) повторяющееся заболевание, клинический случай новой инфекции. Именно поэтому там были открыты вирусы гепатита В и ВИЧ-инфекции.

Традиционно в Российской Империи в объем работы эпидемиолога входил статистический анализ заболеваемости, и порой специалисты того периода проводили колоссальные масштабные расчеты вручную по изучению возникновению и распространения инфекционной и неинфекционной заболеваемости, которые даже в современных условиях не так просто произвести с помощью компьютера и специализированных программ.

Однако, эпидемиология претерпевает некоторый спад в связи с развитием новой науки – микробиологии. Прогрессивные научные умы того времени бросаются

в специфику этого научного познания, оставляя другие отрасли медицинского знания. Так произошло и с эпидемиологией.

И если первое рождение эпидемиологии можно связать с развитием статистических приемов и методов анализа заболеваемости, то второе, совпавшее в СССР с Октябрьской Революцией, с развитием и становлением гигиены в молодой республике.

Советский период совпал с эпохой возрождения эпидемиологии во всем мире, однако, если во всем мире эпидемиология развивалась как междисциплинарная наука, то в СССР исключительно, как наука о закономерностях распространения инфекционных болезней. Кроме того, во всем мире эпидемиологический метод использовался для изучения как патологии, так и состояние здоровья, а в СССР только патологии и использовался для профилактики и борьбы только с инфекционными болезнями.

Однако не все советские ученые разделяли эту позицию. В.А. Башенин (1882 – 1977 гг.) создатель кафедры эпидемиологии в 1947 г. в Ленинградском санитарно-гигиеническом медицинском институте. Является соавтором открытия безжелтушного лептоспироза, изучал вирусный гепатит, детские инфекции. Но считал, что ограничение предмета эпидемиологии лишь инфекционными заболеваниями ошибочно, так как всякие массовые заболевания являются эпидемией и требуют компетенции эпидемиолога, поэтому он говорил, что эпидемиология – это наука не только о закономерностях развития эпидемического процесса инфекционных заболеваний, но предлагал изучать и развивать эпидемиологию неинфекционных болезней (сердечно-сосудистых, рака, силикоза) и на основе этого разрабатывать профилактику заболеваний.

Сегодня мы очень близко подошли к этим позициям и споры о возможности существования эпидемиологии неинфекционных заболеваний в современной отечественной медицинской среде необходимо прекратить. Сейчас в нашей стране уже паспортизировано 4 научных дисциплины: «Эпидемиология сердечно-сосудистых заболеваний», «Эпидемиология психических расстройств», «Эпидемиология онкологических заболеваний» и «Эпидемиология травмы».

Из других отечественных ученых с данной трактовкой был согласен только вирусолог и эпидемиолог В.М. Жданов. Но большинство эпидемиологов и инфекционистов к данной позиции относились резко-негативно: академик Бениамин Лазаревич Черкасский (1934-2007 гг.), академик Валентин Иванович Покровский (1929 г.), Виталий Дмитриевич Беляков (1921-1996 гг.), Лев Васильевич Громашевский (1887-1980 гг.).

Советские ученые очень часто выражали несогласие даже с концептуальными основополагающими положениями зарубежной эпидемиологии. Например, концептуально ВОЗ эпидемиологический надзор был определен и сформулирован в 1969 г. в Гааге, как система слежения за динамикой эпидемического процесса инфекционной болезни на определенной территории, факторами и условиями, влияющими на ее распространение, анализ и обобщение полученной информации для разработки научно обоснованной системы мер борьбы и профилактики.

Однако, отечественные ученые (в первую очередь академик Б.Л. Черкасский) утверждали, что одного лишь слежения недостаточно и настаивали на включения в алгоритм эпидемиологического надзора комплекса противоэпидемических и профилактических мероприятий, которые в настоящее время вынесены за пределы эпидемиологического надзора и определены как эпидемиологический контроль. Тоже касается и управленческих решений. Дело доходило до смешного, так если схема эпидемиологического надзора сотрудниками ВОЗ рисовалась по горизонтали, то советские эпидемиологи изображали ее – вертикально.

Развитие эпидемиологии в России внесло неоценимый вклад в развитие мировой науки, что подтверждено историческими фактами достижений в здравоохранении на государственном уровне для всех слоев населения. Современная Россия принимает участие в оказании помощи практически во всем мире при возникновении массовых заболеваний, эпидемий, новых заболеваний, в короткие сроки разрабатывая алгоритмы защитных механизмов по локализации и ликвидации очагов заболеваемости за рубежом, разработкой и применением вакцин практически от всех известных возбудителей болезней человека.

Вместе с тем, с развалом СССР, с 1992 г., отечественные эпидемиологи вынуждены были учиться «новой» западной эпидемиологии – эпидемиологии, как междисциплинарной науке, но на самом деле нашей, хорошо забытой дореволюционной эпидемиологии. В доказательство тому среди прочих архивных материалов имеются отечественные журнальные статьи середины XIX века, в которых используются методы, которые в настоящее время мы бы назвали зарубежными терминами, например, двойное слепое рандомизированное клиническое испытание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жданов В.М. Заразные болезни человека / В. М. Жданов. – М.: МЕДГИЗ, 1953. – 255 с.
2. Черкасский Б.Л. Путешествие эпидемиолога во времени и пространстве. – Воронеж: ФГУП ИПФ «Воронеж», 203. – 640 с.
3. Шерстнев В.М. Дезинфекционная служба: вчера и сегодня. – Оренбург: Печатный дом «Димур», 2011. – 136 с.
4. Шкарин В.В. Новые инфекции: систематизация, проблемы, перспективы: монография / В.В. Шкарин, О.В. Ковалишена. – Н.Новгород: Издательство НГМА, 2012. – 512 с.

УДК 616-092(09)

*Т.В. Панфилова, Б.А. Фролов, А.Д. Железнова,
Ю.А. Сарычева, А.А. Токарева*
г. Оренбург

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК О ВЫДАЮЩИХСЯ УЧЕНЫХ-ПАТОФИЗИОЛОГАХ, СФОРМИРОВАВШИХ ПАТОФИЗИОЛОГИЮ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНУЮ НАУКУ

В статье рассмотрены библиографические данные ученых, которые на рубеже эпох создавали школы единомышленников, развивали патофизиологию как фундаментальную науку.

Ключевые слова: *патологическая физиология, эксперимент, отечественные патофизиологи, научные школы, ученики.*

*T.V. Panfilova, B.A. Frolov, A.D. Zheleznova,
Yu.A. Sarycheva, A.A. Tokareva*
Orenburg

HISTORICAL ESSAY ABOUT THE GREAT

SCIENTISTS- PATHOPHYSIOLOGISTS WHO SHAPED THE PATHOPHYSIOLOGY AS A FUNDAMENTAL SCIENCE

Bibliographic data of scientists who created the schools of like-minded people at the turn of the century and who developed the pathophysiology as a fundamental science are discussed in the article.

Key words: pathological physiology, experiment, domestic pathophysiologists, scientific schools, disciples.

Патологическая физиология как самостоятельная наука возникла более 130 лет назад. Эта необходимость была продиктована обособленностью данной науки, которая изучала общие закономерности возникновения, развития и исхода болезни с помощью экспериментального метода. Метод эксперимента широко применялся до формирования патофизиологии как самостоятельной науки. Еще в царской России им широко пользовались отечественные и зарубежные ученые (И.М. Сеченов, С.П. Боткин, И.П. Павлов, Р. Вирхов) исследуя причины и механизмы формирования многих заболеваний. Эволюционный, или сравнительный метод в экспериментальную патологию внес И.И. Мечников (1845-1916). Этот выдающийся русский ученый с успехом применял сравнительный метод для изучения воспаления и невосприимчивости к инфекционным болезням. В последующем он стал Лауреатом Нобелевской премии в области медицинских наук.

Наиболее талантливым ученым-патофизиологом того времени был Виктор Васильевич Пашутин (1845-1908). В.В. Пашутин ученик И.М. Сеченова, имел отличную подготовку как экспериментатор. Главным в научной деятельности В.В. Пашутина были вопросы патологии обмена веществ, особенно при голодании. Это диктовалось обстоятельствами, сложившимися в России в те годы. Исследования по голоданию носили исключительно глубокий характер. В.В. Пашутин впервые в мире сконструировал и построил установку, которая позволяла с большой точностью определять газообмен у животных и человека.

В.В. Пашутин создал первую в России школу патофизиологов, т. е. группу

учеников, объединенных общностью идей и задач. В 1874-1879 гг. стал профессором кафедры общей патологии Казанского университета. В годы работы в Казанском университете В.В. Пашутин кардинально переработал курс общей патологии в новом экспериментально-физиологическом направлении и подготовил к печати двухтомный труд «Лекции общей патологии (Патологической физиологии)». Выход в свет этих работ во многом определил пути развития отечественной патофизиологии. Он был крупным организатором науки, что особенно проявилось, когда он стал начальником Военно-медицинской академии. Это было время расцвета Академии. Много блестящих ученых были привлечены В.В. Пашутиным в этом вузе, в том числе русский ученый И.П. Павлов. Умер В.В. Пашутин в 1907 году во время своего выступления на конференции в Академии. Ныне все патофизиологи считают, что В.В. Пашутина отцом своей науки, он создал первую в России школу патофизиологов. В числе его учеников были П.М. Альбицкий, А.В. Репрев, А.А. Лихачев и другие.

В.В. Пашутин многократно представлял русскую науку за рубежом. Лучшим русским патологом назвал его И.П. Павлов. Его портрет помещен на центральном листе журнала «Патологическая физиология и экспериментальная терапия».

Александр Богданович Фохт (1848-1930) заслуженный профессор Московского университета, заслуженный деятель науки РСФСР. Работая помощником прозектора на кафедре патологической анатомии и судебной медицины Московского университета под руководством Кляйна защитил докторскую диссертацию, после чего в течении 5 лет (1875-1880) занимался экспериментальными исследованиями в области сердечно-сосудистой патологии в Лейпцигском институте общей патологии у Ю. Конгейма.

А.Б. Фохт сыграл большую роль в истории патофизиологии. Является основоположником направления в патологии, которая отражена в комплексном изучении болезни, включая морфологические, экспериментально-физиологические и клинические методы. Он исследовал приспособительные и компенсаторные реакции организма, вызванные действием патологического фактора. Под его руковод-

ством были выполнены первые отечественные работы по патологии желез внутренней секреции. А.Б. Фохтом и его школой были заложены основы отечественной экспериментальной кардиологии. Долгие годы А.Б. Фохт возглавил кафедру патологической физиологии в Московском университете.

Владимир Валерьянович Подвысоцкий (1857-1913) будучи студентом Киевского университета выполнил работу «Новые данные о тончайшем строении поджелудочной железы, удостоенную золотой медалью. В начале своего научного пути сформировал школу на Украине, с 1887 года – руководитель кафедры общей патологии Киевского университета, а в 1900-1905 гг. – Новороссийского университета (в Одессе). В 1905-1913 гг. директор и заведующий отделом общей патологии института экспериментальной медицины в Петербурге. Работы В.В. Подвысоцкого, в основном, посвящены изучению процессов железистой ткани, проблем возникновения и развития опухолей, исследования в области микробиологии, иммунологии и патологии инфекций. За годы работы в Киевском университете Подвысоцкий создал школу патологов и патофизиологов. Его учениками были А.А. Богомольц, Д.К. Заболотный, И.Г. Савченко, Л.А. Тарасевич и др. В 1907 году талантливый лектор и блестящий ученый создал учебник «Основы общей и экспериментальной патологий», который получил не только всероссийскую, но и мировую известность. Он был переведен на французский, немецкий, греческий и японский язык.

Особенно благоприятные условия для развития патологической физиологии были созданы после Великой Октябрьской социалистической революции. Во многих городах Советского Союза сформировались крупные научные школы. Это было возможно благодаря ученикам, основоположниками патофизиологии и их последователями влюбленных в свой труд, науку.

Одним из ярких ученых того времени был Н.Н. Сиротинин (1896-1977). Для всех, кто знал его лучше, часто общался с ним, или еще лучше, работал с ним вместе и долго, он навсегда оставил впечатление человека беспредельно и бескомпромиссно преданного науке и своей Родине, человека с большой буквы. Становление

Н.Н. Сиротинина как ученого было, в том числе, и на кафедре патологической физиологии А.А. Богомольца.

Особенностью научного профиля Н.Н. Сиротинина было стремление к широким обобщающим выводам, обязательно с непосредственным выходом в жизнь, в практическую медицину. Молодой профессор Н.Н. Сиротинин по приезду в Казань создает кафедру патологической физиологии(1920). Кафедра быстро завоевала авторитет и стала научным центром, к которому потянулись многие клиницисты.

Основной проблемой, вокруг которой развивались научные исследования, под руководством Н.Н. Сиротинина была проблема реактивности, аллергии и гипоксии. Именно вокруг этих проблем возникли исследования о влиянии высокогорного климата на организм человека и на процессы аллергии, которые вылились, впоследствии, в организацию аллергологической службы в нашей стране.

Н.Н. Сиротинин объединил научные задачи в форме общего учения о проблеме реактивности. Это направление исследований Н.Н. Сиротинин является оригинальным отечественным направлением, получившим широкое развитие за годы Советской власти.

Большой заслугой Н.Н. Сиротинина является разработка вопроса о сравнительной патологии реактивности, аллергии, иммунитета и инфекционного процесса.

В Казани Николай Николаевич также очень интересовался проблемой действия пониженного атмосферного давления на живой организм. Его экспедиция со своими учениками, в горы, где ученый проводил эксперименты, в том числе, и над собой демонстрировали целеустремленность, настойчивость для достижения поставленной цели.

Н.Н. Сиротинин поражал своей скромностью, не желанием быть заметным, его простота и доступность неизменно притягивали к нему молодость, которой он бескорыстно отдавал свою огромную эрудицию, опыт, навыки, в полученной работе.

Патологическая физиология как самостоятельная наука впервые возникла в

дореволюционной России. Огромное число ученых создавали это направление в своей деятельности. После Великой Октябрьской социалистической революции успешно развивалась и в Советском Союзе. По всему миру, и в настоящее время создаются кафедры, институты, лаборатории, которые позволяют поддерживать и укреплять школу патофизиологов.

ЛИТЕРАТУРА

1. А.Б. Фохт (1848-1930) и его научный вклад в развитие клинической медицины (к 150-летию со дня рождения) // Клиническая медицина. – 1998. – № 11. – С.77-79.
2. В.В. Пашутин. П.Н. Веселкин. – М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1950. – 231с.
3. Основы общей и экспериментальной патологии. Владимир Валерьянович Подвысоцкий // Руководство к изучению. – СПб.: Издание К.Л. Риккера, 1899.
4. Патологическая физиология. – М., 1957. – с.5-17.
5. Реактивность и резистентность: фундаментальные и прикладные вопросы // Реактивность и резистентность: фундаментальные и прикладные вопросы. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения академика АМН СССР Н.Н. Сиротинина. – Киев, 1987. – С.3-9.

УДК 616-092(091)

Ю.А. Сарычева, Б.А. Фролов, Т.В. Панфилова, А.Д. Железнова

г. Оренбург

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКИХ ПАТОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ШКОЛ

В статье представлены патофизиологические школы советского периода, их основные представители и направления научно-исследовательской работы.

Ключевые слова: патофизиология, история, наука, ученые.

Yu.A. Sarycheva, B.A. Frolov, T.V. Panfilova, A.D. Zheleznova

Orenburg

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE SOVIET PATHOPHYSIOLOGICAL SCHOOLS

The pathophysiological schools of the Soviet period, their main representatives and directions of research work are presented in this article.

Key words: pathophysiology, history, science, scientists.

Исторические заслуги судятся не потому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а потому, что они дали нового сравнительно со своими предшественниками.

(В.И. Ленин. Полн. собр. соч. т.2, стр. 178)

Конкретно-исторический подход к прошлому нашей патофизиологии нуждается при этом и в дифференцированной оценке идейных позиций и подходов разных русских патофизиологических школ, расходившихся между собой очень сильно [1, с. 3].

Крупнейшим отечественным патофизиологом является ученик И. М. Сеченова профессор Виктор Васильевич Пашутин (1845-1901). В 1874 г. в Казани он возглавил кафедру общей патологии Казанского университета, придав ее деятельности патофизиологическую направленность, а в дальнейшем руководил кафедрой общей и экспериментальной патологии Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге. В. В. Пашутин первым внедрил в медицину термин «патологическая физиология» и фактически основал ее как науку. Придавая большое значение общетеоретическим и методологическим вопросам, являясь автором фундаментальных научных трудов в области патологической физиологии, В. В. Пашутин считал патологическую физиологию «философией медицины». Будучи учеником И.М. Сеченова и С.П. Боткина, он развивал в патофизиологии идеи нервизма. Им написано первое оригинальное отечественное руководство по патологической физиологии. Много внимания В.В. Пашутин уделял изучению проблемы голодания и обмена веществ. Он разработал оригинальную методику определения газообмена и впервые создал калориметр для непосредственного определения теплотерм организмом животного и человека. Изучая цингу, В.В. Пашутин высказал мысль о том, что она возникает под влиянием факторов, не обладающих энергетической ценностью

и содержащихся в зеленых частях растений, т.е. он был близок к толкованию цинги как авитаминоза С. В.В. Пашутин впервые в России начал заниматься изучением деятельности желез внутренней секреции (половых желез) [1, с. 13; 2, с. 4; 5, с. 33].

Основное направление работ пашутинской школы в Петербурге продолжали П.М. Альбицкий, Е.А. Карташевский и Н.В. Веселкин.

В Харькове развитие работ пашутинской школы также нашло благодарную почву. А.В. Репревым и его многочисленными учениками (Д.Е. Альперн, С.М. Лейтес, М.М. Павлов и др.) были произведены обширные исследования в области патологии газообмена и теплообмена животных-носителей перевиваемых опухолей, при лихорадках и при различных эндокринопатиях. Как известно, А.В. Репрев был одним из пионеров эндокринологии как самостоятельной науки в России [1, с. 14; 5, с. 35].

В Томске работы представителей пашутинской школы по почину А.Д. Тимофеевского в 1985-1903 гг. приняли экспериментально-гематологическое направление. Им были произведены многочисленные исследования с помощью метода тканевых культур по выяснению генетических отношений лейкоцитов, изучению туберкулезной и лепрозной инфекции, эксплантации разнообразных опухолей человека [1, с. 14; 5, с. 37].

Выдающимся достижением советской патофизиологии в учении о патологии обмена веществ являются работы Е.С. Лондона (1869-1939). Е.С. Лондон был учеником Лукьянова (Варшава-Петербург) – воспитанника Петербургской кафедры общей патологии Военно-медицинской академии, современника и некоторое время сотрудника В.В. Пашутина на кафедре. С 1917 до самой смерти Е.С. Лондон руководил Отделом общей патологии Института экспериментальной медицины в Ленинграде [5, с. 54].

Московская школа патофизиологов А.И. Полунина – А.Б. Фохта дала ряд крупных исследований в различных областях патофизиологии. Работы А.Б. Фохта по патологии кровообращения, выполненные в основном в досоветский период, были суммированы им в монографиях о патологии сердца (1923), об отеке и водянке (1919).

Г.П. Сахарову принадлежит большое количество работ по патологии реактивности и по эндокринологии. Как известно, им впервые было описано (1905) явление сывороточной анафилаксии у морских свинок.

А.И. Тальянцев (Москва) продолжал работы А.Б. Фохта по патофизиологии кровообращения, В.К. Линдеман (Киев) изучал нефротоксины. Оба они написали учебники по патофизиологии.

В.В. Воронин (Тбилиси) занимался вопросами патогенеза воспаления, патологии сердечно-сосудистой системы, трофической язвы и многими другими. Им написано руководство патофизиологии в двух томах [1, с. 14].

В Киеве (1887) курс патологической физиологии читал В.В. Подвысоцкий (1857-1918). Им опубликовано известное руководство по общей патологии (1891-1905).

Представителями школы В.В. Подвысоцкого были А. Заболотный (1866-1929), Л.А. Тарасевич (1868-1927) и И.Г. Савченко (1862-1932). Начало их научной деятельности совпало с периодом выделения медицинской бактериологии из общей патологии в самостоятельную научную дисциплину [1, с. 15; 5, с. 45].

В многочисленных работах И.Г. Савченко (Казань) освещались вопросы этиологии злокачественных опухолей, иммунитета и аллергии при многих инфекциях и теория фагоцитоза. Работы И.Г. Савченко о роли поверхностных явлений, электролитов и пр. в механизме фагоцитоза предвосхитили аналогичное направление исследований по фагоцитозу за границей (Медд, Нонгестер и др.). Так, например, И.Г. Савченко впервые показал, что фагоцитоз не происходит при отсутствии электролитов в среде и этим приблизил понимание механизма фазы аттракции фагоцитоза к закономерностям, определяющим сероагглютинацию.

В Саратове А.А. Богомолец создал свою школу патофизиологов (Е.А. Татаринов, Н.Н. Сиротинин, Л.Р. Перельман и др.), которая выросла в одну из наиболее мощных отечественных школ по патофизиологии.

Центральной проблемой, занимавшей школу А.А. Богомольца, являлась проблема реактивности. Еще в 1905 г. А.А. Богомолец обратил внимание на реактив-

ные изменения в коре надпочечных желез при дифтерийной и ботулиновой интоксикациях. А.А. Богомолец много занимался изучением реакций соединительной ткани при различных патологических состояниях. Много внимания он уделял также вопросам переливания крови, эндокринопатологии, цитотоксической стимуляции функций. Наиболее активным продолжателем изучения проблемы реактивности в настоящее время является Н.Н. Сиротинин и его многочисленные ученики (А.Д. Адо и др.) [1, с. 15; 5, с. 46].

С 1919 г. в Военно-медицинской академии начал читать курс патологической физиологии Н.Н. Аничков, создавший вскоре оригинальную, плодотворную школу (И.Р. Петров, П.Н. Веселкин, П.П. Гончаров и др.).

Н.Н. Аничков и его сотрудники изучали патологию липоидного обмена веществ, сочетая биохимические методы исследования с гистологическим контролем. Уже к первому периоду работы этой школы относятся известные исследования о динамике алиментарной гиперхолестеринемии, о патогенезе нарушений липоидно-холестеринового обмена и образования липоидных отложений в стенке артерий.

Другая группа работ, проводившихся в лаборатории Н.Н. Аничкова, была посвящена вопросам распределения коллоидных металлов и красок в ретикуло-эндотелии различных органов и процессам поглощения красок стенками артерий в связи с патогенезом атеросклероза. Результаты этих работ нашли свое отражение в известной монографии Н.Н. Аничкова о ретикуло-эндотелиальной системе (1930) [1, с. 15].

И.П. Петров изучал патологическую регуляцию кровообращения, проблемы гипоксии и оживления. Большую роль в развитии представлений о значении нервной системы в патологии сыграли исследования А.Д. Сперанского. К ним относятся получившие широкую известность его работы по нервной трофике, эпилепсии, следовым последствиям в патологии и др. [5, с. 52].

Приведенными примерами далеко не исчерпывается исследовательская направленность многих других лабораторий патологической физиологии в СССР, успешно развивающих научные традиции указанных выше школ отечественных

патофизиологов [1, с. 16; 3, с. 7].

К сожалению, пути развития отечественной патофизиологии не всегда были гладкими. Серьезную угрозу этому развитию создала так называемая Павловская сессия (1950), представлявшая собой объединенную сессию двух академий: «большой» и «медицинской», организованной отделом науки ЦК КПСС. Основная задача сессии – установление иерархического порядка в физиологии, при котором, как утверждали ортодоксы: «Согласно Павлову, все физиологические процессы в организме животных подчинены коре больших полушарий головного мозга. Эту подчиненность следует изучать развитым Павловым методом условных рефлексов. Кто этого не делает, кто не признает руководящую роль коры больших полушарий и при этом изучает другие аспекты физиологии – «субъективные идеалисты». Это вообще опасные люди – они не признают руководящей роли верховных властей». На этой сессии выступил А.Г. Иванов-Смоленский с докладом: «Пути развития идей Павлова в области патофизиологии высшей нервной деятельности». Основное содержание доклада – обвинение физиологов и патофизиологов, отступающих от «генеральной, единственно правильной научной линии – павловской физиологии». По итогам сессии были приняты решения, среди которых особенно умиляет «решительная борьба с рациональными теориями в медицине» (т.е. с генетикой и др.). К счастью, это продолжалось недолго и уже в начале 60-х годов отечественные патофизиологи заняли свое достойное место в науке с трудами ее славных представителей – академиков: Парина В.В., Сиротинина Н.Н., Горизонтова П.Д. и других, вошедших в золотой фонд ученых в области физиологии и медицины [6, с.290].

ЛИТЕРАТУРА

1. Адо А.Д. Патологическая физиология: учебник / А.Д.Адо, И.Р. Петров. – М.: Медгиз, 1957. – 540 с.
2. Веселкин П.Н. Теоретические вопросы общей и экспериментальной патологии в школе В.В. Пашутина и П.М. Альбицкого / П.Н. Веселкин. – Л.: Медицина, 1971. – 184 с.
3. Горизонтов П.Д. Вопросы патологической физиологии в трудах И.П. Павлова / П.Д. Горизонтов. – М.: Медгиз, 1952. – 344 с.
4. Иванов-Смоленский А.Г. Очерки патофизиологии высшей нервной деятельности / А.Г. Иванов-Смоленский. – М.: Медгиз, 1952. – 296 с.
5. Патофизиология: учебник в двух томах под ред. Новицкого В.В., Гольдберга Е.Д., Уразовой О.И. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ГЭОТАР-Медия, 2013. – Т.1. – 848 с.

6. Шноль С.Э. Герои и злодеи Российской науки / С.Э. Шноль. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. – 462 с.

УДК: 614.2 (091)

Д.Д. Теремов, С.В. Нагорная

г. Смоленск

СТАЛИНСКИЕ РЕПРЕССИИ 30-Х ГОДОВ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья посвящена событиям 1937-1938 гг. и их последствиям для медицинского сообщества Западной области РСФСР, для многих представителей которого этот период стал временем тяжелых испытаний.

Ключевые слова: история России, история медицины, сталинские репрессии, Смоленский государственный медицинский институт.

D.D. Teremov, S.V. Nagornaya

Smolensk

STALINIST REPRESSION OF THE 1930S IN HEALTH CARE IN THE SMOLENSK REGION

The article is devoted to the events of 1937-1938 and their consequences for the medical community of the Western region of the RSFSR, for many representatives of which this period was a time of severe trials.

Key words: history of Russia, history of medicine, Stalinist repression, Smolensk State Medical Institute.

Прославим, братья, сумерки свободы,
Великий сумеречный год!..
Восходишь ты в глухие годы, –
О, солнце, судия, народ.

Осип Мандельштам

К 1937 году в стране еще царила атмосфера революции и гражданской войны. Именно этот период стал временем запуска маховика репрессий в СССР. И, как это

часто бывало, если под следствием оказывался человек, занимавший до этого руководящую должность, начиналось преследование его подчиненных. Не обошли трагические события и Смоленский государственный медицинский институт (СГМИ), который в 1935 году отметил свой 15-летний юбилей. Среди многочисленных гостей, прибывших в Смоленск, был народный комиссар здравоохранения РСФСР Григорий Наумович Каминский. Он выступил на торжественном собрании с речью, в которой высоко оценил деятельность коллектива быстро развивающего института. В июле 1935 года СГМИ было присвоено имя Г.Н. Каминского, которое вуз носил до 1937 года, который стал для Григория Наумовича роковым. Известно также, что клиника ЛОР-болезней СГМИ была названа в честь первого секретаря Западного обкома И.П. Румянцева.

Высокую оценку получили личные заслуги директора СГМИ Федора Степановича Быкова в деле организации высшей школы страны. В 1935 году в Наркомате здравоохранения РСФСР звучали предложения о переводе Ф.С. Быкова на должность заведующего Смоленским облздравотделом, на руководящую работу в Ростовский или Горьковский медицинские институты. Однако Г.Н. Каминский был против этого. Нарком считал необходимым оставить Ф. С.Быкова в должности директора СГМИ, указывая на его профессионализм и необходимость участия в развитии молодого вуза [4, с. 77]. При обследовании специальной комиссией обкома Западной области СГМИ в начале 1937 года были отмечены высокие достижения Смоленского медицинского института.

Григорий Наумович Каминский, как кандидат в члены ЦК ВКП(б), был свидетелем нарастающего террора, понимал, что происходящее означает явный отход от ленинских принципов. Это, очевидно, понимали многие, но не все имели смелость публично высказать свой протест против творимого беззакония, а значит, и против их вдохновителя - И.В. Сталина. Г.Н. Каминский избрал путь публичного протеста, хотя отчетливо сознавал, что тем самым подписывает себе смертный приговор. По некоторым данным, Г.Н. Каминский открыто высказался о несогласии с линией партийных лидеров еще на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. Гораздо больше данных имеется о его выступлении на июньском пленуме

(1937), где он, вслед за Н.И. Ежовым, который потребовал особых полномочий для органов внутренних дел. Григорий Наумович спросил: «Почему членов ЦК арестовывают без ведома других членов ЦК? Это нарушение Устава партии. То, что сейчас творится, – это безумие, так можно уничтожить всю партию. Я знаю перечисленных людей как верных ленинцев» [1, с. 13]. Он подчеркнул необходимость контроля партии за деятельностью органов внутренних дел. Во время перерыва между заседаниями пленума Г.Н. Каминский был арестован и на следующем заседании уже не присутствовал. Постановлением пленума от 26.06.1937 г. он был исключен из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и из ВКП/б/.

Это послужило началом новой волны партийных чисток и репрессий, которые быстро докатились до Смоленска. Вскоре после расстрела начальника штаба РККА маршала М.Н. Тухачевского был арестован командующий Белорусским военным округом, дислоцирующимся в Смоленске, командарм И.П. Уборевич [2, с. 1225]. В Смоленск с комиссией прибыл Л.М. Каганович. Врагами народа были признаны первый и второй секретари Западного обкома ВКП(б) И.П. Румянцев и А.Л. Шильман, председатель Западного облисполкома Г.Д. Ракитов. Был снят с должности и признан врагом народа начальник облздравотдела Лурье [4, с.78].

Не могла сложившаяся ситуация не отразиться и на деятельности Смоленского медицинского института имени Каминского. Над директором института Ф.С. Быковым нависла реальная угроза – преследование за дружбу с «врагом народа» Г.Н. Каминским, причисление к так называемой «группе Румянцева». Федор Степанович уверял, что единственный раз ездил на встречу с наркомом, чтобы отдать письмо по строительству зданий СГМИ, прождал 6 дней, но так и не попал к нему. Тогда его обвинили в инициативе присвоения институту имени врага народа Каминского [4, с. 79]. К счастью, все закончилось для Быкова более благополучно, чем ожидалось – он был лишь исключен из ВКП(б) и снят с должности директора СГМИ. Указ о присвоении Смоленскому медицинскому институту имени Г.Н. Каминского был отменен.

Директора Смоленского государственного стоматологического института (СГСИ) Э.И. Этинберга также исключили из кандидатов в члены ВКП(б) за связь с

Лурье, который был поручителем Этинберга при вступлении в ряды кандидатов в члены партии. Этот процесс закончился для Эльи Исеровича благополучно – он остался на должности директора СГСИ, в марте 1938 г. был восстановлен в рядах кандидатов, а в июле 1938 г. был принят в члены ВКП(б) [3, с. 4].

8 февраля 1938 года решением Военной коллегии Верховного суда СССР Григорий Наумович Каминский был приговорён к высшей мере наказания (ст. 58 УК РСФСР). Расстрелян 10 февраля 1938 года, захоронен на Коммунарке (бывшая дача Г. Ягоды). Реабилитирован посмертно Военной коллегией Верховного суда СССР в марте 1955 г.

Никита Сергеевич Хрущёв в своем докладе на XX съезде КПСС упомянул имя Г.Н. Каминского: «Уже в 1937 году, на одном из пленумов ЦК, бывший народный комиссар здравоохранения Каминский сказал, что Берия работал на мусаватистскую разведку» [6]. В своих воспоминаниях Н.С. Хрущёв писал, что «...никто не выступил с опровержением. А вскоре Каминский был арестован» [5].

Самая, пожалуй, тяжкая особенность ситуации 30-х годов XX века – смертельное столкновение не различных и чуждых друг другу людей, а напротив – людей близких, подчас даже в прямом смысле слова «родных». И последствия этих столкновений сказались на всех сферах жизни советского общества. Часто жертвами репрессий становились люди, полные энергии, творческих сил, созидательных планов, искренне верящих в советскую модель построения общества. Репрессии омрачают огромные социальные, экономические и духовные достижения труда советских людей, советской эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Идельчик Х.Я. Нарком здравоохранения Г.Н. Каминский / Идельчик Х.Я. // Исторический вестник ММА им. И.М. Сеченова. – 1995. – Т. 4. – С. 5-22.
2. Лазарев С.Е. Тухачевский и Уборевич – яркие представители советской военной элиты / Лазарев С.Е. // Вестник Российской академии наук. – М., 2011. – Т. 81. – № 12. – С. 1123-1127.
3. Личное дело Эльи Исеровича Этинберга // Государственный архив Смоленской области. Ф.3354. Оп.1. Д.219. Л.1-16.
4. Мицюк Н.А. Первый директор Смоленского медицинского института Федор Степанович Быков. К 120-летию со дня рождения // Вестник СГМА. – 2011. – №3. – С.71-81.

5. Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания). – Кн. 2. – Ч.3 – М.: ИИК "Московские Новости", 1999. – Режим доступа: <http://e-libra.su/read/90023-vremya-lyudi-vlast-vozpominaniya-kniga-2-chast-3.html> – 08.11.2017.
6. Хрущев Н.С. Доклад «О культе личности и его последствиях». 1956. – Режим доступа: <http://www.agitclub.ru/spezhran/hruzev1.htm> – 08.11.2017.

УДК 616-092.9(09)

*А.А. Токарева, Б.А. Фролов, Т.В. Панфилова,
А.Д. Железнова, Ю.А. Сарычева*
г. Оренбург

**ОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 ГОДА**

В статье рассматриваются основные этапы становления советского здравоохранения в период Первой мировой войны и российской революции 1917 года.

Ключевые слова: история России, эпидемии, советское здравоохранение.

*A.A. Tokareva, B.A. Frolov, T.V. Panfilova,
A.D. Zheleznova, Yu.A. Sarycheva*
Orenburg

**ORGANIZATION OF THE HEALTH CARE SYSTEM DURING
THE REVOLUTIONARY EVENTS OF 1917**

The article examines the main stages in the development of Soviet health during the First World War and the Russian Revolution of 1917.

Key words: history of Russia, epidemics, Soviet health.

История советского здравоохранения имеет воистину героические страницы, направленные на борьбу с эпидемиями, охватившими нашу страну в наиболее тяжелый период первой половины 1920-х годов.

Основные меры по организации системы здравоохранения в начале XX века велись на базе изданных в декабре 1917 года и в январе 1918 года Правительственных приказов НКВД. В соответствии с этими приказами были организованы Управ-

ления медицинской частью комиссариата (от 8 декабря 1917 года) и сформулированы «Инструкции об организации Советов рабочих и солдатских депутатов» (от 9 января 1918 года). В состав этих управлений входили врачебно-санитарные отделы, которые занимались гигиеническим надзором и организацией медицинской помощи, а также рациональным устройством городов и сельских поселений. После установления Советской власти комиссариаты здравоохранения были переименованы в медико-санитарные отделы, в состав которых входила коллегия, заведующий, различные подотделы и секции, наименование и количество которых постоянно изменялось. С 16 по 18 июня 1918 года в Москве проходил I Всероссийский съезд медико-санитарных отделов, где решались вопросы о потребности создания единого руководящего медицинского органа и организации советской медицины в уездах. Таким единым органом управления стал Народный комиссариат здравоохранения РСФСР – Наркомздрав (от 11 июля 1918 года). Большинство местных медицинских отделов имели различные наименования – комиссариаты, медико-санитарные отделы, отделы народного здравия и т.д., потому Народным комиссариатом здравоохранения было издано особое распоряжение: всем медико-санитарным отделам «впредь именоваться отделами здравоохранения» соответствующих исполкомов. Также вводились официально принятые сокращения: губздравотдел, уздравотдел.

Органы здравоохранения начинали свою работу в тяжелейших условиях. Последствия революций и войн, голод, хозяйственная разруха нанесли значительный ущерб медицинским учреждениям, что дало толчок к очень быстрому росту эпидемий. Таким образом, приоритетной задачей системы Советского здравоохранения стала организация и расширение сети медицинских учреждений, а также организация лечебной помощи на всей территории Республики. Борьба с такими эпидемиями как брюшной, сыпной тиф, холера приобрели важное государственное значение. На VII Всероссийском съезде Советов В.И. Ленин говорит о чрезвычайной опасности сыпного тифа для Советского государства: «Или вши победят социализм, или социализм победит вшей!». В марте 1920 года на II Всероссийском съезде

работников медико-санитарного труда он снова и снова призывает «всю решительность и весь опыт гражданской войны... обратить на борьбу с эпидемиями». За три тяжелых года Гражданской войны потери от инфекционных заболеваний в стране составили более 2 млн. человек. По данным Народного комиссариата здравоохранения за период с января 1918 по октябрь 1920 г. было зафиксировано около 6 млн. случаев заболеваний сыпным тифом, 300 тыс. случаев брюшным тифом, 250 тыс. случаев дизентерией и 24,5 тыс. – холерой.

Сыпной тиф принял характер эпидемии, которая в 1919 году достигла колоссальных размеров. Чрезвычайному росту сыпного тифа способствовало плохое питание, тяжелейшие условия жизни и труда граждан в прифронтовых местностях. Эвакуация раненых и больных с фронтов Гражданской войны осуществлялась в губернские и уездные города. Пострадавших размещали в военных городках и лагерях для военнопленных, откуда болезнь перекидывалась на местное население. Большой процент среди всех заболевших сыпным тифом составляли медицинские работники. По данным Народного комиссариата здравоохранения смертность от сыпного тифа среди медиков составляла 15-20%, при том, что смертность от общего числа заболевших в среднем составляла 9%. Еще одной эпидемией которая вызывала серьезную обеспокоенность органов здравоохранения стала холера. В условиях формировавшейся эпидемии принимались строгие карантинные меры, которые направлялись на санитарный контроль над источниками водоснабжения, также значительно расширялся коечный фонд для инфекционных стационаров, создавалась система санпропускников, разворачивалось банно-прачечное хозяйство.

В 1919 г. при Народном комиссариате здравоохранения создали Центральную Чрезвычайную комиссию, которая осуществляла борьбу с заболеваниями, носящими эпидемический характер. Такие же комиссии создавались на всей территории Республики при здравотделах. Советское руководство издало ряд декретов, которые были направлены на организацию мер по ликвидации таких эпидемий как сыпной и брюшной тиф, холера, малярия. Разрабатывались декреты, направленные на санитарную охрану жилищ и вакцинацию. Летом 1920 года на территории государства организовали «недели водоснабжения», в течение которых в соответствии

с инструкциями Народного комиссариата здравоохранения в срочном порядке проводились наиболее необходимые меры по очистке и ремонту колодцев, водопроводов, родников и т.п. Во всех городах широко развернулась агитация «за чистую воду». Декретом СНК от 30 сентября 1920 года на органы Народного комиссариата здравоохранения возлагался санитарно-гигиенический надзор за банями. В Красной Армии развертывалась сеть банно-прачечных и дезинфекционных отрядов. Эти мероприятия позволили приостановить эпидемию холеры, сыпного тифа и других инфекционных заболеваний.

Санитарно-эпидемическая работа здравотделов заключалась в обнаружении, обследовании и ликвидации очагов инфекций, госпитализации больных. Различные санитарные подотделы руководили работой санитарного бюро, санитарного надзора, бактериологическими и химическими лабораториями, санитарным транспортом. Но, наряду с этим, общее состояние здравоохранения оставалось довольно тяжелым, что ставило под угрозу существование медицинских учреждений из-за нехватки медицинского персонала, инвентаря и оборудования. Санитарный надзор проверял все жилые помещения, детские учреждения, приюты, дворы. На борьбу с инфекционными заболеваниями были призваны студенты-медики старших курсов, а также учащиеся медицинских училищ.

В условиях тяжелых эпидемий и нарастающего голода еще одной серьезной проблемой здравотделов стала транспортная обеспеченность. Она была связана с наличием в распоряжении здравотделов в основном только конных повозок, нередко с голодными и больными лошадьми. Проводились заседания губернских партийных и советских органов, на которых принимались решения о необходимости создания губернских санитарных чрезвычайных комиссий (губсанчека). Эти меры были направлены на мобилизацию ресурсов и на борьбу с эпидемиями. В тяжелых условиях решениями губисполкомов некоторые лечебные учреждения передавались на содержание губкоммунхозов и губсовнархозов, а также предполагалось перевести находящиеся в распоряжении губздравотделов аптеки на хозрасчет. Декретом Совета народных комиссариатов РСФСР от 9 января 1922 г. разрешалось открытие частных лечебных заведений (больницы, санатории, амбулатории.) и аптек,

но с разрешения и под контролем Народного комиссариата здравоохранения и местных отделов здравоохранения. Во многих городах в бактериологических лабораториях формировались противомаларийные станции, проводилась вакцинация населения. В этот период Советское правительство вновь издало ряд декретов, направленных на борьбу и ликвидацию эпидемий сыпного и возвратного тифа, холеры. Также разрабатывались мероприятия направленные на улучшения качества жилищных условий, водоснабжения населения и меры по борьбе с разрушением жилищ. В соответствии с декретом Совета народных комиссаров РСФСР «О санитарных органах республики» устанавливались основные задачи, права и обязанности санитарных органов в области санитарной охраны почвы, воды, воздуха, пищевых продуктов, жилищ, борьбы с социальными болезнями, организации противоэпидемических мероприятий, санитарного просвещения, санитарной статистики.

Эффективной борьбе с инфекциями способствовала научная медицинская общественность, которая обсуждала актуальные вопросы противоэпидемической борьбы на различных региональных и всероссийских съездах и совещаниях, которые очень часто созывались в тот период. В 20-х годах ежегодно проводились всероссийские съезды эпидемиологов, бактериологов и санитарных врачей. На одном из таких съездов (VIII Всероссийский съезд эпидемиологов, бактериологов и санитарных врачей), проходившем в мае 1924 года, был зафиксирован спад инфекционной заболеваемости, также было выдвинуто мнение о необходимости сконцентрировать основное внимание органов здравоохранения на лечебных и профилактических мероприятиях. Все эти решительные меры, принимаемые Советским государством в области здравоохранения, привели к несомненному улучшению качества медицинской помощи, а также увеличению числа медицинских учреждений и организации специальной медицинской помощи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будко, А.А. Уникальное свидетельство об организации медицинского обеспечения русской армии в Первой мировой войне / А. А. Будко, Н. Ю. Бринюк // Вестник Российской военно-медицинской академии. – 2017. – № 1. – С. 260-264.
2. Михель, Д.В. Медицина против эпидемий в Поволжье: социально-исторический контекст (1890-1925). / Д. В. Михель, И. В. Михель, И. Е. Сироткина // Вестник Евразии. –

2004. – № 3. – С. 12-18.

3. Общественное здоровье и здравоохранение: учебник / В. А. Медик, В. К. Юрьев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2015. – 288 с.

УДК 57(091);57(092)+61(091);61(092)

Н.Н. Шевлюк

г. Оренбург

СУДЬБЫ ВИДНЫХ РОССИЙСКИХ МОРФОЛОГОВ, ЭМИГРИРОВАВШИХ ИЗ РОССИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В статье содержатся сведения о судьбах российских морфологов (гистологи А.А. Максимов и К.Н. Кульчицкий, эмбриолог и зоолог К.Н. Давыдов, эмбриолог и иммунолог С.И. Метальников), покинувших Россию после революции и Гражданской войны.

Ключевые слова: история биологии, история медицины, А.А. Максимов, К.Н. Кульчицкий, К.Н. Давыдов, С.И. Метальников.

N.N. Shevlyuk

Orenburg

THE FATE OF PROMINENT RUSSIAN MORPHOLOGISTS WHO EMIGRATED FROM RUSSIA IN THE FIRST YEARS AFTER THE GREAT OCTOBER SOCIALIST REVOLUTION AND THE CIVIL WAR

The article contains information on the fate of Russian morphologists (histologists AA MAaksimov and KN Kulchitsky, embryologist and zoologist KN Davydov, embryologist and immunologist SI Metalnikov) who left Russia after the revolution and the Civil War.

Key words: history of biology, history of medicine, A.A. Maksimov, K.N. Kulchitsky, K.N. Davydov, S.I. Metalnikov.

Революции 1917 года в России (Февральская, затем Великая Октябрьская социалистическая) и последовавшая за ними гражданская война привели к тому, что

работа многих высших учебных заведений была прекращена на длительные сроки, либо серьёзно нарушена, происходила с большими трудностями. Это привело к эмиграции из России (РСФСР, СССР) большого числа представителей научной интеллигенции. Многие из уехавших из страны учёных и преподавателей не смогли полноценно адаптироваться к условиям эмиграции, не смогли встроиться в систему высшего образования других стран, и в дальнейшем стали трудиться на должностях рабочего и обслуживающего персонала (шофёры, официанты, подсобные рабочие и т.д.). Вместе с тем, ряд учёных смогли устроиться на работу по специальности и продолжили свою научно-педагогическую деятельность [13].

Здесь будут приведены страницы из биографий выдающихся российских учёных, которые, уехав из России, успешно продолжили свою профессиональную карьеру, продолжили научно-исследовательскую и преподавательскую деятельность на кафедрах и в лабораториях университетов и исследовательских институтов.

Видный отечественный зоолог и эмбриолог Константин Николаевич Давыдов (1877-1960) после окончания Императорского Санкт-Петербургского университета (1901) был зачислен на работу на кафедру зоологии и сравнительной анатомии университета, а также в лабораторию, основанную выдающимся отечественным эмбриологом А.О. Ковалевским. Здесь он работал до 1918 года, а в 1918 г. его избрали на должность профессора кафедры зоологии Пермского университета [4]. Его научные работы в дореволюционный период посвящались вопросам сравнительной эмбриологии и вопросам регенерации беспозвоночных. Обобщение результатов исследований эмбриологии беспозвоночных содержится в «Курсе эмбриологии беспозвоночных» (1-е издание вышло в 1914 г., 2-е – в 1928 г. в Париже). Он покинул страну в 1922 году. Пробыв недолго в Финляндии и Германии он переехал во Францию, в Париж (воспользовавшись содействием своего друга и коллеги С.И. Метальникова, который уже несколько лет работал в Париже в Институте Пастера). Приехав в Париж, К.Н. Давыдов приступил к научной работе в лаборатории профессора М. Коллери в Сорбонне. Так как это не давало средств к существованию, он некоторое время работал грузчиком, разгружал винные бочки. В Сорбонне он работал до 1925 года, после чего переехал на Юг Франции под Ниццу, где

стал работать на зоологической станции в Виллафранке. Затем он работал в лаборатории морской биологии на юго-западе Франции, а в 1927 году работал в Италии на Неаполитанской станции (на средства гранта Рокфеллеровского фонда). В 1929-1934 гг. он руководил лабораторией морской биологии Океанографического института в Индокитае. Затем он вернулся в Париж, а 1938-1939 гг. снова работал в Индокитае. С 1940 года и до кончины он работал на биологических станциях на юге Франции. Его основные научные работы эмигрантского периода посвящены вопросам сравнительной эмбриологии и зоологии беспозвоночных и позвоночных, вопросам регенерации. Выдающиеся заслуги К.Н. Давыдова в области эмбриологии и зоологии были отмечены его избранием в члены-корреспонденты Парижской академии наук (1949) [4,13].

Крупный отечественный гистолог и государственный деятель Николай Константинович Кульчицкий (1856-1925) покинул Россию в 1921 году и последние годы жизни работал в Англии [1,2,3,5,6]. Мировую известность как гистолог он получил, работая на кафедре гистологии и эмбриологии медицинского факультета Императорского Харьковского университета (которой он руководил с 1889 по 1911 гг.) до ухода в отставку. Его основные научные достижения связаны с исследованием гистологического строения органов нервной системы. Он также являлся автором ряда учебных руководств, среди них: «Основы гистологии животных и человека» (1900), «Учение о микроскопе и технике микроскопического исследования» (1895), каждое из которых выдержало по несколько изданий. За свою научную и учебную деятельность он был награждён орденами святого Станислава 1-й, 2-й и 3-й степеней, орденами святой Анны 2-й и 3-й степеней, орденами Святого Владимира 3-й и 4-й степеней дослужился до чина тайного советника [6]. Но и уйдя в отставку с преподавательской должности он не прекратил активной деятельности. В течение ряда лет он был попечителем Казанского, затем Петроградского учебных округов. Вероятно, это был единственный учёный-гистолог, который в период своей работы в России руководил министерством. С конца декабря 1916 года и до Февральской революции 1917 года он исполнял должность управляющего министерством народного просвещения. В статье Н.М. Аничкова [2] указывается, что в

1910-1912 гг. Н.К. Кульчицкий был министром ирригации, а в 1916-1917 гг. – министром народного просвещения. По поводу указания насчёт Министерства ирригации следует отметить, что Министерства ирригации в России никогда не существовало (был соответствующий отдел в Министерстве земледелия) [9,10]. Что же касается указания Н.М. Аничкова, о том, что Н.К. Кульчицкий был министром народного просвещения, то здесь также нужно пояснение. Между должностью министра и управляющего министерством имеется некоторая разница. Управляющий министерством – это чиновник, который назначен временно на эту должность, но ещё не утверждён в должности министра. В действительности Н.К. Кульчицкий был управляющим Министерства народного просвещения в течение двух месяцев [10]. В 1917 году он был арестован. В заключении пробыл недолго и после освобождения уехал в Харьков (где зарабатывал на жизнь продажей мыла собственного производства), затем в Севастополь. Из Севастополя он в 1919 году перебрался на Мальту (где поселился в Бизерте), но вскоре вернулся в Россию. В 1920 году он с женой и детьми снова покинул Россию и эмигрировал в Тунис, а оттуда в 1921 году переехал в Англию [6]. Дельцова Е.И. [8] ошибочно указывает, что он в Лондоне жил после 1917 года.

В Англии Н.К. Кульчицкий по рекомендации физиолога профессора Эллиота Смита устроился на работу в отдел анатомии Лондонского университета [6]. Следует отметить, что Н.К. Кульчицкий не владел английским языком (Н.М. Аничков ошибочно указывает что Н.К. Кульчицкий сносно владел английским языком [2]), но его высокий профессионализм гистолога позволил ему адаптироваться на новом месте и без знания английского языка. Здесь он продолжает начатую в России работу по исследованию нервных окончаний в мышцах, получает на проведение этих исследований грант. Результаты его исследований нервных окончаний в скелетных мышцах были опубликованы в ведущем морфологическом журнале «Journal of Anatomy» в 1924 году. Эти результаты получили высокую оценку морфологов. Его избирают почётным членом Анатомического общества Великобритании.

Однако успешная научная работа трагически прерывается. 29 января 1925 года в день своего рождения Н.К. Кульчицкий в здании Лондонского университета

по неосторожности падает в шахту неработающего лифта, получает тяжёлые травмы и через сутки умирает [6]. К.К. Васильев и С.В. Павлычева [5] ошибочно указывают, что эта трагедия произошла в Оксфорде. На похоронах Н.К. Кульчицкого его коллега, профессор-физиолог Эллиот Смит в своей речи сказал: «Мы никогда больше не увидим в лаборатории нашего доброго друга. Его трагическая гибель, последовавшая вслед за его не менее трагической жизнью, оставила в наших сердцах горечь личной потери замечательного, мужественного, скромного и любимого человека» [6].

Выдающийся российский гистолог, член-корреспондент Российской академии наук, в течение почти двух десятилетий заведовавший кафедрой гистологии Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге – Петрограде, Александр Александрович Максимов (1874-1928) известен всему миру своими работами по проблеме гистогенеза крови [3,7,8]. В 1909 году на съезде гематологов в Берлине он выдвинул унитарную теорию кроветворения. В дальнейшем эта концепция кроветворения получила всеобщее признание и была развита в трудах российских и иностранных учёных. А.А. Максимов покинул страну в начале 1922 года (по не очень достоверным источникам, он бежал из Петрограда по льду Финского залива на буере). Незадолго до отъезда из России он продал часть своей библиотеки (комплекты иностранных журналов за несколько десятилетий) Пермскому университету [12]. В 1922-1928 гг. он работал в должности профессора кафедры анатомии Чикагского университета. Одновременно с преподавательской деятельностью он возглавлял в этом же университете лабораторию экспериментального изучения тканей. Одним из важных направлений своей деятельности он считал подготовку учебников по гистологии. Учебники А.А. Максимова неоднократно издавались в России и СССР, а также и за рубежом. Так, подготовленный незадолго до смерти учебник гистологии для американских вузов на английском языке после смерти А.А. Максимова выходил в США 7-ю изданиями, 4 издания этого учебника вышли в Испании, одно в Португалии и одно в Корее. Последнее американское издание этого учебника вышло через три десятка лет после смерти автора [3,7,8].

Известный российский зоолог, морфолог и иммунолог Сергей Иванович Метальников (1870-1946) воспитывался в семье отчима, генерала Б.И. Виннера, владельца пороховых и динамитных заводов в Санкт-Петербурге. После окончания Петербургского университета С.И. Метальников был оставлен в университете для подготовки к профессорскому званию. После защиты магистерской диссертации он начал работать в Институте экспериментальной медицины, затем был избран на должность профессора зоологии на естественном факультете петербургских высших женских курсов, затем был назначен директором Биологической лаборатории имени П.Ф. Лесгафта [11]. Его научные исследования в дореволюционный период были посвящены вопросам внутриклеточного пищеварения у беспозвоночных, вопросам сравнительной анатомии и иммунологии [11]. Он был одним из организаторов Крымского университета в Симферополе. После отъезда из Крым он переехал во Францию и с начала 20-х годов работал в Институте Пастера. Здесь направление его научных исследований было посвящено вопросам иммунологии, а также проблемам омоложения и бессмертия. Кроме того он занимался разработкой бактериальных методов борьбы с вредителями сельскохозяйственных культур. Его активная научная деятельность в различных областях биологии и медицины продолжалась до смерти [11]. В 1946 году он умер во Франции (в Мёдоне) в клинике для душевнобольных.

Надо отметить, что эмиграция учёных из России происходила не только после прихода большевиков к власти. Так, крупнейший российский эмбриолог, иммунолог и патолог, уроженец Харьковской губернии Илья Ильич Мечников (1845-1916) уехал из России ещё в конце 19-го века (в 1887 году) и Нобелевскую премию он получил в 1908 году работая во Франции, в Институте, организованным Луи Пастером [3].

А уроженец Бердичевского уезда Киевской губернии, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине за 1952 год, микробиолог и биохимик Ваксман Зельман Абрахам (1888-1973) эмигрировал из России в США в 1910 году [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алёшин Б.В., Сидоренко Е.В. Кафедра гистологии // Очерки истории Харьковского медицинского института. – Харьков, 1969. – С.89-93.
2. Аничков Н.М. Николай Константинович Кульчицкий (1856-1925) // Вопросы морфологии XXI века. Выпуск 1. Сборник научных трудов, посвящённых 100-летию кафедры медицинской биологии СПбГМА им. И.И.Мечникова. Под ред. С.В. Костюкевича. – СПб.: Изд-во ДЕАН, 2008. – С. 51-53.
3. Бабий Т.П., Коханова Л.Л., Костюк Г.Г., Задорожный А.Г., Матвеев С.А., Погребняк Л.П., Теплицкая Е.В., Труханов В.А. Биологи. Биографический справочник. – Киев: Наукова думка, 1984. – 816 с.
4. Бляхер Л.Я. Константин Николаевич Давыдов. – М.: Наука, 1963. – 244 с.
5. Васильев К.К., Павлычева С.В. Гистолог профессор Н.К. Кульчицкий (1856-1925) // Морфология. – 2004. – Т. 125, № 1. – С. 91-92.
6. Голубинов В.В. Казус Кульчицкого: материалы к биографии профессора Н.К. Кульчицкого (1856 – 1925) // Саратовский научно-медицинский журнал. – 2009. – Т. 5, № 3. – с. 454-463.
7. Деев Р.В. Профессор Александр Александрович Максимов: эволюция идей // Гены и клетки. – 2014. – Т.9, № 2. – С. 6-14.
8. Дельцова Е.И., Чайковский Ю.Б., Геращенко С.Б., Акимченков Н.А., Толоконникова Н.Н. Выдающиеся имена в гистологии. Биографический справочник. Русскоязычная версия. – М.: Изд-во ЗАО ФНПП «Ретиноиды», 2006. – 131 с.
9. Колганов А.В., Сухой Н.В., Шкура В.Н., Щедрин В.Н. Развитие мелиорации земель сельскохозяйственного назначения в России // Под ред. В.Н. Щедрина. – Новочеркасск: РосНИИПМ, 2016. – 222 с.
10. Отечественная история: История России с древнейших времён до 1917 года: Энциклопедия. – Том 3. К – М. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 623 с.
11. Ульяновкина Т.И. Сергей Иванович Метальнико (1870-1946) (к 140-летию со дня рождения) // Цитокины и воспаление. – 2010. – Т.9, № 4. – С.54-60.
12. Шевлюк Н.Н., Стадников А.А. Оренбургская научная гистологическая школа: этапы становления и развития (30-е годы XX века – начало XXI века). – Оренбург: Изд-во ОрГМА, 2012. – 476 с.
13. Шмаглит Р.Г. Русское зарубежье в XX веке. 800 биографий. – М.: АСТ: Зебра Е, 2007. – 254 с.

УДК 61(091);61(092)

Н.Г. Шкатова

г. Оренбург

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ КАРДИОЛОГИИ КАК НАУКИ ДО И ПОСЛЕ СОБЫТИЙ 1917 Г.

В статье рассматривается влияние октябрьских событий 1917 г. на формирование и становление кардиологии как самостоятельной отрасли медицины.

Ключевые слова: *Октябрьская революция, события 1917 г., развитие кардиологии, кардиология.*

THE PREREQUISITES FOR THE FORMATION OF CARDIOLOGY AS A SCIENCE BEFORE AND AFTER THE EVENTS OF 1917

In this article the impact of the October events of 1917 on the formation of cardiology as an independent branch of medicine.

Key words: *October Revolution, events of 1917, formation of cardiology, cardiology.*

К концу 1916 г. в России, растерзанной войной, разрухой и голодом, назрел глубокий политический, экономический и социальный кризис. Большие потери солдат и поражения в Первой мировой войне, отсутствие серьезной тактики ее ведения, преобладание выпуска военной продукции над гражданской, рост цен на потребительские товары, отсутствие роста заработной платы, а также извечное желание крестьян отобрать землю у помещиков и прогнать их – все это способствовало еще большему нарастанию недовольства масс и расколу государства. Страна нуждалась в кардинальных переменах.

Перемены требовались не только всем отраслям народного хозяйства. Они также были просто необходимы и здравоохранению, понятия которого, как целостной, развивающейся системы и не существовало до событий 1917 г.

Начало XX в. – непростой период в жизни России. Как признак социально-экономического неблагополучия, не прекращало снижаться количество заболевших сыпным и брюшным тифом, холерой, оспой, туберкулезом, сифилисом, гонореей. Только от этих болезней в стране до 1917 г. умерло несколько десятков, а порой досчитывались до сотен, тысяч людей. В то же время в развивающихся странах Европы и США на первое место среди причин смерти вышли сердечно-сосудистые и онкологические заболевания. Исходя из эпидемического распространения тифа, холеры и сифилиса и в дореволюционное, и в послереволюционное время активно продолжали развиваться уже существующие науки – дерматовенерология

и инфекционные болезни. Продолжали развиваться и внутренние болезни; создавались крупные терапевтические школы в начале XX в.

Иначе дело обстояло с кардиологией. Кардиология заметно моложе многих клинических дисциплин. Она является результатом развития естествознания и научно-технической революции. Само понятие «кардиология» стало употребляться только в 1940-е годы, а окончательно принято только в 1970-е годы.

Нельзя отрицать тот факт, что именно из терапии берет свое начало кардиология. Кардиологии пришлось преодолеть немало трудностей, решать спорные вопросы, чтобы доказать свою самостоятельность и быть признанной.

Начало развития кардиологии в России принято связывать с именами Сергея Петровича Боткина (1832-1889), Григория Антоновича Захарьина (1829-1898) и Алексея Александровича Остроумова (1844-1908). Именно они создали крупнейшие терапевтические школы России, из которых в дальнейшем вышли будущие лидеры кардиологии. Но то был XIX в. В XX в., до событий 1917 г., других два выдающихся терапевта Василий Парменович Образцов (1849-1920) и его ученик Николай Дмитриевич Стражеско (1876-1952) дали новый толчок для развития кардиологии. В 1909 г. они выступили на первом съезде российского общества терапевтов с докладом «К симптоматологии и диагностике тромбоза венечных артерий», где было представлено впервые в мире описание клинической картины инфаркта и озвучена его причина – тромбоз. Доклад вызвал споры и критику. Но именно это указывало на то, что интерес есть, а, значит, грядет появление новой дисциплины [1, 6].

В 1910-1912 гг. крупнейший советский и российский патолог Николай Николаевич Аничков (1885-1912) публикует работы, которые дают начало новым научным направлениям в кардиологии. Он открыл ведущее значение липидов, в частности холестерина, в патогенезе атеросклероза. В 1912 г. Аничков уже выступает со своим докладом. Его теория вызвала ожесточенные споры, и вплоть до 30-х гг. XX в. в России не было ни одного доклада, посвященного данной проблеме.

Стоит отметить еще одного выдающегося человека, основоположника клинической электрокардиографии Владимира Филипповича Зеленина (1881-1968). В

1911 г. он защитил докторскую диссертацию «Изменение электрокардиограммы под влиянием фармакологических средств группы дигиталина», где указал клиническое значение ЭКГ и его роль в распознавании болезней сердца. В дальнейшем, начиная с 1929 г., стал возглавлять кафедру госпитальной терапии 2-го Московского медицинского института, где занимался проблемами аритмий, пороков сердца и гипертонической болезни. Он же является автором фундаментального руководства по болезням сердечно-сосудистой системы [2].

Все эти выдающиеся ученые, совместно с практикующими докторами, пытались донести до правящих кругов необходимость создания эффективной национальной системы здравоохранения; во главу угла нужно ставить именно здоровье населения своей страны. Пренебрежение человеческой жизнью во имя достижения светлых идеалов стало настолько обыденным, что здоровье перестало иметь какую-либо ценность. Но все их попытки в большинстве своем были тщетны, заранее обречены на неудачу, поскольку правительство предпринимало крайне недостаточные меры для улучшения здоровья населения, предотвращения эпидемий, устранения голода. В очередной раз все понимали, что нужны перемены.

Но вот наступил 1917 г., судьбоносные события которого коренным образом изменили социально-экономическое и политическое положение в стране. Они внесли разруху в быт населения, их жизнь, отразились на общем состоянии здоровья людей.

Нельзя сказать, что Октябрьская революция изменила положение страны в лучшую сторону. Она повлекла за собой масштабные изменения, повлиявшие на всю страну. За революцией последовала гражданская война, а вместе с ней и огромные бедствия. Люди погибали не только в боях, но и продолжали умирать от эпидемий, болезней и голода. Страна несла колоссальные потери. Не хватало медикаментов, медицинского оборудования и техники, высококвалифицированных кадров, больниц. В научной деятельности произошел спад. Тем более не стоит в данном контексте говорить о развитии кардиологии.

Но революция была своего рода толчком, глотком свежего воздуха, надеждой на светлое будущее и перемены. Уже с приходом к власти большевиков начался

процесс становления системы здравоохранения. Постепенно продолжает развиваться медицинская научная деятельность. Исследования в эти годы не прекращаются, но происходит поворот медицины от науки к практике. Кардиологии, как самостоятельной отрасли медицины, еще по-прежнему не существовало, однако продолжали свою деятельность терапевтические школы, работающие по многим направлениям, в том числе и по кардиологии.

Продолжает свою работу по теории атеросклероза Н.Н. Аничков, который совместно с другим выдающимся терапевтом Георгием Федоровичем Лангом (1875-1948) провел четырехлетнее (1933-37гг.) исследование атеросклероза в группе из 600 человек. Они же впервые в мире назвали факторы риска. Будучи заведующим кафедрой факультетской терапии 1-го Ленинградского медицинского института, Г.Ф. Ланг разработал учение о гипертонической болезни, как самостоятельной нозологической форме [3]. В 1935 г. он предложил общепринятую классификацию сердечно-сосудистых заболеваний, а также выпустил руководство по болезням кровообращения.

Начиная с 1940-1950-х годов можно говорить о начале нового этапа в становлении кардиологии. Этот этап связан с развитием технологий и приобретением новых знаний и навыков по хирургии. В 1948 г. академиком Александром Николаевичем Бакулевым и профессором Евгением Николаевичем Мешалкиным была проведена первая операция на сердце при врожденном пороке – закрытие открытого артериального протока. В дальнейшем А.Н. Бакулев совместно с А.В. Гуляевым выполнил первые операции при стенотических пороках сердца ревматического происхождения [4].

1960-1970-е гг. являются выдающимися в кардиологии. В это время появляются специализированные научные общества, создается журнал «Кардиология», проводятся кардиологические съезды и научные конференции. Термин «Кардиолог» и «Кардиология» получили официальное признание и право на существование. Такие перемены в отечественной кардиологии произошли по инициативе выдающегося терапевта Александра Леонидовича Мясникова (1899-1965). Он возглавлял академический Институт терапии, переименованный в 1967 г. в Институт

кардиологии АМН СССР им. А.Л. Мясникова. А.Л. Мясников занимался проблемами атеросклероза, гипертонической болезни, вопросами коронарной недостаточности. В своей монографии «Гипертоническая болезнь» развил выдвинутую Г.Ф. Лангом теорию о нейрогенной природе этого заболевания, внес поправки в классификацию [5]. В 1965 г. за исследования гипертонической болезни и атеросклероза получил высшую награду Международного кардиологического общества «Золотой стетоскоп».

В те же годы создаются первые противоишемические бригады, и борьба с инфарктами становится одним из важнейших направлений в кардиологии. Появляются доклады о терапии инфаркта и его осложнениях, о маркерах инфаркта и хирургическом лечении ишемической болезни сердца, о коронарографии и тромболитической терапии.

Дальнейшее развитие кардиологии связано с формированием кардиологических научных школ, пополнением уже имеющегося багажа знаний новыми исследованиями и открытиями. Кардиология стала не только самостоятельной специальностью, но и одним из приоритетных направлений отечественного здравоохранения [7].

Октябрьская революция положила начало глубоким, всеохватывающим переменам в жизни людей, в жизни всей страны. До сих пор нет единого мнения, насколько положительное и отрицательное влияние оказали события 1917 г. на жизнь страны и медицины как науки. Однако с уверенностью можно сказать, что именно после октябрьских событий стало уделяться больше внимания медицине и здоровью населения. Именно революция является исходной точкой на пути к становлению здравоохранения, как целостной системы, и она же послужила началом формирования многих медицинских дисциплин, в том числе кардиологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. История российского кардиологического общества // Российское кардиологическое общество. 2013. – Режим доступа: URL: <http://www.scardio/obschestvo/istoriya/> (дата обращения 11.11.2017).

2. Зеленин В.Ф. Болезни сердечно-сосудистой системы / В.Ф. Зеленин. – М.: Медгиз, 1956. – 332 с.
3. Ланг Г.Ф. Болезни системы кровообращения / Г.Ф. Ланг. – Л.: Медгиз, 1938. – 438 с.
4. Бакулев А.Н. Врожденные пороки сердца / Е.Н. Мешалкин. – М.: Медгиз, 1955. – 416 с.
5. Бородулин В.И. К истории становления кардиологии в СССР как самостоятельной научно-учебной дисциплины и врачебной специальности и о роли кардиохирургии в этом процессе / В.И. Бородулин, С.П. Глянцев, А.В. Тополянский // История медицины. – 2015. – Т.2. №3. – С. 351-359.
6. Образцов В. П. К симптоматологии и диагностике тромбоза венечных артерий сердца. / В.П. Образцов, Н.Д. Стражеско. – М., 1910. – С. 26-43.
7. Бородулин В.И. Этапы становления и дальнейшего развития отечественной кардиологии. Часть 1 / В.И. Бородулин, С.П. Глянцев, А.В. Тополянский // История медицины. – 2014. – №4. – С.40-47.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамова Ирина Евгеньевна, профессор, доктор политических наук, профессор кафедры истории и философии Ростовского государственного медицинского университета (Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону).

Акимов Александр Владимирович, доцент, кандидат медицинских наук, доцент кафедры оториноларингологии Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: akimov.59@list.ru

Антохин Евгений Юрьевич, доцент, кандидат медицинских наук, заведующий кафедрой клинической психологии и психотерапии Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: antioh73@yandex.ru

Апрелев Александр Евгеньевич, доцент, доктор медицинских наук, заведующий кафедрой офтальмологии Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: k_ophtalm@orgma.ru

Астафьев Игорь Владимирович, доцент, кандидат медицинских наук, доцент кафедры офтальмологии Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: k_ophtalm@orgma.ru

Афонина Светлана Николаевна, доцент, кандидат медицинских наук, доцент кафедры биологической химии Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург).

Барбашова Юлия Сергеевна, студентка Смоленского государственного медицинского университета (Смоленская обл., г. Смоленск), e-mail: juliabarbashova48@gmail.com

Барков Владимир Николаевич, доцент, кандидат медицинских наук, доцент кафедры стоматологии и челюстно-лицевой хирургии Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: mirumir_2004@mail.ru

Бархатова Людмила Алексеевна, доцент, кандидат медицинских наук, доцент кафедры общей и коммунальной гигиены Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: k_com.gig@orgma.ru

Бендрикова Альбина Юрьевна, доцент, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Философия и социология» Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (Алтайский край, г. Барнаул), e-mail: Bendrikova-a@mail.ru

Борщук Евгений Леонидович, профессор, доктор медицинских наук, заведующий кафедрой общественного здоровья и здравоохранения №1 Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: be@orgma.ru

Брагиров Глеб Борисович, доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: gl.br2011@yandex.ru

Будза Владимир Георгиевич, профессор, доктор медицинских наук, Заслуженный врач РФ, заведующий кафедрой психиатрии, медицинской психологии Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: budda_@orgma.ru

Васильева Анастасия Валерьевна, студентка медико-профилактического факультета Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: ktkbr95@yandex.ru

Верещагин Николай Николаевич, профессор, доктор медицинских наук, профессор кафедры эпидемиологии и инфекционных болезней Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: k_epidem@orgma.ru

Волошина Лариса Анатольевна, кандидат исторических наук, преподаватель отделения непрерывного и дополнительного образования Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: larisal2007@yandex.ru

Воронина Александра Евгеньевна, кандидат медицинских наук, доцент кафедры офтальмологии Оренбургского государственного медицинского университета, заведующая по учебной части Оренбургского филиала ФГАУ "МНТК "Микрохирургия глаза" им. акад. С.Н. Федорова" (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: k_ophtalm@orgma.ru

Вялкова Альбина Александровна, профессор, доктор медицинских наук, заведующая кафедрой факультетской педиатрии, эндокринологии Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: k_pediatriy@orgma.ru

Галлямова Ильвира Ильвировна, клинический ординатор 1 года обучения Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: ilvira9088@mail.ru

Горбунов Алексей Александрович, кандидат медицинских наук, доцент кафедры офтальмологии Оренбургского государственного медицинского университета, заместитель директора по лечебной работе Оренбургского филиала ФГАУ "МНТК "Микрохирургия глаза" им. акад. С.Н. Федорова" (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: k_ophtalm@orgma.ru

Горина Ольга Александровна, студентка медико-профилактического факультета Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: k_epidem@orgma.ru

Гресь Сергей Михайлович, доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Гродненского государственного медицинского университета (Беларусь, Гродненская обл., г. Гродно).

Григорян Андрей Александрович, студент Смоленского государственного медицинского университета (Смоленская обл., г. Смоленск), e-mail: fghsasasa@mail.ru

Дворецкий Никита Николаевич, студент Смоленского государственного медицинского университета (Смоленская обл., г. Смоленск), e-mail: nikkidv@yandex.ru

Друзь Владимир Федорович, доцент, кандидат медицинских наук, доцент кафедры психиатрии, медицинской психологии Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: budda@orgma.ru

Дуйсенбаева Айслу Ногашибаевна, аспирант кафедры общественного здоровья и здравоохранения №1 Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г.

Оренбург), e-mail: be@orgma.ru

Ермакова Марина Аркадьевна, доцент, кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой физической культуры Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: Ermakova-m@mail.ru

Есипов Вячеслав Константинович, профессор, доктор медицинских наук, Заслуженный врач РФ, заведующий кафедрой общей хирургии Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: k_osuergery@orgma.ru

Железнова Алла Дмитриевна, доцент, кандидат медицинских наук, доцент кафедры патологической физиологии Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: zheleznova66@mail.ru

Жеребятъева Светлана Романовна, доцент, кандидат медицинских наук, доцент кафедры сердечно-сосудистой, рентгенэндоваскулярной, оперативной хирургии и топографической анатомии Рязанского государственного медицинского университета имени академика И.П. Павлова (Рязанская обл., г. Рязань), e-mail: pferdin@mail.ru

Журавлев Александр Алексеевич, доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И.П. Павлова, (г. Санкт-Петербург), e-mail: crane_62@mail.ru

Завадская Анастасия Викторовна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой русского языка Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: a.v.zavadskaya@gmail.com

Зарубинская Любовь Григорьевна, доцент, кандидат медицинских наук, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения №1 с курсом истории медицины Ростовского государственного медицинского университета (Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону), e-mail: fux1@ya.ru

Зеленина Лариса Васильевна, доцент, кандидат медицинских наук, доцент кафедры общей и коммунальной гигиены Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: Laria70@mail.ru

Зимин Игорь Викторович, профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории Отечества Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И.П. Павлова, (г. Санкт-Петербург), e-mail: crane_62@mail.ru

Исеркепова Ания Маратовна, ассистент кафедры офтальмологии Оренбургского государственного медицинского университета, врач-офтальмолог Оренбургского филиала ФГАУ "МНТК "Микрохирургия глаза" им. акад. С.Н. Федорова" (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: k_ophtalm@orgma.ru

Калинина Татьяна Николаевна, доцент, кандидат медицинских наук, доцент кафедры эпидемиологии и инфекционных болезней Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: k_epidem@orgma.ru

Камалова Ольга Николаевна, кандидат философских наук, кафедры истории и философии Ростовского государственного медицинского университета (Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону).

Каримов Марат Ахмадович, студент лечебного факультета Башкирского государственного медицинского университета (Республика Башкортостан, г. Уфа), e-mail: maratuka1994@gmail.com

Карпенко Ирина Леонидовна, доцент, кандидат медицинских наук, доцент кафедры общей и коммунальной гигиены Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: k_com.gig@orgma.ru

Кибасова Галина Петровна, профессор, доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии Волгоградского государственного медицинского университета (Волгоградская обл., г. Волгоград), e-mail: galina-kibasova@ayndex.ru

Киньябулатов Азат Уранович, доцент, кандидат медицинских наук, доцент кафедры общественного здоровья и организации здравоохранения с курсом ИДПО Башкирского государственного медицинского университета (Республика Башкортостан, г. Уфа), e-mail: azatur3@yandex.ru

Козлова Елена Сергеевна, ординатор второго года обучения кафедры офтальмологии Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: k_ophtalm@orgma.ru

Корнеев Алексей Геннадьевич, доцент, кандидат биологических наук, доцент кафедры эпидемиологии и инфекционных болезней Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: proletela@mail.ru

Коршунова Раиса Викторовна, очный аспирант второго года обучения, кафедры офтальмологии Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: k_ophtalm@orgma.ru

Кракосевич Евгения Александровна, студентка Смоленского государственного медицинского университета (Смоленская обл., г. Смоленск), e-mail: evgeniya.krakosevich2013@mail.ru

Кряжев Дмитрий Александрович, кандидат медицинских наук, старший преподаватель кафедры общей и коммунальной гигиены Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: k_com.gig@orgma.ru

Кузнецова Ольга Викторовна, старший преподаватель кафедры биофизики и математики Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: orenhome@mail.ru

Курлаев Пётр Петрович, профессор, доктор медицинских наук, Заслуженный врач РФ, профессор кафедры общей хирургии Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: k_osurgery@orgma.ru

Лебедева Елена Николаевна, доцент, кандидат биологических наук, доцент кафедры биологической химии Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: lebedeva.e.n@mail.ru

Леонтьева Евгения Анатольевна, доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания Оренбургского государственного педагогического университета (Оренбургская обл., г. Оренбург).

Лобанов Александр Юрьевич, кандидат медицинских наук, заведующий научно-медицинской библиотекой Московского областного научно-исследовательского клинического института им.

М.Ф. Владимирского (МОНИКИ) (г. Москва), e-mail: allobanov@rambler.ru

Лопарева Марина Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры биофизики и математики Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: lopa-marina@yandex.ru

Лутцев Михаил Вячеславович, доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Оренбургского государственного аграрного университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: philosophyOGAY@yandex.ru.

Ляшенко Анна Александровна, старший преподаватель кафедры физической культуры Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: liashenkoanna@yandex.ru

Ляшенко Ирина Эдуардовна, доцент, кандидат медицинских наук, доцент кафедры микробиологии, вирусологии, иммунологии Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: k_microbiology@orgma.ru

Матвеев Антон Сергеевич, ординатор первого года обучения Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: antonmsergeevih@mail.ru

Матчин Александр Артемьевич, профессор, доктор медицинских наук, Заслуженный врач РФ, заведующий кафедрой стоматологии и челюстно-лицевой хирургии Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: almatchin@bk.ru

Матчина Ольга Игоревна, доцент, кандидат медицинских наук, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения №1 Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: almatchin@bk.ru

Мачнева Ирина Викторовна, старший преподаватель кафедры биологической химии Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: machnewa2017@yandex.ru

Мелехин Виктор Андреевич, доцент, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (Алтайский край, г. Барнаул).

Миляева Кристина Сергеевна, студентка медико-профилактического факультета Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: kristishka1994@mail.ru

Мишучков Андрей Александрович, доцент, кандидат философских наук, научный сотрудник Оренбургской Духовной семинарии (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: unitatem@mail.ru

Мишучкова Анна Владимировна, кандидат исторических наук, педагог отдела по работе с одарёнными детьми Оренбургского областного детско-юношеского многопрофильного центра (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: anna-mishuchkova@yandex.ru

Нагорная Светлана Владимировна, кандидат медицинских наук, ст. преподаватель кафедры философии, биоэтики, истории медицины и социальных наук Смоленского государственного медицинского университета (Смоленская обл., г. Смоленск), e-mail: svetlalna_nagor@mail.ru

Начкина Виктория Сергеевна, старший лаборант кафедры истории Отечества Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: k_history@orgma.ru

Огурцова Екатерина Викторовна, старший лаборант кафедры стоматологии и челюстно-лицевой хирургии Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: almatchin@bk.ru

Панфилова Татьяна Владимировна, доцент, кандидат медицинских наук, доцент кафедры патологической физиологии Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: k_pathphys@orgma.ru

Паренькова Ольга Рудольфовна, кандидат медицинских наук, доцент кафедры истории медицины Московского государственного медицинского стоматологического университета им. А.И. Евдокимова (МГМСУ) (г. Москва), e-mail: oparenkova@gmail.com

Пахомов Андрей Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: Andrei-v-pahomov@yandex.ru

Плотникова Ирина Геннадьевна, ассистент кафедры биофизики и математики Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: irinaplotnikova1@inbox.ru

Приказчикова Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры общих правовых дисциплин и политологии Оренбургского государственного университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: olgaprik@bk.ru

Окопная Олеся Павловна, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры русского языка № 2 подготовительного факультета по обучению иностранных граждан Ростовского государственного медицинского университета (Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону), e-mail: Olesia-81@yandex.ru

Савицкий Георгий Владимирович, доцент, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории Отечества Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: sgv1973@mail.ru

Самойлов Михаил Иванович, кандидат медицинских наук, доцент кафедры эпидемиологии и инфекционных болезней Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: samoylovmikhail@gmail.com

Сарычева Юлия Александровна, кандидат медицинских наук, доцент кафедры патологической физиологии Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: k_pathphys@orgma.ru

Ситкевич Сергей Анатольевич, доцент, кандидат исторических наук, зав. кафедрой социально-гуманитарных наук Гродненского государственного медицинского университета (Беларусь, Гродненская обл., г. Гродно), e-mail: sitkev@mail.ru

Склярова Елена Константиновна, доцент, доктор исторических наук, доцент кафедры истории и философии Ростовского государственного медицинского университета (Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону), e-mail: affina18@mail.ru

Соколова Елена Александровна, доцент, кандидат педагогических наук, заместитель директора Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Рязанская обл., г. Рязань), e-mail: sokolova-umu@yandex.ru

Старчикова Маргарита Валерьевна, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук Алтайского государственного медицинского университета (Алтайский край, г. Барнаул), e-mail: margarita104@yandex.ru

Столяр Ирина Андреевна, студентка лечебного факультета Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: obby031097@gmail.com

Теремов Даниил Дмитриевич, студент Смоленского государственного медицинского университета (Смоленская обл., г. Смоленск), e-mail: daniilteremov@mail.ru

Токарева Анастасия Алексеевна, ассистент кафедры патологической физиологии Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: k_pathphys@orgma.ru

Фролов Борис Александрович, профессор, доктор медицинских наук, Заслуженный работник Высшей школы РФ, заведующий кафедрой патологической физиологии Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: k_pathphys@orgma.ru

Худоногов Игорь Юрьевич, кандидат медицинских наук, старший преподаватель кафедры общественного здоровья и здравоохранения №1 с курсом истории медицины Ростовского государственного медицинского университета (Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону), e-mail: fox1@ya.ru

Чалая Елена Борисовна, кандидат медицинских наук, доцент кафедры психиатрии, медицинской психологии Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: 261007@bk.ru

Четвериков Сергей Алексеевич, ведущий архивист отдела ПиНИД Государственного архива Оренбургской области (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: Serg_17@mail.ru

Чиждова Марина Борисовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической психологии и психотерапии Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: chiztim@list.ru

Чупров Александр Дмитриевич, профессор, доктор медицинских наук, профессор кафедры офтальмологии Оренбургского государственного медицинского университета, директор Оренбургского филиала ФГАУ "МНТК "Микрохирургия глаза" им. акад. С.Н. Федорова" (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: k_ophtalm@orgma.ru

Шарафутдинова Кадрия Ильдаровна, студентка лечебного факультета Башкирского государственного медицинского университета (Республика Башкортостан, г. Уфа), e-mail: flexstudent@yandex.ru

Шкатова Наталья Геннадьевна, ассистент кафедры пропедевтики внутренних болезней Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: natasha_shkatova@mail.ru

Шашмурина Анна Борисовна, студентка Смоленского государственного медицинского университета (Смоленская обл., г. Смоленск), e-mail: Shashmurina.ifivehbyf2011@yandex.ru

Шевлюк Николай Николаевич, профессор, доктор биологических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры гистологии, цитологии и эмбриологии Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: k_histology@orgma.ru

Щеглова Мария Игоревна, ассистент кафедры философии Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: mashylena@mail.ru

Юдина Татьяна Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Оренбургского государственного медицинского университета (Оренбургская обл., г. Оренбург), e-mail: t.yudina82@list.ru

Ярмолович Денис Александрович, студент лечебного факультета Гродненского государственного медицинского университета (Беларусь, Гродненская обл., г. Гродно).